

ЦЕНТР КОНСЕРВАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАФЕДРА СОЦИОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Материалы семинаров, конференций и интервью
по политологии и политике в современном мире

ВЫПУСК 5

Евразийское движение
Москва
2013

ББК 66

Ч 52

*Печатается по решению
кафедры социологии международных отношений
социологического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова*

Главный редактор

Профессор социологического факультета МГУ, д. пол. н. А. Г. Дугин

Редактор-составитель

Н. Сперанская

Научно-редакционная коллегия

Д. ист. н. В. Э. Багдасарян, Альберто Буэла (Аргентина),
Флавиу Гонсалвес (Португалия), д. филос. н. И. П. Добаев,
д.ф. н. А. К. Мамедов, к. ю. н. В. И. Карпец, к. филос. н. Н. В. Мелентьева,
Мехмет Перинчек (Турция),
Матеуш Пискорски (Польша), д. филос. н. Э. А. Попов,
Пшемислав Серадзан (Польша), к. филос. н. В. В. Черноус

Ч 52 **Четвертая Политическая Теория:** Материалы семинаров, конференций и интервью по политологии и политике в современном мире (вып. 5) / [под. ред. А. Г. Дугина; Ред.-сост. Н. Сперанская]. — М.: Евразийское движение, 2013. — 384 с., ил.

Сборник составлен на основе текстов, докладов, статей и конференций, посвященных дальнейшей разработке Четвертой Политической Теории.

ISSN 2227-1066

ББК 66

© «Евразийское движение», оформление, 2013

© Авторы, тексты докладов и статей, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. К дальнейшей разработке Четвертой Политической Теории

<i>Александр Дугин. Четвертая Политическая Теория и политическая идея Ирана.....</i>	<i>7</i>
<i>Александр Дугин. Ален Сораль и Четвертая Политическая Теория</i>	<i>15</i>
<i>Александр Дугин. Басилеология Владимира Карпца и Четвертая Политическая Теория</i>	<i>29</i>
<i>Александр Дугин. Четвертая Политическая Теория: в сторону Черной Испании</i>	<i>37</i>
<i>Александр Дугин. Четвертая Политическая Теория: критика расизма, исследование субъекта, новые горизонты</i>	<i>55</i>
<i>Александр Дугин. Неистовый гуманизм барона Унгерна</i>	<i>77</i>
<i>Натэлла Сперанская. Четвёртая Политическая Теория и «другая Европа».....</i>	<i>91</i>
<i>Александр Бовдунов. Выиграть в битве за ангела</i>	<i>103</i>
<i>Валерий Коровин. Евразийский солидаризм: имперский принцип регионального развития.....</i>	<i>117</i>
<i>Анастасия Ковалева. Четвертая Политическая Теория как Логос полицентричного мира</i>	<i>125</i>
<i>Илья Дмитриев. 4ПТ в масштабе международных отношений: многополярность, международное право, решение</i>	<i>129</i>
<i>Natella Speranskaya. Eurasia and Europe: Dialogue of «Big Spaces».....</i>	<i>135</i>
<i>Mario Forgione. The relationships between Hearthland and Rimland on the rising of the multipolar system.....</i>	<i>145</i>
<i>Orazio Maria Gnerre. The mediterranean role of Italy in the European and continental scenario</i>	<i>153</i>
<i>Giuseppe Esposito. Mediterranean Perspective: Italy and Russia</i>	<i>157</i>

ЧАСТЬ II. THE FOURTH POLITICAL THEORY (INTERVIEW)

An interview with Manuel Ochsenreiter.....	171
An interview with Claudio Mutti.....	177
An interview with Alexander Lloyd Curran	179
An interview with Felix H. Widerstand	181
An interview with Christopher Hayes.....	185
Alexander Dugin on The Big Game — and its Greek and Cypriot «Chapter»	189
An Interview with Manuel Ochsenreiter.....	201
An Interview with Dari Dougina	209
An interview with Natella Speranskaya.....	215
Интервью с Александром Дугиным	221
Борис Над: нашим проектом политического будущего должна стать Эра Евразии.....	231

ЧАСТЬ III. ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

<i>Карл Хаусхофер. Геополитическая динамика меридианов и параллелей</i>	241
<i>Юлиус Эвола. Пришествие «пятого сословия»</i>	247
<i>Клаудио Мутти. Полярный Эльбрус.....</i>	253
<i>Клаудио Мутти. Император и теолог.....</i>	257
<i>Мирча Элиаде. Renovatio seculi</i>	285
<i>Наталья Мелентьева. Социалисты филадельфийского обряда.....</i>	293
<i>Владимир Карпец. Социал-монархизм.....</i>	297
<i>Роберт Стойкерс. Атлантида, Куш и Туран: доисторические матрицы древних цивилизаций в посмертном труде Шпенглера.....</i>	311
<i>Максим Медоваров. Загадки Шпенглера</i>	319
<i>Максим Медоваров. Юстус Мёзер — предтеча консервативной социологии</i>	331
<i>Антон Враний. «Третий путь» Ирана</i>	337
<i>Alain de Benoist. Nationalism: Phenomenology & Critique</i>	367
<i>Thorsten Botz-Bornstein. Russia, Japan, China, and the Resistance to Modernity: Eurasianism and Pan-Asianism Revisited</i>	372

Часть I

К дальнейшей разработке Четвертой Политической Теории

Александр Дугин

Четвертая Политическая Теория

и политическая идея Ирана

(предисловие к иранскому изданию)

Книга «Четвертая Политическая Теория», лежащая перед вами, посвящена анализу той ситуации, в которой мы оказались в 21 веке в области политических идеологий и философии политики. Ее отправной точкой является убеждение, что классические политические теории исчерпали себя и более не пригодны для ориентации в мире политики. Закончился XX век, завершилась эпоха того, что в социологии и политологии принято называть Модерном, то есть «современным миром». И вместе с этим иссякла энергия и притягательность большинства классических политических учений. Для того чтобы понять насколько глубок кризис идеологий в нашем мире, мы предлагаем свести все многочисленные их разновидности к трем главным: либерализм, коммунизм и национализм (фашизм). Соответственно, мы называем их (по очередности появления и оформления в законченные модели) первой, второй и третьей политическими теориями.

Судьба этих учений различна. Возникший первым либерализм сохранился до сих пор и претендует на то, что на сегодняшний день он остается единственной общепринятой «универсальной» парадигмой, доминирующей в глобальном масштабе. Однако, при этом, оставшись без традиционных идеологических соперников, либерализм качественно изменился и на глазах превращается в нечто иное. Это первая политическая теория и последняя, в то же время просуществовавшая дольше остальных.

Вторая политическая теория, марксизм, также уходящая корнями в Новое время, эпоху Просвещения и атеистическо-

материалистическую культуру Запада, набрала силу к началу XX века, достигла апогея к середине этого века и резко сошла на нет к его концу. Марксизм составил серьезную альтернативу либерализму, но выиграть у него битву за современность не сумел. Тем самым марксизм оказался не тем, за что он себя выдавал и за что его принимали другие — это была не следующая за капитализмом политическая формация, социализм, а отклонение на пути движения капитализма к планетарному господству. Уже одно это требует от нас глубокого пересмотра марксизма и всей левой мысли с учетом нашего нынешнего знания о судьбе социалистических обществ в 21 веке.

Наконец, националистические режимы — фашизм в Италии, национал-социализм в Германии, франкизм в Испании и национал-синдикализм в Португалии — появились позднее остальных и просуществовали короткий срок, унеся вместе с собой в могилу свою теоретическую базу. Эпоха третьей политической теории оказалась самой короткой.

Но все эти три политические теории основывались на западноевропейских ценностях Модерна, взятых в разной комбинации и пропорциях. Все они несли в себе западноцентричный взгляд на мир, исходили из идей прогресса, эволюционизма, секуляризма, материализма и атеизма.

В конце 21 века течение Постмодернизма поставило под сомнение универсальность западных ценностей, обнаружив их противоречие с многообразием политических теорий и философских культур в других неевропейских обществах. Тем самым идейные основания классических политических теорий были подорваны. Рефлексии относительно их истоков привели к выводу о том, что их претензии на «очевидность» и «универсальность» являются фикциями и формами идейного колониализма. Область политической философии постепенно стала превращаться в вакуум. Отдельные авторы заговорили о том, что политика вообще должна постепенно отмереть, уступив место экономике. Это означало бы «конец истории» (Ф.Фукуяма).

В любом случае, сегодня мы имеем дело с агонизирующей и все менее привлекательной либеральной теорией, связанной с американской гегемонией и глобализмом, у которой не осталось более никаких классических и разделяемых широкими средами альтернатив.

Но в тоже время и сама эта теория на глазах распадается, становится противоречивой, утрачивает свою связность, свою энергетику, свою привлекательность. Именно это и стало главным импульсом для того, чтобы поставить вопрос о Четвертой Политической Теории — по ту сторону либерализма, коммунизма и национализма.

То, что моя книга выходит в Иране, стране, которую я искренне люблю и чьей древней духовной культурой давно восхищаюсь, имеет большое значение. Во-первых, я убежден, что сегодня как никогда важен русско-иранский диалог по самому широкому спектру вопросов — начиная с философии, богословия, социологии, геополитики, политологии. Наши страны оказались в сходных условиях в сложной структуре современного мира: и Иран и Россия отвергают глобализацию и однополярный американоцентричный мир; и Иран и Россия стоят за диалог культур и цивилизаций, убежденные в том, что только многополярное мировое устройство является справедливым; и Иран и Россия имеют древние самобытные культуры, сформировавшие уникальные и оригинальные ценностные системы, требующие защиты, сохранения и нового утверждения перед лицом универсализации, вестернизации и глобализации. У нас общие стратегические ориентиры и общие угрозы. Сама судьба и наше географическое положение толкают нас к тому, чтобы быть вместе. А это предполагает в первую очередь тесное общение и глубокий диалог интеллектуальных элит. Сближение должно начинаться с области духа, мысли, философии, тогда и на всех остальных, более материальных, уровнях выстроятся гармония, взаимопонимание и сотрудничество.

Во-вторых, Иран не относится ни исторически, ни географически к западному миру, и, следовательно, всегда с сомнением относился и относится сегодня к импорту западных идеологий — секулярных, материалистических, атеистических и прагматических, противоречащих самому духу иранской духовной самобытной и глубоко религиозной культуры. Будучи центральноазиатской страной с острым чувством собственного достоинства и своей уникальности, Иран не может не быть заинтересован в подрыве монополии на политическое мышление западноевропейских и американских политических систем и идеологий. Деколонизация предполагает не только избавление от внешнего административного управления и политического

диктата, но и освобождение от чуждых и навязанных философий, политических и социальных историй, научных методологий, основывающихся на совершенно ином историческом опыте. Сегодня США ставят своей целью то, что американская военная доктрина называет Full Spectreum Domination, то есть «полно-спектровая доминация». Помимо полного господства на земле, на воде, в воздухе и в космическом пространстве вооруженных сил США, это включает в себя и управление умами людей, подчиненность определенным философским, гносеологическим и эпистемологическим парадигмам, сконструированным Западом и навязанным всем остальным. Все три классические политические теории и особенно либерализм являются продуктами именно такого конструирования и навязываются всему миру как одна из составляющих стратегии «полно-спекрового доминирования». Поэтому одна из задач освобождения от господства внешней силы — это критическое осмысление и выкорчевывание политических теорий, созданных на Западе и служащих для целей духовной и культурной колонизации всех остальных обществ планеты.

В-третьих, современный Иран, построенный после Июльской революции, представляет собой уникальное политическое явление, не вписывающееся по своим основным параметрам в три классические западные политические теории, которые разбираются в данной книге и отвергаются как неприемлемые и исчерпавшие свой потенциал. Это значит, что тот политический режим, который сложился в современном Иране, представляет собой на практике нечто, имеющее к Четвертой Политической Теории самое прямое отношение. Иранская религиозная демократия с акцентом на социальной справедливости и соучастии всего населения в управлении государством является уникальным примером того, чем могли бы быть политические режимы, относящиеся к Четвертой Политической Теории и в других странах.

Четвертая Политическая Теория отвергает Модерн в его секулярной, атеистической, индивидуалистической, материалистической версии. И предлагает снова обратиться к ценностям традиционного общества — к религии, богословию, идеалистической философии, общинности, органической коллективности и даже мистике. При этом отдельные чисто технические стороны Модерна — экономиче-

ское развитие, технологический рывок, создание мощной современной энергетики, системы массовых коммуникаций и т. д., напротив, активно приветствуются. Таким образом, это не просто возврат в прошлое, чистый консерватизм, хотя Четвертая Политическая Теория и относится к консервативным ценностям в целом позитивно, но еще и рывок в будущее. В основе Четвертой Политической Теории лежит не обращение к прошлому, но обращение к вечному: к вечным ценностям, к вечной жизни, к сохранению вечного миропорядка. А вечность равноудалена как от прошлого, так и от настоящего и будущего. Все типы времени равны перед лицом вечности.

И если что-то мы берем из прошлого, то что-то можем вполне конструировать, создавать заново. Консерватизм в религии, духовной культуре и обычаях, и модернистический рывок в сфере техники, социальной справедливости, экономического и энергетического развития. Это, скорее, Консервативная Революция.

И что же мы видим в современном Иране? Как раз нечто подобное: сочетание верности религиозным основам ислама и бурное экономическое развитие, древние иранские устои и мощную самостоятельную энергетику, вооруженные силы, средства коммуникации.

Есть, конечно, сегодня в Иране те, кто видят путь развития в странах Запада, в либерализме и вестернизации иранского общества. Мы в России прошли этот соблазн. И наш опыт показывает, что это дает очень слабые результаты, а стоит гигантской цены. СССР старался уничтожить религию, выкорчевать с корнем древний народный уклад, превратить крестьянство в городской пролетариат, превратить аграрную страну в индустриальную державу. Это удалось ценой колоссальных жертв. Но простояла эта грандиозная конструкция, созданная на гордыне и безбожии, совсем не долго. Затем наступил период либеральных реформ в 90-е годы 20 века. Он привел к распаду страны, социальному расслоению и деградации общества. Так что Запад и модернизация ничего хорошего в Россию не приносили. Ничего не дадут они и Ирану. Напротив, сегодня Иран оказался в уникальном положении перед лицом глобального экономического кризиса именно благодаря политике его властей на самостоятельность, строгому следованию духовным и религиозным принципам, нормативам иранской культуры, проведению независимой линии в международных вопросах. Ставка на ценности

Июльской революции и сплоченность вокруг религиозных и политических лидеров Ирана — залог успеха. Попытки уступить соблазнам вестернизации — путь вникуда. Это мое глубокое убеждение.

Вместе с тем, я надеюсь, что иранская интеллектуальная элита сможет увидеть в Четвертой Политической Теории, в Консервативной Революции и евразийстве, не только узнаваемые черты того режима, который существует в современном Иране на практике, но и некоторые новые черты, идеи, принципы и концепции. Это позволит расширить поле диалога политических кругов Ирана с другими силами — в России, странах СНГ и в иных цивилизационных контекстах. Сегодня альтернативу либерализму и американскому империализму ценностей, культурной гегемонии ищут лучшие умы во всем мире. И иранские интеллектуалы, философы, социологи и политологи, и российские — должны включаться в этот процесс активно, делиться опытом, обсуждать проекты, при необходимости критиковать друг друга, перенимать опыт, и тем самым совместно и общими усилиями строить Четвертую Политическую Теорию. Ведь Четвертая Политическая Теория не есть что-то законченное, раз и навсегда созданное, завершенное. Мы стоим у истоков ее появления. И я убежден, что Иран, страна великих духовных гениев Шихабоддина Яхья Сухраварди, Фирдоуси, Мулла Садры Ширази и аятоллы Хомейни внесет в становление этой теории свой важный вклад.

Эта книга сегодня активно переводится на разные языки мира, и служит началом дебатов, споров и философских и политологических дискуссий. В России она получила широкий общественный резонанс. В этом же ключе выдержана книга крупного французского философа Алена де Бенуа «Против либерализма. К Четвертой Политической Теории»¹. По проблемам Четвертой Политической Теории издается регулярный сборник Кафедрой Социологии международных отношений социологического факультета Московского Государственного Университета им. М.В.Ломоносова; проходят симпозиумы, конференции и дискуссии. Надеюсь, что в дальнейшем

¹ Бенуа Ален де. Против либерализма. К четвертой Политической Теории. СПб: Амфора, 2009.

в подобных мероприятиях будут принимать участие и политологи, философы и религиозные деятели из Ирана.

Автор выражает сердечную признательность Чрезвычайному и Полномочному Послу Исламской Республики Иран в России господину Реза Саджади за духовную поддержку, искреннюю дружбу и помощь в организации перевода этой книги и ее издании.

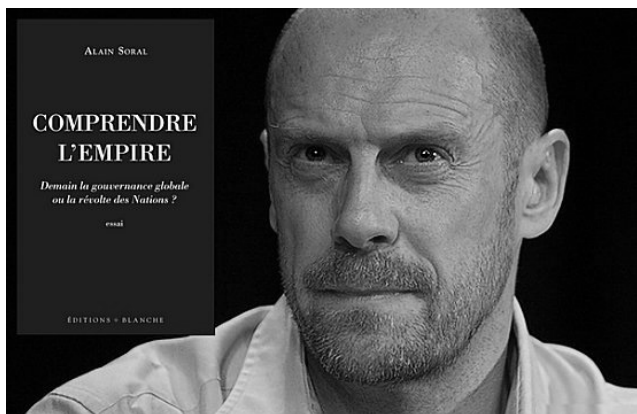
ALAIN SORAL

COMPRENDRE L'EMPIRE

*Demain la gouvernance globale
ou la révolte des Nations ?*

essai

ÉDITIONS « BLANCHE »

Александр Дугин

Ален Сораль и Четвертая Политическая Теория

Нонконформист Сораль

Ален Сораль — выдающийся французский социолог. Он принадлежит к редкому в последнее время типу французского интеллектуала-нонконформиста, который не боится говорить вещи, категорически неприемлемые истеблишментом. 20-30 лет назад во Франции все было по-другому. Если интеллектуал не эпатировал, не дерзил, не шел поперек течения, то на него мало кто обращал внимания. Постепенно интеллектуальный пейзаж Франции изменился до неузнаваемости. Сегодня в нем царит настоящая идеологическая диктатура: тот, кто имеет что-то против «левого либерализма» (li-li — *liberalisme libertaire*) и, особенно, если он не выступает при этом от имени «правого либерализма», немедленно попадает в разряд «неприкасаемых». Это называется «доминацией одной и той же мысли» (*la pensée unique*). Тех, кто осмеливается идти против потока, можно пересчитать по пальцам: Ален де Бенуа — в философии; Эдгар Морен — в культурологии; Жан-Клод Мишеа, Серж Латуш и Мишель Маффесоли — в социологии; Эмерик Шопрад — в геополитике и Международных Отношениях; Жак Сапир — в экономике; Тьерри Мейсан — в политической аналитике; Роже Гароди и Кристиан Буше — в политологии; Оливье Молен — в литературе; Дьёдонне — в жанре ироничных пародий и это, пожалуй, всё или почти всё. Причем, давно уже не имеет большого значения, пришли ли они к нонконформистской позиции справа или слева. Равно как и правящая «одна и та же мысль» основана на соединении «правого рыночного либерализма» и «левого глобалистского глобализма».

В этой плеяде интеллектуалов-нонконформистов Ален Сораль занимает достойное место. Он один из них. И этим многое сказано.

Ален Сораль — социолог, в центре его внимания общество. Но настоящая западная социология всегда ставила задачу не просто

описать общество, но понять глубинные механизмы его функционирования, что предполагало, кроме всего прочего, разоблачение массовых клише, выведение на чистую воду инструментов манипуляции и, соответственно, критику статус-кво. В этом смысле Сораль вполне традиционен: его цель — подвергнуть демонтажу и деконструкции современное западное общество, вскрыть его подноготную, обнаружить механизмы доминации, отчуждения и манипуляции, лежащие в основе властной практики и властного дискурса. Казалось бы, у него все шансы попасть в мейнстрим социологии. Как бы не так. Сораль позволил себе заглянуть в святая святых — в аксиоматику буржуазной идеологии, в корни, откуда произрастает современный капитализм и воздвигнутые им структуры планетарной власти. И при этом он не ограничивается тем, что повторяет штампы *conventional wisdom* леволиберальной критики, а смело атакует те стороны буржуазного строя, которые принято обходить молчанием. За это Сораль платит по полной. Но поэтому он чрезвычайно свеж и интересен. Как в свое время были свежи и интересны Ж. Сорель или П. Ж. Прудон, В. Зомбарт или Э. Дюркгейм, Ч. Р. Милс или Л. Дюмон, Ж. Дюмезиль или Ж. Дюран, Ж. Лакан или Г. Дебор. Но, став классиками, они оказались недостижимы для «полиции мысли». Сораль же имеет несчастье быть нашим современником, «действующим социологом», и вынужден нести за это всю ответственность.

В чем состоит неконформизм Алена Сорала? Это становится очевидным из прочтения данной книги, которая является программным обобщением его идей. Ален Сораль свободно говорит о вещах, которые в современной Франции жестко табуированы: заговор космополитической буржуазии, религиозно-фанатический характер секулярного мировоззрения, франкмасонство, догматизм рационализма, антинародный характер представительской демократии, израильское лобби в СМИ и политике, двойные стандарты идеологии «прав человека», фикция среднего класса и многое другое. Все это составляет, согласно его теории, Империю, социально-политическое, экономическое, культурное, геополитическое, медийное царство нового издания планетарной диктатуры — на сей раз не фашистской и коммунистической, но либеральной.

Правые, левые и Четвертая Политическая Теория

Сораль ни на мгновение не оставляет места для сомнений: он Империи ненавидит и призывает к ее свержению. И мы что, хотели бы, чтобы Империя его обласкала за это или просто терпела?! Поэтому место Алена Соралья на периферии интеллектуального истеблишмента, в рядах радикальных оппозиционеров, вполне заслужено и оправдано. Тех, кто по-настоящему опасны для Системы, Система не жалуется. И создается впечатление, что самого Соралья это устраивает. Когда он становится (а он становится время от времени) объектом прямых репрессий или целевой агрессии, Сораль, по меньшей мере, не спрашивает «за что?» Он знает «за что», и идет на это осознанно и по своей воле.

Во имя чего Ален Сораль ведет борьбу с Империей, то есть с глобальной доминацией космополитического Капитала, починившего себе страны, политические режимы, мировые и национальные СМИ, культуру, технику, экономику и т. д.? Во имя народа. Народ, *le peuple*, ключевой концепт его теоретических построений и его главный ориентир. Именно из-за предательства «народа» как единого и укорененного социального тела Сораль отвергает и правых и левых всегда, когда они оказываются в оппозиции народу в той или иной ситуации. Правые — за счет приверженности буржуазному либерализму и рыночному обществу. Левые — за счет апелляции к космополитизму и глобализации. Как происходит в обоих случаях отчуждение от народа и оппозиция ему, Сораль показывает в своей книге — кратко, но убедительно. В этом легко распознать идеологический код самого Соралья — он явно и эксплицитно ориентируется на анархистские традиции европейского социализма, во многом перекликающиеся и с русским анархизмом (Бакунин), а еще в большей степени с народничеством.

Самое удивительное в этой книге — время и место ее написания. Уже одно это внушает энтузиазм: не все потеряно даже в самый момент самого темного века; интеллектуальный поиск неконформистских мыслителей продолжается; левая, по своим истокам, философия продолжает ставить и своеобразно решать фундаментальные мировоззренческие проблемы.

Слева Сораль, бывший член Коммунистической Партии Франции, приходит к выводам, весьма сходным с теми, к которым справа пришли Ален де Бенуа, Жан Парвулеско или автор данного послесловия¹. Для борьбы с Империей (Системой, глобализмом, планетарной доминацией капитала, новым мировым порядком и т. д.) необходимо объединить усилия всех политико-идеологических сил, отвергающих либерализм и его мировое господство. Для этого необходимо подвергнуть глубокой концептуальной ревизии и консерватизм и социализм, отказавшись от того, что, так или иначе, связано с буржуазной системой ценностей. Компромисс традиционалистов с буржуазией (на некоторых этапах принимаемый Ю. Эволой) или социалистов с космополитизмом (что является общей чертой классового подхода, но получает свое максимальное выражение в троцкизме) следует категорически отвергнуть. А значит, мы получаем уже не правое и не левое, и даже не их сочетание, а нечто иное. Я определил это как движение в сторону «Четвертой Политической Теории»². Показательно, что эту идею поддержал Ален де Бенуа³. А сам Ален Сораль написал предисловие к французскому переводу этой книги⁴.

Сораль показывает в своей книге, что ни коммунизм, ни фашизм, не являются эффективными антитезами либерализму, который признан всеми нами абсолютным злом. Эти идеологии затронуты Модерном, прогрессизмом и, в той или иной степени, экономизмом. Их историческое поражение не просто случайность, но доказательство их мировоззренческой недостаточности. Либерализм с конца 90-х годов XX века вошел в свою финальную стадию, стал впервые по-настоящему глобальным. Чтобы совладать с ним, опрокинуть его, атаковать извне или взорвать изнутри, необходимы новые методы и новые теории. Необходима Четвертая Политическая Теория. Данная

¹ Слева к сходным идеям приходит и Жан-Клод Мишеа. См. Michea J.-Cl. *L'Empire du moindre mal*. P.: Climats, 2007; Idem. *Le Socialisme contre la gauche!* // *Elements*, janvier-mars 2012, № 142.

² Дугин А. Г. Четвертая Политическая Теория. СПб: Амфора, 2009; Четвертая Политическая Теория. Вып. 1-2. Москва, 2011.

³ Бенуа Ален де. Против либерализма. К Четвертой Политической Теории. СПб: Амфора, 2010.

⁴ Soaral A. *Il faut lire Alexandre Douguine/ Douguine A. Quatrieme Theorie Politique*. P.: Ars Magna, 2012.

книга Алена Соралья является концептуальным вкладом в эту теорию. И от этого приобретает дополнительное значение.

Буржуазия и Третье сословие?

Во время моего визита во Францию зимой 2011 года, я обсуждал с Аленом Соралем очень важную тему, которая нашла свое отражение в его книге — соотношение буржуазии и Третьего сословия. Это в высшей степени интересовало в тот момент меня и, как выяснилось, не в меньшей степени его. Это не случайно, если мы хотим построить теорию, отвергающую либерализм, где осью является буржуазия и капитализм, но стремимся выйти за рамки и марксизма, и традиционалистского консерватизма (Р. Генон, Ю. Эвола), этот ключевой вопрос должен быть поставлен в центр внимания. Так, традиционалисты отождествляют буржуазию и третье сословие в трехфункциональной модели, и на этом основании отвергают коммунизм и пролетариат, как четвертую касту, время правления шудр. Сами коммунисты, в свою очередь, видят в буржуазии на сходном основании прогрессивный класс, солидарность с которым предполагается на предварительных этапах — в эпоху ликвидации феодального сословного общества и буржуазных революций. Таким образом, консерваторы оказываются в лагере реакции и подчас вместе с буржуазией, а социалисты и коммунисты поддерживают буржуазию в ее борьбе против традиционного общества. Это ошибка — убеждены мы, надо не просто ее исправить, но и понять ее истоки. Буржуазия стравливает левых с правыми, пока и те и другие не изнурят друг друга в борьбе, затем добивает и тех и других, и, наконец, заменяет их тех и других псевдо-левыми и псевдо-правыми, симулякрами. Именно это и происходит сегодня (о чем убедительно и красочно пишет Сораль).

Итак, Сораль в своей книге утверждает, что буржуазия не является Третьим сословием, но лишь его частью, и узурпация права говорить от своего Третьего сословия и есть преступление буржуазии, которое лежит в основе отрыва капитала от нации, крестьянства и структуры традиционного общества. Отсюда следует космополитизм буржуазии, и в дальнейшем, глобализм. Это важнейшее замечание.

В «Этносоциологии»¹ я развиваю это положение более детально. В силу его значимости для Четвертой Политической Теории и создания нового глобального антилиберального фронта я приведу основные соображения, созвучные идеям Соралья.

Три главные социальные функции в индоевропейском обществе, по Дюмезилю, представлены *oratores* (жрецами), *bellatores* (вионами), *laboratores* (тружениками). Первых и вторых всегда меньшинство, они составляют властную элиту. Третьих большинство. Это и есть Третье сословие. Оно состоит в абсолютном большинстве из свободных крестьян, которые и являются экономической основой традиционного общества, так как создают практически все материальные богатства. Физиократы (Кене) еще в XVIII веке жестко привязывали богатство наций к земле и ренте, то есть к крестьянскому труду. Ремесленники и купцы в процентном отношении составляли бесконечно малую часть Третьего сословия. Совокупно именно *laboratores* и принято называть «народом», в смысле «*le peuple*» (хотя в «Этносоциологии» я даю более нюансированную картину²). По Соралью, городские торговцы, в какой-то момент узурпируют право говорить от имени всего «народа», то есть от лица крестьянства. С этого момента и начинается капитализм.

На самом деле, это совершенно верно. Но встает вопрос: как часть Третьего сословия оказывается в оппозиции Третьему сословию в целом? Здесь Сораль привлекает нечто аналогичное теории заговора, хотя и в социологической версии: по Веберу и, особенно по В. Зомбарту, главными силами буржуазного общества явились группы религиозных и этнических меньшинств, лишенных возможности полноценно участвовать в сословном католическом европейском обществе (протестантские секты у Вебера, евреи у Зомбарта). Я предлагаю зайти с другой стороны и внимательнее присмотреться к социологическому портрету буржуа как таковых — отдельно от их принадлежности к социокультурным меньшинствам. Это обращает нас к социологии возникновения города. И здесь обнаруживаются очень интересные детали.

¹ Дугин А. Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.

² Там же.

Город никогда исторически не является результатом укрупнения крестьянского поселения — деревни, веси, села. Город создается изначально именно как город. Село, по мере достижения максимального числа жителей, которые могут прокормиться с данного участка прилегающих земель, заставляет излишек населения откочевывать и основывать другое село — на определенном расстоянии. Так, село порождает только новое село, и никогда город.

Город создают завоеватели, воины, *bellatores*, которые покоряют сельчан и обкладывают их данью. Город есть крепость, созданная воинами и предназначенная для обороны и хранения дани, взимаемой с прилегающих к нему земель. Поэтому у города и у села совершенно разный социальный состав. В городе пребывают *bellatores*, в селе — *laboratores*. Исторически *bellatores* тесно связаны с *oratores*, и составляют с ними общую элиту — господу копы и господу слова. Но проживающая в городе элита воинов и жрецов нуждается в обслуживе, в холопах, дворне, слугах. Холопы рекрутируются из бывших крестьян, либо продающих себя в услужение, либо захваченных. Но их социальный статус меняется, они больше не *laboratores*, труженики, так как они не обрабатывают землю и не производят доминантные формы материальных благ (пищу). Они-то и являются матрицей буржуазии. Слово «*bourgeois*» происходит от слова *Burg*, то есть город. От этого же корня в русском языке «горожанин» и «гражданин». Состав горожан-буржуа пополняют всевозможные бастарды, продукты нелегальных отношений элиты с женщинами низших социальных страт. Усложняясь, эта модель пополняется не просто обслуживающей аристократии, но и обслуживающей. Это и есть буржуа-горожане, совокупность холопской прислуги, обитающей вокруг дворян в центре сбора дани с окружающего крестьянского населения (собственно, «народа»). Это очень важно: буржуазия, по своему происхождению, не есть просто часть народа, это совсем иной тип, оторванный от народа, Третьего сословия (*laboratores*), но и не допущенный в ряды аристократии (*bellatores* и *oratores*).

Крестьянин занят трудом и пребывает в крестьянском космосе, укоренном в традиции. В этом его социологическая сущность. Воин занят войной и пребывает в стихии смерти и пира. На этом он основывает свою практику власти.

Буржуа оказывается между этими пластами — он не производит продукты питания, не укоренен в традиционном космосе, но он отстранен и от войны, и от властвования. Буржуа холуйствует. По сравнению с крестьянином он — бездельник. По сравнению с воином — трус. Иными словами, буржуа не есть представитель ни второго сословия, ни Третьего. Он изначально (!) есть симулякр.

Буржуа становится торговцем, потому что торговля — это зона обмена, и расположена на границе, но сам буржуа социально находится на границе между первой и второй функцией. Не в особых социокультурных меньшинствах, протестантах или евреях, следует, таким образом, искать истоки капитализма как социальной и психологической перверсии; капитализм рождается из города и его социальной и социокультурной стихии.

Каста холуев, дорвавшись до власти, порождает глобальный холуйский строй. Это и есть капитализм. Он антитрадиционен, антинароден и антинационален с самого начала. И именно капитал, достигнув свободы от сословного общества, опрокинув и поработив своих господ (клир и аристократию), становится глобальным и космополитическим. Это не болезнь диспропорции, это закономерное развития изначального уродства.

Отсюда вытекает важный вывод: буржуазия — не Третье сословие и не народ. Это подлый паразитический слой общества, несущий в себе *ressentiment* (по Ницше и Шелеру) в качестве главной силы. Презирая «народ», из которого буржуа вышел, он ненавидит господ, которым служит. Так складывается ментальность социального вырожденца, носителя аномии. Новое время, Модерн, есть конструкт этого больного сознания, и этим все объясняется.

Следовательно, традиционалисты и консерваторы ни при каких обстоятельствах не могут быть на стороне буржуазии, так как этот тип является заведомо социальной патологией, носителем десакрализации, зависти, лжи и подлости. И что еще можно ожидать от идеологических потомков пресмыкающихся, но злопамятных рабов и сжигаемых мстительностью бастардов... Но и коммунисты, интуитивно осознающие порочность капитализма, не должны дожидаться его победы, чтобы лишь затем осуществить свою революцию. Манифест Коммунистической Партии Маркса и Энгельса во всем неправ: он настаивает на том, что у коммунистов нет ничего общего с

антикапиталистическими движениями сословного общества. У настоящих коммунистов есть общее и этого общего очень много. Это, впрочем, прекрасно описывает А. Сораль. Надо только отойти от схоластики и обратиться к реальному коммунизму. Этот реальный коммунизм побеждал не в индустриальных и капиталистических обществах, а, напротив, как раз в обществах традиционных. Только те социалистические революции имеют шанс победить, которые будут народными, а не догматическими. Это исторический факт, и а posteriori теоретический спор между Марксом и Прудонем, между большевиками и народниками выиграли Прудон и народники. Так было и так будет. Только народный социализм способен на осуществление революции, а догматический социализм обречен на провал, соглашательство и рекуперацию буржуазной демократией.

Для консерваторов и традиционалистов, кстати, надо сделать еще один вывод: если они хотят победить буржуа и наказать нелегально дорвавшуюся до планетарную власть холуйскую сволочь, им надо опереться на народ, учесть социокультурный код настоящего Третьего сословия, то есть крестьянства. Поэтому только народный консерватизм, революционный консерватизм имеет шанс на политическое будущее — левый консерватизм, социальный и заинтересованный в благополучии простых людей.

В принципе, эти мотивы в свернутом виде присутствуют в книге А. Соралья. «Империю» может победить только альянс аристократического духа, героизма и традиционалистского интеллектуализма с широкими народными массами, ищущими свободы и социальной справедливости.

Этнопролетариат

Еще одним важным концептом новой революционной антилиберальной идеологии является «этнопролетариат». Эта идея очень заинтересовала наших французских единомышленников (А. Соралья, А. де Бенуа, К. Буше), которые предложили развить ее полнее. В свернутом виде она содержится в «Этносоциологии»¹.

Третье сословие традиционного индоевропейского общества, *laboratores*, живет в условиях *folk-society* (Рэдфилд) или в состоянии

¹ Дугин А. Г. Этносоциология. Указ. соч.

этноса. Этнос есть такая форма общества, где коллективная идентичность преобладает абсолютным образом, а индивидуальная идентичность едва намечена, либо вообще отсутствует. Кроме того, в этносе слабо выражены властные отношения и доминирует общинный принцип. В этом смысле этнос представляет собой основной массив «народа». В высших сословиях уровень индивидуации повышается, но индивидуальность снова снимается, на сей раз, в героическом растворении в истории, судьбе, Боге и образует «личность».

Тип буржуа находится между этносом (крестьянством, коллективной идентичностью) и героической персональностью. Он представляет собой индивидуальность в чистом виде: оторванную и от общей матрицы этноса и от героических сверхчеловеческих горизонтов воинов и жрецов. Буржуазия, таким образом, является носителем особой антропологии — усредненной и индивидуалистической. Именно эта антропология становится нормативной и признается за универсальный эталон в Новое время, кульминацией чего является либерализм. Поэтому и властные отношения в условиях капитализма утрачивают какую бы то ни было «сакральность» — впервые в истории человек (богатый) властвует над другим человеком (бедным) именно как человек над человеком, без какого бы то ни было сакрального основания. Поэтому именно классовое господство буржуазии над пролетариатом является самой обнаженной формой доминанции, насилием в его чистом, голом виде.

Это в целом прекрасно описал Маркс, и подробно развили марксисты. Но в отношении пролетариата все оказалось сложнее. Для либералов (например, А. Смита, в его классическом примере с лавочником и наемным рабочим) пролетариата вообще не существует как самостоятельного социологического явления. Крестьянин, по каким-то причинам попавший в город, становится наемным рабочим у буржуа. По Марксу, это и есть пролетарий, оторванный от традиции и земли, а значит, от этноса, превратившийся в «голый Труд». По А. Смиуту, это не пролетарий, а будущий буржуа: поработав на лавочника, он может в будущем открыть свое дело, или так поступят его дети и внуки. В условиях города и капитализма (а капитализм есть город, распространенный на всю политическую территорию Государства) все превращаются в буржуа, но только одни это делают быстрее других на равных стартовых возможностях. Маркс доказы-

вал, что это не так, и что пролетариат есть особая метафизическая инстанция, выражающая в себе историческую кульминацию стихии Труда. Пролетариат интернационален так же, как интернациональна буржуазия (почему буржуазия интернациональна, понятно: потому что она «антинародна» изначально), считают марксисты, но это другая сторона глобальности классов. Если принять идею Маркса о том, что пролетарская революция следует за капитализмом, и возможна только после его глобальной и окончательной победы, то такое определение пролетариата, как силы, полностью очищенной от этноса и традиции, вполне логично. Но... но именно это и не подтверждено исторически. Более того, этот прогноз исторически опровергнут, так как в условиях устоявшегося капитализма и завершенной индустриализации, в странах с наиболее развитым и многочисленным городским пролетариатом, пролетарские революции не просто не состоялись, но и не могли состояться, а сам рабочий класс постепенно вообще исчез с исторической сцены. По сути, он был записан по логике либералов в «будущий средний класс», на него была спроецирована ментальность «комфортизма» (В. Зомбарт), и он растворился. Об этом пишет Сораль.

Но ведь в некоторых обществах пролетарские революции победили. В каких? — Там, где пролетариат был незначителен, в город перебрался недавно, сохранил связи с этносом, а индустриализация была в зачаточной стадии. Это и Россия, и Китай, и Вьетнам, и Корея, и страны Латинской Америки. Успех социалистической революции эмпирически фиксируется не в условиях «голого пролетариата», а в ситуациях с «этнопролетариатом» и в традиционном обществе. Успех социалистической революции состоит только в ее народном (этническом) характере. Коммунизм бывает либо национальным, либо его не бывает вообще.

Иными словами, буржуазия есть, а пролетариата нет. В этом все дело.

Этнопролетариат есть переходная стадия от крестьянина к буржуа, то есть промежуточная фаза психосоциальной урбанизации. В первой половине этой фазы городской «пролетарий» остается еще «крестьянином», то есть носителем «этнического начала» (это прекрасно видно в демографическом поведении недавно перебравшихся в город — большое количество детей, сохранение

общинным привычек и т. д.). Во второй он все больше становится «горожанином», то есть «буржуа» (и это легко заметить в демографии — второе, третье поколение переехавших в город имеет намного менее многочисленные семьи). Параллельно этому уходит «этническое» начало, растёт уровень индивидуации. Даже оставаясь в положении бедных, горожане начинают мысленно отождествлять себя с состоятельными слоями, подражать им, имитировать их поведение. По Марксу или по Лукачу, классовое самосознание городского пролетариата должно расти. Но на практике оно только угасает. Лишь апелляции к этносу (в социологическом смысле — как к Третьему сословию и особой культурной идентичности) способны зажечь революционный порыв, и то пока этническое начало не улетучилось.

Так, мы приходим к идеям Устрялова и Никиша, что вполне закономерно.

De profundis clamavit

Ален Сораль чрезвычайно важен для современной России. Сам он видит в ней возможность фиксации альтернативного миропорядка, противостоящего глобальной Империи. Стремление России в 2000-е годы вывернуться из-под диктата США и глобальной олигархии вселяет в Соралю осторожную надежду. Демонизация Путина в либеральных европейских СМИ, принадлежащих Империи, автоматически делает его симпатичным для нонконформиста Сорала. Такое понимание российской политики, впрочем, характерно для всех тех, кто отвергает однополярность, глобализм и либеральную диктатуру. Все они заведомо являются сторонниками суверенной России, даже если имеют о российской политике самое отдаленное представление. Русофилия сегодня является отличительной чертой нонконформизма в самом широком цивилизационном контексте. Этот взгляд со стороны очень важен, так как позволяет осмыслить наше общество и протекающие в нем процессы, в новом ключе. Нам кажется, что Империя (как форма скрытой либеральной капиталистической гегемонии) в России свирепствует открыто и подчиняет себе политическую власть. Из Франции, где эта гегемония востократ сильнее и откровеннее, все видится не так плачевно. Истина где-то

посредине, но те, кто увлекают нас в Европу, явно толкают нас в бездну. В ту самую бездну, из которой взывает к нам, к тем, кто еще имеет уши, чтобы слышать, смелый и честный человек, социолог, общественный деятель и политик Ален Сораль.

Александр Дугин

Басилеология Владимира Карпца и Четвертая Политическая Теория

Основной закон Четвертой Политической Теории

Четвертая Политическая Теория исходит из двух фундаментальных принципов, которые являются ее основополагающими аксиомами:

современное (Moderne) не лучше древнего (Ancien);
Западное не лучше Восточного.

Это закон 4ПТ в общем виде, и из него выводятся все остальные моменты в строительстве этой идеологии, призванной начать новый акт политического мышления за пределами завершившегося, но ничего не завершившего толком, Модерна.

Два указанных принципа атакуют фронтально базовый принцип социально-политической реальности, в которой мы живем. Эта реальность исходит по умолчанию из того, что

современное лучше древнего (прогресс, эволюция, развитие, модернизация, само линейное — «осевое», по К. Ясперсу — время);
Западное лучше Восточного.

На этом строится в современном мире все: политика, наука, техника, экономика, культура. Эти принципы являются непроговариваемым законом мира. О них чаще всего никто не говорит, но все воспринимают как само собой разумеющееся. И даже попытки магистральной критики статус-кво (например, в марксизме) не ставят под сомнение ни прогресс, ни претензии Запада на универсальность.

Четвертая Политическая Теория отталкивается от момента взрыва этих постулатов. Они — как и любые догмы — совершенно иррациональны, недоказуемы и произвольны. Чем современность лучше древности, а Запад — Востока, современный Запад доказывает

на основании современных западных критериев. Классическое *self-fulfilling prophesy*. Приняв догму на веру, у нас все выстроится — неважно довольны мы положением (и ролью) или нет. Четвертая Политическая Теория начинается с отвержения этой догмы. Ставит ее под сомнение, отказывает ей в аксиоматичности и, чтобы закрепить этот жест, вводит (для начала) альтернативную догму: современное не лучше древнего, а Западное не лучше Восточного. В этой догме нет ничего жесткого: не лучше — не значит хуже. Она метит только в абсолютную преграду наглой автореферентной претенциозности, не более того. То есть, Четвертая Политическая Теория просто постулирует, что в древности вполне может быть нечто более достойное (глубокое, истинное, справедливое, благое, правильное и т. д.), чем в современности (может, но не должно!), а на Востоке мы вполне можем увидеть нечто, что окажется более ценным, чем ценности Запада (и снова совсем не обязательно, что все Восточное окажется качественнее Западного). Если мы внимательно вдумаемся в основной закон Четвертой Политической Теории, то быстро поймем, что он довольно гибок и открыт, не эксклюзивен: он не отрицает ни современности, ни Запада, он отрицает их требование эксклюзивности, не более того. Запад — это одна из провинций мира, и западное человечество — один из сегментов среди других. Точно также и современность сегодня имеет свое место среди других времен — вчера и завтра, но это не привилегированное, а обычное место; вчера и завтра вполне могут быть интереснее сегодня, но могут быть, напротив, и много хуже.

Четвертая Политическая Теория строится на радикальном анти-расизме: отрицая расизм культурный (то есть претензию Запада на универсальность его ценностей) и расизм хронологический (как безосновательную уверенность в превосходстве каждого следующего момента времени над предыдущим).

На уровне принципов это выглядит вполне корректно, логично и академично, но как только мы попытаемся построить на этом основании какие бы то ни было заключения, анализы или предложения, то немедленно наталкиваемся на агрессивную стену. Именно это отчаянное сопротивление правящей евроцентристской и хроноцентристской идеологии и делает Четвертую Политическую Теорию по-настоящему политической, то есть направленной на битву

и противостояние в защите своих интересов и ценностей. Четвертая Политическая Теория, таким образом, с самого начала чертит основную линию, обосновывающую Политическое (по К.Шмитту) — немедленно появляется пара друг/враг.

Друг — тот, кто согласен, что «современное, не лучше древнего, а Западное не лучше Восточного».

Враг — тот, кто исходит из предпосылки, что «современное заведомо лучше прошлого, Западное — Восточного».

Достаточно ли выяснения этих позиций для того, чтобы вступить в область Политического? Нет, так как необходимым является также готовность действовать в соответствии с заявленными принципами, строить на них жизнь и, в предельном случае, жертвовать ей или отбирать жизнь у других, если они враги (особенно атакующие — экзистенциальные — враги).

Говорит ли такая установка что-то положительное о содержании Четвертой Политической Теории? Пока нет, но очерчивает то пространство, внутри которого такое положительное содержание должно располагаться. «Внутри», а не «вовне», означает, что о Четвертой Политической Теории как о чем-то содержательном можно говорить только в том случае, если закон «современное не лучше древнего, а Западное не лучше Восточного» признан базовой экзистенциальной установкой, определяющей политическое поведение. Если же речь идет о мнении, гипотезе, рассуждении, оторванных от напряженного политического позиционирования, то это может быть полезным и важным, но к содержанию Четвертой Политической Теории напрямую никак не относится.

Теперь можно, наконец, перейти к рассмотрению идей, описанных в книге «Социал-Монархизм» известного мыслителя и теоретика, специалиста в области философии, истории и религии Владимира Игоревича Карпца. Его отношение к главной теме работы проясняет необходимость нашего введения: для Карпца «монархия» является именно делом экзистенциального выбора; он подходит к ней как к «тотальному факту» общественной и личной истории. Он не просто рассматривает монархию извне, он созерцает ее в платоническом смысле, стараясь преодолеть дистанцию между познающим и познаваемым, стремясь проникнуть в истину монархии, а не перебирает комбинации различных мнений о ней.

Но если монархия является для Карпца делом активного созерцания, то мы сразу же подходим к важнейшему рубежу: западная современность нормативизирует либеральную демократию и гражданское общество, отводя монархии место в «древнем» и «незападном». Поэтому статус-кво позволяет относиться к монархии только с высокомерной дистанцией — сверху вниз и слева направо. Здесь Владимир Карпец пересекает запретную черту — он отказывается от подобной траектории и не желает смотреть на монархию снизу вверх и справа налево. То есть он отбрасывает фатальный догмат Модерна, принимая монархию как вечное начало, действенное — во всех смыслах (то есть возможное, желательное и даже необходимое) — здесь и сейчас. Значит, уже он отчасти помещает себя в поле Четвертой Политической Теории.

Но это еще не все. Владимир Карпец отправляется от внятного и эксплицитного утверждения своей собственной культурно-исторической идентичности как незападной. Русское и византийское для Карпца есть Родина, от имени которой он пишет и мыслит, живет и борется. И он ясно осознает, что в основе русско-византийской идентичности лежат принципы, весьма далекие от западного комплекса ценностей (особенно современных, но не только), но именно их он осознанно защищает и утверждает, без тени стеснения или провинциального *ressentiment*. Следовательно, на лицо и второй момент Четвертой Политической Теории — релятивизация Запада.

Удостоверившись в этих двух моментах и обнаружив в текстах этой книги ясные и многочисленные недвусмысленные указания на фундаментальные позиции автора, мы теперь уже без всяких натяжек помещаем его труд в область Четвертой Политической Теории — Владимир Карпец пишет именно с ее позиций и о ней. И тем самым, он однозначно определяет себя и свой труд как вклад в ее содержание.

Об этом содержании мы еще не говорили, так как важнее было удостовериться в том, что мы находимся внутри Четвертой Политической Теории, а не вне ее. Сразу же можно сказать, что это содержание является совершенно открытым, не замыкается ни в каких готовых догмах — ни религиозных, ни идеологических, ни исторических, и поэтому никто не может претендовать на ортодоксию в вопросах того, что является здесь нормативным. Внутреннее содер-

жание Четвертой Политической Теории заполняется постепенно и размеренно, шаг за шагом, гипотеза за гипотезой, тезис за тезисом, и этот процесс протекает не с точки зрения когерентности, но с точки зрения активной и ощутимой конкретной борьбы с врагами Четвертой Политической Теории. Смыслы выковываются в войне.

Так Владимир Карпец, как воин именно этого фронта, делает свой содержательный жест, вынося на агору внутреннего круга тезис социал-монархизма. Можно назвать инициативу приглашением к развертыванию «басилеологии», новой науки о царе и царстве. Само по себе это чрезвычайно смело и внушительно. Пусть басилеология Владимира Карпца не исчерпывает тему монархии, и тем более не заполняет собой все программное содержание Четвертой Политической Теории (на что эта книга и не претендует), но, тем не менее, его труд заслуживает в этом контексте самого серьезного внимания и самого внимательного прочтения.

Книга Владимира Карпца разбита на 5 разделов, каждый представляет собой структурную опору его развернутой и вполне стройной мировоззренческой теории. Рассмотрим их в общих чертах с позиции Четвертой Политической Теории.

Басилеологическая онтология и царство-в-силах

В первом разделе «Бытие Царства» Карпец описывает то, как он понимает онтологию царства. Это включает в себя самый широкий спектр подтем, описанных здесь в общих чертах и более подробно развитых в остальных разделах книги.

Царство для Карпца — это бытие, выстроенное таким образом, чтобы его истина, его священное измерение могло распространяться равномерно по всему пространству общества, человека и мира. Бытие, Хайдеггеровское *Sein* может быть обращено к нам (и мы к нему) разными сторонами.

Оно может покинуть нас (или мы можем отвернуться от него), *Seinsverlassenheit*. В таком случае мы получаем отчужденный мир мертвых объектов, темную толчею индивидуальных волей и желаний, удары и контрудары природы и природе, сухость расчленяющей науки, механизм вместо организма, тело вместо души, страсти вместо созерцания. И это все сходится к Полису, к политике,

создавая антицарство, демократию, гражданское общество, либерализм — все то, что автор искренне и из глубины души ненавидит. Когда бытие удаляется, скрывается, вместе с ним уходит и царство. Они нераздельно связаны. Мир, лишенный вертикали, лишенный главы, основан на рецидиве как фундаментальном акте. Царство падает, но на место него приходит не иное царство, но великая пародия. Таким образом, царство как онтологическое явление противопоставляется глобальному гражданскому обществу, модернизации и правам человека как явлению дезонтологизации. Это основная онтологическая карта, с которой имеет дело Владимир Карпец.

Но если быть есть бытие, то оно есть не может не быть. Следовательно, неверно относить царство только к прошлому, пусть даже светлому и прекрасному. Поступая так, мы перечеркиваем онтологию Империи, превращаем ее в конвенцию. Царство есть, его не может не быть. Скорее ничего не будет, нежели не будет царства и царя. Бытие либо есть, но тогда оно есть всегда, а не только сейчас (потому что сейчас — это становление), либо его нет, но тогда его нет и сейчас. Отсюда вытекает постулирование царственной зона, вечность вечного Города.

Царство есть. Не может не быть. Но как оно есть, когда его, по всей видимости, нет?

Двойко — отвечает Владимир Карпец. Оно есть как то, что есть на самом деле, в глубинном созерцании Политического. И тогда оно дает о себе знать именно через свое отсутствие, как исток великого императива, как глубинная воля к реставрации. Или иначе: оно проступает через антицарственное наличие сквозь темные и вводящие в заблуждение ризы.

Либо оно есть в возвращении, в предвкушении, в ожидании того События (Ereignis), когда явится в-силах. Царство-в-силах.

В обоих случаях царство живет в горячем сердце монархиста, в его трагическом бытии, в его обреченном восстании, в его горьком и верящем свидетельствовании.

Вся политика строится вокруг царства как образца, как парадигмы. Она получает свой смысл в той степени, в какой она относит себя к Империи.

В центре царства — царь. Метонимически он и есть царство, катехон, удерживающий. Тайна царя есть тайна царства, тайна бытия. Царь — фигура онтологическая, он не индивидуум, он царствующий вид. Поэтому он священен. Мистерия царя не только ритуал, но и фиксация мессианских чаяний. Этимологически царь и мессия — одно и то же, помазанный. Царь есть всечеловек, эйдос человечества. Лишенность царя есть бросок к радикальному расчеловечиванию. Без царя человек стремительно превращается в скот или дикое животное, *lupus rationalis* (Т.Гоббс).

Владимир Карпец развертывает свои монархические созерцания не в пустом пространстве. Это мышление русского монархиста, ноэтический взлет к русскому царству, прорицание, обращенное к русскому царю.

То, что Карпец — русский, думает и пишет по-русски, пребывает на русской земле, придает структуре его имперской онтологии конкретность и эмпирический исторический объем. О чем он? О нас, о нашей стране, о наших истоках, он нашем прошлом, о нашем настоящем и нашем будущем. Этот феноменологический монархизм — не вымысел и не повествование о далеком. Русь была включена в Византийскую зону. В Московском периоде стала сама Третьим Римом. Потом, в синодальный период, еще двести лет жила великой инерцией Империи. Далее, в странном диалектическом пароксизме, она попыталась воссоздать образцовую «народную монархию» при большевиках и Сталине. Затем расселась, но снова собирается с духом для финального монархического рывка. И знаки его Карпец видит своим преданным (необходимому) царю сердцем.

Вот мы и в напряженной ткани действительного. Если вечность есть, она есть и сейчас. Царство стучится в наши сердца. Сегодня. Им мы должны мерить то, что вокруг нас. Если мы, конечно, есть, если мы есмы...

Царство едино как Церковь

Второй раздел книги Карпца построен как развернутый русский парафраз формулы Артура Мюллера ван ден Брука в его «Третьем Царстве»: «Как церковь едина, так и царство едино». Эту идею гомологии религии и политики Карпец удачно объединяет в названии

раздела «Единоверие и Единодержавие». Мы имеем тем самым блестящий пример применения концепции Карла Шмитта о «политической теологии» к нашей истории.

Единоверие небольшое течение в русском Православии, полностью сохраняющее старый обряд, но не противопоставляющее себя при этом (как остальные старообрядцы) Московской Патриархии, а находящее себе место в ее церковном пространстве. Незначительная численность современных единоверцев, однако, резко контрастирует с символической значимостью их позиции. Они самим своим существованием связывают два эона русской церковной истории: до-раскольный период с послераскольным. Они устраниаются от острых и вполне содержательных, но тупиковых, споров о том, кто был прав в эпоху раскола, а кто нет, и предлагают строить будущее с опорой на древность, игнорируя (до определенной степени) спорные моменты. Старообрядцы и новообрядцы наследуют той эпохе, когда все было общим. Единоверцы призывают восстановить это общее — через верность древнерусскому обряду, устоям, традициям, литургическим практикам, правилам церковного искусства — иконописи, знаменному распеву, не сокращенной литургии и т. д.

Уже сама по себе эта тема представляется чрезвычайно важной для определения современной русской идентичности, но Владимир Карпец идет дальше и предлагает повторить опыт единоверческой футурологической реставрации на политическом уровне. Это важнейший момент: Карпец полагает, что политическая древность (Империя), хотя и конфликтует формально, институционально и идеологически, с русской современностью, должна вступить в действенную верстку политического будущего, заняв позицию, аналогичную Единоверию. Монархия была разрушена (надо, кстати, еще ясно понять, кем и когда). Но в любом случае не был уничтожен и упразднен (до конца) русский народ-монархист. И он воплотил свои монархические грезы в красном царе Сталине. Действуют они и сегодня. Поэтому не в примирении относительно прошлого (оно невозможно), но в соучастии в едином русском проекте, в совместном творении русского Единодержавия правыми и левыми, традиционалистами и футуристами, лежит спасение.

Гады раскованы

В двух последующих разделах Карпец диалектически переходит к фиксации антитезиса. Он описывает два полюса того, что считает врагом русского народного социального монархизма. Начинает он свой обзор агрессивного политического террариума с того, что русские ненавидят, как правило, яростнее всего — с либерализма. А. Эткинд внятно показал, что радикальное неприятие умеренных либеральных буржуазно-демократических философий (наподобие Иеремии Бентама) с XIX века было общим для всех флангов русского общества — как монархистов и славянофилов, так и революционных демократов и марксистов. Есть нечто, сближает всех русских — как правых, так и левых — отторжение европейской индивидуалистической гедонистской жизненной программы — расчетливой, прагматичной, умеренной, рациональной, эгоистичной, выбирающей комфорт и безопасность, обеспеченность и гарантии в качестве высших ценностей. Сегодня это воплощается в обобщающей фигуре российского либерала, сторонника «лихих 90-х», мечтающих о возвращении реформаторских времен.

В обличении врага Владимир Карпец демонстрирует свои лучшие полемические свойства. Конечно, с политической точки зрения либерал плох именно потому, что он либерал, а не потому что он плох. Поэтому, строго говоря, любая критика либерализма и либералов автореферентна, но вполне уместна и, наверное, необходима: она консолидирует сторонников, эмоционально канализирует энергии праведного гнева. Лидера иранской революции аятолла Хомейни однажды высказался в таком духе: «Если вы не можете терпеть боль и ваше дыхание перехватывает от той несправедливости, которая творится вокруг, в мире, соберитесь с силами и крикните: «Я ненавижу Америку!» Важно ненавидеть причину, а не следствия, хочет сказать этим Хомейни. Владимир Карпец мог бы сказать: «Видя тот ужас, который творится вокруг нас, соберись с силами, русский человек, и крикни «Я ненавижу либералов!» Огонь по причинам, а не по маскам. Либерализм есть абсолютное зло и грязная ложь. Поэтому злы и лживы либералы, не наоборот.

В оптике религиозного видения им органично приличествует образ змея, скованного на тысячу лет и разорвавшего оковы по их

прошествии, чтобы вырваться на поверхность и атаковать людей. Тысячелетний период скованности змея-дьявола в византийском толковании базилеологии сопрягается с длительностью «тысячелетнего царства». Те, кто способствуют падению царства, те, кто денонсируют ему в теории, и те, кто не грудью стоят на пути его реставрации, суть многовидные эйдолоны восставшего ада. Политика и религия идут рука об руку. Это нарушает секулярные законы Модерна, но прекрасно вписывается в Четвертую Политическую Теорию, призывающую нарушать законы беззакония. Вот кем монархист Владимир Карпец считает противников русской государственности и пособников Запада.

Микронационализм

Более внимательно, чем к открытым врагам священной русской Родины, Карпец подходит к тем, кого в отличие от «Политических иноверцев»-либералов, можно назвать «политическими еретиками» от «русской партии». Речь идет о современных русских националистах, отрицающих ценности Империи, настаивающих на расовой и этнической чистоте, принимающих буржуазные формы европейского национализма и отличающихся чаще всего радикальной исламофобией и параноидальной неприязнью к мигрантам. В них Карпец видит врага скрытого, а потому более опасного. Ведь они говорят о «величии России», о «русских», о «русском народе», часто справедливо указывают на его плачевное положение в настоящем. Можно встретить у них обращение и к ценностям традиции — церковной или народной. Если с либералами все прозрачно, то с «национал-демократами», как называет их Карпец, все обстоит несколько сложнее. Карпец выдвигает им ряд обвинений:

- расовый и этноцентричный подход развалит Государство, а оно есть высшая ценность, выстраданная и выстроенная ценой гигантских исторических усилий;
- буржуазный и капиталистический характер их ориентиров (национализм как западное и буржуазное явление) ставит их на противоположную сторону от традиционализма;

- антикоммунизм и антисоветизм углубляют противоречия между правыми и левыми патриотами, что снова играет на руку либералам;
- раскол общества по принципу русский/нерусский отторгнет значительную массу населения России, переводя ее в стан врагов;
- исламофобия породит религиозное разделение и лишит Россию поддержки исламского мира в противостоянии с США и борьбе с однополярной моделью миропорядка;
- этим немедленно воспользуются враги России на Западе (США, «мировое правительство», гегемония, все те, кто убежден, что «современное лучше древнего, а Западное — Восточного»);
- сами национал-демократы строят свой дискурс таким образом, что и для них подчас «современное лучше древнего, а Западное — Восточного», а единственное, с чем они не согласны, так это с тем, что их в «Западное» и «современное» не включили;
- прагматически такой подход работает на либералов, которые могут воспользоваться этими «национальными» силами и раскачивать с их помощью транзитивную систему современной государственности.

Часть этих обвинений ситуативна, другая более принципиальна. Для Четвертой Политической Теории, пожалуй, важнее всего, их ангажированность в Модерн и имитация Запада. Политическая правота критики Карпца внимательному аналитику процессов, развертывающихся в современном российском обществе, очевидна.

Царица-Душа

В последнем разделе Владимир Карпец предлагает свести основные линии своего труда воедино. Эту часть можно рассматривать собственно как Манифест или Программу «Социал-монархизма», излагающие основные постулаты в форме проекта или стратегии. Особенно важно, что Карпец не ограничивается констатацией исторических фактов, но набрасывает очерк будущей политической системы социал-монархизма, включая некоторые правовые проекты и

предложения, резко отличающиеся свежестью и ясностью от многочисленных ностальгических симулякров.

Социал-монархизм для Владимира Карпеца есть живое, интенсивное, энергичное мировоззрение, описанное емко и убедительно, примененное к окружающему нас миру и равно далекое как от пустой мечтательности, так и от бесконечных технических деталей, свойственных большинству экспертов-политологов.

Социал-монархистская идея Карпца может быть выражена формулой Константина Леонтьева: «Царь + социализм». Социализм не догматический, но народный, коренной, глубинный... Социализм — потому, что общий, общинный, потому, что не капитализм и не либерализм, потому что русский... Не западный, ни в коем случае, и не механический.

У философа Плотина Высший Ум, Нус, мягко и невидимо истекает на космос. Все фундаментальное, настаивает Плотин, делается тихо, бесшумно.

Царство русского бытия, о котором объявляет Владимир Карпец, приходит легко и неощутимо. Оно накатывает изнутри, как неодолимый, но мягкий вал бесконечной любви, любви к потерянной, поруганной, оболганной, казненной России, к ее царственным мукам, к ее глубинной земной боли...

В конце концов, страной править должна только Царица-Душа.

Александр Дугин

Четвертая Политическая Теория: в сторону Черной Испании

Локальное «быть» vs универсальное «не быть»

Четвертая Политическая Теория не имеет определенного социокультурного адресата. Она обращена к каждому, кто испытывает глубокое недовольство существующим положением вещей в мире и кто при этом достаточно глубок, чтобы задаться вопросом о причинах такого состояния. Человека, которого все в целом удовлетворяет, кому достаточны предлагающиеся альтернативы в политике, культуре, обществе, и кто озабочен лишь индивидуальной адаптацией к статус-кво или коррекцией отдельных технических деталей, едва ли заинтересуют темы, рассматриваемые в этой книге. Но для глубинно недовольных людей она может оказаться полезной. И в этом случае нет большой разницы между европейцем и латиноамериканцем, мусульманином и русским, азиатом и африканцем: на всех континентах и во всех обществах есть те, кто пронзительно осознают, что сегодня на карту поставлено все, что решается главный вопрос: быть или не быть? Конечно, каждое общество и каждая культура вкладывает в понятие «быть» (равно как и «не быть») свой собственный и уникальный смысл. Но, тем не менее, современность (контемпоральность) отличается одним свойством: она выдвигает свою парадигму глобально и повсеместно, претендуя на универсальность. Следовательно, она имеет общую структуру. И к какому бы обществу мы ни принадлежали, эта структура глобальной контемпоральности атакует нас сегодня напрямую, непосредственно. Поэтому все имеют дело с единым вызовом. И прежде чем выдвигать альтернативы (которые могут быть как универсальными, так и локальными, — это выяснится позднее), необходимо рассмотреть сущность того, с чем мы имеем дело. Можно сказать по-другому: содержание понятия

«быть» варьируется в зависимости от культурного контекста, тогда как «не быть» претендует на свойство всеобщности. Глобальная модель либерального миропорядка предлагает всем «не быть» в равной степени. Приняв это, мы вступаем в зону стандартизации. Отбросив (но это станет возможным только после того, как мы осознаем, что именно мы решились отбросить и какова структура отбрасываемого), мы отвоевываем право на то, чтобы быть во всей уникальности бытия, то есть право быть собой — не только оставаться собой (сохранять идентичность), но и становиться собой (то есть эту идентичность обретать, воскрешать, творить).

Победа либерализма: аксиома контемпоральности

Эпоха европейского (западного) Модерна принесла с собой и навязала всему миру единую универсальную картину бытия, человека, космоса, времени, истории, общества, природы. Квинтэссенцией и базовой голографической схемой такой картины мира стали политические идеологии. В них как в зеркале отразился Модерн как проект и как воля. Область Политического есть та зона Модерна, где он выступает во всей полноте своей мощи и своей произвольности, своей волевой сути. Поэтому в Модерне к политике сводится все. Сама современная картина мира есть явление политическое.

С начала Нового времени политические идеологии разделились на три типа, которые мы обобщаем в понятия Первой, Второй и Третьей политических теорий. Первая кульминирует в либерализме, вторая — в марксизме, третья — в европейском фашизме и национал-социализме. Эти три идеологии ведут между собой спор за максимальное соответствие сущности Модерна: в этом смысл политической истории последних столетий. История есть история идей и их столкновений.

Конец XX века подводит итог политической истории Модерна. В ходе драматических и кровавых столкновений, революций и двух Мировых войн победу одерживает Первая политическая теория. Это означает, что политическая идеология, оптимально выражающая суть Модерна, есть либерализм, буржуазный порядок, мировой глобальный капитализм. Он-то и становится основной парадигмой в настоящем, подводя черту под историей политического Модерна

и объявляя (пусть несколько преждевременно, но, по сути, верно) о «конце истории», то есть о конце «войны идей»: у победившей идеи больше нет оппонентов (по крайней мере, симметричных).

С этой аксиомы контемпоральности начинается оформление Четвертой Политической Теории. Ее суть заключается в следующем.

Триумф первой политической идеологии, либерализма над историческими противниками берется как базовый факт. Право выражать сущность Модерна, то есть быть квинтэссенцией истории Нового времени, за либерализмом признается. Признается поражение конкурентов, проигравших Модерну битву за смысл Модерна. Модерн=либерализм. Эта формула верна, а попытки ее оспорить окончились поражением. Из такой констатации можно сделать два вывода:

1) признать безальтернативность либерализма и позволить быть подхваченным его дальнейшей (постмодернистской) логикой;

2) выдвинуть новую альтернативу, выстроенную по совершенно иным правилам и в соответствии с совершенно иной геометрией, нежели прежние политические идеологии.

Четвертая Политическая Теория есть второй выбор. Но ее главное отличие от всех прежних антилиберальных политических идеологий состоит в том, что она осмысляет себя не просто как антагониста либерализма, но, признавая тождество Модерна и либерализма, выступает против Модерна как такового; то есть не только против его последнего следствия, но и против его изначальных корней. Иными словами, Четвертая Политическая Теория есть призыв к радикальному восстанию против современного мира, к подрыву его глубинных устоев, к отвержению всей его логики, всех его законов, всех его очевидностей. И в этом Четвертая Политическая Теория солидарна с программой Постмодерна, по меньшей мере, в ее ориентации на деконструкцию и ликвидацию мифов Модерна через разоблачение их инструментальной политико-волативной подоплеки.

Четвертая Политическая Теория предлагает сделать шаг не назад, но вперед, не продолжать споры с либералами в традициях социализма, коммунизма или национализма (все это субпродукты Модерна), атаковать Модерн в его корнях и предпосылках. На практике это значит построить радикальную альтернативу либеральной идеологии, начиная с ее базовых онтологических, антропологических,

космологических, гносеологических, эпистемологических и экономических предпосылок.

Четвертая Политическая Теория есть предложение осуществить синтез Постмодерна и Премодерна, то есть всего того, что не является Модерном, что ему предшествовало, и что ему должно последовать. Но приглашение к этому синтезу сразу порождает главный вопрос: Модерн, либерализм у всех (почти) одинаковый, в стандартизации и униформности суть глобализма, тогда как Премодерн у каждой культуры различен. Отсюда вытекает задача построения такой теории, которая отталкиваясь от универсального (всеобщего) отрицания универсальной же угрозы (либерализма как глобального капиталистического западного американоцентричного миропорядка), на основании обращения к локальным традициям и революционным действиям, восходила бы к в постлиберальной перспективе к полицентричному, многополярному проекту будущего. Отвергая универсальный вызов статус-кво (по любым основаниям, в том числе вполне локальным), необходимо выдвинуть проект, где за каждой культурой будет закреплено право на свободное и самобытное развитие. Следовательно, цель у каждого участника Четвертого Пути будет частично общая (ниспровержение либеральной гегемонии), а частично обособленная (построение общества на свободно избранных началах, коренящихся в основе собственной традиции).

Dasein и его двойник

Субъектом Четвертой Политической Теории является Dasein. Это понятие из философии Мартина Хайдеггера отражает сущность Четвертой Политической Теории как экзистенциальной политики. Dasein нельзя рассматривать как еще один дополнительный субъект по отношению к субъектам (актерам) трех классических политических теорий (индивидуум — в либерализме, класс — в марксизме, Государство/раса — в фашизме/национал-социализме). Dasein — это то, что соответствует сущности человека как вида, причем в том изначальном состоянии, которое предшествует любым социальным, философским, идеологическим и политическим надстройкам. Поэтому обращение к Dasein'у есть имплозия политического субъекта, обрушение человека идеологического (и идеологизированного —

сегодня это значит кодированного либерализмом, ставшего «тоталитарным фантазмом эвиденции») в глубину его экзистенциальной фактичности, постановку перед лицом смерти, возвращение к конечности.

Хайдеггер говорит о том, что Dasein принципиально экзистирует в двух режимах: аутентичном (eigene) и неаутентичном (uneigene). В первом случае мы имеем дело с исключением и с прорывом Dasein к своему Sein, то есть к себе самому (Selbst). Во втором — это, напротив, самое обычное состояние, когда Dasein экзистирует отчужденно, неподлинно, порождая своего двойника, das Man, социологический дубль.

Модерн есть поле неаутентичного экзистирования Dasein'a. Поэтому все политические идеологии Модерна суть не что иное, как модификации das Man, продукты отчуждения бытия человека от самого себя. Индивидуум, класс, раса или Государство суть химерические концепты неправильного, заблудившегося существа, покинутого бытием. То есть это продукты упадка, нисхождения, деградации, инволюции, Untergang. Но философия Хайдеггера призывает мыслить Dasein недואльно: аутентичное и неаутентичное — это режимы экзистирования одного и того же, а не двух разных. Поэтому Dasein не добавляется к субъектам политических теорий, он их взрывает изнутри, так как индивидуум, класс, Государство или раса суть не что иное, как его искаженные отражения, получившие видимость автономии тени, симулякры.

Четвертая Политическая Теория, вводя Dasein, не претендует на трансцендирование истории, но вводит в Untergang свидетельское измерение, вспышку осознания, самым своим наличием радикально меняющего режим. Это можно назвать «пробуждением» к бытию того, что, будучи бытием, оказалось в самой гуще небытия — до такой степени, что забыло о том, что оно — бытие. Четвертая Политическая Теория напоминает.

Множественность Dasein'ов

Неаутентичное экзистирование Dasein'a универсально, das Man всегда одинаков. Либерализм и его фиксация на индивидууме (атоме) являются итогом отчуждения. Нет ничего более механичного,

предсказуемого и униформного, нежели «свободный индивидуум либерализма». Это машина потребления, в которой не остается больше даже ничего звериного, не говоря уже о человеческом. Новый мировой порядок — это глобальное царство *das Man*, предельно индивидуализированной безличности. Поэтому атака на либерализм в сфере политической антропологии есть низвержение неаутентичности как таковой и пробуждение того, что является в *Dasein* сущностным.

Но здесь мы сталкиваемся с проблемой: при том, что ниспровержение неаутентичности (либерализма как *das Man*) универсально, то пробужденный *Dasein* будет ли одним и тем же для разных культур? Здесь при разработке Четвертой Политической Теории нет окончательного решения. Вопрос о единстве или множественности *Dasein* остается открытым. С одной стороны, ученик и последователь Хайдеггера, издатель его трудов, профессор Фридрих-Вильгельм фон Херрманн, ссылаясь на мнение самого Хайдеггера, полагает, что *Dasein* на уровне экзистенциалов является чем-то единым, а в разных культурах различаются только его экзистенциальные проявления, то есть вторичные (культурные) оформления экзистенциалов (таких, как бытие-в-мире, бытие-к-смерти, бытие-вместе, забота, заброшенность и т. д.). Но с другой, в этом можно усмотреть продление евроцентристских тенденций самого Хайдеггера, который рассматривал Логос и философию как исключительно западные (европейские — от греков до германцев) феномены. Поэтому помещение хайдеггеровской философии в поликультурный контекст с учетом незападных обществ (японского, китайского, исламского, русско-евразийского, индусского и т. д.), резко меняет картину и выдвигает тезис о множественности *Dasein*’ов. (Применительно к русской культуре мы разобрали это в отдельной книге «Мартин Хайдеггер: возможность русской философии», но нечто аналогичное можно найти в Японии у представителей Киотской школы, у иранских хайдеггерианцев, таких как Ахмад Фардид или у современного ливанского философа Надера аль-Бизри).

Для решения этого проблематичного, но чрезвычайно важного момента, предлагается обратиться к той логике, которую сам Хайдеггер применил к постановке проблемы единобожия и политеизма. Он замечает, что решение о том, есть ли единый Бог или их мно-

го, принимают не люди, но сами боги, собравшись на своем тинге. Для человека же важно лишь приблизиться, насколько это возможно, к сфере Божественного, не претендуя на слишком пристальную фиксацию взгляда — такая настырность может рассердить или же спугнуть богов — ведь боги, как сказал Платон, летучи и склонны к бегству (философская этимология греческих слов θεός, бог, и θύω, бежать).

Аналогично: надо предоставить возможность пробужденным Dasein'ам самим решать, существует ли универсальный всеобщий Dasein человечества, или нет. Это заключение — дело самих Dasein'ов; наше же дело — их пробудить и предоставить все остальное на их усмотрение. Но на практике пробуждая Da-sein, мы обращаемся к его Da, то есть его пространственной локализации, к месту, а это место, культурно и исторически предопределено; любое место — это место народа, того или иного. Поэтому Dasein пробуждается через бытие народа. Dasein existiert völkisch.

Dasein множественен на уровне феномена. И его пробуждение разворачивается внутри конкретного места (Da). И это не пустое место. Это место

оккупировано либералами (das Man) как суммой неаутентичного бытия (это проявляется во всем — от культуры до технологии, от быта до политики, от образования до моды);

имеет внутреннее измерение, соответствующее данному конкретному народу и его культуре.

Поэтому императив освободительной революции, направленной против гегемонии das Man (=глобализма, либерализма, американизации), всегда будет опираться на конкретную культурную и историческую традицию. И поэтому в первом приближении он будет в каждом месте, в каждом Da, своим собственным. И если мы поспешим со сведением всех этих пробуждающихся Dasein'ов к общему универсальному знаменателю, мы рискуем сорвать всю стратегию Четвертой Политической Теории и подменить ее новой версией схоластического универсализма (что и происходит подчас с идеями Хайдеггера в том случае, если они не продумываются ответственно и до конца, на что он и сам сетовал, сокрушаясь о той карикатуре, в которую превратили его идеи французские «экзистенциалисты»).

Итак, Четвертая Политическая Теория констатирует феноменологическую множественность Dasein'ов, то есть принимает тезис о том, что Dasein existiert völkisch. Такой принцип ни в чем не ослабляет общности всех Dasein'ов в их противостоянии неаутентичному экзистированию в режиме глобализма/либерализма; враг атакует глобально и для победы над ним необходима столь же глобальная координация Dasein'ов, каждый из которых стремится пробудиться к своему бытию, но при этом каждому сделать это мешает общий враг. Это единство в предпосылках. И за горизонтом грядущего мы оставляем открытым вопрос о том, как решат проблему единства и единственности Dasein'ы пробужденных народов. Тем самым Четвертый Путь строится по следующей диалектической цепочке:

1) единство в отрицании — 2) многообразие в утверждении — 3) открытый вопрос о высшем горизонте возможного единства многообразных утверждений. Быть может это предельное единство следует изначально рассматривать в осторожно апофатических терминах — в духе платоновской «хенологии» или отрицательного богословия Дионисия Ареопагита.

Экзистенция черной Испании

Мы подошли вплотную к факту издания книги «Четвертая Политическая Теория» на испанском языке. Приведенные выше пояснения о множественности Dasein'ов уже подсказывают, что конкретное содержание позитивной программы Четвертой Политической Теории в испанском контексте — задача самих испанцев. Отрицательная программа — анализ логики становления и столкновения политических идеологий Модерна — универсальна. В этом смысле Испания есть часть Европы, входит в западный мир и несет ответственность за деградацию человечества, за его спуск, Untergang. Вопрос лишь в том, как испанцы осмысляют этот спуск. И здесь, конечно, следует искать в испанской культуре те зоны, где осознание трагичности бытия, онтологической катастрофы ощущалось пронзительнее всего. И здесь начинается собственно область уникальной и уже не универсальной испанской экзистенции. Что такое экзистенциальная Испания?

Армин Мелер считает, что символом испанского духа является эпизод защиты крепости Алькасар в эпоху гражданской войны в Испании.

«Защита Алькасара имела место в самом начале испанской гражданской войны с 21 июля по 27 сентября 1936 года. Только 27 сентября националистам удалось прорвать кольцо красных, которые держали город в окружении. Посещение Алькасара, который остался нетронутым с тех пор как свидетельство войны дает ясное представление о том, как это было. Архаичный телефон на столе, пожелтевшие фото на стенах и текст одного телефонного разговора, переведенного на многие языки мира (включая арабский, еврейский и японский). Все это должно напоминать о событиях 23 июля 1936 года.

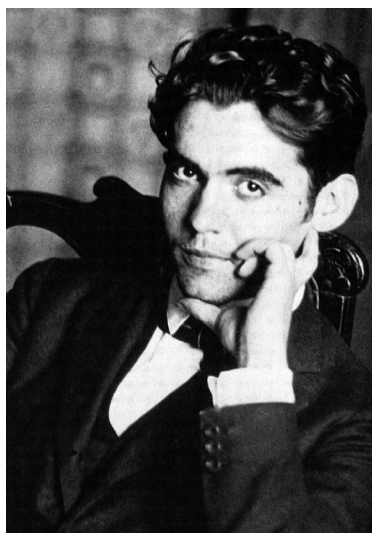
В этот день у полковника Москардо, командира Алькасара, раздается телефонный звонок из города. Его собеседник — начальник Красной милиции, осаждающей город. Он предлагает Москардо немедленно сдать город, так как в противном случае его сын, попавший в руки красных, будет расстрелян. Красные дают трубку сыну, чтобы тот подтвердил все сказанное. Между отцом и сыном происходит такой диалог. Сын: «Папа!» Москардо: «Да, что случилось, сынок?» Сын: «Ничего. Только они говорят, что расстреляют меня, если ты не сдашь Алькасар». Москардо: «Тогда поручи свою душу Богу, крикни «Вива Еспанья!» и умри патриотом». Сын: «Я целую тебя, папа». Москардо: « Я целую тебя, сынок». Потом он добавляет начальнику Красной милиции, снова взявшему трубку: «Не медлите. Алькасар не сдастся никогда». Москардо вешает трубку. Его сына расстреливают вниз, в городе.

(...) Здесь герои действия — не массы, (...) но две одинокие и ясно определенные фигуры: полковник и его маленький сын. Сцена разворачивается в том холодном стиле, который нам уже знаком. Все эмоции подавлены, каждый стремится доиграть свою роль (а не довести до конца свою миссию). Но все при этом оживлено глубинным напряжением между юностью (сын произносит слово «папа») и смертью (угроза начальника Красной милиции). А на заднем плане *España negra*, та Черная Испания, которой не знают туристы, глиняная Испания под завесой дождя, с окаменевшими лицами, под саванном смерти».

Нас интересует не политический контекст, нас интересует испанский дух, а еще точнее тот фон, на котором разворачивается холодная и душераздирающая одновременно сцена. Нас интересует «черная Испания», *España negra*. Главное действующее лицо именно она. Через действие полковника Маскардо, через всех участников драматического действия, говорит именно она. «Черная Испания» как экзистирование к смерти.

Duende: родина Смерти Гарсиа Лорки

Здесь мы меняем политический регистр и переходим к другому флангу Испании первой половины XX века, где, однако, царит тот же дух земли, та же ненависть к отчуждению, капитализму и механической цивилизации, та же воля к смерти. Голос «черной Испании» — это голос Федерико Гарсиа Лорки, поэта смерти, поэта экзистенции, расстрелянного на этой же войне, только противоположным лагерем. И это уже не имеет смысла — кто кого расстрелял. Всех позвала к себе общая возлюбленная, черная дева, святая Испания, царственная невеста раскаленного духа.

В своей лекции «Теория и игра дуэнде» в Буэнос-Айресе Федерико Гарсиа Лорка пытается высказать последнюю истину о сущности поэзии. И в нечеловеческом усилии облечь в слова невыразимое он подыскивает слово «дуэнде», тайный и всевластный даймон последних глубин человеческой крови, открывающийся как смерть и как Испания.

Теория «дуэнде» во многом резонирует с хайдеггеровской концепцией *Dasein*'а. Дуэнде — это то, что заставляет собравшихся в таверне застыть, услышав надтреснутый голос старой провинциальной певицы; что пронизывает тело танцовщицы, осененной внутренней глубинной дрожью перед первым тактом танца фламенко;

что позволяет смертельно раненому матадору в последний раз бросить взгляд на свой шейный платок, обагренный кровью; что сжимает мышцы цыганки вокруг тела умершего младенца и не дает крику вырваться из пораженной болью груди; что помещает в поэта чудовищный дар творить свежий мир заново. Дуэнде — дух, но не в смысле абстракции или мифологической карикатуры; он дух живой, конкретный, еще не делающий различия между добром и злом, только что родившийся, но уже нашедшийся, уже состоявшийся, уже ворвавшийся в бытие. Дух/дуэнде есть смерть, в ее конкретном, телесном, эмпирическом выражении.

Дуэнде означает «хозяин». Он связан с местом. Он делает место, топос зоной вспышки, открытости. Это экзистенциальное место, место бытия-к-смерти. Это и есть *Da Da-sein*'а, место где *Dasein* есть. В момент события (*Er-eignis*) бытие (*Sein*) делает *Da*, место, своим собственным (*eigene*), то есть становится «хозяином», «обладателем», «собственником» места своего проявления, своего явления, своей парусии. Дуэнде, пишет Лорка, в отличие от Ангела или Музы, приходит не извне, но изнутри, из последних жилищ собственной крови. Он становится «собственником» человека только тогда, когда чувствует смерть. Смерть и дуэнде синонимы, но та смерть, которая встречается с человеком, когда он на мгновение становится человеком-по-настоящему, когда он пробуждается.

Для Лорки топос, где властвует дуэнде, имеет имя. Это имя Испании. Он пишет:

«Испания — это страна, во все эпохи движимая силой дуэнде. Испания — страна тысячелетней музыки и тысячелетнего танца. Здесь дуэнде открывает себя в желтых лимонах утренней зари; Испания — это страна смерти, страна, открытая смерти».

«Страна, открытая смерти». Сказать это, значит, сказать сущность Испании, выразить ее глубинный *Dasein*, сказать об Испании самое испанское, что только можно себе представить. Смерть и открытость, смерть как сокрытость. Совсем как у Хайдеггера, где *Da*, место *Dasein*'а мыслится именно как открытость (*Offene*, *Offenheit*).

Далее Лорка сомнамбулически развивает метафору, переходя к метафизике театра:

«Во всех остальных странах смерть означает конец. Она приходит и занавес падает. Не так в Испании. В Испании смерть приходит

и занавес поднимается. Многие испанцы живут, не покидая четырех стен, и выходят на солнце, только когда умрут. Мертвецы Испании живут по-настоящему в отличие от мертвецов других стран: профиль мертвого испанца режет острее бритвы. (...) Испания — это единственная страна, где смерть возведена в статус национального зрелища».

Экзистировать аутентично для испанца, значит, столкнуться с дуэнде, то есть с самим собой, со своей смертью. Но это значит — вернуться к себе и выйти за последние пределы.

«Дуэнде... Где пребывает дуэнде?» Лорка задает вопрос об экзистенциальной карте «черной Испании».

«Через пустую арку входит умственный ветер, и настойчиво свистит над головами мертвых, в поисках новых пейзажей и неизвестных ударений: это ветер со вкусом детской слюны, растоптанных трав и покрывала медузы, объявляющей о непрерывном крещении недавно созданных вещей».

К экзистенциальной Империи

Пробуждение Испании в контексте Четвертой Политической Теории должно быть в первую очередь обнаружением ее экзистенциального измерения. Без этого ничто не имеет значения. В борьбе с отчуждением Испания должна обрести саму себя — по ту сторону Модерна. Это значит, в глубине народа, в глубинах этничности, в камнях и танцах, но одновременно — в великих проектах, начатых в иные времена и в иных обстоятельствах. Для одной части европейского человечества Модерн, Запад как место глобального отчуждения, как провинция вечернего нисхождения, *Untergang*, это судьба; и все,

для кого это так, расплытся в воздухе — вместе с последним дыханием истощившей себя цивилизации. Но есть и другая Европа, глубинная. Есть и другая Испания. Та самая, черная, смертная, смертельная. И ее судьба может быть иной.

Александр Дугин

Четвертая Политическая Теория: критика расизма, исследование субъекта, новые горизонты

(запись с выступления на семинаре 14.01.2013, МГУ)

Прежде всего, я предлагаю пройти по всем подпунктам Четвертой Политической Теории, остановившись на каждом из них более подробно, и одновременно рассмотреть другие вклады и подходы к этой теме.

Начнем с того, что есть книга Джона Хобсона, которая называется «The Eurocentric Conception of World Politics» («Евроцентрическая концепция мировой политики»), изданная в 2012 году, которая, на мой взгляд, представляет собой уникальный вклад в теорию Международных Отношений. Эта книга посвящена разоблачению западного расизма; с философской, антропологической, социологической, политологической точек зрения, это бесценное произведение, заслуживающее того, чтобы его перевели, распространили и изучали. Книга Хобсона показывает — и очень убедительно, — что все модели Международных Отношений всех школ: реализма, либерализма, марксизма и даже анти-империализма Эдварда Саида или неомарксизма Валлерстайна — построены по принципу абсолютного расизма. Иными словами, мы имеем дело с расистской моделью — прямой до 1945 года, где все эти теории сопровождалась отсылкой к белой расе и её неперемому превосходству над другими расами, и сублиминальной — после 1945 года, когда открытый расизм, после истории с Гитлером, стал невозможен.

Расизм стал сублиминальным, и этот расизм (в широком понимании) Хобсон видит в теории прав человека, в современной глобализации, в современной демократизации, модернизации, — вообще в любом жесте и в любой западной теории, которые сохраняются до сих пор. Эта книга — революция, потому что она показывает, что под видом демократии, свободы и диалога цивилизаций Запад протаскивает расистскую, империалистическую, шовинистическую,

совершенно человеконенавистническую модель мировоззрения во всех видах. И пацифисты, и либералы являются расистами не в меньшей мере, чем те, кто откровенно с этим согласен.

То, как трактует расизм Хобсон, на мой взгляд, имеет, во-первых, абсолютную обоснованность, во-вторых, очень широкие философские, политологические импликации. Если мы примем модель Хобсона, мы сможем оперировать с этой концепцией расизма, не только в сфере Международных Отношений, но и гораздо шире. Я думаю, что критика расизма в том понимании, в котором она дается Джоном Хобсоном, и в той форме, в которой она может быть применена к более широкому спектру идей, должна стать важнейшим компонентом Четвертой Политической Теории; то есть антирасизм и критика евроцентрических концепций Запада должны стать основой Четвертой Политической Теории без всяких ограничений. Этот научный, концептуальный, выверенный анти-расизм Хобсона должен быть перенесен и на другие сферы, и поставлен, как одна из ключевых идей и концепций Четвертой Политической Теории.

Я немного расскажу о базовой модели, предложенной Хобсоном, чтобы вы увидели объем его критики расизма и структуру или концепт его анти-расизма. Хобсон начинает с того, что обращает внимание на основную схему, которая действовала в эволюционистской антропологии до начала XX века и служила нормативом для таксономии всех типов обществ. Ввел её формально Льюис Морган¹, но сублиминально, бессознательно она присутствовала и присутствует уже до Моргана — в западном понимании типов обществ. Какова эта таксономия? Вся идея заключается в том, что существует три базовых типа организации обществ, к которым сводятся все остальные:

- первый тип — это состояние первобытных, примитивных племен, т. е. состояние дикости; оно рассматривается в этой эволюционистской модели, как состояние примордиальной орды или человеческого стада; это переходное состояние между сообществом обезьян и собственно человеческим обществом. Дикость, понимаемая как базовое, начальное, дерз-

¹ известный американский учёный, этнограф, социолог, историк, который внёс большой вклад в теорию социальной эволюции, науки о родстве, семье. Является создателем научной теории первобытного общества и одним из основоположников эволюционизма в социальных науках.

кое состояние человечества, обладает своими свойствами: отсутствием государственности, отсутствием письменности, отсутствием четкой дифференцированной культуры, социальной дифференциации, разделения труда в обществе. Это архаическое общество, которым занимается классическая антропология.

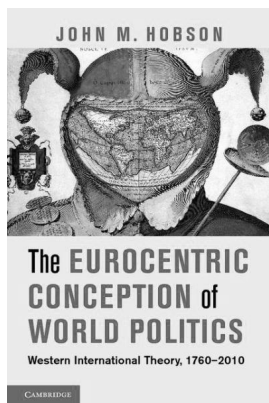
- второе состояние, из которого выходит это архаическое человечество на следующем этапе, есть состояние варварства. В этот момент возникают централизованные империи с довольно сильной дифференциацией, но продолжающие быть слабо рефлекторными, с недостаточно развитыми культурами и довольно неэффективным способом производства. Хобсон вводит такой концепт, как *агенси*, который можно трактовать и как способ производства, и как эффективные стратегии. Варварские общества характеризуются так называемым понятием *predatory agency*, то есть «хищнический способ производства»: сильный отбирает у слабого и берет себе. Клань, касты, государства, авторитарные группы, сословия, воины в обществе — отбирают у слабых и на этом строят свое богатство и бедность слабых и угнетаемых слоев. Это и есть *predatory agency*, который контрастирует с *low agency* — с совсем неэффективным производством. Далее возникает *predatory agency*.
- третий тип — цивилизация, который характеризуется *high agency* — высоким уровнем захвата, высоким уровнем культуры, высоким уровнем рефлексии.

Типы общества располагаются между собой в двойной системе таксономической иерархии. То есть, диахронической и синхронической. С точки зрения синхронической, дикость — это предшествующая, предварительная стадия варварства, а варварство — предварительная стадия цивилизации. То есть дикость находится внизу, и дикий человек, дикарь, *savage*, представляет собой почти животное, по сравнению с цивилизованным человеком. Это человек на первой стадии умственного полноценного состояния, он уподоблен детям, идиотам, шизофреникам и обезьянам. Второй — варварский человек. Он уже напоминает нормального человека с точки зрения этой теории, но еще не дотягивает, поскольку он еще не рефлексировал, он

движим своими личными комплексами, желаниями, аппетитами, которые могут быть ограничены только противодействующей силой. И третий тип — цивилизация, где вступает в дело Логос, философия, мышление, культура, понимание Другого и очень высокая эффективность социально-экономических процессов. Итак, это три типа обществ, которые неравны: цивилизация, варварство (достойное сожаления, порочное, негативное) и дикость. В начале XX века одного пигмея выловили, привезли в американский зоопарк, и долгое время демонстрировали в клетке в рамках теории естественной эволюции, пока африканский пастор не вступился за него, попросив отпустить. Это исторический случай. В начале XX века в благословенной демократической цивилизованной Америке из сожаления к этому пигмею, его поместили в клетку. Они, правда, потом и Эзра Паунда поместили в клетку. Это «замечательная» американская культура! Но Эзра Паунд, может, и не имел ничего против, потому что он ненавидел эту культуру, он с ней боролся, считал, что это зоопарк, потому что там, где есть банковский процент, там зоопарк. Это была борьба, но пигмей, напротив, не боролся с процентным рабством, просто жил, ходил по своему лесу, а его привезли и стали показывать рядом с обезьянами. В XX веке! Это свидетельствует о том, как относится цивилизационное общество к дикарям.

Таким образом, в синхронической перспективе общества неравны, и всегда цивилизация — это хорошо, варварство — достойно сожаления, дикость — никуда не годится. Соответственно, в диахронической перспективе вся история рассматривается таким образом: переход от дикости к варварству, от варварства к цивилизации. И это только единственный путь истории. И вся история есть только этот путь. Конечно, можно задержаться на уровне дикости, можно затормозиться в варварстве, можно коснеть в каком-то своем состоянии на долгое-долгое время, но путь один — все двигаются к цивилизации. Существует еще временная телеология этих обществ. Существует их иерархия и телеология, и в конечном итоге они совпадают в триумфе современной западной европейской цивилизации, которая является самой современной и самой высшей, то есть время и пространство смыкаются. Это Хобсон называет евроцентризмом.

Евроцентризм оперирует с этим концептом трех типов обществ: целью и вертикальной иерархией, как с базовой установкой. Все

общества градируются именно таким образом. Почему это особенно важно в Международных Отношениях? Потому что эта посылка наиболее ярко проявляет себя там, где речь идет о различных государствах, различных народах в международной сфере.

В рамках одного общества это не столь очевидно и не столь наглядно. Да, это изучается в школах, да, на этом построены наши науки (гуманитарные, технологические), это презумпция нашего культурного состояния — западного или находящегося под западным влиянием; сегодня весь мир оперирует этим, но это не так наглядно. А когда мы переходим к сфере Международных Отношений, индекс, присвоенный тому или иному обществу, начинает иметь очень серьезное воздействие, вплоть до юридического уровня. И тогда Хобсон вводит понятие дефолтный (default) или градуальный суверенитет. Принцип суверенитета — это принцип современный, цивилизованный, он навязан сегодня всем национальным государствам. Но если страна цивилизованная, то её суверенитет полный, если же страна варварская, она обладает дефолтным суверенитетом, то есть её суверенитет признается, но западная цивилизация относится к ней с недоверием: так ли она будет использовать этот суверенитет (так ли правильно, как мы, или неправильно, как варварский, хищнический predatory agency?). За этим надо следить и каким-то образом сокращать объем этого суверенитета. И что говорить о гавайском суверенитете или суверенитете африканских народов? — понятно, что это просто номинальный суверенитет. И Запад, и международная модель, в которой все государства равны на практике, в конкретном ежедневном действии организации дипломатических отношений вводят этот критерий «цивилизация-варварство-дикость» для решения любых проблем — гуманитарных, дипломатических; то есть, это действующая модель, которая нигде не обозначена, но которая проявляется в Международных Отношениях совершенно однозначно.

Дальше Хобсон говорит, что все теории Международных Отношений, с которыми мы имеем дело, подспудно построены по этой схеме: что есть только одно движение — движение к цивилизации. Это утверждают и империалисты, и антиимпериалисты, и все противники западной гегемонии хотят построить национальное государство, как на Западе, чтобы их приняли в цивилизацию и чтобы их больше не рассматривали, как варварство и тем более как дикость. Значит, процесс модернизации и укрепление национального суверенитета уже есть расистский концепт, вытекающий из этого принципа иерархизации, и из времени и пространства, то есть, синхронного сочетания этих типов цивилизаций и утверждения, что эта логика истории единственная и не отменяемая.

Хобсон показывает, как до 1945 года была маркирована эта схема: цивилизация = белые, варварство = желтые, а дикость = черные. И, на самом деле, вся эта модель изначально строилась на принципе бремени белого человека, *white man's burden*. То есть белый человек — носитель цивилизации и наоборот.

Майкл Джексон формально черный, но хочет быть в цивилизации, значит, он выкрашивает себе лицо, становится белым, как титаны, которые ползли за Дионисом (чтобы боги не заметили их, они выкрасили известью лица, и тогда их пропустили на Олимп). Иными словами, белый — это социальный статус.

Я был удивлен, когда в Бразилии встречал черных фашистов, черных расистов. Они были чернокожими, но считали себя арийцами, потому что это социологический вопрос. Я долго не мог понять, почему, но потом бразильцы рассказали мне, что у них вообще нет расизма, но они распределяют индексы с цивилизационной точки зрения: кто хочет быть черным, тот черный, кто хочет быть белым, тот белый, ведет себя как белый, одевается, как белый. И белое и цивилизация в этой схеме отождествляются. Желтую расу — отсюда возникает «желтая угроза» (особенно это относится к русским и китайцам, русским евразийцам) — они рассматривают как недоделанный, промежуточный вариант. Они имеют гораздо больше эффективности, агенсу, чем черные, но они представляют собой второй мир. Такой желто-коричневый, арабско-латиноамериканский-азиатский мир, распространяющийся вокруг белого ядра. Это второй пояс человечества, который с социологической точки зре-

ния, в евроцентрической модели представляет собой строго нечто промежуточное между белым и черным. Желтое — это смешение: что-то есть от белого, то есть способность к какой-то организации, традиции, рефлексия, социально-экономическое развитие, модернизация, но, тем не менее, качественно отличающееся от белой цивилизации. Желтые люди — второго сорта, считает западный человек, и когда он говорит: «*Grattez le russe et vous verrez le Tatare*», он имеет в виду: «Посмотрите: русские — белые снаружи и желтые внутри». «Наверное, у вас процветает коррупция?» — думает Наполеон, потому что коррупция — это свойство желтых обществ, варварских, и если вы относитесь ко второму миру, вы обязательно должны быть *predatory agency*, *high level of corruption*, *totalitarian* и поддерживать несоблюдение прав человека и гей-меньшинств. Вы желтые, а значит, вы представляете собой варваров. Варвары и цивилизация — это разговор между белыми и желтыми. Дикость — это черные аборигены, черная Африка, черное население (к ним можно добавить и красных, индейцев), которые представляют собой архаические общества, не способные ни к какой внеколониальной самоорганизации, и могут стать добычей либо желтых хищников, либо белых цивилизационных колонизаторов. Самое поразительное, что, казалось бы, Маркс — антиимпериалист, но Хобсон приводит несколько высказываний Маркса свидетельствующих, что он разделяет эту идею, поддерживая общее движение к капитализму. Лишь потом он собирается его преодолевать. Маркс в одном месте пишет: англичане должны завоевать Индию и установить там хорошие, прекрасные, капиталистические нравы, чтобы не дать этим страшным русским, китайцам и османам сделать то же самое, потому что, если варвары завоюют, колонизируют Индию, это будет постепенным движением дикарей к варварству, а нужно, чтобы цивилизованные люди сразу всё завоевали, — в этом случае переход от индусской дикости к цивилизации будет наиболее ускоренным, наиболее легким.

Таким образом, мы имеем дело с абсолютным расизмом, который до 1945 года мыслит евроцентрическую модель в терминах цвета кожи, что является социологическим и политологическим признаком и маркером в Международных Отношениях. Черным полагается одно, желтым — другое, белым — третье. Это не биологический ра-

сизм, это маркирование цветом кожи, гораздо более глубокая форма расизма, расизма цивилизационного, или евроцентризма.

Что происходит после 1945 года? Одна из форм (очень маргинальная форма гитлеровского расизма), которая не составляла даже магистральной линии, была дискредитирована. Поэтому такое прямое продолжение беседы, благодаря Гитлеру, который, кстати, не был первым расистом, — главными, первыми расистами были англичане и либералы, — первая политическая теория отнюдь не третья, расизм не является ее сутью. Расизм Гитлера был очень ярким и, к сожалению, бросил тень на расизм как таковой. После 1945 года расизм на Западе переходит в сублиминальную фазу, находящуюся под порогом восприятия. То есть от прямого, эксплицитного расизма мы переходим к стадии, согласно Хобсону, имплицитного расизма. Это означает, что отныне мы не говорим: белые, желтые и черные, мы говорим: цивилизация, варварство и дикость. Что мы подразумеваем под этим, когда нам говорят: «Вы имеете в виду черные?» «Нет, — говорим мы, — дикие, которые в набедренных повязках, которые с каменным топором, которые типа обезьяны». «Черные?» — трясет кулаком защитник прав животных и человека. «Нет, ни черные — дикие. Их надо срочно на выставку».

Желтые превращаются во второй мир. Вначале желтыми становится Советский Союз. А евразийские модели подсказывают им, что это желтые, что мы — не Европа, а раз не Европа, значит Азия. А Азия — это желтые, а желтые — это варвары. Слово желтый больше не используется, используется слово варварский, или *predatory agency*, или коррупционные общества, или авторитарный, тоталитарный, — не важно, что это за режим (если этот режим расположен в азиатской зоне, значит, он будет таким, потому что речь идет о желтых варварах). Это «желтая угроза», которая трансформируется в угрозу тоталитарного, советского, коммунистического русско-китайского строя. Но на самом деле, в то, что появится во второй половине войны, после Второй мировой войны, во время «холодной войны». Соответственно, цивилизация отрывается от белых, никто больше не говорит о *white man's burden*, о бремени белого человека; говорят о бремени цивилизации, т. е. об издержках модернизации, о необходимости структурных реформ с помощью международного рынка, международного валютного фонда, о продвижении де-

мократии, о правах человека и глобальных ценностях. То есть мы убрали цветовой, расовый маркер в чистом смысле, но вся структура мышления Международных Отношений сохранилась. Это Хобсон и называет сублиминальным расизмом. Расизм есть прямой до 1945 года. Он определяет все типы, включая марксизм и анти-колониализм, потому что анти-колониалисты хотят лишь построить такое же национальное государство, — значит, они расисты, значит их борьба против колониальной метрополии, против Англии или Америки, анти-колониальная борьба, есть борьба расистская, поскольку принимается эта идея превосходства цивилизации над варварством, принимается ход движения истории в сторону модернизации.

Соответственно, после 1945 года откровенный расизм становится сублиминальным, но его структура сохраняется. Модернизация неизбежна, — говорит Гонтмахер, и все говорят так, потому что Гонтмахер — расист, потому что все наше образование является расистским образованием, и вообще всё наше мышление является расистским мышлением, в той степени, в которой оно является западным, евроцентричным. Соответственно, наука физика является расистской наукой, химия — расистская наука, которая утверждает, что все молекулы движутся в сторону белой цивилизации, белого порошка. Таким образом, и откровенный, и сублиминальный расизм составляет некоторую доминанту евроцентрического подхода и основан на этой иерархизации — временной и пространственной. Вот что хотел сказать нам Хобсон на основании огромного количества проанализированных текстов.

Как мы должны к этому отнестись? Дальше мы должны подумать: эта иерархизация трех типов цивилизаций, это движение истории, на самом деле, есть не что иное, как выражение Модерна в чистом виде. Так мыслит Модерн. Значит, Модерн является расистским явлением. Модерн есть расизм. Причем не в какой-то своей версии, а вообще в любой версии Модерна; это есть не что иное, как расизм, открытый и сублиминальный. Имея дело с Модерном, мы имеем дело обязательно с расизмом.

Следующее мое предложение — вслед за Хобсоном рассмотреть три наших политических теории, каждая из которых напрямую с расизмом не ассоциируется. Но либерализм основан исключительно на этой модели превосходства цивилизации над варварством и ди-

костью, а также движении истории в сторону цивилизации. То есть либерализм в своих корнях, в своей матрице (не в своих проявлениях, не в двойных стандартах, не в практике правоприменительной), в своей базовой теории является расистским политическим учением, потому что он предполагает, что цивилизация лучше, чем варварство, а варварство лучше, чем дикость, и дальше применяет эту расистскую схему к анализу различных социально-политических систем. Либерализм есть расизм, коммунизм есть абсолютный расизм, по Хобсону, потому что коммунизм утверждает, что капиталистическая фаза, фаза *west high agency*, то есть цивилизации, является абсолютно необходимой стадией развития всего человечества, и все народы земли должны пройти через эту фазу. Соответственно, коммунисты, марксисты и ортодоксальные социалисты являются абсолютными расистами, не потому что они расисты, а потому что они придерживаются этой откровенной модели необходимости движения исторического пути к цивилизации, и пик цивилизации видят в современном западном обществе. Другое дело, что у коммунистов есть еще один этаж, который они надстраивают над этой цивилизацией — они соглашаются с либералами в отношении того, что дикость должна быть преодолена варварством, варварство должно преодолено цивилизацией, а [буржуазная] цивилизация должна быть преодолена коммунизмом. Они достраивают этот этаж, но на самом деле, даже если они теоретически его достраивают и вводят диалектику в эти отношения, а также говорят о пещерном коммунизме, то есть утверждают, что в конце будет почти так же, как в начале, только диалектически на новом уровне, это, конечно, позволяет им несколько уйти от прямого обвинения в расизме, и особенно в практике советского и китайского коммунизма, где теории Маркса были сочетаемы с другими, не очень хорошо исследованными комплексами идей (в частности, с русской мессианской ментальностью, с китайской традицией, которые в значительной степени создали оригинальный синтез), тем не менее, чистый марксизм — это расистская теория до того момента, что везде должна восторжествовать белая цивилизация (белая с точки зрения концептуальной). В этом марксисты абсолютно солидарны с либералами (а неомарксисты и троцкисты — особенно). Поэтому весь антиглобализм есть чистый и жесткий, радикальный, человеконенавистнический расизм, который

утверждает, что все общества должны пройти через эпоху цивилизации и лишь потом, на следующем этапе, левые разделяются с либералами: либералы говорят, что это «конец истории», а коммунисты считают, что это не так, и есть еще одна фаза (и «после вашего кризиса придем мы»). Ни один коммунист никогда не будет защищать варварство или дикость, и поэтому он расист, кроме тех коммунистов, которые защищают варварство или дикость; они молодцы, но их нет (хотя таким был Жорж Батай).

И, наконец, национал-социализм. Это идеология, которая в меньшей степени разделяла эти расистские модели. Нам кажется, что расизм плох, потому что был фашизм, на самом деле фашизм плох, потому что он был расизмом. То, что в национал-социализме было расистским, то, что было евроцентрическим, то, что было ориентировано на high agency, высокую эффективность в коммерческих предприятиях, в организациях обществ белой расы, — это и было ужасно. В фашизме ужасен либерализм, Модерн, коммунизм и расизм, но всё остальное (если что-то останется) еще можно рассмотреть.

Эта идея подводит нас к очень интересному выводу, что существует некий фундаментал Четвертой Политической Теории, который означает анти-расизм, глобальный анти-расизм, отрицание этой схемы. То есть, для того, чтобы строить Четвертую Политическую Теорию (имея под рукой книгу Хобсона), мы должны очистить ее от расизма во всех его проявлениях. Мы должны поставить под вопрос, почему варварство лучше, чем дикость и почему цивилизация лучше, чем варварство. Кто так делает? Культурные, структурные, социальные антропологи, Руссо, Турнвальд, этносоциологи. На самом деле, новая антропология предлагает нам другой взгляд на понятие дикаря — новая антропология Боаса, Леви-Стросса, Турнвальда и всех наших авторов, которых мы изучаем в курсе социальной антропологии и этносоциологии; нужно привлечь их для обоснования анти-расизма (и если мы под таким углом посмотрим, например, на Леви-Стросса, мы увидим там колоссальное количество практически проработанных великих идей). Итак, отвержение расизма должно проходить через конкретную реабилитацию того, что называется дикостью. Надо сказать, что дикость — это расистский концепт, дикаря придумали работоторговцы для того, чтобы его эксплуатировать. А на

самом деле это никакое не недоразвитое общество животных, это другое человеческое общество, и здесь Рихард Турнвальд с его пятью томами «Человеческое общество» является для нас фундаментальным орудием. Ни на один язык не переведен великий Турнвальд, который доказывает, что архаические общества имеют огромную полноценную гамму всех типов, богатейших типов. Нам нужно доказать, что дикарь — полноценный человек, а современный человек — урод и обезьяна. Для начала так, а потом можно их уравнивать. Но вначале нужно нанести ответный удар за эти годы рабства, за эти годы уничижения, за эти годы грязи, которую льют на нас модернизаторы.

То же самое — варварство. Защита варварства приобретает для России, для Китая, для Латинской Америки просто фундаментальное значение. Мы не варвары, мы просто другие, нежели вы, и наш способ производства не менее эффективный. Он просто другой, потому что у нас другие ценности, другие культурные установки. Необходимо защита и реабилитация так называемой желтой, варварской, имперской, традиционной, религиозной общности, монархии, тоталитаризма, социализма — всего того, что ненавидят представители белой цивилизации. Необходимо реабилитировать всё то, что цивилизация в эпоху Модерна сбросила с корабля современности. Необходимо защищать Азию, необходимо защищать желтое, Латинскую Америку с её уникальным опытом, необходимо защищать исламский мир. Исламский халифат замечателен, черные африканские общества — прекрасны, китайская цивилизация — лучше не придумаешь, индийский мир — образец, самурайская Япония — пример для подражания, русские цари — нет никого гуманней и прекрасней. И вся аргументация должна быть перестроена, потому что мы должны отбросить цивилизационный расизм Запада и этноцентризм. Мы, люди Азии, люди Евразии, люди Индии, должны перестать стремиться к цели, которая не вытекает из нашей культуры. Зачем нам быть европейцами? Они дошли до полного вырождения, но все еще предлагают следовать за собой. Наше опоздание нас спасает, наша косность избавляет нас от того, чтобы мы превратились в таких же недолудей, какие бродят в современной цивилизации. Цивилизация — это смерть, но если она нравится, мы скажем гуманно: «Ради Бога! Гей парады — Франкфурт, Берлин, Париж, Лондон, но где-то к

Бресту они должны остановиться; дальше будут проходить уже нормальные парады». Должен быть антропологический плюрализм, но не следует нам ничего навязывать и предлагать в качестве нормы. Норма растет из нашей культуры. Необходимо отбросить деление «цивилизация-варварство-дикость», этот антигуманистический расистский концепт.

Я думаю, что нужно перейти от тотальной и фронтальной критики расизма к утверждению нерасистских социально-политических и социально-антропологических систем. Мы должны обосновать и создать свободную антропологическую апологию многообразия человеческих обществ, человеческого опыта, где найдут свое место любые промежуточные формы, которые не будут выставлены в эту шкалу ни синхронически (с точки зрения: эти — выше, эти — ниже), ни с временной точки зрения (эти — раньше, эти — позже). Есть и сейчас архаические общества: это люди, а не обезьяны. Новый гуманизм Четвертой Политической Теории должен заключаться в том, чтобы настоять на многообразии человеческого фактора, отказавшись от этих двух конкретных предпосылок, что, кстати, дает нам колоссальное идейное оружие. Куда бы мы ни вышли, мы имеем дело только с оголтелыми, бессознательными или сознательными расистами. Все, кто нас окружают — расисты, значит, анти-расизм является активной, политической, интеллектуальной, духовной, если угодно, вооруженной борьбой, борьбой против тех, кто исповедует расистские взгляды, т. е. против представителей всех трех политических теорий. Все они евроцентрики и расисты.

Исследование субъекта Четвертой Политической Теории

Мы говорили о том, что нас не удовлетворяет ни индивидуум, как субъект либерализма, ни класс, как субъект марксизма, ни раса и государство, как субъект фашизма и национал-социализма. Мы стали искать другую точку опоры для Четвертой Политической Теории и пришли к понятию Dasein. Дальше я хочу продлить и связать концепцию Dasein, немного демистифицировать Dasein. У Джона Капуто есть работа под названием «Демистификация Хайдеггера». Хотя надо заметить, что автор пытается препарировать его под такого «малого Хайдеггера». Мы, конечно, говорим о

другом. Чтобы сделать понятие *Dasein* более прикладным, я хочу обратить ваше внимание на следующее: тщательное исследование одного из учеников Хайдеггера, Анри Корбена, написание книги «В поисках темного Логоса», а также проведение митинга и вечера, посвященного барону Унгерну, привели меня к определенным выводам относительно того, как мы могли бы на новом уровне понять *Dasein* применительно к Четвертой Политической Теории. Кратко и схематично я объясню, как это происходит.

Корбен, первый переводчик «*Sein und Zeit*» Хайдеггера на французский, развивает концепцию Ангела, промежуточного мира, *Mundus Imaginalis*, понятие светового человека, небесной земли, Имажиналя (от которого уже берет свое начало социология воображения Жильбера Дюрана, которого мы изучали достаточно подробно). Теперь мы возвращаемся к учителю Дюрана, Анри Корбену, и особенно к его первому этапу, когда он являлся учеником Хайдеггера, переводил его книги, прежде чем заняться Сухраварди и исламской мистикой. Корбен переводит *Dasein* на французский сочетанием *realite humaine* («человеческая реальность»). С одной стороны, Хайдеггеру это очень не понравилось, и между ним и Корбеном случился спор по поводу того, что имел в виду французский мыслитель, когда переводил *Dasein* именно так. Корбен весьма оригинально объясняет это в духе своей позднейшей сухравардистской и суфийской философии. Он говорит: *realite* — это объект, *humaine* — человек, субъект. *Realite humaine* — это то место, которое предшествует разделению на субъект и объект, это еще не *realite* и еще не *humaine*, это траект, наш антропологический траект (Жильбер Дюран), т. е. то, что находится между реальностью (*res* — вещью), объектом и человеком. То есть *realite humaine*, человеческая реальность, не является такой уж простой, как может показаться, формулой, которая якобы упрощает или переводит хайдеггеровский загадочный *Dasein* (здесь-бытие) в некоторую упрощенную плоскость. Это просто понимание того, что Хайдеггер имел в виду под *Dasein*. Корбен обосновывает тождество человеческой реальности и *Dasein* тем, что в одном месте у Хайдеггера в сноске *Dasein* трактуется, как *Menschsein*, то есть бытие человека, человеко-бытие. И на этом обосновании он переводит *Dasein* не дословно, а концептуально. Но далее *menschsein* в понятии Корбена постепенно восходит к идее вида, или к идее Ангела чело-

вечества, то есть к световому человеку, который является настоящим человеком, предшествующим людям, которые выступают, как индивидуумы, и одновременно совпадающим с этими людьми, как их содержание. Эта тематика вида развита у другого очень близкого нам философа Танабэ Хадзимэ из Киotosкой школы, которая развила философию вида именно в этом ключе. Также как и основатель Киotosкой школы Китаро Нисида, он искал чего-то промежуточного, чего-то дзен-буддистского, чего-то, связанного с состоянием сатори или с состоянием Дао, которое непостижимо, которое ни субъект, ни объект, ни человек, ни мир, а что-то ускользающее и просвещающее. В этом поиске промежуточного начала Танабэ Хадзимэ дошел до принципа вида, который, с его точки зрения, игнорирован метафизически в западноевропейской философии, и рассматриваем только как таксономическая категория. Так возникает понятие вида, как самостоятельно существующего — без индивидуума — начала, и если мы поймем, что такое вид, что такое человек и чем он отличается от индивида, мы получим некоторое представление о Dasein. Очень важный момент, что с философской точки зрения мы можем отождествить Dasein и вид, эйдос, человеческий вид; menschsein — это на самом деле человеческий эйдос, то есть световой человек, или Ангел человечества. Таким образом, если мы Dasein интерпретируем как вид или Ангела, Ангела Корбена, мы получим более конкретное представление о субъекте Четвертой Политической Теории.

Своим неаутентичным существованием человек создает Das Man, некую химеру, создает свою индивидуальность, которая препятствует световому человеку, Ангелу проявиться сквозь него. Он делает все возможное, чтобы расчеловечиться в этой индивидуальности. И либерализм в данном отношении является пиком антигуманистической инициативы по индивидуализации; тогда индивид приписывает самому себе свойства человеческого и говорит: человеческое — это мое индивидуальное свойство. Дальше ясно, что если каждый будет считать человеком только самого себя, возникнет концепция «человек человеку волк» Томаса Гоббса. Возникает predatory agency. Волк вмешивается в отношения между людьми, которые тут же дегуманизируются, потому что видовое свойство приписывается индивиду; индивидуум считает, что человек — это его предикат. Но если мы вернемся к правильным

пропорциям, мы поймем, что индивидуум есть предикат человека, что Ангел или световой человек живет сквозь нас, как сквозь свои формы, а он многообразен, — не потому что он зависит от нас или потому что мы можем привнести в этого видового человека что-то индивидуальное, а он рассеивается на множество индивидуумов, не теряя своего собственного единства; он всегда есть один сам по себе и, соответственно, несет в себе всю полноту возможностей. Зачитаем цитату Адольфа Фридриха из монографии «Антропология»: «Мифы различных архаических этносов знают о «прарасе»: то, что сегодня живет как люди, звери и духе, разделенные на рода, в правремя жили как одна семья Предков. Они могли свободно менять свой облик, а также путешествовать между мирами и временами. После определенного события, они утратили эти способности, и остались в том виде, в котором застало их это событие»¹. То есть здесь речь идет о примордиальном единстве некоторых родов — животных, человеческих и духов. Очень любопытно, что шаманская инициация основана на том, чтобы вернуться в мир первопредков и восстановить эту тройственную природу предка (предка духа, предка бога, предка человека и предка животного). Это дает нам ключ к пониманию тотема, к постижению того, что Шарбонно-Лассэ называет «Бестиарий Христа», потому что даже боги иногда символизировались животными (не потому что какие-то части, свойственные этим животным, переносились на богов, а потому, что в этой идее в изначальном виде звериное, человеческое и духовное сосуществует в неразрывном единстве, которое напоминает нам Богочеловека и рогатого мальчика Диониса). Иными словами, это и есть световой человек, который предшествует разделению на виды. И это сочетание всех видов в одной инстанции и есть универсальный Dasein, всеобщий Dasein, который включает в себя животных, а не исключает. Дело в том, что мы уже несколько раз упоминали фигуру Ангела. Давайте посмотрим деконструкцию Ангела с точки зрения фигуратива: что это за существо, какие мы видим у него черты? Во-первых, Ангел — это дух, однозначно, что это нечто невидимое, мощное, волевое, предшествующее, более значимое,

¹ Friedrich Adolf. Das Bewusstsein eines Naturvolkes von Haushalt und Ursprung des Lebens//Muhlmann W., Muller W. (hesg) Kulturanthropologie. Koln;Berlin:Kiepenheuer&Witsch, 1966. S. 193.

чем люди; духовное. Во-вторых, изображается он в виде человека, то есть, как правило, человеческой фигуры. И, в-третьих, у него есть свойство животных, т. е. крылья. Есть павшие Ангелы — они имеют хвосты, копыта, рога — признаки других животных. Но мы сейчас не создаем иерархии (поскольку это тоже расизм среди животных). Получается, что орел хороший, а змея или волк — плохие. Это то же самое, что либерализм. Никакого расизма. Животные тоже равны. Одним словом, восстановление фигуры Ангела есть не что иное, как прорыв к изначальному световому архетипу, световому человеку, где существует метонимия того, кто является субъектом Четвертой Политической Теории. А субъектом Четвертой Политической Теории является световой человек-Ангел-зверь. То есть белокурая бестия, если угодно. Но зверь в хорошем смысле.

Итак, теперь рассмотрим, как соотносится вид с *Dasein* с точки зрения хайдеггеровской философии. Хайдеггер говорит, что раньше всё мыслили с помощью ЭССЕНЦИИ, а теперь надо мыслить с помощью ЭКЗИСТЕНЦИИ. То есть экзистенция первичнее, нежели эссенция. *Esse* — значит быть. *Existere* — значит быть вовне, быть в промежутке, быть между. На этом основан хайдеггеровский анализ. Так вот, эйдос или субъект Четвертой Политической Теории надо понимать экзистенциально, то есть, как открытый процесс, где существует две неопределенности по его краям: с одной стороны — неопределенность изначального высшего бога, потому что Ангел — всегда второй, т. е. он никогда не бог сам по себе; он может иметь отношение к богу, быть его посланником, но он — между, он пришел оттуда — сюда, он может быть аватаром или мессией, как воплощением чего-то, но он всегда есть промежуток, посланный оттуда — сюда. Но если мы применим к этому оттуда, откуда он был послан, апофатическую топику, мы увидим, что он не был ниоткуда послан, просто у него открыт вверх; он не был послан каким-то другим Ангелом (это все заложено в самом Ангеле — он может рассеяться на иерархию), но он был послан неизвестным, несуществующим Единым, о котором мы говорили в неоплатонической серии семинаров. Он был послан апофатическим Хен (греч. Единый), который на самом деле никого не может послать, потому что его нет; соответственно, Ангел был послан неизвестно кем, и он сам думает: кем же я был послан и куда? Но если он был послан неизвестно кем,

то он был послан неизвестно к кому; таким образом, он находится между двумя темными безднами, между двумя апофатическими инстанциями: между несуществующим Хен, богом сверху, непознаваемым, невыразимым и материальной бездной, которая тоже в себе ничего не имеет, и есть чистая тьма. Между этими двумя инстанциями — первичным апофатическим богом и материальной, также непознаваемой, материей — растянута, дрожит, мыслит, живет Ангел, как субъект Четвертой Политической Теории. Мы же, как индивидуумы (если мы станем нормальными носителями Четвертой Политической Теории), должны рассматривать его как себя, но не коллективно, не генетически (с точки зрения происхождения), — мы должны рассматривать его, как абсолютную часть себя, как наше высшее Я, как высшее тождество, как я есть он. Вот что делает носителя Четвертой Политической Теории причастным к субъекту Четвертой Политической Теории; он говорит как тамплиеры: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу». Не мы являемся индивидуальными, мы — никто, и одновременно мы — носители светового человека, то есть мы — предикаты Ангела. «Битва за Ангела» (именно так называется последняя статья Корбена) — это то, что является задачей Четвертой Политической Теории. Теперь мы понимаем переход к Платонополису и Ангелополису, о котором мы говорили. В последней эпохе уже не имеет смысла обсуждать экономическую сообразность тех или иных систем хозрасчета или какая партия победит: эта или иная — какая бы партия не победила — уже ничего не изменится. Чушь дошла до своего последнего предела, ничто ни на что не влияет. Человечество, попав в ловушку индивидуализма, Модерна, из него выбраться никогда не сможет; здесь надо разрубить гордиев узел современности, Модерна, который просто кривляется в Постмодерне, но остается под его фундаментальной легитимацией. Необходимо разрубить его, изменив отношение к самим себе. Поиск Ангела — это поиск самих себя. И, более того, в практике абхеда в шиваизме на самом деле человек есть Шива (он, конечно, этого не знает). Но как ему узнать это? Никак! Во-первых, это невозможно узнать, во-вторых, это просто факт, говорят абхеда-ведантисты.

Мы есть световой человек, мы, как люди, есть только он. Мы есть Ангелы. Но мы находимся в оппозиции этому Ангелу, мы взяли другую сторону, мы, вступив в Модерн, встали на сторону индивида.

Мы стали занимать совершенно неверную позицию по отношению к собственной человечности, поэтому понятие нового ангелического гуманизма или нового человека (светового человека) должно быть синонимом как человека-эйдоса, синонимом *Dasein*, как субъекта Четвертой Политической Теории.

Новые горизонты.

Евразийский Союз по версии Платонополиса

Я столкнулся с тем, что многие говорят: ваша 4ПТ не дает позитивного образа будущего, вы говорите о каких-то абстракциях. Я хотел бы откликнуться на пожелания трудящихся и изложить то, как я её вижу. Вот каким должно быть общество и мир, который мы должны строить после победы или в ходе борьбы за 4ПТ.

У нас должно быть общество, построенное в форме иерархии на основании эйдетически-экзистенциального принципа. То есть вся иерархия строится по мере интенсивности проживания эйдетического бытия. На самом деле это есть не что иное, как различные этажи экзистирования Ангелов. То есть, не мы живем, не люди живут (которые распределяются по этим этажам), — Ангел живет сквозь нас, и чем больше он живет, тем выше уровень того, сквозь кого он живет и тем меньше в том, сквозь кого он живет, индивидуального начала. То есть, чем скромнее и аскетичнее, чем меньше индивидуального, тем выше в нашей иерархии занимают пост в этом отношении люди, которые спали, например, как Сталин, на раскладушках. Хороший правитель, потому что он не хочет иметь ничего для себя. Мао Цзэдун, который не брал в руки деньги. Когда к нему подносили деньги, он отпрыгивал и говорил, чтобы убрали деньги. Он не мог видеть деньги. Это признак хорошего правителя, потому что любое прикосновение к материальности у высших представителей Платонополиса или 4ПТ должно вызывать физическую боль. Итак, во главе стоит царь-философ, он соответственно представляет собой существо, в котором вообще нет индивидуальности, царь-философ, философский царь, который уже ничем, по сути дела, от воплощения этого персонального Ангела не отличается. Это вид как таковой. И, кстати, если мы посмотрим на монархическую, на имперскую идею, мы увидим отзвуки именно этой теории, где царь был метонимией

всего общества, всей культуры, всего народа. Когда человек вспоминал, что он царского происхождения или когда он, например, совершал обряд венчания, когда над людьми держат царскую корону, человек антропологически есть *Homo Regius*, он на самом деле в той степени является царем, в какой степени он — видовой человек. Государством должен править царь-философ, абсолютно прозрачный, лишенный каких бы то ни было индивидуальных свойств. По сути, скрытый даже куда-то, куда-нибудь убранный, чтобы его никто не видел. Царь-философ, который будет даже больше чем существовать — возможно, его не будет, у него будет даже апофатическая часть, он будет сокрыт, он будет из-за пелены периодически что-то говорить. На самом деле царь-философ знает, что он делает, у него есть высшая духовная целесообразность, он должен быть во главе. Далее. Он окружен другими философами, сакральными жрецами, которые ведут ангельское бытие, — это могут быть монахи, аскеты, философы, люди, которые погружены в созерцание абсолютно бесполезного, абсолютно ненужного. Аристотель говорил, что есть полезное знание (*phronesis*) и бесполезное (*sophia*). То есть это должны быть софийные властители.

Философы будут летать и кататься на дельфинах, которые тоже будут философами.

Над всеми будет парить Великий Ворон.

Ниже — Берсеркеры, воины-бароны. Они Стражники, «стражи бытия» (Хайдеггер). Воины будут чрезвычайно страшными, чтобы с ними никому не захотелось сражаться. В армии будут служить боевые Драконы и агрессивные бойцовые петухи.

Кто находится ниже? Ремесленники? Эту касту предлагается вообще отметить. Третьей кастой станут Поэты и Крестьяне.

Производство — это поэзия. Артократия (принцип Вагнера). Люди должны питаться произведениями искусств.

Искусство есть самая грубая оболочка идеи, ее материализация, плазмация. Любой предмет в нашей политике должен быть в первую очередь прекрасен. Непрекрасные предметы подлежат уничтожению.

Экономика будет упразднена, а экономисты уволены.

Частная собственность также будет упразднена, работать будет солнце. Земля и время станут принадлежать эйдосу: не будет ни

банков, ни латифундий. Рильке и Хайдеггер говорили об этом как о передаче весов из рук Торговца в руки Ангела.

Машины будут, но только очень-очень красивые.

Одним из самых важных искусств будет искусство танца. Танец станет политической обязанностью. Все будут водить хороводы, также будут пропагандироваться: танго, твист, босса нова, которые станут обязательными. Т. е. все должны уметь танцевать, а чиновники, как в Китае, должны уметь рисовать и сочинять стихи.

К крестьянам будет сакральное отношение. Вся жизнь будет приспособлена под крестьян. Все для крестьян. Все будут скотоводами и землепашцами.

Кругом будут сады и леса, а также дикие звери вместе с домашними.

Крестьяне будут с огромными бородами, куда будут завивать спелые колосья. На полях будут работать также Медведи, как самые умные из лесной братии. Свиньи сами будут себя пасти или выберут свинью-командира.

Бабы будут снабжены крынками с парным молоком и огромными чрезвычайно красивыми шапками.

Это вертикаль общества.

Теперь горизонталь:

Это будет огромная Империя. Государству будут присущи богатство ландшафтов и многообразие Политий. Принцип Империи необходимо реабилитировать. Империя может допустить при общей трехфункциональной системе, анклавы самых разных существ — амазонок, двухголовых, птиценогих, ацефалов, цыган, эвенков и т. д. Может быть даже русалочья республика, вече из домовых и леших. Можно представить себе съезд Ангелов или татарский Курултай.

Плюральность типов политического и антропологического творчества должна поощряться.

Будут отменены ТВ и пресса. Там все равно сообщают какую-то бессмысленную ерунду.

Одежда будет иметь самостоятельное значение. Тело есть обертка эйдоса, а одежда — обертка тела. Одежда будет у всех разная. Разноцветная и удивительно красивая. Поэтому люди будут обращать внимание в первую очередь на нее. По одежке встречают и по одеж-

ке провожают. Будет абсолютный культ одежды. Большую часть времени люди будут проводить за тем, чтобы одеваться и переодеваться.

Еда — она будет экологически чистейшей. И раздаваться даром. Особенно в империи будет много колбасы и сыра, а также орехов.

Гендер: в Империи будут почитать женщин, так как они интереснее, чем мужчины (и красивее). Мужчины не будут расстраиваться от этого, поскольку зависть будет упразднена декретом (Первый декрет будет упразднением зависти, ревности и собственности; зависть будет караться — три удара плетью — за завистливый взгляд и шесть — за завистливое слово).

Женщины будут любить Империю и радоваться ей каждое утро, встречая солнце.

Мораль изменится: слово «зло» будет исключено из лексикона и также все плохие выражения: вместо них будет введено градуальное понятие — «менее хороший». Менее хороший человек украл на базаре булку. Он заслуживает меньшей любви и меньшего уважения, чем тот, кто булку попросил и ему тут же дали. С нежной улыбкой.

На похоронах все будут улыбаться и смеяться, так как если этот мир такой прекрасный, какой же будет следующий... И потом смерть будет осмысляться как возвращение к эйдосу (эпистрофе).

Права не будет. Кто умный, смелый и красивый, тот и прав.

Образование будет сочетать высокую метафизику, теологию, ангелологию, хайдеггерианство для самых маленьких и Киотоскую школу. Этому будут обучать всех.

Воинов дополнительно будут обучать гимнастике и фигурному катанию.

Поэтов будут обучать разным языкам, от 10 до 15 каждого.

Крестьян вообще ничему не будут обучать, кроме босса новы и танго. Они и так мудры.

Приблизительно такое общество и предлагается строить в качестве идеала Четвертой Политической Теории.

Александр Дугин

Неистовый гуманизм барона Унгерна

(выступление на вечере памяти Барона Унгерна // 29-ое декабря 2012-го года// культурный центр «Артплей»)

1. Кто Вы, барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг?

Мы можем начать размышлять об Унгерне через формальные определения. Можно сказать, что барон Унгерн — белый офицер, один из участников армии атамана Семенова, последний, оказывавший сопротивление большевикам. Или же немецкий офицер, германец, род которого восходит к первым крестоносцам, получившим владения в Венгрии (отсюда название Унгерн), а затем феодал в Балтии. Германское начало тоже определяет Барона. Кто он — русский патриот, сражавшийся за российскую империю до последнего вздоха, верный монархист, преданный царю? Кто он, загадочный барон? Садист и маньяк, не щадивший ни чужих, ни своих, «вешавший группы гроздьями», направо и налево отрубавший головы, испаровавший животы, безжалостно каравший врагов, лентяев и дезертиров собственных отчаянно сопротивляющихся войск. Кто он, барон Унгерн? Он — православный христианин, член русской православной церкви, возивший с собой священство, клир, и считавший, что защищает миры человечества от безбожной материалистической власти. Одновременно Барон Унгерн — буддист, искаатель Шамбалы и Агарты — таким мы знаем его из описаний Оссендовского. Кто он, барон Унгерн? В глазах монголов он — Цаган Бурхан,

Махакала, воплощение Бога войны. Но и в то же время Барон напоминает пратьека-будду, спонтанного Будду, который просыпается в мире людей и обнаруживает, что он в мире людей, но этому миру не принадлежит.

В отличие от бодхисаттвы он не приносит миру благодать спасения, не показывает путь спасения к восьмеричной истине. Он не показывает пути освобождения, он просто не от мира сего. Он — пробужденный в царстве спящих — пратьека-будда.

В Бароне Унгерне переплетены человек, личность, индивидуум, легенда и миф. Переплетены плотно, тесно, неразделимо, нерасчленимо. Яркость этой личности, этой фигуры, легенды, образа является прекрасным поводом, чтобы подумать, где кончается индивид и где начинается личность, чтобы поставить вопросы: что такое индивид, что такое личность? Что такое «кто», когда мы говорим: «Кто Вы такой, Роман Федорович Унгерн?»

Где проходит грань между индивидуумом и мифом? Что такое индивид?

Здесь можно обратиться к этимологии. Индивидуумом, «атомом» по-гречески, неделимым называется также субъект или по-гречески «ипостась», то есть тот, кто находится под, суб-ъект, подброшенный. Ипо-стасис — то, что поставлено «под». Это индивидуальный оселок, la tulle по-французски, некая подставка для парика или манекен, подставка «под» что-то. На него, на эту неопределенную, не имеющую точных смысловых различий матрицу нанизывается личность, которая состоит из образов, ролей, статусов, масок. На эту неопределенную, не имеющую различий стоянку накладывается личность. Личность/персона — этимологически «маска» — это то, что накладывается на индивидуум. Это не сам индивидуум. Маска имеет и смысл, и структуру, но она не имеет индивидуации.

Здесь открывается очень важный момент: личность относится к сфере мифа, к сфере легенды, и яркость личности Унгерна показывает смысл и значение мифа в мире, в онтологии, показывает онтологию мифа.

Личность Унгерна являет собой яркий ослепительный миф — это повествование и рассказ о Богах и героях, о верности и чести, о мужестве, о жестокости и, как описано в романе об Унгерне Краутхофа «Ich Befehle», о романтической несчастной любви с гибелью

возлюбленной. В социальной структуре мифа об Унгерне, в личности Барона присутствует утопленница, вечная Офелия, закончившая свое бытие в буре пенящихся волн Балтийского моря. Эта гибель положила на душу Барона неизгладимый отпечаток аскетизма, рыцарства, верности прекрасной даме и отрешенности от материальных интересов вплоть до смерти. Эта умершая возлюбленная, живущая как София, как Ахамот, как некий тайный центр его бесстрастного существования, возможно, тоже описывает нам Барона и сеть его мифологии.

Мы спросим себя: есть ли что-либо индивидуальное в Унгерне? Есть ли в нем атомарное, неделимое? Попытки биографов, исследователей, политологов и историков распознать под масками личности индивидуума ни к чему не привели. Когда мы пытаемся сорвать маску с безумного Барона, с Бога Войны, мы видим под ней другую маску: мы хотим разоблачить героя и видим Бога, мы срываем маску Бога и видим аскета, вновь срывая маску аскета, воин-убийца и садист проявляется на новом слое, мы срываем маску садиста и видим белого офицера.

Может быть, секрет Барона в том, что в нем *υποστασις*, индивидуум предельно минимален? Маска, одетая в маску. Деконструируя Барона, мы срываем маски, надетые на полотна масок... Сотни слов-персоны, не имеющие в себе ничего индивидуального. Его индивидуальность беспощадно минимальна. Он — миф, проникающий сам в себя, облаченный и закованный собой, ветром переплетенный с оттенками своих изводов. Разные аспекты одного мифа. У Унгерна вообще не было индивидуальности. Можно сказать, что он был — машиной, функцией, «носителем догматического хода вещей» (как говорил Жан Парвулеско), выразителем особой воинственной онтологии. И выражая эту воинственную онтологию, Барон стремился не примешивать ничего индивидуального к этому. «Nothing personal, nothing individual in him.» Просто это так, просто это звонок, просто за нами заехали. Это — Барон Унгерн. Он воплощает в себе ту экстремальную ситуацию, когда баланс между индивидуумом и личностью радикально сдвинут в сторону мифа и личности, а индивидуальность почти исчезла.

Таковы герои и аскеты, пророки и святые. Таковы великие злодеи и фатальные безумцы. Но нас интересуют именно они...

2. Унгерн как воин

Унгерн — это воин. Смысл этого слова сегодня мы плохо представляем себе. Что такое воин? Унгерн воин по преимуществу — он кастовый образец, норматив, выразитель древнего архетипа. В кельтской мифологии носителем такой воинской силы был Кухулин, его описывали так:

«Кухулин сделался многоликим, ужасным, неузнаваемым, диким. Вздогнули бедра его, словно тростник на течении или дерево в потоке, задрожало нутро его, каждый сустав, каждый член. Под оболочкою кожи чудовищно выгнулось тело, так что ступни, колени и голени повернулись назад, а пятки, икры и ляжки очутились впереди... У затылка сошлись мышцы головы и любой из их непомерных, бесчисленных, могучих, увесистых круглых бугров был подобен голове месячного ребенка... Внутри втянул он один глаз, да так, что и дикому журавлю не изловчиться бы вытащить его из черепа на щеку. Выпал наружу другой глаз Кухулина, а рот дико искривился... Громовые удары сердца о ребра можно было принять за рычание пса или грозного льва, что напал на медведя. Факелы богинь войны, ядовитые тучи и огненные искры виднелись в воздухе и в облаках над его головой... Словно ветви боярышника, которыми заделывают дыру в изгороди, свились волосы на голове юноши... Будто мачта огромного корабля был высокий, прямой, крепкий, могучий и длинный поток темной крови, что вздымался над его макушкой и расходился магическим темным туманом, словно над домом струящийся дым, когда зимним вечером останавливается там король».

Далее в саге говорится, что однажды при виде Кухулина сотня воинов умерла просто от ужаса. Мы говорим о Кухулине и видим барона Унгерна во главе азиатской конной дивизии, бешеного и беспощадного. Существует воинская практика манифестаций и эпифаний воинской онтологии, известная как практика ульфхеднаров и берсерков. Унгерн был последним представителем и носителем магического бешенства (*ferg*).

Этот аспект тонко заметил в Унгерне Эвола. Характеризуя Унгерна как представителя традиционной кшатрийской касты, в Унгерне проступает и маска самурая, который есть просто война (ведь, когда самурая спрашивают, кто он, он отвечает: «я не знаю, у меня нет

имени, у меня есть только функция — я убиваю и меня убивают»). Унгерн воплощает в себе абсолютный воинский архетип. Он — носитель воинского бешенства, и больше никто... Индивидуальность у него стерта под ношей этой сакральной ярости.

Метафизика войны заключается в том, что воин имеет дело с «другим». Единственно, кто имеет дело по-настоящему с «другим» — воин... Другой — это разрыв, негатив, угроза, глубинное онтологическое чувство тревоги. Воин — тот, кто переходит на сторону тревоги, на сторону войны с «другим», кто пытается решить проблему «другого», постоянно возникающего «другого» — подобного змею, у которого после каждого отсечения головы вырастает новая. Воин не ищет окончания битвы. Ницше говорил «любите войну: не хорошая цель освещает войну, но хорошая война освещает любую цель». «Любите мир как средство к новым войнам». Для воина война — естественна как воздух, а если ее нет, он погибает от тоски и поднимает восстание в своем собственном стане, начиная безжалостно убивать.

Воин помещает свое бытие в разрыв. Он не на том и не на другом берегу. Это стрела тоски, брошенная на другой берег, это стрела, летящая в воздухе, обосновавшаяся между одним и другим в этом несчастном сознании, ужасе, тревоге. И воин — разрыв (*rottura*), уничтожающий «другое», которое появляется вновь и вновь, одинокое восстание против ничто. Воин размещает свое бытие в прерыве постепенности, в точке перепада уровней. Его сознание — глубоко несчастно.

Уничтожая в жестокой схватке «другого», он создает государство. Государство как инструмент войны, меч. Те, кто пытаются строить государства как хижины, как мирное существование — никогда ничего не создают, все это сожжено, горит, женщины угнаны, а мужчины перебиты. Государство есть инструмент боя, продукт разрыва, аппарат несчастного сознания, без войны оно не имеет смысла.

Государство — это война, для войны, в войне, в результате войны, для войны.

Воины — элита общества, исток аристократии. Быть благородным значит быть воином, значит быть другим, значит иметь несчастное сознание, значит пребывать в моменте разрыва. Воины — питательная среда для явления короля, для имперской эпифании. И Воин

par excellence — это король, монарх. Король — Несчастнейшее из существ. В короле манифестируется вся полнота несчастного сознания. Король служит, чтобы убивать и быть убитым.

Он пик войны, убийства, насилия. Он убивает, чтобы в свою очередь когда-то быть убитым. И смерть вплетена в жизнь короля так же, как и пиры, утехы, охота и приемы в длинных высоких вертикальных залах, расчерченных мириадами гобеленов, повестующих о битвах, о героях, о воинах...

Унгерн в своей эпопее, закрывающей цикл истории русской имперской православной государственности, восстанавливает в нашей истории достоинство воина и смысл его онтологии. Его отчаянным, воинским, королевским безнадежным жестом он устанавливает последнее государство — государство Барона Унгерна, показывая, в чем смысл истинного воина, который идет не столько «за» что-то, сколько «против». Поэтому Унгерн так свиреп и к своим, и к чужим.

Главный враг Унгерна — смерть. Он бьется со смертью и видит ее повсюду — она преследует его — в большевиках, лентяях, мародерах и дезертирах из своих войск. Но смерть составляет и его суть. Он сам есть смерть..

Здесь открывается недualьность войны — в ней противники, воюющие с друг друга, убивая друг друга, восстанавливают друга друга в высшем достоинстве войны. Уничтожая, они облагораживают, освобождают, венчают. Смерть и ничто — восстанавливаются в высшем достоинстве войны. И только таким образом — через войну достигается парадоксальное преодоление «другого». Война пронизывает все миры, вплоть до ангельских и небесных (неслучайно существует понятие войны Иеговы), не имея ни начала, ни конца... Но хорошее ведение боя здесь означает повышение нашего градуса в таинстве посмертных воинств. Иерархия не заканчивается на звании генерал-лейтенанта, которое получил Унгерн от атамана Семенова, он переходит к другому званию, судя по его блестящей карьере, которую он сделал до могилы, его карьера после могилы будет не менее блестящей.

3. Унгерн как Господин

Воин смотрит смерти глаза в глаза. Все люди смертны — мы, конечно, не помним об этом.

Смерть приходит за каждым, и всегда вовремя. Самый несчастный человек — тот, кто умирает не вовремя. Но отношение к смерти принципиально различно у двух типов (об этом писал философ Гегель): одни люди смотрят смерти в глаза (ни то что бы они ее ненавидят или любят, они просто на нее смотрят, а она смотрит на них: это не спасает от смерти, это не отдаляет смерть, но это смерть и не приближает. Просто можно смотреть ей в глаза — а можно и не смотреть) — это господа (*herren*) и есть огромная масса рабов (*die knechten*), которые поворачиваются к смерти спиной. Когда смерть приходит к господину, он ухмыляется: «Я так и знал».

Раб всегда повернут к ней спиной, она приходит сзади. Внезапно или вползает в раба постепенно.

Это отношение людей к смерти ставит людей в неравное онтологическое состояние. Раб и господин. Господа умирают до смерти. И умирают, «когда они становятся бессмертными», *en devenant immortel*... Для рабов — это всегда приятная неожиданность. И в своем диалоге со смертью (сложном, драматическом) господа за счет этого отношения приобретают нечто, что им и не нужно. Взгляд смерти в глаза делает воина Господином. Унгерн — Господин по преимуществу. Это основа кириологии, науки о Господстве.

Можно вспомнить исследования Жильбера Дюрана и его концепцию «диурна»... «Режим диурна — это режим дуализма по преимуществу. Дуализм мифа может проявляться на всех уровнях — религиозном, политическом, моральном, социальном, культурном, бытовом.

Все содержание героического мифа — это бесконечная и абсолютная война дня против ночи, света против тьмы, субъекта против объекта, культуры против природы, мужчины против женщины и т. д.

Диайрезис вначале в рамках глубинных архетипов воображения постулирует фундаментальные модули мышления: «это» и «то», «я» и «не-я», «здесь» и «там» и т. д. На следующем уровне эти дуальности формируют ткань мифа, а далее начинают предопределять

процессы, вытекающие из мифологического нарратива — вплоть до структурирования социума, культуры и т. д.

Ярче всего этот дуализм проявляется в религиозных дуалистических концепциях (зороастризм, маздеизм, манихейство, гностицизм). Учение гностиков о добром и злом творцах представляет собой вершину формализации диурна.» Герой, господин, Унгерн — носитель маниакального диурна. Вертикальная топика. Сны падения. Грезы полета.

Очень важная часть в кириологии — пята. Герой в постуральном рефлексе летает с помощью пятки (отсюда крылья на голени у Гермеса). Человек отталкивается от земли пяткой. Человек взлетает от земли. Это полет, вертикально-стоящий равен вертикально летящему — чистый ангелизм, присущий и нам. А остальные — «под пятой». Человек — летающий ангел, диурн. Господин, ставящий свой сапог, пята на голову всем остальным, кто готов это терпеть. А тот, кто хочет жить рабом — должен служить.

Господин ставит Раба под сапог. Именем смерти.

Верность и честь: кодекс Унгерна. Добродетель Господина — верность, это его способность организовать свой собственный порядок — вертикально и горизонтально — путем великой воли. Полет вверх должен быть открытым — и господин верен, он способен служить полету своей собственной стрелы — ведь человек — не цель, но лишь «стрела, брошенная на другой берег».

Верность — чисто кшатрийское понятие. Оно делает Господина Господином. Нисида описывает тип самурая: неважно какому государству или какому государю служит самурай. Если самурай верен и служит хорошо, то и государство и Государь становятся хорошими. Сама клятва верности важна и не тот, кому она дается. Клятва сильна тем, кто ей следует, кто ей верен.

Поэтому верность и есть честь. Воин верен себе и смерти. И если он по-настоящему верен и дисциплинирован, он подтверждает свое Господство.

Господин не служит народу, цели, благу. Награда за службу Господина сама служба. Телос для Господина не имеет материального эквивалента. В конечном итоге его телос не имеет награды, его награда — служение.

Таков Барон Унгерн — пассионарий по преимуществу. Но пассионарность амбивалентна. Пассионарность — анатомия господства, пассионарий жизненней, чем остальные. Его жизненные силы намного превосходят необходимую норму. Отсюда его великое созидание и его великое разрушение. Пассионарность есть анатомия господства.

4. Унгерн как религиозный тип

Унгерн был христианином. Но образ война, на первый взгляд, кажется мало совместимым с проповедью смирения, добра, с которым мы обычно ассоциируем христианство. Унгерн был христианином и на протяжении сотен веков христиане вели священные войны — они бились за православное царство, клали свои головы на алтарь православной России. Могли ли они оставить нам огромную империю, если бы не вели войну? Наше представление о христианстве искажено. Существует ли воинское христианство? Да. Во-первых: Христианин — воин Христа. При крещении христианина нарекают «воином Христа». Он воюет с дьяволом. Он политизирован, ибо вошел в полис света — в град Божий. Он принадлежит полису: полису, граду Божьему, который ведет войну с градом дьявола. Два града — два государства. Есть государство духа и государство духа злобы поднебесной. Это жесткая кровавая борьба христианина против Дьявола.

Во-вторых: образец христианина — мученичество, мученик, свидетель. Свидетельство дается кровью, болью, страданием. Наша церковь стоит на крови мучеников, тех, кто проливал кровь, кто пал на поле битвы, авангард, стяжавший собственной кровью победу «наших» сил. Мученичество — это тоже война. Но с ее жертвенной стороны.

В-третьих: аскеза. Христианство основано на войне с материальным. Аскеза — это война с самим собой, с плотью, с материей.

В-четвертых: христианин должен сражаться за Царство, империю против врагов Христа. В русской истории — это были казаки, пламенно защищавшие веру мечами и саблями русских земель. Казаки — воины Христовы. Казачество — это русская воинская православная традиция. Это мужское христианство, воинский тип русского человека.

Унгерн стоит на страже православной империи, которой больше нет. Но он верен ей, не смотря на то, что она исчезла. Он аскет, он мученик за веру перед лицом атеистических материалистических безбожных антирусских орд большевиков.

Вместе с тем, есть сведения, что Унгерн принял буддизм, что не противоречило его христианской вере. И в буддизме есть воинское измерение, несмотря на то, что сегодня его пытаются представить, как нечто совершенно анти-военное, спокойное, уютное, выход из круга процессов для менеджера, лайт-версия буддизм. Буддистская традиция основана на отрицании индивидуальности, Я. Никакого индивидуального Я не существует — это лишь случайное переплетение дхарм. Существует лишь шуньята — пустота. Буддистская аскеза обнаруживает пустотность мира.

Фигура Унгерна вписывается в эту традицию в форме «пратьека-будды», спонтанного будды, появляющегося как движение истины без соотнесенности с человечеством. Пратьека-будда являет собой эпифанию истины просто так: он не приходит для людей и не уходит из мира в поиске высшей доли, он просто является свидетелем истины. Он не учит и не спасает, он есть, и его загадочное бытие подобно метеору, как мгновенное и неподготовленное обнаружение истины и пустоты.

Секрет религии в том, что между индивидуумом и Богом стоит еще одна инстанция. Она-то и является главной. Как только, мы попытаемся обратиться к Богу с позиций индивидуума — мы не достигнем Бога. Индивидуум — это темница, тюрьма, колодец, смирительная рубашка, лед, в которое заморожено живое сердце духа. Индивидуальность — замораживание человека. Между индивидуумом и Богом стоит «человек». Корбен называет его «световым человеком». Имам шиитов, Ангел или нус патрикос неоплатоников, десятый интеллект Авиценны и исмаилитов. Антропос.

Кто такой человек-Антропос? Человек как вид. Не индивид, но и не Бог. Для индивидуума он как Бог (Ми ха Эль). Для Бога он как индивид. Платон называл эту позицию метаксис, находящийся между. Мы — это он, но он наоборот, он в своей карикатурной проекции. Мы живем на обратной стороне человечества. Человек — то, к чему надо прорваться. Кто такой человек? Не индивид, но и не Бог!

Религия начинается там, за горизонтом индивидуума, в стране Человеческой, ее столица Хуркалья и два города Джабалка и Джабарса. Единственно существующая, в отличие от наших стран. Мы живем в галлюцинативных странах, та география, к которой мы привыкли, просто не существует. Унгерн рвется в Аггарту, в Шамбалу, в далекое от современного мира Беловодье, к человеку как к царю миру. Он рвется домой, поэтому он религиозный тип. Религия начинается там, где начинается человек, а человек начинается там, где заканчивается индивид.

Поэтому религия — дело человека, а не индивидуума. Но человеком стать далеко не просто.

5. Унгерн против современного мира

Унгерн ведет свою войну против современности. Отсюда интерес к нему барона Эволы (еще одного Барона-кшатрия, Рене Генона и других европейских традиционалистов, которые объявили восстание против современного мира). Что ненавидит Унгерн? Он отрицает две манифестации современного мира — капитализм, царство торгашей и коммунизм — доминацию пролетариев. В этом совре-

менном мире нет места Господам, места для воли к власти. Это результат восстания черни, мировой дряни.

В основе буржуазии — индивидуум и его частная собственность, Единственный, индивидуум, и его собственность, две неприемлимые для Унгерна вещи. Это — идеология особи, ее абсолютизация. Доведенная до предела секуляризации концепция телеологии индивидуального начала.

В основе социализма тот же самый индивидуум, собравшийся в коллектив, как 6-ая гипотеза платоновского «Парменида», *ex pluribus unum*. В одном случае *unum* — как плотное объединение многих — в другом вялое. И там, и там в основе стоит особь, секулярный индивидуид. И там, и там восстание низших каст против высших.

В кровавом тлене современной цивилизации Унгерн сражается против особи за мир воинов. Для него мир — это война. И когда он видит счастливое сознание (либо буржуазного толка, либо социалистического) , он сталкивается со стихией ленивого идиотического сна. Унгерн идет против эго, против тотального сна. Унгерн пробуждает ото сна ударом нагайки, сабли или выстрелом. Унгерн несет смерть эго во имя пробуждения души.

Барон сражается за Традицию, не за конкретную (и это не важно), но за примордиальную. Не важно, как глубоко был он православных христианином или буддистом, ведь марш его воли звучит, славя абсолютную традицию, Традицию как Абсолют.

Унгерн имеет дело только с Абсолютным. Не с конкретным изданием традиции — но с абсолютной традицией.

Война Унгерна — война абсолютная, свободная, бесцельная и безнадежная. Это расцвет чистого маниакала.

Традиционализм Унгерна — особый традиционализм, то есть традиционализм высшей Свободы. Бывает традиционализм как реакция на модерн. Как инерция или пассивность, как сохранение того, что должно было бы исчезнуть. Унгерн — не реакционен. Напротив, Он атакует, нападает. Он традиционалист оффенсивный, атакующий, нападающий традиционалист. Не отбивающийся, а наступающий.

Его атака совершенно безнадежна, но как же она прекрасна. Он воплощает в себе эстетику высшей традиционалистской свободы.

6. Унгерн как Радикальный Субъект

Барон Унгерн — традиционалист. Но, возможно, у него вообще не было никакой традиции. Стоит заметить, что не столь важно, была ли у него традиция или не было. Жест свидетельствования там, где уже не о чем и не для кого свидетельствовать. Свидетельство само по себе. Важнее другое: он выражение войны против того, что является антитезой Традиции. Он — воин не ради чего-то конкретного, а, расчищая почву для явления реального единственного настоящего События, Ereignis'a. Традиция ушла. Фигура Унгерн — выражение войны с современностью во имя Традиции как Абсолютного. Это позволяет рассматривать его как эпифанию Радикального Субъекта. Унгерн прочертил последнюю траекторию, последнюю вспышку, закрыл цикл и, тем не менее, вопреки всему есть нечто в нашем мире, что вглядывается в послание героев, трагически проигравших все битвы и создавших по истине красивую военную форму.. Откуда берется наша неистовая любовь к таким как Унгерн, к последним героям великой полночи. Быть может, это равнодушие к финальному трагическому жесту героев в темные времена подводит нас к созданию традиции нового толка, традиции Радикального субъекта. Как быть консерваторам, когда то, что нужно сохранять, ушло. Все лучшее ушло, все чистое проиграло, все героическое потерпело поражение. Но есть единственное нервное волокно, которое отзывается на голос последних героев — это другая традиция, не имеющая к погибшей никакого отношения. Это традиция Радикального Субъекта, которого не должно было быть, но который, тем не менее, есть. И тогда последний аккорд увядающей пьесы, может быть, восстанет в мягком переливе нового, магического, первого аккорда, знаменующего начало нового цикла, новой истории, новой драмы...

Радикальный Субъект появляется в полночи. И Унгерн — его предтеча.

7. Унгерн как явление Человека. Антропoфания

Теперь вернемся к нашему первому вопросу: кем был Роман Федорович Унгерн фон Штернберг? Кто Вы, начальник Азиатской конной дивизии генерал-лейтенант Унгерн?

Из всей череды ответов, которые мы примеряли, — бог, дьявол, герой, садист, маньяк, борец с большевиками, авантюрист, сектант, мистик, палач, верный присяге белый офицер ... мы примем такой: человек.

Человек как он есть, каким он обнаруживает себя в мире, когда человечество стремительно теряет с ним связь. Он — наказующий, не судья, но исполняющий высший приказ гнева. Ведь сказано «мне отмщение аз воздам». Если те, кто живет сегодня на земле, называют себя людьми — то они глубоко заблуждаются, доказать это легко, снятием... «Человеку» — Антропосу стыдно за всех. От стыда начинают гореть его щеки, плавиться и пламенеть кожа, вспыхивают перекаты его волос. И мир превращается в огонь... В тот самый, вечный, очищающий огонь, творящий правосудие, мерами потухающий, мерами возгорающийся... Сейчас настало время, когда этот огонь загорается...

Барон Унгерн был человеком как эйдос, он остается нашим горизонтом. Это — эпифания человека.

Унгерн — наш горизонт. И в конечном итоге Он — это мы...

Натэлла Сперанская

Четвёртая Политическая Теория и «другая Европа»

Четвёртая Политическая Теория — это волевое конструирование Традиции с опорой на деконструкцию современности

Александр Дугин

Критика (нео)либерализма «сверху»

Хайнрих Майер в книге «Карл Шмитт, Лео Штраус и Понятие политического» пишет, что миру, который пытается уклониться от различения друга и врага, Шмитт наглядно показывает неизбежность радикального Или-или, чтобы обострить «сознание чрезвычайной ситуации» и снова пробудить способность, проявляющуюся в те мгновения, «когда враг с конкретной ясностью обнаруживается как враг»¹.

Несомненно, что сегодня мы безошибочно можем назвать нашего врага по имени. Этот идеологический (и онтологический) враг — либерал, приверженец политической теории, которая одержала победу над двумя идеологиями двадцатого столетия — коммунизмом и фашизмом (национал-социализмом). С последствиями этой победы мы имеем дело сегодня. Говоря «мы», я имею в виду не какое-либо абстрактное политическое образование, но представителей евразийской геополитической традиции,

¹ Хайнрих Майер. Карл Шмитт, Лео Штраус и Понятие политического. О диалоге отсутствующих. М.: СКИМЕНЬ, 2012.

или линии теллурократической геополитики (соответственно, враги определяются через причастность к талассократической геополитике). Лео Штраус, комментируя фундаментальный труд «Понятие политического», отмечает, что при всей содержащейся в нём радикальной критике либерализма, Шмитт не доводит её до конца, поскольку предпринятая им критика «разворачивается и остаётся в горизонте либерализма». «Его антилиберальная тенденция, — считает Штраус, — сдерживается до сих пор ещё не преодоленной «систематикой либерального мышления», которая, по признанию самого Шмитта, «несмотря на все неудачи, сегодня в Европе пока не заменена никакой другой системой»¹. Критика либерализма в поле либерализма невозможна; без решительного преодоления (или, лучше сказать, «обрушения») либерального дискурса не может быть создана никакая замена. Нам хорошо известно, что все три главенствующие политические идеологии прошлого столетия — либерализм, коммунизм, фашизм (первая, вторая и третья политические теории) — являются порождениями эпохи модерна. Парадигмальный переход к постмодерну с необходимостью подразумевает появление политической теории, находящейся за пределами трёх предыдущих (кроме того, с учетом политических метаморфоз либерализма, которые можно свести к единому определению — «неолиберализм» — потребность в чётко обоснованной альтернативе становится безусловной). Только освободившись от клещей либеральной доктрины, можно перейти к её тотальной критике. Шаг за пределы модерна не означает: а) попытки создания коммунистической доктрины номер два, б) возможности обоснования неофашистской идеологии, способной встать на место альтернативной политической теории контрлиберального толка. От нас требуется совершить политический выбор, который предопределит будущее мирового порядка, уже сейчас находящегося на грани перехода к многополярности, конституируемой четырьмя полюсами, где наличие евразийского полюса является обязательным. Этот политический выбор, кроме того, означает сознательное принятие концепта Четвёртой Политической Теории, позволяющей осуществить критику (нео)либерализма «сверху».

¹ Там же.

«Другая Европа»

«Только немногие могут всерьёз оспаривать тот факт, что сегодня в общем все европейское общество посреди пугающего чувства кризиса и неприятного ощущения, охватившего лучшие умы, вызывает к идеалу высшей мировой культуры — культуры, в которой новый принцип должен вновь привести силы и носителей рассеянных европейских традиций к единству», — так начинает своё эссе «О духовных предпосылках европейского единства» итальянский мыслитель Юлиус Эвола¹. Мы, представители евразийской политической философии, выстраиваем стратегические отношения с последними сопротивляющимися и восстающими Европы, с теми, кто даже посреди руин сохраняет мужество отстаивать высшие, героические, традиционные ценности. Размышляя о предпосылках нового европейского единства, Эвола подчеркивает, что опасность близится как со стороны России, так и со стороны Америки. В этом эссе речь идёт об историческом периоде, который характеризовался двухполярной системой мироустройства; в этой модели наличествовали два полюса, два гегемона — СССР и США. Сегодня мы имеем однополярную модель и единственного гегемона в лице Соединённых Штатов и, соответственно, находимся внутри победившего либерального дискурса, переживающего еле заметные метаморфозы. При всей разнице между двумя историческими периодами, кризис Европы не просто остался нерешённой проблемой, но и значительно усилился. Но о какой Европе мы говорим? В одном из интервью Александр Дугин отметил, что сегодня существует две Европы: «либеральная Европа» (или «Европа-1») с её идеей «открытого общества», прав человека, регистрации гомосексуальных браков, юридической легализации шведской семьи, и «другая Европа» («Европа-2») — политически ангажированная, мыслящая, интеллектуальная, духовная, рассматривающая нынешний статус-кво и доминацию либерального дискурса как настоящую катастрофу и предательство европейской традиции. «Прошло много лет с тех времен, когда Запад знал, чем «традиция» является в наивысшем значении; антитрадиционный дух и западный дух стали синонимами ещё с периода Возрождения.

¹ Юлиус Эвола. О духовных предпосылках европейского единства // Традиция и Европа. Ex Nord Lux, 2009.

«Традиция» в полном смысле — это черта периодов, которые Вико называл «героическими веками» — где существовала единственная созидательная сила с метафизическими корнями, проявленная в обычаях и в религии, законе, мифе, художественных созданиях — во всех частных областях существования»¹, — пишет Юлиус Эвола. Последние сопротивляющиеся и восстающие — это представители «другой Европы».

В работе «Европа и глобализация» Ален де Бенуа обращает внимание на то, что у Европы «есть все необходимые козыри для того, чтобы свергнуть американскую гегемонию и без колебаний стать главной мировой силой». Тем не менее, Европа удерживается от принятия стратегического решения, позволяя США сбрасывать себя в бездну бессилия и тотального угасания; большинство европейцев утратили свою идентичность, и лишь немногочисленные представители «другой Европы» все ещё хранят верность наследию европейской традиции. Четвертый номос Земли, к которому мы вплотную приблизились, характеризуется как «многополярный», или, что более точно, как потенциально многополярный, поскольку «гегемония в шести основных областях могущества — технологической, экономической, финансовой, военной, медийной и культурной — принадлежит только одной цивилизации — Соединенным Штатам Америки». Де Бенуа подчеркивает, что целью США является замедление неотвратимой трансформации западного универсума в планетарный плюриверсум. Радикальный разрыв с Америкой привел бы Европу к обретению суверенитета, возвращению подлинной идентичности (национальной, культурной и т. д.) и, как следствие, к утрате США статуса мирового гегемона.

Мы хотим указать на необходимость обнаружения Принципа, способного привести к единству, о котором говорил Эвола, и называем этот Принцип политическим учением, являющим собой строгую альтернативу либеральной идеологии. Это политическое учение, основоположником которого стал Александр Дугин, получило название *The Fourth Political Theory* (или Четвёртая Политическая Теория). Сегодня мы должны по-новому осмыслить историческую судьбу России и Европы. Не России — как части Европы, а России

¹ Там же.

и Европы как двух «больших пространств» (Grossraum), двух цивилизаций: с одной стороны, исходя из многополярной модели мироустройства, акторами которой являются названные цивилизации, а с другой — учитывая многосторонний анализ взаимоотношений России и Европы, который преодолевает либеральную парадигму и даёт совершенно другую картину. Ален де Бенуа также подчёркивает, что Россия, находящаяся посередине Heartland'a, не является Европой, в то же время Европа принадлежит к евразийскому целому. Важно отметить, что итальянский философ, экс-губернатор Венеции и экс-депутат европарламента Массимо Каччари (в России больше известный как автор труда «Геофилософия Европы») предчувствовал четвертую теорию; во введении в его геофилософскую работу об этом сказано так: «...взамен упрощенной классической схемы с двумя полюсами — левым (марксисты) и правым (антимарксисты, консерваторы) и центром посередине Каччари говорит о целесообразности политической схемы, где, как минимум, четыре дистинкции».

«Историческая имитация»

Четвёртая политическая теория — враг либерализма. Но что собой в действительности представляет нынешний либерализм? От ответа на этот вопрос зависит наш стратегический план по уничтожению враждебной идеологии. Сегодня мы имеем дело с «неолиберализмом», или «пост-либерализмом», либерализмом неаутентичным. В книге «Четвёртая Политическая Теория» А.Дугин констатирует смену статуса либеральной идеологии при переходе от модерна к постмодерну, и описывает «панораму постлиберального гротеска»: «индивидуум» классического либерализма, бывший мерой всех вещей, становится пост-индивидуумом; частная собственность, завоевавшая почти сакральный статус, «превращается из того, чем человек владеет, в то, что владеет самим человеком»; возникает «общество спектакля» (Ги Дебор); граница между реальным и виртуальным стирается — мир обретает вид технического супермаркета; устраняются все формы над-индивидуальных авторитетов; на место государства становится «гражданское общество»; правило «экономика — это судьба» уступает место другому — «цифровой код — это судьба», словом, всё сводится к тотальной виртуальности.

«Нет ничего более трагического, чем не знать того исторического момента, который мы переживаем в настоящее время. — Говорит Ален де Бенуа. — Это момент постмодернистской глобализации». Французский мыслитель подчеркивает актуальность вопроса о новом номосе («закон», «право») Земли или способе установления международных отношений. Итак, каким будет четвёртый номос? Де Бенуа рассматривает две возможности: приход к универсуму (или однополярному миру), что будет означать доминацию США, либо к плюриверсуму (многополярному миру), при котором разнообразие культур не будет находиться перед угрозой тотального поглощения и «переплавки». Безусловно, четвёртый номос Земли связан с Четвёртой политической теорией. Ален де Бенуа пишет, что «так же, как в модерне было три больших номоса Земли, так же существовало и три больших политических теории. В эпоху современности мы видели, как поочередно появлялись в 18 веке — либерализм, в 19 веке — социализм и в 20 веке — фашизм. Эти три идеологии исчезли в порядке обратном порядку их появления. То есть, самая недавняя исчезла первой (...) Четвёртый номос Земли призывает появление Четвёртой Политической Теории. Нельзя пока дать подробное описание этой Четвертой теории, — продолжает де Бенуа. — Несомненно, она будет критична по отношению к тем теориям, которые предшествовали ей. Но одновременно она сможет сохранить то, что подлежит сохранению из предыдущих идеологий. Это будет синтез и вместе с тем снятие (*Aufhebung*) в гегелевском смысле».

При выработке идеологического фундамента Четвёртой теории можно проанализировать положительные и отрицательные аспекты трёх нам известных политических теорий и заимствовать те из них, которые мы найдём приемлемыми. Это один из способов. Но это не значит, что других не существует. Мы также можем поставить вопрос о «политическом мимесисе», рассмотрев его с другой стороны.

К примеру, современные французские философы Ж.Лаку-Лабарт и Ж.-Л.Нанси предлагают ввести новый концепт «исторической имитации»¹. Они акцентируют внимание на том, что по Европе давно бродит призрак подражания, «что, прежде всего, означает: подражания древним. Известно, какую роль сыграла античная модель

¹ Ф. Лаку-Лабарт, Ж.-Л. Нанси. Нацистский миф. Санкт-Петербург, 2002

(Спарта, Афины, Рим) в основании современных национальных государств и в строительстве их культуры»¹. Фундаментальную роль «историческая имитация» сыграла и в концепции немецкого нацизма (и итальянского фашизма). Предлагается задуматься над тем, возможен ли в наши дни политический мимесис классической древности, и не следует ли говорить о необходимости нового поворота к античности? Не заключалась ли ошибка (повлекшая за собой поражение) последователей третьей политической теории в лице немецкого национал-социализма в том, что её подражание древним не учитывало важного момента: существования «двух Греций» — Аполлонической и Дионисийской, Греции светлого дня и Греции мистерий, Греции закона и героической строгости и Греции с её экстатическими ритуалами и жертвоприношениями? И, последнее: возможно ли возрождение античного духа не только на европейской, но и на русской почве? Иначе говоря, не следует ли прибегнуть к заимствованию не тех идеологических аспектов, что существуют в рамках политических теорий, порожденных модерном, а к «политическому мимесису» или «исторической имитации» более древних идеологов, что и будет радикальным выходом к построению политической теории по ту сторону модерна?

Применительно к России: создание Русской Школы Неоплатонизма ясно свидетельствует о серьезности наших намерений и важности той роли, которую мы отводим Платону. «Проект Новой России должен начинаться с платонического оглашения», — считает А.Дугин. Тот факт, что в истории человечества так и не было отмечено возникновения Платонополиса, Государства Платона, может говорить о том, что всякая попытка его создания начиналась с намерения сократить дистанцию между современностью и античной древностью посредством приближения «к нам/к ним» греческого наследия, но вся суть заключается в том, что это «мы/они» сами должны возвыситься до греков. Не Град Небесный должен стать земным, но Град земной должен стать точной копией Града Небесного.

«Нацизм (и во многих отношениях итальянский фашизм) характеризуется тем, что он поставил своё собственное движение, собственную идеологию и собственное государство

¹ Там же.

как действительное воплощение некоего мифа или как живой миф. Именно так и говорит Розенберг: Один мёртв, но в другом качестве, как сущность германской души, Один возрождается на наших глазах»¹, — пишут Ж.Лаку-Лабарт и Ж.-Л.Нанси. Национал-социализм представлял собой (не вполне удачный) синтез различных мифов: аполлоническая и дионисийская Греция не соприкасались, но сталкивались в политическом пространстве новой доктрины, что уже на раннем этапе свидетельствовало о будущем поражении в исторической битве. Но, кроме Греции (а Гитлер говорил о себе: «Я — грек»), национал-социализм также вобрал в себя элементы древнегерманского язычества, Средневековья и индоарийской традиции. Фашизм Муссолини, в свою очередь, представлял идеалистический миф об Италии как наследнице Рима. Юлиус Эвола пишет, что с доктриной государства фашизм «вернулся к традиции, лежащей в основе величайших европейских государств. Кроме того, он воскресил или, по крайней мере, попытался воскресить римскую идею, как высшую и особую интеграцию «мифа» о новом политическом организме, «сильном и органичном». Для Муссолини римская традиция была не простой фигурой речи, но «идеей силы», идеалом для воспитания нового типа человека, который должен был взять власть в свои руки. «Рим — наш миф» (1922 г.). Данные слова — свидетельство правильного выбора и великой отваги; в них сквозит желание протянуть мост над бездной веков, восстановить преемственность с единственно ценным наследием итальянской истории»². Тем не менее, Муссолини так и не смог прийти к подлинному пониманию духовного измерения римского символа и Древнего Рима.

Расовая доктрина

Роковой ошибкой немецкого национал-социализма стало искаженное понимание расовой доктрины, признающее исключительно «расизм первой степени» (биологический расизм). Первым звеном в этой цепи стало смешение понятий «нации» и «расы», что, по сло-

¹ Там же.

² Юлиус Эвола. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. М.: АСТ, 2007.

вам Эволы, было равносильно демократизации и деградации самого понятия расы. Мнения немногочисленных приверженцев другого понимания расовой теории, не принимались в расчёт. Что касается итальянского фашизма, с самого начала эта идеология была свободна от вулгарного толкования теории рас. В 1941 году Эволу вызвали в Венецианский дворец, где должна была состояться его встреча с Муссолини, который выразил большой интерес к работе под названием «Синтез расовой доктрины», увидев в ней «основу для формирования независимого фашистского и антиматериалистического расизма». Муссолини безоговорочно принял теорию трёх рас: духовной, душевной и физической (биологической). Эта теория находила прямое соответствие с идеями Платона: раса тела в государстве соответствовала *demos*, массе, раса души — стражам/воинам, раса духа — философам. Однако впоследствии на Муссолини надавили представители католической среды, увидевшие большую опасность в постановке расового вопроса на уровне духа, и теория трёх рас не получила должной огласки. Юлиус Эвола подчеркивал, что идея расы (выходящая за пределы обычного её понимания как антропологической и этнической единицы) находится в конфронтации с индивидуумом (что, безусловно, является положительной чертой расизма). Одним из практических значений расовой теории итальянский мыслитель называет «необходимость преодоления либеральной, индивидуалистической и рационалистической концепций, согласно которым индивид — это подобие атома, субъект в себе, который живет и имеет смысл только для себя самого». Таким образом, итальянский фашизм в своих истоках был изначально ориентирован на теорию трёх рас, что жестко отличает его от национал-социалистической доктрины, фанатично исповедовавшей биологический расизм.

В наши дни слово «раса» и его производные воспринимаются лишь в негативном ключе, поэтому прибегать к ним в обосновании той или иной идеологической структуры, было бы крайне неосторожным. Четвёртая Политическая Теория категорически отвергает расизм, включая его новейшие, постмодернистские формы, как: диктатура гламура, следование современным информационным трендам, идея однополярной глобализации (превосходство западных ценностей). Александр Дугин утверждает, что Четвёртая Политическая Теория отвергает «все формы нормативной иерархизации

обществ по этническому, религиозному, социальному, технологическому, экономическому или культурному признаку. Общества можно сравнивать, но нельзя утверждать, что одно из них объективно лучше других».

Возвращаясь к «исторической имитации», можно поставить сразу несколько вопросов:

В каком направлении нам двигаться при создании Четвёртой Политической Теории — извлекать ли «здоровые элементы» из трёх политических идеологий, или же обратиться к платоновской Политейе и до-модернистскому, традиционному обществу (либо совместить оба подхода)?

Каким может быть гипотетический переход от Логоса к Мифосу в рамках политической идеологии? И в каких отношениях Четвертая Политическая Теория находится с мифом?

Каким может быть миф России и миф (или мифы) «другой Европы», находящие себе место в Четвёртой Политической Теории как фундаменте многополярного мира?

Все эти вопросы пока только заданы.

Александр Дугин считает, что Платон пожертвовал истиной мифа ради истины философии. Отсюда следует, что его Государство с самого начала было основано на аполлоническом принципе (строго отвергая дионисийский). Не следует ли пожертвовать истиной философии ради философии Другого начала, снимающей проблематику разделения Логоса и Мифоса? Политея возможна только при наличии двух формирующих её принципов. Четвёртой Политической Теории нужен Миф, но Миф как Миф всеобщий, Миф как *paradeigma*, в рамках которой диалог России и «другой Европы» станет началом перехода к новой политической реальности.

Четвёртая Политическая Теория, по словам её основателя, это волевое конструирование Традиции с опорой на деконструкцию современности. Главным образом, речь идёт о полном устранении субъектов трёх теория 20 столетия: индивидуума — в либерализме, класса — в коммунизме, расы/национального государства — в национал-социализме и фашизме. Субъектом Четвёртой политической теории становится [хайдеггеровский] *Dasein* (нем. «вот-бытие», «здесь-бытие»), что делает её «фундаменталь-онтологической структурой, развернутой вокруг экзистенциальной антропологии».

При этом Четвёртая Политическая Теория, настаивающая на многополярности, идёт дальше Хайдеггера и настаивает на множестве Dasein'ов. «Цепочка Dasein-культура-цивилизация-большое пространство-полюс многополярного мира дает совершенно новый контекст политического мышления. Индивидуума нет, Dasein его отменяет, вместо него фигурирует лишь вопрос аутентичного или неаутентичного экзистирования, то есть выбор das Mann или Selbst, вот это и кладется в основу 4ПТ. Класс и раса, а также государство (по меньшей мере, современное национальное буржуазное государство) — все это антропологические и онтологические конструкты Модерна, версии технэ, Ge-stell. Мы же проектируем экзистенциальное политическое устройство», — говорит Александр Дугин.

Таким образом, все попытки наших либеральных оппонентов дискредитировать Четвёртую Политическую Теорию как «новую версию национал-социализма» не имеют под собой никаких оснований, являясь лишь враждебной реакцией врага на выявление равного (либо превосходящего) по силе противника и стратегическими действиями, направленными на устранение риска скорого с ним столкновения. В очередной раз мы подчеркиваем, что Четвёртая Политическая Теория находится по ту сторону трёх политических идеологий и единственной чертой, сближающей её со второй и третьей теориями, можно назвать жесткое противостояние либерализму.

Александр Бовдунов

Выиграть в битве за ангела

Антропология Четвертой Политической Теории и «трансцендентный человек»

Вопрос о месте и роли человека в Четвертой Политической Теории является одним из важнейших и приоритетных. Самые, как нам кажется, важнейшие положения были выдвинуты А.Г. Дугиным на семинаре, посвященном политической постантропологии. Напомню, что тогда Александром Гельевичем были высказаны следующие положения:

1) То, кем является человек, зависит не от человека, а от политики, именно политика как диспозитив насилия и легитимной власти определяет, наполняет содержанием понятие «человек».

2) Центром политической постантропологии Модерна является ризоматическая суб- и транс-индивидуальная сеть.

3) Снятие фигуры политического солдата. Появление симулякра политического солдата, происходящее одновременно с разрушением постмодернистской аннигиляцией всех структур Модерна, в том числе политических идеологий.

4) Тема Ангелополиса, политика как столкновение надчеловеческих сущностей.

И тезис: постчеловеку можно противопоставить только нечеловека, то есть то, что стоит вне симуляций, перверсий человеческого мира, что не может стать пародией на самое себя. В связи с этим понятно обращение к проблематике ангелизма¹.

¹ Дугин А.Г. Политический человек и его мутации (сверхчеловеческое и постчеловеческое в политике) // Четвертая политическая теория: материалы семинаров и конференций по политологии и политике в современном мире (вып. 2). С 58-60

Ангел

Ангелическая тема возникает и в недавнем труде Александра Гельевича «В поисках темного Логоса». Наиболее важны, конечно, две связанные друг с другом главы: «Заметки о гуманизме» и «Метаморфозы ангела (оппозиции и медиации)». В «Заметках о гуманизме» рассматривается примененная к антропологическому полю концепция Запада и Востока вещей Сухраварди, отношение между человеком как индивидуумом и человеком-эйдосом, частным и всеобщим. Выделяются три вида гуманизма: гуманизм платонический, гуманизм реалистский или соборный, гуманизм номиналистский, дающий в итоге и либеральную концепцию индивидуализма. С концепцией ангелополиса соотносится в первую очередь, конечно, гуманизм платонического типа, где в центре находится фигура совершенного, светового человека, 10-го интеллекта, ангела человечества. В разных традициях мы встретим разные наименования этой инстанции, хотя основные термины, приводимые А.Г. Дугиным, заимствованы из концепций исламского эзотеризма.

Идея антропологического центра, человека как вида соотносится с ангелической реальностью. Важнейшая характеристика этой реальности — промежуточность: ангел стоит между Богом и человеком как индивидом, световой человек стоит в центре имагиналя, мира малакут, среднего мира в философии Ишрака. Как пишет Александр Гельевич: «Эта зона — зона онтологической антропологии, там человек впервые становится человеком сущностно и аутентично»¹. Вообще ангелизм, и не только в интерпретации А.Г.Дугина, характеризуем промежуточностью, медиацией, положением «между», *Inzwischen*². Эта топика, где, как утверждается, антропологическая, истинная антропологическая реальность и реальность ангелическая если не совпадают, то тесным образом сплетаются, и есть топика Ангелополиса, который таким образом является политической манифестацией идеи обращения

¹ Дугин А.Г. В поисках темного Логоса. М.: Академический проект, 2012. С.85

² Дугин А.Г. В поисках темного Логоса. М.: Академический проект, 2012. С.103-105

к ангелизму и первостепенности этого ангелизма, междумирья, транзиции, медиации, бытия как экзистенции и т. п.

Ангел и человек в православной традиции

В то же время мы знаем, что, например, православное учение о человеке, о человеческой судьбе, доле людей и ангелов не полностью вмещается в описываемую в этих главах картину. Да, есть идея соборности, причем именно гуманистической соборности, есть элемент соотношения ангельского с человеческим в фигуре Пречистой Девы, которая являет собой образ совершенного человека и в то же время предстает «Честнейшей Херувим и славнейшей без сравнения Серафим», Царицей Небесной, и монашеское житие не случайно называется «ангельским», а у ряда православных отцов, например Св. Григория Великого можно найти представление о совершенном человеке, как находящемся наравне с ангелами¹.

Но есть и особое учение о человеческой природе и превосходстве человека над ангелами. По учению Святых Отцов, нынешнее, падшее состояние человеческого существа и человеческой природы есть состояние противоестественное: именно так оно именуется в «Душеполезных поучениях» аввы Дорофея² — одной из важнейших книг, чтение которых обязательно для монашествующих, в поучениях аввы Исаии в «Добротолубии»³ и у других отцов Православной Церкви. Можно сказать, что человек в падшем своем состоянии есть не совсем человек, а тот, кому только предстоит стать человеком, но это становление человеком после Крестной жертвы Христа будет уже не просто восстановлением первоначальной адамической природы, но будет еще выше. Как пишет св. преп. Симеон Новый Богослов, эта человеческая природа по Воскресении будет духовной⁴, а как отмечает св. пр. Григорий Синаит человеческое существо будет

¹ Св. Григорий Двоеслов. Беседа 34, говоренная к народу в храме святых Иоанна и Павла в Неделю третью по Пятидесятнице. О взыскании погибшего рода человеческого Спасителем его. URL: http://www.angelologia.ru/tvorenia/St_Grigoriy_Dvoeslov_Beseda_34_v_nedelju_3.htm

² Цит по. Роуз С. Приношение православного американца. Сб. трудов. М.: 2011. С. 497

³ Там же. С. 498

⁴ Там же. С.493

«и перстно и небесно, да сообразно будет образу сына Божьего по всецелому причастию обоженья»¹. Человек может приблизиться к Богу так, как не могут этого сделать и самые высшие из ангелов.

Антропология христианства стянута к Новому Адаму, то есть к Христу. Вектор движения от индивидуума к настоящему человеку, центру антропологии, проходит по касательной, или даже сквозь ангелическое междумирье, и идет дальше — выше, как замечает архимандрит Киприан Керн, комментируя высказывания на этот счет св. Григория Паламы, даже самых высших ангельских чинов:

«Глава афонских исихастов, сам близкий к ангельскому бесплотному житию, дерзает восхвалять человека так, как, может быть, мало кто из отцов Церкви. Он очень определенно говорит о высоте человека, о «богопричастной» плоти, о превосходстве человека над миром Ангелов. Указав на некоторые стороны, которыми Ангелы превосходят человека, он не боится говорить и о том, что возвышает человека над Ангелами и делает его самым дорогим и прекрасным цветком всего мироздания. Это им унаследовано от мистической традиции Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника... Благодаря тому же взгляду на соотносительность человеческого и ангельского Палама видит совершеннейших подвижников духа превосшедшими ангельские чиноначалия. Стоящий по своей плотяности ниже «вторых светов» человек благодаря подвигу стяжания Святого Духа может их превзойти и сам приблизиться к Первоисточнику Света, к Сверхсущественнейшему Естеству. Примеры тому он видит в святом Иоанне Предтече, святых апостолах Петре и Павле, великомученике Димитрии. Но ими, конечно, это не ограничивается. К этому призваны все святые, или, точнее, все люди, поскольку святыми должны быть все»². Но и человеческое естество само по себе, по многим своим характеристикам делает человека выше ангелов. Во-первых, человек выше в том, что касается образа Божия в человеке: если ангелы превосходят человека по подобию, то, так как «умное и словесное естество души, — говорит Палама, — одно только обладает и умом, и словом, и животворящим духом.

¹ Там же. С. 508

² Архим. Киприан (Керн). Образ и подобие Божие (Человек и ангелы) // Восхождение к Фаворскому свету. [Электронный ресурс] URL: http://www.angelologia.ru/bogoslovie/188_chelovek_i_angely.htm

Только оно одно больше, чем Ангелы, было создано Богом по Его образу», во-вторых, человек занимает господствующее положение в иерархии мироздания, ангелы же суть литурги, то есть служебные духи, в-третьих, благодаря троическому строению человеческого познания, в котором можно выделить чувственное, рациональное и духовное начала¹. Говоря о Боговоплощении, св. Григорий Палама отмечает, что оно происходит, «чтобы почитать плоть, и именно смертную плоть, чтобы высокомерные духи не смели считать и думать, что они честнее человека и что они смогут обожиться вследствие своей бесплотности и кажущегося бессмертия...»².

Архимандрит Киприан (Керн) говорит: «Бог явился во плоти, Бог стал человеком. Богочеловек, а не Богоангел. Он пришел спасти род человеческий, но и почитать естество человеческое; приняв человеческое тело, поднять его на высоту небесного Престола, превыше ангельских чиновначий. Естество человека по самому о нем божественному замыслу столь велико, столь замечательно, столь ко многому предназначено от вечности, что можно говорить о божественном происхождении человека. Человек есть сотворенный Бог, так учил святой Григорий Богослов»³. Это очень важно для понимания величайшего из таинств — Евхаристии: уже участие в нем дает христианину то, что не дано ангелам. «Ангелы стали участниками и сделались общниками не естества божественного, но — действия (энергии) и благодати», — говорит преп. Иоанн Дамаскин, — «из людей же те бывают участниками и делаются общниками Божественного естества, которые принимают Святое Тело Христово и пьют Его Кровь. Ибо [Тело и Кровь] соединены с Божеством по ипостаси; и два естества в принимаемом нами Теле Христовом соединены в ипостаси неразрывно; и мы бываем причастниками двух природ: Тела — телесно, Божества — духовно, скорее же, обеих обоюдно. Не по ипостаси мы — одно и то же [чтои

¹ Там же.

² Там же.

³ Архим. Киприан (Керн). Евхаристия. [Электронный ресурс] URL: http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/sem_tserkovnyh_tainstv/prichaschenie/kiprian_evkharistia23-all.shtml

Спаситель] (ибо сначала существуем ипостасно и потом [только] вступаем [с Ним] в единение), но по соединению с Телом и Кровью»¹.

Евхаристия и обоженье, снисхождения Бога и возвышение человека тесно связаны, — утверждает арх. Киприан: «Самое замечательное и утешительное, что развила святоотеческая мысль о человеке, это учение об обожении его. С одной стороны, основываясь на словах апостола Петра (второе послание 1:4) о том, что нам дано стать «причастниками Божеского естества», а с другой, развивая учение неоплатонической философии о том, что душа «становится или, вернее, есть Бог» и о том, что задача нашей жизни «не столько быть безгрешным, сколь обожиться», святоотеческая антропология постоянно учила об этом «теозисе», обожении, максимальном приближении к Богу. Это не только нравственный катарсис, это не только оправдание от грехов, это не только интеллектуальное приближение к Богу, это реальное, конкретное обожение нашей природы. А оно возможно только благодаря причащению этой природы обожённому Телу Христову, благодаря евхаристической жизни»².

Чрезмерный ангелизм, концентрация на фигуре и символике ангела в ущерб тем пределам, человеческим и божественным, между которыми натянута струна ангелического междумирья, способен привести к фатальной подмене, к построению системы, полностью, по своему содержанию противоположной тем интенциям, исходя из которых Александр Гельевич обращается к этой очень рискованной проблематике. Пренебрежение божественным и человеческим (а такой вывод тоже можно сделать из постулирования центральности ангелологии, и остановка на фигуре ангела) может привести к превращению того, что претендовало на открытый платонизм к его схлопыванию в момент остановки и перерождению в новую версию платонизма закрытого, при этом чрезвычайно редуцированного. Такой «ангел» превращается в преграду, закрывающую лицо Бога.

¹ Прп. Иоанн Дамаскин. Три защитительных слова против порицающих святые иконы или изображения. СПб., 1893, рСТСЛ, 1993. С. 108

² Архим. Киприан (Керн). Евхаристия. [Электронный ресурс] URL: http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/sem_tserkovnyh_tainstv/prichaschenie/kiprian_evkharistiia23-all.shtml (дата обращения — 22.01.2013)

Особенно такая опасность велика, с нашей точки зрения, если размышления об ангелизме идут вне рамок христианского миропонимания, такой «закрытый ангелизм» не приемлет и Искупительной жертвы, и Бескровной жертвы, и самого Христа как Богочеловека, потому что ими разрушается его царство, царство князя мира сего, и потому одним из его характерных признаков может служить возврат к идее жертвы кровавой.

Человек в своем предназначении выше ангелов, и апостол Павел резко утверждает: «Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела? Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские?»¹

Конечно, ангелические соотнесения, аналогии, само почитание ангелов не отвергается, но истинной антропологией становится не пространство «между», но предел, стремящийся к бесконечности, и сущим безумием было бы нынешнему падшему человеку впадать горделивое самомнение по поводу своей «совершенной природы», но истиной, зоной концентрации антропологии становится не пространство «между», но предел, стремящийся к бесконечности. Кроме того, «межмирье», «мир воображения» воспринимается как очень опасная область. Мечтательность, то есть грезы, воображение сознательно отвергается Отцами. Одним из главных элементов духовной жизни как монаха, так и мирянина, является запрет на воображение — в этом принципиальное отличие православной молитвы от католического молитвенного делания, которое все построено на использовании силы воображения². Делается это для того, чтобы не впасть в прелесть, то есть в духовный самообман и не быть прельщенными духами, которые очень активны в этом мире воображения, ведь человек, как пишет Св. Игнатий Брянчанинов, только после обновления его Святым Духом видит ангелов, а до этого способен видеть только падших духов³, кроме того этот запрет базируется на том, пишет Святитель, что ум в молитве предстоит невидимому

¹ 1 Кор. 6:2-3

² См. напр «Духовные упражнения Игнатия Лойолы»

³ Св. Игнатий Брянчанинов. «О молитве». [Электронный ресурс] URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/otechnik5/main.htm> (дата обращения — 22.01.2013)

Богу, то есть обращается к тому, что выше любой образности, и поэтому изживает в самом себе в уме эту образность.

В аскетическом опыте чистой молитвы, как пишет преподобный Силуан Афонский, ум совлекается всякого образа, при этом ум пребывает в особом мраке — мраке совлечения, который предстоит открытию нетварного Божественного Света. Но и погружение в эту область, хоть и весьма возвышенную опасно, ибо и она обладает качеством «промежуточности». Как пишет архим. Софроний (Сахаров): «Пребывая во мраке совлечения,...ум может ощутить некое подобие света, который, однако, не есть еще несозданный свет Божества, а естественное свойство ума, созданного по образу Божию. Как исход за грани временного, это созерцание приближает ум к познанию непреходящего, и тем делает человека обладателем нового познания, однако, еще отвлеченного познания, и горе тому, кто мудрость сию принимает, как познание истинного Бога, и созерцание сие, как приобщение Божественному бытию. Горе потому, что в таком случае мрак совлечения, стоящий на грани истинного боговидения, становится непроницаемым покровом Божества и крепкою стеною, отделяющею от Бога более, чем мрак восстания грубых страстей, мрак явных демонических наваждений или мрак потери благодати и богооставленности. Горе потому, что это было бы заблуждением, «прелестью», ибо Бога во мраке совлечения еще нет»¹. В обоих приведенных аргументах отмечается опасность остановки в межмирье, которая равна самообольщению, попаданию в духовную ловушку, установлению преграды, закрытию горизонтов. Еще один интересный аргумент в духе христианского платонизма против воображения приводит современный, недавно почивший румынский старец Клеопа: «Не воображай ничего, ибо ум Христа не имел образов»².

Трансцендентный человек

В главе книги А.Г.Дугина «Заметки о гуманизме» есть раздел «Сухой путь и трансцендентный человек», в котором отмечается не-

¹ Архим. Софроний (Сахаров). Старец Силуан Афонский. М., 1996. С. 88

² Великий Старец Клеопа, Румынский чудотворец. М., 2012. С.

оплатоническое представление о том, что наличие у индивидуума ума (ноос) позволяет подняться над уровнем мировой души, средним уровнем. Ум способен созерцать высшие миры идей, стоящие радикально выше мировой души неоплатоников. Равным образом говорится и о сухом пути алхимического Великого деланья, который также избегает средней инстанции, топоса междумирия, свойственного пути влажному «путешествия по внутренним водам к полюсу универсального человека», это резкий скачок от индивидуума к духу. Но равным образом по касательной к ангелическому миру и любому междумирию (ведь и мир бесов — тоже междумирие, это находящийся между небом и землей — «воздух», где душа после смерти претерпевает мытарства) проходит в православном христианстве нормативный для человека вектор обоженья и восстановления измененной человеческой природы в Воскресении.

Чрезмерная концентрация на ангелическом уровне по своему духу, стилю (и вовсе не обязательно по интеллектуальному эксплицитному выражению этого духа) сходна с эбионитским, иудео-христианским представлением о «Ангеле-Христе» с повышенным вниманием, которое уделяется в эзотерическом иудаизме и исламе ангелическому миру. Согласно Анри Корбену эти три традиции составляют то, что можно назвать «Орден Илии» или принцип *Vera Propheta*», «Истинного Пророка». В этом подходе, который, как отмечает в работе «Орден Илии» А.Г. Дугин, есть некреационистский, манифестационистский подход, помещенный в строго креационистский контекст. Речь идет «об акцентировании особой сакральной реальности, которая являлась неким средним, промежуточным звеном между предтварной реальностью Божества, которое есть, и тварной реальностью мира, созданного из ничто.

Это среднее звено имеет несколько наименований:

«Присутствие» («шекина»), ангел Метатрон, Энох, страна Меркаба (колесница), Шекина, Малькут — в мистическом иудаизме;

Истинный Пророк, Ангел-Христос (*Christus Angelus*) — в эбионизме;

«Свет Мухаммада», «святой дух», «пурпурный архангел», «Хизр» — в исламском эзотеризме¹.

¹ Дугин А.Г. Конспирология. М., 2005. С. 225

Самое важное в оценке «ордена Илии» — это то, что его духовность полностью противоположна духовности православной. «Орден Илии» — это наложение последовательно иудейской перспективы на перспективу последовательно эллинскую. Но при этом речь идет не о православном «ни иудея, ни эллина», но о неправославном «есть и иудей, и эллин». Разница на первый взгляд может показаться незначительной, но, на самом деле, она огромна. В ней проявляется бездонное метафизическое отличие между духовностью христианского Запада и духовностью христианского Востока. В «Ордене Илии» креационизм и манифестационизм складываются, но эта процедура противоположна, по сути, православному христианскому синтезу¹. «Ангел (небесный, но тварный) — последний предел духовной реализации мистиков «Ордена Илии». Царство Божие остается принципиально недоступным»². Ангел закрывает и лицо Бога и лицо человека, становится преградой. Богословие «Ордена Илии» является перевертышем «полноценного православного богословия, основанного на линии Иоанна Богослова и святого апостола Павла»³, а фигура человеко-ангела Илии (в иудаистской оптике), Хизра, Иоанна Крестителя (в оптике эбионитской) противостоит Богочеловеку.

Принцип верного, как нам кажется, отношения к проблематике ангелизма выразил А. Г. Дугин, обращаясь к фигуре Иоанна Предтечи, который не случайно на православных иконах изображается, в том числе, и в ангельском обличье:

«По отношению к Христу Иоанн Предтеча (= Илия) может рассматриваться в двойственном отношении. В одном случае, он есть провиденциальный уготовитель Пришествия, поставленный на служение Святым Духом. В такой форме Креститель — Илия входит в новозаветную церковь, становясь особенно важной фигурой в монашеском делании (его центральная роль в исихазме). В другом случае, оставаясь в пределах иудаистического мировоззрения или, шире, креационистски монотеистического семитизма (включающего в себя ислам и иудео-христианские ереси эбионитского типа),

¹ Там же. С. 244

² Там же. С. 226

³ Там же. С. 240

фигура Иоанна Крестителя (Илии) радикально меняет свой смысл, сближаясь с самим антихристом, который также этимологически означает «предшествующий Христу», «анте-христ»¹.

Все эти сомнения, есть лишь призыв еще раз внимательно обратиться к теме ангелизма, понять, что эта область двойственная. Только внимательное следование православной традиции может позволить «выиграть битву за ангела» и не встать на сторону ««Ордена Илии» против Восточной Церкви. Против Православия. Против тринитарной метафизики и Символа Веры. Нашей Веры».²

Концепция англополиса как ответвление в сфере политического представления об «универсальном человеке», ангеле, как пребывающем в центре мезомира, имагиналя, безусловно, очень интересна и продуктивна, но почему Четвертая политическая теория не может строиться вокруг иной антропологии, антропологии соотносимой с православным представлением об антропосе, с понятием сухого пути и трансцендентного человека? Да, это не совсем антропология, особенно, если под человеком как видом понимать падшую человеческую природу в ее противоестественном состоянии, «отражением» которой является каждый индивид, но ведь мы в самом начале решили отказаться от такого «человека»?

Возможно ли построение антропологии, в том числе антропологии политической, вокруг фигуры не универсального, но трансцендентного человека, преодолевающего даже изначальное адамическое состояние, которое характеризуется «центральностью», в котором человек — центр, средоточие всего мира? Антропологии главных политических теорий модерна были выстроены вокруг фигуры универсального человека, либо в секуляризованной реалисткой соборной антропологии коммунизма и фашизма, либо в номиналистской индивидуалистской версии либерализма, где собственно этот человек совсем захирел и готов испустить дух. И не будет ли антропология трансцендентного человека, соответствующая более полно нашей православной традиции одновременно и радикальным разрывом с антропологиями Модерна, которые, даже отвергая человека универсального, все равно выстраиваются вокруг этого концепта?

¹ Там же. С.236

² Там же. С. 245

*Консервативно-революционная антропология
Нае Ионеску и Мирчи Элиаде*

В истории консервативно-революционных движений был один случай, когда была предпринята попытка опереться именно на такую антропологию в сфере политического. Речь идет о действительно уникальном явлении румынской «Железной Гвардии». Обратим внимание на небольшую статью, принадлежащую ведущему интеллектуалу движения, профессору Нае Ионеску «И вочеловешася». В этой небольшой работе, посвященной Боговоплощению и антропологии, профессор делает упор именно на антропологии трансцендентной, при этом отвергает ангелизм, провозглашая: «Человек выше ангелов в иерархии истинного мира, великий факт, ставший возможным через воплощение Христа... — в той степени, в которой для религиозного сознания ангел стал идеалом совершенствования, был забыт элементарный факт, что в последовательной христианской космологии ангел и человек движутся разными путями. Первый, является не чем иным как идеально вознесенной вещью, второй — ступенью на пути к Богу». Об этом же интеллектуальный лидер движения не уставал напоминать и в других своих работах, в частности, в публикуемых в легионерских изданиях статьях, посвященных Воскресению Христову. Причину, почему именно на этом моменте особенно остановился профессор, раскрывает Мирча Элиаде, рассказывая, что в мировоззрении и философской системе Ионеску на первом месте стояла не онтология и не гносеология, не другие подразделы современной философии, но сотериология. «В те годы, когда (в научной среде) господствовала проблема бытия, Ионеску первое место уделял драме спасения», — пишет Элиаде¹. В философской системе Ионеску выделялось два важнейших принципа: симпатия — сострадание, сопереживание, ощущение причастности, любви, единства с другими человеческими существами, в первую очередь, принадлежащими к одному историческому субъекту — народу, и сотерия — христианская идея Спасения. Взаимоотношения между двумя этими принципами могут быть разными в разное время

¹ Eliade M. Profesorul Naе Ionescu. [Электронный ресурс] URL: <http://www.miscarea.net/revista-vremea-nae-ionescu.htm> (дата обращения — 22.01.2013)

и в разных обществах, они могут как конфликтовать, так и иерархически соподчиняться друг другу. Для самого Ионеску предпочтительное иерархическое соединение предстает в идее подчинения, открытия симпатии сотерии как ее высшей цели и предназначения.

Свое эссе, посвященное учителю, Мирча Элиаде завершает важными словами, имеющими самое прямое отношение к двум важнейшим столпам мышления Нае Ионеску — симпатии и сотерии: «Путь к бытию начинается с поиска себя самого, но завершается вне себя в Боге (сотерия) или в истории (симпатия). Аутентичность, без которой ничто не ценно и не истинно, требует от тебя быть тобой самим, но реализуя его, ты оказываешься вне себя (любовь, мистика, история)»¹. Человек ищет самого себя и находит его вне индивидуального существования — либо в большом, соборном человеке исторических социальных субъектов, либо в пределе богопознания, в Спасении. Мысль Ионеску отличается тем, что в ней при рассмотрении антропологического вопроса онтология подчиняется сотериологии, поэтому все внимание переключается не на зону онтологической антропологии, где «человек становится человеком сущностно аутентично», но на зону сотериологической, предельной антропологии, а значит, на человека трансцендентного.

Очень показательным является тот факт, что легионерское движение несомненным интеллектуальным лидером которого был профессор Нае Ионеску, очень аккуратно относилось к теме ангелизма в своей деятельности. В том, что касается фигуры нового человека, говорилось в первую очередь о Спасении, о предназначении человека стать выше ангелов, и это при огромном почитании Архангела Михаила, считавшегося Небесным покровителем организации.

Легионерское движение считало себя в первую очередь движением духовным, мистическим, воспринимало себя как школу духа, в которой создается «новый человек», самое нахождение в нем было духовной практикой. Оно не было политическим в том смысле, который в понятие «политика» вкладывал Модерн, у легионеров никогда не было полноценной программы, четкого представления о той социальной, экономической, политической системе, которую бы они

¹ Eliade M. Profesorul Naе Ionescu. [Электронный ресурс] URL: <http://www.miscarea.net/revista-vremea-nae-ionescu.htm> (дата обращения — 22.01.2013)

хотели создать. Они вообще всегда заявляли, что не внешние социальные и иные реформы или приход к власти сам по себе интересовали их, но создание нового человека, как пишет Элиаде, центром бытия которого является проблема Спасения¹. Спасение человека и спасение народа становятся главными задачами легионеров, причем Спасение как *mintuire* (в румынском языке этот термин используется исключительно в христианском контексте). Это слово употребляется в легионерской и околولةгионерской литературе удивительно часто и у Кодряну, и у Элиаде². Сам Элиаде, как и его учитель, всячески поддерживает этот перенос «центра тяжести» человеческой антропологии в зону спасения, сотериологии³, постоянно его подчеркивает, то есть является явным приверженцем политической антропологии трансцендентного человека. Казалось, вокруг такой антропологии строить политический проект — совершенная утопия, но эта утопия вырастает в грозную силу в политико-сотериологический проект невиданной мощи, вступающий в борьбу с духом века сего.

Сухой путь, трансцендентный человек, предел, сотериология — вот семантические узлы политикоантропологической концепции, вопрос о рождении которой только предстоит решить. Возможно ли новое развертывание аналогичной антропологии в пространстве политического в нынешних условиях? Если возможно, то, каким образом? И может ли это обращение, так или иначе, раздвинуть наши интеллектуальные горизонты?

¹ Eliade M. Libertate si creatie in literature legionara [Электронный ресурс] URL: <http://miscarea.net/mircea-eliade-articole2.htm> (дата обращения — 22.01.2013)

² См. например Eliade M. Noua aristocratie legionară, Revolutie creștină, Libertatea, Comentarii la un jurământ [Электронный ресурс] <http://miscarea.net/mircea-eliade-articole3.htm> (дата обращения — 22.01.2013); Eliade M. Mintuire, Istorie, Politica [Электронный ресурс] URL: <http://www.miscarea.net/revista-vremea-a.htm> (дата обращения — 22.01.2013)

³ Ibidem.

Валерий Коровин

Евразийский солидаризм: имперский принцип регионального развития

Либеральное разложение

Последние 20 лет мы находимся под властью гегемонии либерального дискурса¹, и как следствие ценностей, принесённых в Россию чужеродными силами на волне либеральной революции начала 1990-х годов,

повлекшей за собой деструктивные последствия. В центре либеральных ценностей лежит индивид, базовыми качествами которого являются личная корысть, частная заинтересованность, стремление к наживе и меркантильные интересы, все те качества, которые разъедают русское общество последние десятилетия. Именно торгующий индивид лежит в центре развития либерального общества, которое навязывается России, это его главный субъект, а само либеральное общество складывается из индивидуумов — атомизированных, разрозненных, борющихся друг с другом агрессивных единиц. Так общество видят либералы².

Русское общество традиционно совершенно иное. В нём целое гораздо выше частного, гораздо больше, чем сумма совокупных частей: холистский, целостный взгляд русского человека, который

¹ См. например *Лестер Дж.* Теория гегемонии Антонио Грамши и современность // «Философия практики» и современность. Маркс и Россия, Выпуск: N 9\10 декабрь 2003.

² *Миль Дж.С.* О гражданской свободе // Либроком, М.: 2012.

целое, общее видит выше своих частных интересов, больше и значимее¹. Именно такой русский взгляд разрушается, подрывается либеральным дискурсом, который все эти годы подаётся как единственно верный.

Основываясь на чуждых для России либеральных ценностях, апологеты либерализма навязывают модель гражданского общества, которое вытекает из этого либерального принципа. Данный принцип доминирует в Европе, по этой логике развивались европейские государства-нации. Но когда мы механически, бездумно переносим принцип гражданского атомизированного общества, где гражданин, индивидуум, а не иные, совокупные критерии значимости, является «мерой всех вещей», мы создаём атмосферу отчуждения общества от власти. Нарастание этого отчуждения мы и наблюдаем последние 20 лет.

Таким образом, когда власть сверху спускает либеральные модели, а либеральный дискурс доминирует на уровне научного и экспертного сообщества, утверждая, что смысл жизни в том, чтобы обогащаться и наживаться, тогда общество замыкается в себе. Оно естественным образом отторгает эти чужеродные для русского человека ценности, и так выражает федеральной, центральной власти, где либералы продолжают своё идеологическое господство, полное недоверие.

Возникает пропасть отчуждения общества от власти, когда власть говорит на одном языке, общество, может, формально и соглашается, но ценностно, на уровне коллективного-бессознательного² отторгает это и замыкается в себе. В результате начинается процесс делегитимации, потери незримой поддержки со стороны общества. Всё это в совокупности приводит к тому, что государство оказывается на грани своего существования. На этой грани мы и балансируем последние два десятилетия.

Что происходит сегодня в федеральных органах власти? Не сложно заметить некое шизофреническое раздвоение. С одной стороны, президент Владимир Путин утверждает, что наша цель — это евра-

¹ Никифоров А. Л. Холизм // Новая философская энциклопедия. Том четвёртый. М., 2001.

² Юнг К.Г. Структура бессознательного // Очерки по психологии бессознательного, Когито-Центр, М.: 2010.

зийская интеграция, создание Евразийского союза, и восстановление большой России, возвращение стратегического контроля над постсоветским пространством¹. С другой стороны, мы вступаем в ВТО, и другой лидер нашего государства говорит о том, что либеральные ценности, социальная модернизация (под которой как раз и подразумевается либерализация) и рост потребления — главные приоритеты². Но эти тренды, дезавуирующие друг друга, убивают один другого и вводят в когнитивный диссонанс всё общество, усиливая состояние отчуждения. Таким образом, население России отчуждается от власти.

В результате сама Россия трещит по швам. Регионы обособливаются, закрываются и начинают жить своей жизнью, не обращая внимания на то, что делает и заявляет Федеральный центр. Проезжая по регионам России, мы видим, какие настроения преобладают: нас не волнует, что там, в Москве, пусть они там хоть на головах ходят, мы здесь живём, как можем, главное чтобы они не лезли в нашу жизнь. По факту возникают некие регионалистские обособленные анклав, и это неслучайно. Это, выстраивая логическую цепочку, происходит именно под давлением либерального дискурса, навязанного извне, который не принимается нашим населением, и, в конечном итоге ведёт к распаду.

Большой русский народ — коллективный субъект

Что же принимается нашим населением, русским народом в ответ на либеральную гегемонию? Русский народ — это народ общинный, это народ коллективистский, и каждый представитель нашего народа понимает своё благо, своё благосостояние как благосостояние всего общества. Здесь мы неизбежно приходим к принципам солидаризма³, когда человек, живущий в единстве с обществом, отождествляющий

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // «Известия», 3 октября 2011.

² Дмитрий Медведев: нам нужна технологическая, социальная, политическая модернизация и экономическая диверсификация // Выступление на Гайдаровском форуме в Москве, 17 января 2013.

³ Солидаризм (франц. *solidarisme*, от *solidaire* — действующий заодно) // БСЭ, 1969-1978

себя с русским обществом, не может чувствовать себя комфортно, когда плохо другому, когда плохо соседу, когда у него что-то не так.

Конечно, нашего человека 20 лет заставляли вести себя именно таким образом — достигай личного успеха, и когда у тебя всё будет хорошо, если все будут достигать личного успеха, то общество будет развиваться, а слабый вымрет как вид. Вот это — «вымрет как вид» русскому человеку не подходит. Это его не устраивает. Он не согласен с тем, что слабый должен умереть, а он за счёт него должен подняться и иметь личное благосостояние. Такая система ценностей чужда русскому человеку, она противоречит памяти крови, которая формировала русскую цивилизацию на протяжении веков. И тогда русские солидаризируются против этого либерального дискурса, против такой позиции и такого мнения. Происходит это естественным образом, снизу, прямо вовлекая в этот процесс тех, кто живёт рядом, создавая солидаристские группы и восстанавливая общины.

Зачастую мы сетуем на то, что русский человек в последнее время превратился в гражданскую массу, которую сегодня и представляет собой Россия¹. Нам оставили лишь один фактор идентичности — это некий безликий россиянин. Гражданство России — это последний элемент идентичности. Больше никаких официальных признаков идентичности нет. На этом фоне мы замечаем, что этнические, так называемые «национальные республики», имеют весь комплекс идентичности. Этнические чеченцы знают, что такое быть чеченцем. Этнические татары знают, что такое быть татаринком. Это целый набор сводов, правил, обычаев, регламентация образа жизни, это традиции предков, это могилы отцов и моральные принципы. А что такое быть русским сегодня? В ответ на этот вопрос нам суют в нос паспорт гражданина РФ и говорят — у тебя есть паспорт, на этом всё... Нет, на этом не всё! Быть русским — это огромный труд, это колоссальные усилия — сохраниться. Это сначала восстановление своих традиций, обращение к ним, а потом их передача следующим поколениям. И это то, что требует огромных общих, солидаристских усилий. Русские — это большой народ.

¹ *Олег Костин:* «Вместо русского народа — безликое население» / Выступление на конференции «Солидарное общество: новое качество человеческого потенциала», БелГУ, 31.01.2013.

Конечно, в России сегодня соприсутствуют и традиционные этносы, которые давно преодолены в Европе, и большой русский народ — народ-цивилизация, народ, образовавший континентальное государство, инвестировавший себя в это государство, народ-континент, слившийся с этим государством. Ну и, конечно же, при этом за годы реализации красного проекта и после — в период некоего современного гражданского, либерального проекта — сложился не-большой слой гражданского общества. Все эти социальные слои соприсутствуют: традиционные этносы, базовый слой общества; большой народ, русские, который в результате этногенеза интегрировал в себя многие этносы — финно-угорские, тюркские, восточнославянские¹ — народ, создавший государство; и слой гражданского общества, тот, который отражает собой именно европейскую, западную модель национального государства².

Конечно, есть и отщепенцы, считающие себя гражданами мира, космополитами, у которых родина нигде, и они тоже живут в России, присутствуют в виде некоего гей-парада, который постоянно бьют и разгоняют. Все эти слои соприсутствуют. Но каким образом они должны сосуществовать? Каким образом они должны войти в гармонию, чтобы представлять собой не только один-другой солидаристский регион, но и солидаристскую страну, которая является совокупностью всех типов общественного устройства, начиная от этнического и заканчивая элементами гражданского общества. Таким ответом является имперское государственное устройство.

Империя — как технический термин

Рассматривая возможность имперского государственного устройства для России нужно понимать понятие «империя» в техническом смысле, как его определял европейский социолог Карл Шмитт. Он говорил о том, что империя — «большое пространство» — это стратегическое единство всего того многообразия и многоцветия, которое в эту империю входит³. Империя, в отличие от национального

¹ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера земли // Айрис-Пресс, М.: 2010.

² Дугин А.Г. Этносоциология // Академический Проект, М.: 2011.

³ Шмитт К. Государство и политическая форма // Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), М.: 2010.

государства, государства-нации, не унифицирует всех под единый стандарт, что пытаются сделать с Россией либерал-реформаторы, слив всех в плавильном котле перемалывания этносов с большим русским народом путём создания на базе всей этой размолотой субстанции некоего унифицированного гражданского общества. Это в России можно сделать только через кровь и ломку последней сохранившейся идентичности. Имперский центр берёт на себя лишь стратегические функции: обеспечения единства территории; рост империи, движение цивилизационных границ путём включения новых народов и новых пространств, предлагая им увлекательный, конкурентоспособный принцип развития (контроль целостности территории и её постоянный прирост — необходимое условие выживания, ибо, когда рост империи останавливается, она начинает стагнировать и разрушаться, от неё начинают отваливаться куски, большие и малые, империя начинает распадаться на части); вопросы глобальной безопасности.

Однако на уровень жизни общества, на уровень социального устройства, самоорганизации, на уровень быта каждого отдельно-го человека и семьи имперское руководство не распространяет своё влияние. Самоуправление и саморегуляция людей в бытовом смысле остаётся на уровне общин, они сами решают, как им жить, каким традициям следовать. Федеральный центр, федеральная имперская власть отвечает только за глобальные стратегические вопросы¹.

Здесь не следует путать нашу евразийскую, русскую империю с западным империализмом, потому что существует, как известно, два типа империй. Есть империи морские, колониальные, западные, которые строятся на грабеже, на захвате колоний и выкачивании из них ресурсов. Есть империи сухопутные, империи обустройства. И если в морских империях — это метрополия и колония, то в сухопутных империях — это центр и периферия. Центр обустраивает те периферии, которые включает в ландшафт империи². В этой связи следует обратить внимание, что даже советская империя — десаκραлизованная, светская — обустраивала те окраины, которые вошли в её состав, создавала там объекты культуры, образования, медицины.

¹ Дугин А.Г. Евразийский федерализм в современной России // Главная тема. — 2004, ноябрь. — С.96.

² Хаусхофер К. О геополитике // Мысль, М.: 2001

Даже Афганистан, который мы в итоге так и не включили в пространство большой советской империи, был обустроен за период т.н. советской «оккупации», там были построены школы, которыми пользуются до сих пор, больницы, объекты культуры. Таким образом, империя сухопутная — обустраивающая, империя благая. Безусловно, у империй есть исторический контекст, часто это понятие сопоставляют со сталинской империей, с романовской империей, с их перегибами, поэтому, избегая исторического контекста, обратиться к этому термину необходимо в техническом смысле, т. е. взять его «по модулю», как стратегическое единство многообразия.

Составные части империи

Такие субъекты нынешней России, которые обладают, помимо гражданских признаков ещё какой-либо идентичностью, являются естественными составными частями именно имперского образования большой России. Качественное социальное пространство имеет свою идентичность. Оно может быть населено русским большинством, но это не значит, что это безликая масса без своих корней и без цивилизационных признаков. Конечно, гораздо легче установить признаки кавказских «национальных республик», тюркских, финноугорских регионов, они ярко выражено демонстрируют свою идентичность, утверждая — да, мы представители того или иного народа, традиционного этноса, и у нас такие признаки. А у русских никаких признаков нет?

У русских людей, у большого русского народа, помимо общепринятых языка и «культуры» (в современных условиях это понятие изменило своё качество не в лучшую сторону), есть его величайшая история, и глубокая традиция, главной составляющей которой является русская православная вера, принятая нашими предками, сохраненная и пронесённая сквозь века. Несмотря на тяжелейшие периоды, православная вера сохранилась и осталась точкой сборки, главным элементом идентичности большого русского народа.

Сегодня доля русского языка во всём мире значительно снижается, в том числе и в самой России. Культура находится под большим вопросом. Включая федеральные каналы что мы видим? Это что — эталон русской культуры? Скорее это эталон некоего русско-

го вырождения, принятый с Запада. Русская культура совершенно иная. Восстановление культурных цивилизационных кодов большого русского народа и является функцией русских солидаристских регионов. Когда эти формы идентичности будут восстановлены в каждом русском субъекте по-своему (но в целом они же являются совокупностью русской традиции, русской идентичности), тогда все эти регионы сложатся в солидаристское имперское общество, т. е. в стратегическое единство всего многообразия культурно-цивилизационных региональных субъектов — с одной стороны, но и как этнические пространства входящие в состав русской империи — с другой. И здесь, конечно, наши общие принципы — справедливость выше целесообразности и общее благо выше частного — являются общими как для большого русского народа, так и для всего русского государства, русской империи.

Служение обществу, холистский подход большого русского народа — является эталонным, а русские как большинство являются имперообразующим народом, который свой увлекательный, культурно-цивилизационный тип ретранслирует на все народы, малые и побольше, примкнувшие к нему, и в солидарной совокупности развивает, строит большое русское государство. Таким образом, следует констатировать, что важнейшей задачей на сегодня становится восстановление идентичности большого русского народа. Следствием этого процесса должно стать солидарное общество, которое ложится в основу русской империи, за которой — будущее. И которое единственное своей целью и своим смыслом общего спасения может ещё как-то дать шанс тому стремительно умирающему современному миру, который погибает на наших глазах. Видя мир в солидаристской оптике, мы спасаем не только Россию, но и человечество в целом от краха и гибели.

Анастасия Ковалева

Четвертая Политическая Теория как Логос полицентричного мира

В работе «В поисках темного Логоса» Александр Дугин показывает, что философское осмысление мира — необходимое условие самостоятельности научной, культурной и политической мысли общества. Логос является субстанцией, из которой напрямую следует каждая область проявления человеческой мысли. Русская мысль преуспела и в культуре, и в науке. Но Логос, лежащий в ее основе, был заимствован с Запада. Поэтому русские видят себя глазами чуждого Логоса, с точки зрения которого они ущербны как «в недостаточной мере западные».

Такое положение дел, прежде всего, отражается на сфере политического, постепенно лишая государство самостоятельности и вынуждая его действовать в рамках чужой повестки дня. Поэтому создание собственной философии является самым важным историческим заданием будущего. Она позволит державе отстоять суверенитет, сформировав цивилизационную идентичность. Только цивилизация может стать полноценным субъектом формирующегося многополярного мира.

Проект Четвертой Политической Теории может стать новой эпохой в философии и политике, оформив центры многополярного мира и обосновав их цивилизационную самостоятельность. Почему для этой цели непригодны три предшествующие политические теории — либерализм, коммунизм и фашизм?

Первые две идеологии претендуют на универсальность, и, следовательно, отрицают уникальность различных цивилизаций. У них есть ряд различий, но они сходятся в отрицании традиции и мифа,

а также ставят во главу угла экономический принцип, понимаемый сходным образом, как основополагающее начало для человечества. Достаточно вспомнить коммунистическое «экономика — базис, все остальное — надстройка» или либеральное «все регулируется невидимой рукой рынка».

Отличие в том, что в либерализме субъектом экономических отношений является атомизированный индивид, свободный от всех форм коллективной идентичности, а в коммунизме эту роль играет класс. В этом отношении показателен феномен американских неоконсерваторов. Будучи убежденными троцкистами, они временно перешли на либеральные позиции, решив, что распыленное гражданское общество либеральной системы скорее, чем традиционное, реализует классовые принципы марксизма.

Как ни странно, классический марксизм не меньше либерализма и фашизма придерживается эксклюзивистского принципа, разделяя общества на «развитые» и «неразвитые». Коммунистическая революция в теории должна победить там, где общество достигло высокого уровня технического развития. В «отсталых» же аграрных обществах пролетарская революция невозможна. История русской революции показала, что это не так.

В идеале коммунизм выстраивает бесполярный мир победившего в планетарном масштабе пролетариата. Либерализм выстраивает либо однополярный, либо бесполярный мир. Однополярный мир — это жесткая гегемония властного центра, наиболее полно воплотившего в жизнь ценности данной идеологии. Остальные же регионы мира осмысляются как окружение центра, становящееся все менее цивилизованным по мере удаления от него. Бесполярный мир предполагает конец истории в мире победивших либеральных ценностей, в котором стерлись все формы коллективной идентичности. Мир населен индивидами, управляемыми «невидимой рукой рынка». Таким образом, ни о какой многополярности в случае с первыми двумя идеологиями не может быть и речи.

Фашизм — идеология, изначально возникшая как антагонист либерализму и коммунизму. Поэтому теории в русле данного направления получили общее название «третьего пути». Третий путь реабилитирует традицию и такие коллективные идентичности, как национальное государство и религия. Поэтому фашизм кардинально отличается от своих идеологических предшественников. Но при

этом фашизм является эксклюзивистской политической теорией, призванной защитить «лучшую часть человечества», запад, от угрозы со стороны «неполноценных» народов, например, варваров-большевиков. Неслучайно часть русских эмигрантских кругов, потрясенных жестокостью революции, уничтожившей старую культуру и ее носителей, была близка к фашизму.

Фашизм — классическая западная теория, мыслящая весь мир как цивилизацию Запада и окружающее ее море варварства и дикости. Из этого следует, что третий путь признает только один полноценный полюс, отказывая другим традициям в равноправии. Мир, в котором побеждает фашистская идеология, неминуемо становится однополярным.

Все три рассмотренные идеология возникают на Западе. Их основой является эксклюзивистский западный Логос, до сей поры считающийся единственно нормативным. В свою очередь, общество, которое является носителем этого Логоса, признается единственно цивилизованным.

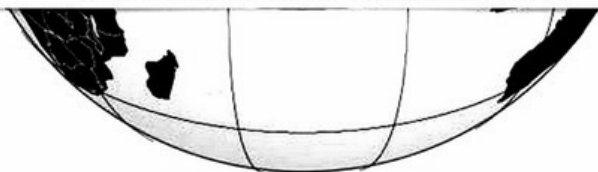
Четвертая Политическая Теория является открытым проектом, в рамках которого могут формироваться самостоятельные философские системы, базирующиеся на цивилизационных особенностях того или иного общества. Как и третий путь, 4 ПТ реабилитирует религию, традицию и миф. Но, в отличие от третьего пути, который реабилитирует исключительно европейскую традицию перед лицом либеральной и коммунистической угрозы, 4ПТ обращается и ко всем остальным традициям. Так как не западные традиции, например, китайская, исламская и др. в гораздо большей степени, чем Запад, сохранили свои мифологические корни, 4 ПТ представляет собой авангардное направление мысли, которое многим может показаться одиозным.

Собственная философия, свободная от каких бы то ни было комплексов неполноценности перед эксклюзивистским западным Логосом, станет базисом для суверенной политической теории, которая сделает полюс в рамках многополярного мира самостоятельным. Таким образом, 4 ПТ, в отличие от трех своих предшественниц, является инклюзивной системой, Логосом, который оформит многополярный мир.

4 POLITICAL THEORY

The Fourth Position!

Илья Дмитриев

4ПТ в масштабе международных отношений: многополярность, международное право, решение

Существуют некоторые сложности с оправданием значимости 4ПТ, вытекающие из соответствующего способа идентификации политических теорий (в количестве трех классических с введением особенной четвертой). Недоброжелателям 4ПТ довольно легко дается тот аргумент, что в плане определения роли государства 4ПТ — это не столько самостоятельная теория, сколько модификация 3ПТ с поправкой на 2ПТ. Однако того, как в дискурсе о 4ПТ эта сложность разрешается, я здесь касаться не буду. Цель настоящего доклада состоит в том, чтобы продемонстрировать

значимость определяющей идентификации (и, соответственно, взаимного противопоставления) политических теорий с введением 4ПТ в плане, определяемом масштабом международных отношений (а не с точки зрения внутренней политики, в терминах которой, как правило, и определяются правая и левая ориентации).

Каковы основные реализации классических политических теорий в масштабе международных отношений? Первая и вторая политические теории в этом плане наследуют универсализму раннего Модерна — Модерна Просвещения. В рамках обеих теорий мыслится — во многом вслед за Кантом — единство человечества, его психической и политической (по Канту, в первую очередь — трансцендентальной) природы и его исторического пути (к кантовскому же «вечному миру»). На такой принципиальный характер идеологии классического Модерна указывает историк идей и либеральный теоретик Исайя Берлин, чей анализ специфики 3ПТ будет особенно

важен для данного рассмотрения. Однако прежде следует бегло обозначить специфику первой и второй политических теорий в масштабе международных отношений. Для 1ПТ принципиальное значение имеет концепция индивида, покоящаяся на теоретически слабой идее, согласно которой сущностно-значимым в человеке является то, в аспекте чего все люди абсолютно равны — некая универсальная человеческая природа, которая на сегодняшний день влачит призрачное существование в области идеально-правового (поскольку в онтологическом обосновании человечности отказано в порядке затронутости политико-правового дискурса антиметафизическими тенденциями современной западной культуры). В марксистской же перспективе универсальным значением наделяется классовое сознание. И если либерализм как господствующая политическая теория проявляет устойчивость к антиуниверсалистской критике (крупными акторами постмодернистского переучреждения либерализма, помимо упомянутого Берлина, являются Джон Ролз, Юрген Хабермас и Ричард Рорти), то вместе с констатацией политического поражения марксизма развивается его — поражения — богатая теоретическая интерпретация. Уже на до-биполярном этапе исторической борьбы идеологий марксизм столкнулся со сложностями в интерпретации целого ряда исторически-конкретных обществ в терминах исторической логики смены экономических формаций. Впрочем, справедливости ради в скобках следует отметить, что и марксистская мысль, защищая свою актуальность, в последние десятилетия все больше настаивает на том, что чаемая Марксом пролетарская революция диалектически найдет свою возможность в условиях уже глобального рынка.

Третья политическая теория в лице нацистской Германии мыслит в масштабе международных отношений по-варварски. Многие правые теоретики упрекают Гитлера в геополитической неадекватности: геополитически-корректной идее пан-европеизма он предпочел одержимость нацией. Это общее место я хочу дополнить интерпретацией, с моей точки зрения, весьма проникательной, которую дал упомянутый Исайя Берлин на феномен фашизма. Берлин представляет фашизм историческим наследником романтизма. Он производит реконструкцию чрезвычайно интересной культурной тенденции, которую сам он именует «контрпросвещением».

Контрпросвещение — это явление германское по преимуществу. Зарождается оно в контексте поисков германской интеллектуальной элитой аутентичных презентаций национального духа. Этот поиск, этот страстный запрос на собственную по контрасту с французской идентичность оформляется в русле движения «Буря и натиск»; затем взрывается мощный цвет романтизма. Следующая крупная фигура на этом маршруте — «король контрпросвещения» Ницше, который, с одной стороны (и недаром) опознается как отец постмодернизма, а с другой стороны, как наиболее почитаемый мыслитель не только Рейха, но и всех правых (включая даже христианские) кругов вплоть до настоящего времени. Фашизм, говорит Берлин, это романтическая политика. В отличие от агентов первых двух политических теорий, фашисты не задаются проектом планетарного обустройства по универсальному рациональному принципу. Если такой проект и существовал, то носил он крайне «эгоистический» характер. Фашисты хотят знать только свое — свою расу, свои корни, свои восторги, свои идеальные рубежи. Белая раса не единственная, но все остальные обречены навсегда остаться небелыми. Тоталитаризм крови, становясь абсолютным и не смягчаемый никакими возможными ценностно-хабитуальными интериоризациями (эксклюзивизм здесь достигает своего предела), просто не хочет знать ничего иного в его возможном либо актуальном разнообразии. Таково, пожалуй, исконно воинское сознание, сознание, верное родным благородным духам и по-дикарски пренебрежительное к чужим. И если в марксизме ценностно-концептуальная связка «человек-индивид» размывается, ступшевывается перед господством классовой понятийности, то для фашиста человека как такового почти вовсе не существует, но существуют духи, архетипы, а в самом предельном варианте нацизма — лишь кровь, к которой эти духи признаются жестко привязанными.

Важно и интересно, на мой взгляд, попытаться проанализировать то, как по-разному трансформируется базовая этноцентрическая модель, с одной стороны, в упомянутом либерализме (либеральный расизм), с другой — в фашизме. Первое, что кажется существенным, — это то, что фашист не обязательно не сведущ в отношении многообразия социальных миров. Важно лишь то, что он пренебрегает этим многообразием, он заинтересован только в путях своих духов, в реализации только собственных возможных культурных форм,

вдохновенных этими духами. Либерал же конструирует общечеловеческий мета-этнос, делается его патриотом и ведет борьбу (а ему сегодня нет равных в вооруженной борьбе) с — как это ни парадоксально на первый раз звучит — врагами этого супер-инклюзивного этноса — «врагами открытого общества».

Берлин как постмодернист симпатизирует романтикам постольку, поскольку последние уже знают плюральность, неснимаемую конфликтность бытия, ту языческую непримиримость стихийных и духовных сил, в измене которой обвинил в свое время Ницше Вагнера. Инстинктивный патриотизм в отношении духов этноса отличает ницшеанскую бестию от европейского ироника-буддиста, пассивного нигилиста, для которого вытекающий из признания плюрализма ценностей релятивизм (своего рода пост-универсалистский синдром) становится роком.

Интерпретация Берлина стоит особняком и даже может быть противопоставлена дискурсу плеяды «философов после концлагеря», которые в лице, в частности, Маркузе озаботились пристрастным перечитыванием Гегеля на предмет обнаружения у последнего тоталитарных тенденций, а в лице Поппера — добрались тем же маршрутом до самого Платона. Берлин говорит: нет — не универсализм определяет общность фашизма и Просвещения. Напротив, фашизм — это контрпросвещение. Фашист, еще раз подчеркнем, — это сильное инстинктами существо, далекое как от релятивистской размягченности, так и от универсалистской озабоченности. Это — не сомневающаяся в себе жизнь, волящая гордо и недвусмысленно. Это — культура скорее войны и набега, чем мира и стабилизации. Вот, быть может, что наиболее существенно в тотальном прещении, наложенном на ЗПТ в современной стремящейся глобализироваться культуре. Если обратиться к моделям, с которыми оперирует Александр Дугин в курсе «Социология международных отношений», то, экстраполировав гоббсову реконструкцию общественного договора на сферу международных отношений, можно сказать, что фашизм отстаивает догражданское состояние в отношениях с окружающими политико-культурными образованиями.

Итак, я попытался продемонстрировать — апеллируя к элементарным логическим топосам — то, как и почему ЗПТ не имеет вообще своего голоса в прениях о модели управления международными

отношениями. 3ПТ — это, еще раз повторюсь, варварский дискурс, который вовсе не рассчитан из своих внутренних ресурсов на реализацию в рамках обсуждений масштаба международных отношений. С точки зрения этого масштаба 3ПТ, рассматривающая занятые иными обществами пространства как, по сути, не занятые, подлежит дисквалификации.

Но, даже признав дисквалификацию 3ПТ по статье «международные отношения», мы решительно не согласны видеть достойную альтернативу в лице первых двух политических теорий: их унифицирующий, универсально-телеологически-ориентированный дискурс враждебен культивируемой в порядке многополярного мышления установке на уникальность каждой существующей формы самоорганизации человеческого духа, будь то формы, в которых до сих пор течет невидимая кровь этносов (праздничные обычаи, вплавленные в модели социализации фольклорные сюжеты) или же, например, книжная культура Европы до распространения электронных медиа. Процедура интеллектуального взятия в заложники, виртуального подчинения некоторому смысловому единообразию, «закону», — вовсе не то, чем, в отличие от универсалистов, озабочены сторонники многополярной теории международных отношений. Многополярность, предполагая реальное существование множества полюсов, ставит перед нами колоссальную по своей интеллектуальной сложности задачу: задачу по выработке правовой модели для межцивилизационной политики. Вопрос имеет как бы две стороны, две смысловых поверхности. Первая — более близкая, спрашивает о том, какова возможная закрепленная система процедур, в рамках которой могли бы осуществляться политические отношения между цивилизационными полюсами. Более глубокая и темная сторона этого вопроса спрашивает о том, как возможно оформление политической инстанции, отвечающей за политическое представительство от данного цивилизационного полюса в целом, которая ведь сама, реализуя субъектность цивилизации в межцивилизационных отношениях, должна исторически сложиться изнутри политического пространства цивилизации. Будет ли этот процесс напоминать то, как складывалась современная система международных отношений, основанная на идее государственного суверенитета? А как переход к концепту цивилизации в рабочем

режиме поможет решить конфликты типа арабо-израильского? Эти вопросы даже еще не размечают, но лишь в некоторых точках промеряют глубину почти необъятной области для возможных (и, как представляется, необходимых, в видах полноценной реализации 4ПТ) исследований.

Коротко завершая, хочу присоединить к вышесказанному лишь несколько слов о субъекте 4ПТ. Может быть, очень приземленных и приземляющих, но весьма четко кое-что определяющих слов. В соответствии с пониманием политической субъектности Карлом Шмиттом, я бы сказал, что субъектом 4ПТ будет тот, кто встанет у истоков процесса реального исторического становления новых институтов международных отношений на принципах цивилизационной многополярности.

Natella Speranskaya

Eurasia and Europe: Dialogue of «Big Spaces»

Carl Schmitt regarded the earth as a single whole and was looking for its global mission. This «whole» was formed by Schmitt in the concept of Nomos. He used the Greek word derived from the verb «nemein», which is identical to German «nehmen» — «to take». Nomos comprises three acts of the drama: «taking», «division and distribution of the taken», «exploitation and use of the taken and distributed.» According to Schmitt, Nomos of the Earth existed always. First Nomos is described as a «promised land» of ancient peoples. It is the Nomos of the ancient times and the Middle Ages. It ceased to exist after the exploration of the great oceans and the American continent. Thus began the Second Nomos, the Nomos of national sovereign states that had the Eurocentric structure. Events of the World War II led to its destruction, so that the land was divided into east and west, which were in a state of «cold war». It is not about mere geographic opposites, but a more original and profound contradistinctions. Carl Schmitt wrote: «The whole history of the planetary confrontation of East and West in its entirety is reducible to the fundamental dualism of the elements: Earth and Water, Land and Sea. What we now call the East, is a single mass of solid land: Russia, China and India — a huge piece of land, the «Middle Earth», as named by the great English geographer Sir Halford Mackinder. What we call today the West, is one of the world's oceans, hemispheres, where the Atlantic and Pacific oceans are placed. Confrontation of the sea and land powers, worlds — is the global truth that lies at the heart of explanation of civilization dualism that constantly generates a planetary stress and

stimulates the whole process of history .» Thus, the birth of a third Nomos was caused by division of the world between the West and the East. However, it was destroyed with the fall of the Berlin Wall and the collapse of the Soviet Union.

Schmitt's understanding of «three Nomoses of the Earth» brings us to the question, what will be the fourth Nomos of the Earth? Alexander Dugin, the founder of the theory of a multipolar world, the founder of the Russian school of geopolitics, believes that the new Nomos of the Earth will be a Nomos of large continental logic of the Eurasian continent. Certainly, the worst possible option would be a unipolar, globalist Nomos. Which of the Nomoses will be established depends on the strategic decision of Heartland, Russia, the civilization of land.

Italian political scientist Tiberio Graziani thinks, that Russia «has everything necessary to fulfill the historical role of the cornerstone of the whole global system,» and he regards its location in the heart of Eurasia to be one of its most important elements. That is why all the strategic decisions of Atlanticists imply fragmentation of the Heartland, considering that this process will provide the accession of a unipolar order. Alexander Dugin says, «On that, whether Russia can be sufficiently weakened, split and destabilized, and subjected by its fragments to the external power, largely depends the fate of globalization.» And further: «For anyone who is serious about counter American hegemony, globalization and planetary domination of the West (Atlanticism), the axiom should become the following statement: The fate of the world order is decided at the moment only in Russia by Russia and through Russia.» To describe the time in which we now live, the prominent sociologist Zygmunt Bauman applies the concept of Interregnum — so was called in ancient Rome the period between the death of Caesar and the accession of another one. It is a state of instability, uncertainty, unpredictability, when the demolition of the old order is as obvious as the emergence of the new one is. But what this new order (and, accordingly, the new Nomos) will be — is unknown. In the context of the changes of the new world order, we can speak of paradigmatic shift from the «unipolar moment» to the formation of a multipolar world order. In other words, the focus should be on the end of the era of unipolarity, because there are all essential conditions for the realization of the alternative project. According to Huntington, the unipolar state is able to «effectively deal with all the major international

problems alone, and none of the unions of other states can even be hypothetically capable of stopping it.» It is difficult to deny that the hegemon represented by the United States now has no serious opponent, whether a coalition of states or, quite incredibly, a single state that shows such strong potential that it inevitably involves the speedy restoration of the bipolar order.

According to Zygmunt Bauman, about 60-70 years ago an event occurred that contributed to a fundamental change in global politics: the gap between Macht and Staat, in other words, between Might and Politics, Might and the State (which are integral aspects of the Power) led to the situation, when Macht (Might) moved to supra-national space. Thus, the nation-state could no longer control it. In unipolar paradigm namely national states are actors of international relations. The said gap means neither more nor less than a gradual slippage to non-polarity. Namely, this, according to Richard Haass, Director of Foreign Policy Studies at the Brookings Institute and head of CFR, will determine international relations in the XXI century. Nation-states are nearly deprived of possibility of efficiency, «of doing things» (as Bauman understands Macht), emerging into a state of political paralysis. Antonio Gramsci treated Interregnum as a period when the old is no longer working, and the new has not yet appeared.

We are «stuck» between unipolarity and multipolarity, and have no idea what should the solution to this situation be. Of course, the question arises: what to do? And, above all, question themselves nation-states, de jure retained the ability to make decisions, but Zygmunt Bauman rightly argues that under current circumstances, the question should be formulated in a different way: who will do what is necessary rather than what to do? Which actor will assume responsibility for the actions that solve fundamental problems? Sure, we do not consider like such nation-states. Instead, we turn to the theory developed by Alexander Dugin, the Theory of the Multipolar World. Book with the same title gives a clear picture of what is happening in the field of international relations today: when the bipolar model of the world order has changed to unipolar one, it came to mean the triumph of the liberal-democratic ideology. The West has modeled values and guidelines system that were imposed upon the world as universal. Thus, the West came to the consistent implementation of the control (dictatorship) of cognitive and strategic spheres. The area

of international relations became «American Science», the content of the discussions was reduced to polemical confrontation between realists and liberals. The diplomatic corps itself was formed within the unipolar world and the Western discourse, Western mentality, where political actors are the national states. Another model of the world order, namely the multipolar model, involves a form of organization of spaces based on several actors — «civilizations», as rightly pointed out by Samuel Huntington. This leads us to the formation of a new diplomatic corps and the new diplomatic language based on a multipolar world order. And the most progressive political thinkers have already come to a conclusion about the need to change the paradigm of international relations. One of them just raised the question of what will be next, others — have found the answer and freely operate the basic concepts of the new system. It is impossible not to recognize the fact that the vast majority of politically engaged figures remain under the old paradigm, failing to perceive the ongoing shift, which will commence the new historical period, completely changing the picture of the world politics. The Unipolar world — is yesterday. Here and now we are discussing the change of the unipolar paradigm to the multi-polar one, poly-civilizational.

Theory of the multipolar world suggests to establish new actors in international relations, which are of civilizations, and each of them, by definition, has a strategic center, serving as the subject of dialogue in international relations and, therefore, the subject of power. The transition from national states to civilizations is an inevitable consequence of the rupture described by Zygmunt Bauman.

Specialist in International Relations, Professor Adam Roberts notes the loss of a leading U.S. role in the current world order. Asked who will perform their receiver, he gives a completely obvious answer: no one. More precisely, we have not yet entered the period of interregnum, but just got close to it, and all that is happening in global politics — is the agony of the dying Caesar (USA).

The genuine emergence into Interregnum will happen with the final loss of the U.S. role as the world's hegemon and the cancellation of a «unipolar moment.» It is here that the danger appears, that in the period of interregnum and consistent implementation of the formative stages of a multipolar world order will come «The variable geometry» of the nonpolarity and everything will be in the melting pot of globalization; we

are immersed in liquid modernity (Z.Bauman), the main feature of which is «non-directedness of changes», that is lack of strict direction, guideline, which ultimately makes us unprepared to respond to sudden challenges, elusive from any calculations and projections. The collapse of the Soviet Union occurred suddenly as lightning, completely changing the landscape of history. Non-polarity, which seems to come, may become a needed respite, a period of possibility of full value formation of the new model of the world order — for it is impossible to deny that the paradigmatic shift, followed by the demolition of numerous structures, will not be able to quickly create in all areas of Political all the necessary conditions for the accession of the multipolar order. Non-polarity, Interregnum in the XXI century — are the funeral of the retired Caesar and the preparation for the enthronement of the new rulers (in the plural), that is rise of the poles, power centers.

Non-polarity is a «decapitation» of the U.S., but at the same time it can be called the attempt of the hegemon to maintain its influence through self-dispersion, dissolution. Under these circumstances it is strictly necessary to prevent delays, getting stuck in post-liberal environment and humility with a «coherent non-polarity.» New actors must challenge the postmodern «non- directedness of changes» now and knowingly take absolute responsibility for strategic decisions and actions in the field of political practice. The leading research associate of the New America Foundation, Parag Khanna, analyzing the current situation and the precarious position of the U.S., discusses a critical role of diplomacy towards which the focus should be shifted . For improvement of the global diplomatic structure is laid the responsibility of the strengthening of U.S. hegemony . However, he does not take into account the fact that the diplomatic language is undergoing a significant reformatting in the context of paradigmatic shift to multipolar model, and this process is irreversible. Now we have to discuss the dialogue of civilizations. The dialogue is built on a completely different level, which is beyond the rules of the dialogue between national states (i.e., outside the imposed Western discourse), with the U.S. having the ultimate decision-making power . Unless we understand that the battle for the world domination is not between civilizations, but a single (western) civilization with all the «other» ones, which are offered only two options: 1) to be on the side of this civilization, 2) or to be against it, defending the right for their own

independence and uniqueness — we are not able to form a new diplomatic language for civilizational dialogue. And this should be understood, above all, by the elite of civilization, responsible, according to Alexander Dugin, for the conduct of the dialogue. If all the «others» agree with the unipolar project, our battle is lost, but if they make a radically different choice, we are waiting for the «rise of the rest» (Fareed Zakaria). We should note that the world-famous British political scientist Paul Kennedy expresses his concerns about the emergence of the ideological differences between the U.S. and Europe, due to opposition to one of the projects of the world order — unipolar or multipolar. In the current environment we should not just rely on the increased conflict between Europe and America, but prepare the situation of split and division of the former from the hegemonic influence of the latter. Here Russia has a special role.

However, we must admit, that during the last decades, Russia increasingly moved away from its original purpose — to be a bridge between East and West. Interregnum can be our chance to recover, a chance for Russia to become and be. The theory of a multipolar world can be considered to be the starting point of the end of the unipolar era and of entry into the «post-American» period, a feature of which will be the presence of several poles (the subjects of inter-civilizational dialogue) and the certain elimination of an identity crisis, because in a multipolar world identity acquires a civilizational character. Today our dialogue with Europe is a dialogue of «big spaces»; in the new system of international relations GROSSRAUM becomes an operational concept of multipolarity. Alexander Dugin offers the «FOUR-polar» or «quadri-polar» model of the world, which consists of four world zones.

In the first zone, under the full control of the United States, there are two or three «big spaces.» We get two «big spaces» by combining the U.S. and Canada — on the one hand, and Latin America — on the other. According to Alexander Dugin, three «big spaces» can emerge when «we shall divide those Latin American countries that are sufficiently well integrated with the U.S. and are completely under their control, and those that tend to create their own geo-political zone, challenging the U.S.»..

The second zone is the area of Euro-Africa with the European Union as its undoubted pole. Here appear three «big spaces»: the European Union, the black Africa and the Arab GROSSRAUM.

The third zone is Eurasia with Russia (Heartland) as its pole. Meanwhile, Prof. Dugin indicates, there are also a number of regional centers of power, namely Turkey (if it chooses the Eurasian path), Iran, Pakistan and India. Thus, the Eurasian zone consists of several «great spaces»: Russia and CIS countries are the Russian-Eurasian GROSSRAUM. Three «great spaces» are also Turkey, Iran, India and Pakistan.

The fourth zone — is the Pacific region. Its pole can become either China (which is a «big space») or Japan (potential GROSSRAUM, having all the essential factors — economic, geopolitical, technological, etc.- for its recovery:).

Justifying the basic guidelines for practical action to build a multipolar world, Professor Dugin focuses on the following directions:

1. Strategic reorganization of Heartland.

This implies the geopolitical activity of «middle earth» and the implementation of integration projects aimed at strengthening of the multipolar model.

2. Changes in the minds of the political elite of Russia.

Mainly he focuses on acquiring geopolitical thinking, as well as the high level of competence in the field of social science, sociology, and history. «The elite of Russia should understand themselves as the elite of Heartland, should think in Eurasian categories, not just on a national scale, herewith being clearly aware of the non-applicability of the atlanticist and globalist scenario to Russia» — writes A. Dugin. We cannot speak of any awakening of elite, until it makes a conscious choice towards Eurasianism, rejecting blind attempts to play up anti-Russian scenarios of Atlantist strategists.

3. The model of building relations between Russia and the United States.

With the understanding of destructive U.S. policies aimed at dismantling Russia for the absolute control of the whole Eurasia, these relationships become irreversibly hostile. We need to undertake drastic actions in order to prevent the NATO presence in the Eurasian «big space» and weakening of Heartland.

4. The model of building relations with Europe.

This model involves a strategic partnership with countries, adhering to the policy of the continental tradition — France, Germany, Italy and Spain. Here it is appropriate to talk about the project of axis «Paris-

Berlin-Moscow». Another situation is deployed with countries of «New Europe», as well as England — that are oriented against Russia and have a tendency to adapt to the requirements of Washington.

5. The project «Great Eastern Europe.»

This project includes the Slavs (Slovaks, Czechs, Poles, Bulgarians, Serbs, Croats, Slovenes, Bosnians, Macedonians, Serbs-Muslims), Orthodox (Macedonians, Serbs, Bulgarians, Greeks and Romanians). Prof. Dugin says that Hungarians are the only people who do not fall into the «Orthodox» category and at the same time they cannot be called the «Slavic». Hungarians have a Eurasian-Turanian origin.

6. Heartland and Western CIS countries.

It is about the multi-polar integration of Russia, Ukraine and Belarus, which belong to the area of Heartland, a single strategic structure. This political action will prevent the risk of entry of Belarus and Ukraine into NATO. Special attention is given to Moldova, whose integration with Romania, which is a part of NATO, seems to be impossible until the implementation of the project of the «Great Eastern Europe.»

7. Eurasian Middle East and the role of Turkey.

Prof. Dugin mentions the American project the «Greater Middle East Project» concerning the Middle East. It implies the democratization and modernization of Middle Eastern societies, and strengthening of the military presence of the U.S. and NATO. Guided by conflicting interests, the strategy of Heartland in this direction should include political actions directed towards Turkey's exit from NATO and the creation of the axis «Moscow — Ankara.» Furthermore, the project of axis «Moscow — Tehran» should be taken with the utmost attention. According to Alexander Dugin, Iran is a «strategic space that automatically solves the problem of converting Heartland into a force in the global world.» Neither Russia nor Iran should allow the implementation of the scenario, laid in the project of the «Greater Central Asia» (Greater Central Asia Partnership). Its launch would inevitably lead to the emergence of the «sanitary cordon», which would hardly separate Russia from Iran. In addition, having included such countries as Georgia, Afghanistan, Armenia, Azerbaijan, Kyrgyzstan, Kazakhstan, Uzbekistan, this cordon would make those countries controlled by American influence. The union of Russia and Iran, of course, will solve yet another fundamental problem, namely, it

will open the «anaconda's terret», depriving American strategists of any possibility of preventing marine operations of Russia.

The strategy of Heartland should include projects of integration of Russia, Kazakhstan and Tajikistan into a single economic and customs space. In turn, the relationship with Pakistan should be built in strict accordance with the strategy of displacement of U.S. forces from this area. Alexander Dugin points to the need for a new model of relations with Afghanistan's Pashtun majority.

8. Axis «Moscow-Delhi.»

Relationships with politically neutral «big space» of India should be directed towards achieving partnership. The main objective of this axis is to deter attempts of Washington to deploy its dominance in the South Asian region.

9. Russian-Chinese relations.

Prof. Dugin focuses on two difficult issues such as:

- Demographic spread of Chinese in sparsely populated areas of Siberia,
- China's influence in Central Asia.

It is necessary to build a balanced relationship with China, focusing on the fundamental point of strategic contact — support of the idea of the multipolar world.

10. Russian — Japanese relations.

Prof. Dugin indicates the need for the release of Japan from the American influence and the support of Japan as a sovereign regional power. Here it is appropriate to talk about the project of axis «Moscow — Tokyo» as an integral part of Asian politics of Eurasia. «The alliance with Japan is vital — says Alexander Dugin, in his work «The bases of Geopolitics» — the Moscow-Tokyo axis, contrary to the Moscow — Beijing axis is an important and perspective, providing such prospects for continental empire-building, that will finally make Eurasia geopolitically completed, at the same time extremely weakening the Atlantist empire of the West, if not destroying it finally».

11. The geopolitics of the Arctic zone.

The following countries tend to control this zone: USA, Canada, Norway, Denmark and Russia. All of these countries (except Russia) are NATO members. Conquering territories in the polar region, and joining the race to develop large deposits of minerals, to its future plans

Russia included the creation of a widescale system of communication and monitoring in the Arctic. Russia claims the polar area with size of 1.2 million square kilometers, with the incoming North Pole. In 2011 a brave move of the Russian researchers who had planted a Russian flag on the seabed of the Arctic Ocean has been highly publicized by American media.

There is no doubt that we enter into a battle for the fundamental changes of the rules of political discourse, carrying out the task of undermining the basic principles of Western hegemony. The implementation of the multi-polar project, contrary to the considerations of skeptical Western political scientists, depends on the political course which Russia will adhere. The choice towards Eurasianism shows the approaching readiness to take the next step in building a new world order.

Mario Forgione

The relationships between Hearthland and Rimland on the rising of the multipolar system

The topic of the relationships between Hearthland and Rimland, before being analyzed in its developments and in its final manifestation, needs historical explanations — necessary in order to understand all the possible future continuums. This is one of the classical ways of geopolitics: for instance, without any upseeing of the historical, philosophical and literary grounds on which geopolitics is set, it is impossible to define any kind of practical strategy on the game of the international relationships. Now, we must briefly see which geopolitical schools are in the field of the international relationships in order to understand which are the actual settings and limits of the different theories. We could easily say that the analysis between geography and politics becomes a science itself during the Congress of Vienna, in 1815. So: geopolitics was born through the reflections about the necessity of a strategy for granting safety and equity between different communities. In this case itself, the Congress of Vienna, it was then the interest of Prussia to build a valid system to easily control the territories obtained, like Sarre, Vestfalia and the Rein Provinces splitted by the main land through several German principalities. Prussia used at first to get its attention on a customs system useful to maintain political and economical unity on the lands under its law. But the political management of Prussia realized soon that political unit needs an implementation that customs system cannot grant. If Prussia has the interest in becoming a great German state, it is necessary then that people lives in a compound strategy of political sensitization in order to tease its chauvinistic passions, which have ground on the ethnical, traditional and linguistical community of the peoples. This kind of scenario will lead Friedrich Ratzel (geographic expert, 1844 — 1904) to work out a strategic plan able to reinforce and greatten the Prussian state in order to switch it in a focus point for the constitution of the European orders. In this sense, then, the work *Politische Geographie* (1897) can be considered one of the

first theorizations about the «ground», meaning the space on which the military, economical and political competition between the states is played. The fundamental idea on which this work is based is simple: states born, grow, get old and die. It is, as shown by this summarization, a typically positivistic vision. Ratzel's analysis, then, is focused on the physical dimension of states (geographical position, shape and kind of the soil, vegetation and boundaries), in this sense, the parameter of geographical dimension plays a central role in the geopolitical Ratzel's vision: the measuring of a state's «health» is its physical dimension, strictly geographical. The result of this vision leads to one of the main points of Ratzel's thinking: «Lebensraum», the vital space. States, in order to maintain their nature and strength, get in a fight for the signing of their action space, the ground shape on which they can have their empire power. The idea itself of Lebensraum brings several political consequences that Ratzel will call «states expansion laws». Let's see what these laws are: 1 extension of states increases with the extension of their culture, 2 width growth of states increases comes along with other manifestations of their development (ideology, production, market) 3 the less important political unities comes devoured by expanding states, 4 the boundary, in a state seen as a organism, is a periferic state organ which defines its growth, strength and land changes, 5 state, in its expansion plan, struggles for important areas for the project (rivers, coasts, rich lands), 6 the first desire of expanding comes from outside: a state is attracted by less developed states about industrialization and modernization, 7 the nation devouring process looks like self-limiting. Ratzel's states expansion laws, therefore, aren't just simple theories, but they are the basis for a geostrategical platform capable of ensure and raise up the power of all state organism on the globe. It is a fight between forces with even or different power which, in Ratzel's perspective, give from to political geography. Ratzel's theory is, with some necessary particularity, taken in heart by the Swedish expert Rudolf Kjellèn (1864 — 1922). Kjellèn is a Swedish politician (known for his germanophilia) who creates the new term «geopolitics», meaning «study of the state, seen as a geographical organism or a special phenomenon» On Ratzel's tail, then, states is like a life-form which, in order to survive, must secure and grow bigger its territory. On the fight, or the (political, military and economical) competition, are created those states which are bound to have an lead role

for all state communities. Obviously, not every state has the necessary dignity for being a lead role in the game of international relations, but three qualities are fundamental: territory extension, closeness or strictness of the territory, internal cohesion and political unity. Despite the positivistic setting, Kjellèn looks like going towards a kind of «political romanticism» (if we think about the great influence of Johann Fichte's Addresses to the German Nation) when, even though he finds no fundamental quality of a leading state in the Germany of the last XIX Century, argues that it has a «moral strength» capable of being a substitute for all other lacking qualities. Rudolf Kjellèn's theory, as obvious, will strongly take influence on german political life until the 1945 (the necessity for Germany to search «its own vital space» towards East is one of the leading thesis in *Mein Kampf*) and, therefore, the main work of the Swedish expert (*State as a life form*, 1916) is soon translated in german and strongly influences the Munich Geopolitical Institute founded by Karl Haushöfer (1869 — 1946). Karl Haushöfer, during his studies, begins having a great interests for Japan (he borns in Japan and there lives between 1908 and 1910) because of it's geographical position. Therefore, the purpose of the German expert is giving birth to a strong political-military alliance between Russia, Germani and Japan in order to contrast the United States in Asia and give end to the imperial wills of Great Britain. Notwithstanding, Haushöfer is strongly impressed by the political-military sanctions given to his country with the Treaty of Versailles in 1919 and, subsequently, he starts a cultural campaign for the defense of the Germans and Germanism. In rough terms: the German expert has his theories about four fundamental points: union of all German peoples under a unique authority, necessity of the vital space, demographic expansion and confirmation of the Imperial role. In this direction, in «The boundaries and their geographic and political meaning», published in 1927, he argues that boundaries are to be seen not as law division lines, but as target of the fight for existence. Haushöfer theories are strongly influencing the geostrategical platform of national-socialism (Haushöfer was a close friend of Rudolf Hess), but the defeat of Germany in World War II reduces the theoretical and practical activity of the German expert. Another important pass for the comprehension of the history of geopolitics are the theories of Carl Schmitt (German jurist, 1888 -1985). In particular, for our interests, — give the enormousness and complexity of Schmitt's

work — it is important to define the concept of Nomos. It is, as it is easy to understand, a greek term which is for «low», the «norma», the «limit concept» by which it is possible to go towards all possible theoretical and practical constructions of state-organisms. Nevertheless, if before the great geographical discoveries of modern age Nomos means «roots in soil», with the new borders established on sea we switch from a «ground Nomos» (meaning the roots of a Empire in a harmonic political-spiritual community) to a «global Nomos» (meaning a countrast between ground powers and sea powers). These thesis are explained in two important Schmitt's works: *The Nomos of Earth* (1950) and *Ground and Sea* (1942). Geographical discoveries, then, mark the end of the ground Nomos («Earth will become sea, and it will be free» — is the motto of Dutch Calvinists) and the birth of *Jus Publicum Europaeum* meaning a geopolitical block capable of contrasting the sea powers (Britain and Netherlands first). Nevertheless, the results of World War Two are a disaster for Europe and they mark the end of *Jus Publicum Europaeum* itself, with the consequent encasing of all European interest in the political circle of North America (just think about NATO in 1949). In effects: we see the beginning of the so called era of «neutralizations and depoliticizations» (title of an essay in «*The concept of the Politician*», 1932), meaning the dominion of a technical only politics, lacking of a valid philosophical substrate. Carl Schmitt, then, foresees the birth of the so calles «politics of human rights», a formula lacking of a true philosophical content, but able to switch the globe in a unique planetary civilization, neutral for instance. This is what Schmitt argues in 1932: «[...] the XIX Century's doctrine of a neutral state is settles in a time of general tendency towards a spiritual neutralism which is common in the European history of the last centuries. Here lies, according to me, the historical explanation of what is called the era of technique.» However, study of geopolitics, as known, is generated by interactions between several disciplines (geography, politics, history, economy and philosophy) and even, doubtless, the «warfare strategy». Right about warfare strategy is one of the fundalmental works of Carlo von Clausewitz (Prussian general, 1780 — 1831). It is, particularly, the famous military essay «*About War*» (1796) in which Clausewitz states two fundamental points: dualistic nature and political nature of war. For instance, war can go towards two lines: or the complete elimination of the enemy in order to

make it politically and military powerless, or the occupation of relevant border zone. However, even the defensive warfare must have a political character and have as purpose the strength of political — territorial unit (think about, in this sense, the attrition warfare used on Napoleon by the troops of General Kutuzov in Russian campaign of 1812). In both cases, then, war has a political nature and is used to limit the influence zone of states. In this sense, an important point is held by Alfred T. Mahan (1840 — 1914). This, differently with Clausewitz, states the necessity for a state to have an efficient and strong fleet in order to secure its political-military power. For instance, in the essay «The influence of sea power upon history» (1890) and in the sequent «The interest of America in sea power» (1897), Mahan explains that in order to dominate world it is necessary to be a sea power, not a ground one. This statement, as known, strongly influences the governments of German, Japan, Britain and North America which, on the end of XIX Century, start a strong champaign for modernizing and empowering the naval equipment. The advantage of having a powerful fleet brings two important consequences: chance of attacking the enemy far by own territories and safeness for a stronger protection in case of enemy attack. Even Mahan's thesis, then, will have their importance in the geopolitics' schools. In this sence, Mahan's thesis will be important in geopolitic's schools. In this sence, Mahan strongly influences Japan and United States (the contentment of Russia in Asia by Japan, with the destruction of Russian fleet in 1905). However, the crosspoint in geopolitics are Halford Mackinder's sturdies (British geographer, 1861 — 1947). The expert starts from a central point on which all his platform is settled: the existence of a world center which is Eurasia, the space occupied by the Soviet Union until 1991. Eurasia is called «Heartland»: «who possesses Heartland, controls the World Island» (Europe, Asia and Africa). It is, then, a non-accessable area, unattackable by sea powers. However, with time, Mackinder switches the central area towards West. If in his 1904 Essay Heartland is seen as Central Asia and Siberia, after World War I the crosspoint includes Baltic Sea, Black Sea and Central-Eastern Europe until the Elbing-Adriatic line. In 1943, on the magazine Foreign Affairs, during the alliance between United States and Soviet Union, Mackinder states again the importance of Heartland to secure a future world balance. The conflict between sea powers and continental powers can't be but won by continental powers, because a

strong air defence makes the land untakable (Mahan, in this sense, in his essays doesn't foresee the development of air/space industry of the beginning of XX Century and World War II). But Mackinder too does not foresee the development of long range missile that allow to hit from every place of the world. Again, warfare strategies make unreliable the theories. After the end of the World War II, Eurasia doesn't lose its nature of world crosspoint, of point by which it is possible to start creating an order in the future of international relationships. Obviously, during the Cold War, the United States adopt a strategy in order to contain communism, while USSR tries mainly to affirm its political-territorial unity. Mackinder's foretellings are taken by Nicholas Spykman (1893 — 1943) who, introducing the idea of Rimland, corrects the theory of the British geographer in order to adapt it to the new developments in world politics. In particular, Spykman states that in order to secure peace it is necessary an interaction between Heartland and Rimland. With Rimland, then, Spykman means a region between Heartland and the surrounding seas, including Europe, Middle East and India until Yakutiya. Spykman's statements says: «who dominates Rimland, controls Eurasia; who dominates Eurasia, controls the destinies of the world» Spykman's influence is very strong in the elaboration of geostrategies of the United States, and it is the basis for all the interventionist politics in world matters. The end of Cold War, beyond all miscellaneous geopolitical models, imposes to reconsider the international relationship, in a multipolar scenario. The end of ideologies marks the rebirth of civilization and the rediscovering of traditions as a parameter for the marking of all international relationships. This is the major thesis in Samuel Huntington's essay (The Clash of Civilizations and the New World Order, 1996) which, based on the geopolitics of chaos (Zbigniew, Brezinskiy and Edward Luttwak), makes important questions about the future of the world after the collapse of ideologic systems. In rough terms, the changes in bipolar system made strongly changed the geostrategical perspectives of all state communities. We are in the era of the Fourth Political Theory, quoting Alexander Dugin. Said this, which is the role of Europe after the end of the Cold War and which operational validness is it possible to give to the miscellaneous geopolitical schools? A first important point, before any other analysis, is that Western Europe is no longer a borderline zone. Central-eastern Europe, however, is changing by re-discovering its

identity (after the collapse of USSR), while Russian Federation is making itself as the last rook of multipolar system. However, it is important to precise that an interpretation of geopolitics according to a merely deterministic scenario is a theoretical exercise lacking of practical utility. In this sense, geopolitical doctrine called «Eurasia», if is not integrated by history's lessons is not capable of securing a during power balance in the international relationships. Eurasia is no longer the romantic dream of slavophilia, but a geopolitical block made by Europe and Asia and able to ensure the most important geopolitical dogma: the interactions between Hearthland and Rimland. Before we think about the solutions, then, it is necessary to star with a precise analysis of the current situation. Theorizing an axis made by Pais — Berlin —Moscow , or Berlin — Paris — Moscow — Tokyo — New Delhi is, at least in current times, unrealistic. Also because the construction and the safety of multipolarism is not only through Moscow, but even through Beijing. The necessity of current times, then, forces Europe to reinforce the axis made by Rome — Paris — Berlin and, in the meantime, sign a political-economic cooperation with the Eurasian Eunion. This setting, as it is shown by the current political scenario and from the nature of international relationships, is far from what technocrats want for Europe. Currently, Europe has no strong political unity and, in the meantime, the monetary unity itself shows structure problems that are killing its federal bases. Multipolar system, beyond all ideologic results that can come, is not a new from chauvinism, but an operational line which can reform the whole world. A tired European Union, led into a neverending demographic decreasing and a recession funnel is not useful for the construction of Eurasia, but mines the theoretical fundamentals itselfs. Geopolitical models must be integrated with history lessons and, consequently, each operational strategy cannot focus on the current time. Europe must find again its political and economic unity and this implies a level of identification as greater as possible than chauvinistic passions. Starting again from Tradition means this: re-discovering one's natural Destiny, but overall the central focus of «becoming»: the Nomos.

Orazio Maria Gnerre

The mediterranean role of Italy in the European and continental scenario

It is our opinion that Italian-Russian relationships should go in the forced way of a common will, in order to achieve the geopolitical purpose of this century: the passage to multipolarism. Italy represents both a special partner in Russian interests, both a fundamental crosspoint in the development of the European continent — primary target for the passage to multipolarism in the continental scenario — both the main element in the continent-coast area: briefly speaking: the Eurasian Rimland. Inside this scheme, we will show the importance of conscious Italian foreign politics about the relationships with its Eastern neighbours; inside the scenario of defending national interests through an energetic and commercial partnership, of the construction of a great European safe and independent area, and of the military stabilization of the inter-continental and Mediterranean. As we will see, even though Rome and Moscow are separated by 2300 kilometers on ground, it is in the sea space of Mediterranean Sea that will be played the most important match for the future of the Center of Europe.

In the classical geopolitics, especially in the visions of Halford Mackinder and Karl Haushofer, the great continental space going from Portugal to Siberia is seen as a Earth continuum with a proper ground unit and a potential power confrontable with only the one of the other geopolitical giant on the north-western side of the world. The strategical void in which the continents opposition is fought is the everlasting lack of a common strategy in the great Eurasia. In everything this we can define the center of the main battle in the challenge of the continents.

The primary target for a working continental stability, are then the relationships between Heartland, the «Center of the Earth», the great Eurasian central area; and Rimland (so named by Nicholas John Spykman), the coast sector close to all the seas, of which Europe represents the western pole. This opposition itself is, in the vision of

Carl Schmitt, symbolized by the biblical fight between the ground beast Behemoth and the sea beast Leviathan, archetypes symbolizing in the holy science the polar principles of telluric order and liquid chaos. Over all the fundamental etical and philosophical meanings, it is important to deduce from this intrinsecal war of the history of peoples, that this challenge, nowadays extended on global scale and switched to the continental level, was in the Old World fought between England and the European power.

If it is in this vision that Europe, in order to achieve the challenge, must go towards the integration of the two great sectors in which it is splitted apart; represented by the three great areas of which it is compounded — european, eurasian and east-asian — which are nowadays taking shape as long as the chrysis of the US unipolarism is going forth. In everythig this Italy, the main crosspoint of the Mediterranean region, gets fundamental for the pourposes of Russia, the central point of the great Eurasian area, and so the Hearthland of the continent. According to the foreseekings of classical geopolitics, the most important element in the fight between the two continental areas is the potential achieving of territories on the coastline for the Hearthland zone. The coastline is directly granted by Europe, which has a face on the Atlantic Ocean and one on the Mediterranean Sea. Europe itself has the chance to achieve its interests only in two directions: or the integration of the ground area (in a mid-european perspective) or the self-confirmation as the main actor in the Mediterranean Sea (in a euro-mediterranean perspective). Of the four belts in which analysts divide the multipolar world, the Euro-african one, going from South-Africa towards Norway, represents a macrosector as important as the one going from West to East. It is in this new gigantic area that Italy, which has historcally represented the guide role in the mediterranean integration, as much as Russia in the eurasian one, would take the unavoidable duty of being the bridge in the diplomacies about politics, economics and culture between Africa and Europe. Its role in the Eurafrican space would become likelike the Russia-Eurasia one in the continental World Island. The energetical exchanges from Africa towards Europe, expecially Western Europe, would all go through Italy, making it the natural center for a greater euro-african integration.

The Italy-Lybia relationships, in the changing world scenario, used to be the first step towards the building of multipolar order in the euro-african area; between North — a unipolarism bounded Europe, paying

its final fase with the economical chrysis — and south — Africa, which between difficulties, managed to stack one of its countries in the BRICS coalition — opening to its relationships with China. The role of the mediterranean area would then become the one of the Euro-african Hearthland, inside of which Italy would take the role of a integration space not different with the one of Russia as center of the great Eurasian space. What analysis did not manage to foresee, is the opening of Italy to the role of a civilization bridge and political crosspoint of the new gigantic geographical area, arosen in this era of titanic battles: the euro-african pole. Everything this would really represent then the resurrection the First Rome, located on the vertical geographical axis, just like the Third Rome is located on the horizontal one. It looks like the realization of the symbolic prophecy of Northern Ragnarok, when in the main battle for the destiny of the world all the ancient powers will arise again. In the war of the continents, the Italian giant woke up too.

The crosspoint role of Italy will so remain asleep as long as there won't be changings in its policies: the switch to the multipolarism can only happen through a freeing from the unipolar boundary, realized in the submission to the economical commands of the far West and to the military ones of the Atlantic Treaty. What is important in Italy as a potential powerstate will never take expression as long as Italy, bounded to the European system, will never break free from it like from the US unipolarism. The global passage to multipolarism, as we want it or not, will happen both in US Far West both in Europe, which nowadays is the US bridge in the Eurasia. It is this scenario that we see the first necessity of a common alliance between Italy and Russia, between Europe and Eurasia. Europe, as we have shown, would be in the multipolar scenario bounded in two enormous continetnal areas: it is both the western point of Eurasian Word-Island both the northern polepoint of Euro-africa. As like it is located in a perfect puzzle of encounter of the two macrosectors, so the interests on it are perfectly harmonic. On one side: it is in the interest of Eurasia that Europe, meaning the Rimland, breaks free from military, economical and cultural submission imposed by the north-atlantic space. On the other side: it is a Euro-african interest that Europe cooperates for an integration with Africa. Last but not last: it is a European interest to gain sovereignty (political, economical and cultural) as a great space, and Europe can achieve this only by respecting its natural condition

of part of the two areas, eurasian and euro-african. It is even in the the processes of Euro-russian partnership that Italy shows its great necessity: Italy is for sure one of the European countries which, in the last years, had the closest relationships with Russia: it represents the third commercial partner for Russia, after Germany and China. The Italian firms Eni, Enel, Saipem and Finmeccanica are quite active in Russia: in 2007 was signed a treaty between Eni and Gazprom for the building of the South Stream pipeline, which will be an energetic vein of Eurasia going from Russia to Europe. On the strategical scenario, likewise, Italy has signed with Russia an intergovernmental treaty in 1996 about the technical-military necessities and about the warfare industry. Considering the important relationship that Italy has with Russia as crosspoint of the great Eurasia, Italy could become then a crosspoint for the sake of switching international politics: from the North Atlantic Treaty's rail (which will conduct towards nothing) to the one of a more advantageous multipolar scenario. In the geopolitics of civilizations the euro-african space would then regain its culturally mediterranean nature. As like in the height of the civilization war the steppe-horsemen spirit woke up again in the Hearthland and the ghost of Atlantis arose on North America, so in the Mediterranean arose again the spirit of Ulysses to sail the sea again and kiss again the coasts. But Ulysses, coming back to Ithaca and finding it full of invaders, will take again his bow in order to finally achieve justice.

Giuseppe Esposito

In our essay, we will try to historically show the geographical and geopolitical importance which Italy held and is holding in the Mediterranean Sea, giving an eye on the present situation and future scenari of contemporary world, and on the proficient, but often opposed, relationship between our country and Russia.

Mediterranean Perspective: Italy and Russia

If geography taught us something, it is that everyone who wants to dominate a land (or a sea), must dominate even some strategic places, which, often, are the key to the control of entire seas or continents. Italian peninsula, by its nature, along with its close islands — Sicily, Sardinia and Corsica — matches this point: being exactly in the geographic center of Mediterranean Sea, it is both an horizontal door, looking to Spain as much as to Greece and Anatolia, both a vertical door, staying between Germanic nations northwards, and it is a naturale scale for Africa and the Arab world southwards. We can then say that, by the former sentence, whoever dominates Italy (from North to South, including the islands), dominates the Mediterranean Sea. Let's look at the history: in ancient times, as we know, Respublica Romanorum showed its superior power on Carthago¹, so that it took supremacy on Mediterranean Sea through three bloody wars, Punic Wars. But the true supremacy was obtained by Rome as, before fighting Carthago, its citizien-soldier legions and the diplomatic skills of the Senate (along with the cultural and religious

¹ André Piganiol, The Conquers of the Romans. Birth and growth of a great civilization, , ed. Net Collana storica, Rome 2003, III Part <<The conquer of Mediterranean Sea>>.

authority of Rome itself)¹, had been able to united under the same flag the whole Italian peninsula, including the towns of Magna Grecia. Thanks to this dominance, Rome managed to have Italy as its natural operational base for expanding its power in the whole Mediterranean Sea, such as the following conquerings and the birth of Roman Empire, which Augustus shown then. Centuries after the fall of Rome as a power, the importance of Italian peninsula remained, as shown by the interest of the powers which in the whole history tried to control it: Eastern Roman Empire, the Arabs, the Franks, the Papacy, the Holy Roman Empire, the Turks and the Spainshes, had to see this thruth: you can control the Sea only by controlling the peninsula which splits this sea in two worlds, of which the control (moreover of scales and ports) means power on the Sea itself, its shores (which became easy to reach) and its nations, now «touchable». This is shown in modern history, where we see two paralel tendencies related through them: weakening of italian actors' ability (both pre-unity — Neaples Kingdom, Sea Republics, Communes, Papacy, Duchies and Principalities — both what we nowadays call Italy) to exploit this natural condition, and strenghtening of foreign powers on Italian soil and on social-politic life of this peninsula. The first example is the era of Spanish supremacy on Mediterranean Sea and Italy, which lasted 150 years in Europe and two centuries for Southern Italy — which has a necessary strategic importance for controlling mare nostrum — who shown the weakness of the system of independent states, marked by an effective military weakness against foreing powers. Then, around XVIII Century, Italy was at the center of an era of authonomy and weak balance, marked by the fall of Spanish powers, the coming of France in Italy through annexion of Corsica and the annexion of the Duchy of Milan under Austro-Hungaric Empire. The XIX Century and the Restauration, then, have been the lost of the whole Po Valley in the Austrian hands, who won Napoleon with Prussians and Russians; Malta — once under Sicilian sovereignty — went to England and Italian states system became more dependent of the other european powers, both for Restauration (intervention of Austria in central Duchies, of Borbonic Kingdom and Papacy) both for Borgeouise Revolution, with the intervention of France

¹ Cfr. the good explanation of ancient religion and ritual symbology of the Romans and ancient Italic peoples of Old Era, in Guido De Giorgio, the Roman Tradition, managed by Gianfranco De Turris, Edizioni Mediterranee, Rome 1989.

in the Second Empire and Savoia's conquering wars (the so called «italian independence wars») encouraged as much by the Englishes as by the Frenches. We then see the second example, and stronghold of our essay: the fall of the Two Sicilies of XIX Century and the important relation between this State with Russian Empire¹, the power which won Napoleon and the bringer of traditional-religious civilization from all times. In order to explain this point, however, we must go back and talk about England.

XIX Century began — as known — with the great victory upon Napoleon and his weak Empire by VII Coalition Countries: United Kingdom, Austria, Russia and Prussia; but only the first one gathered the greater conquest during the Congress of Vienna: it got allowed to expand in the Mediterranean Sea with no clashes with other states, thorough the gathering of Malta (occupied since 1803), of Ionian Islands (former Venetian territories, nowadays under Greece) and the final defeating of Italian Sea Republics, Genoa and Venice. Due to, easy to understand, geopolitical and strategic reasons, the United Kingdom needed to control the Mediterranean routes in order to defend its exchanges with the richest and main colony of the British Empire: India (unified in 1858 by the Englishes with the birth of Indian Empire; nowadays, so, India is member of the Commonwealth of Nations of British Commonwealth's Legacy), for which penetration in the Mediterranean Sea towards East and the Middle East was (and is) vital for English interests. In the middle of the XIX Century, then, was made the Suez Channel, of which the aperture (in November 1869) allowed a direct communication between the Mediterranean Sea and Indian Ocean, obviously important for Great Britain. But the Englishes were not done with this: due to their necessity to avoid the expansion of land powers towards the sea, particularly of Russia — naturally a land Empire — and great rival of England on the Asian scenario (the not so famous «Shadows War», fought through spies and indirect interventions for the dominion of continental Asia). Consequently, it was necessary for England to destroy the System of Restauration and Holy Alliance, which saw an alliance between land powers: Austria, Russia, and Prussia — symbolizing friendship between christian nation (even though of different confessions) in order to maintain the survival of traditional

¹ G. Berti, *Russia and Italian States in the unification*, Einaudi, Turin 1957, pp.613 e 655ss.

societies, made of classes and religious identity — in opposition against every English expansion towards East. We see now the return of a conflict between land civilizations, the said Empires, and a talaxocrathic Empire such as Great Britain, protecing a «dinamic» (nowadays we would call it «liquid») society, where profit and material utility is important, not community and transcendent truth. The first strategic move of England was a true diplomatic masterwork: to help Napoleon III taking power in France, of which the anglophiliac frame of mind was never hidden, and the first action of the Second French Empire, as a joint action of the two allied nations, was the Crimean War (1853 — 1856), the right chance to set Russia in a deadly fight, fought to stop the advance of Russia towards the Mediterranean sea — a clash in which the Tsar's Russia shown to be military unprepared. A british masterwork was having switched on a clash between the two great «reactionary» allies: Russia and Austria, for the political supremacy in the Balkans, persuading the Habsburg family to neutrality in the Black Sea clash, increasing the fear of a Russian expansion in the region, destroying then the Holy Alliance and making Russia alone in the war. The last tsar-friendly country in Europe was then the Kingdom of Two Sicilies¹, of which the King Ferdinand II (1810-1859) was personally close to the Romanov dynasty, so that even in the declared neutrality of the Kingdom, the Naples government remained in favour of Russia², sustainind with comerce the Tsar troops exporting low price groceries³. This was not forgot by atlantic powers: a second class Kingdom which wants to choose by itself its history, and maybe stand with enemy powers? Impossible. The answer to the gepolitical «simpaty»⁴ of the two Monarchies was the pirate attack of Garibaldi performed

¹ Eldo Di Gregorio, The relationships between the Kingdom of Two Sicilies and the Russian Empire between 1850 and 1860 in the Borbonic Archive, Edizioni Scientifiche Italiane, Naples 2006, in which it is perfectly shown the intense diplomatic-epistulary relationship between Petersburg and Naples, between King Ferdinand II and Tsar Nikolay I and his follower Alexandr II.

² Antonio Gramsci talked about a potential strategic “Russian fief inside the Mediterranean Sea”: in A. Gramsci, The Italian Unification, Turin 1975, p. 138

³ Eugenio Di Rienzo, The Kingdom of Two Sicilies and European Powers 1830-1861, Ed. Rubbettino, Soveria Mannelli 2012, pp. 66-67.

⁴ Eugenio Di Rienzo, The Kingdom... pp. 68 — 71. The author uses the term “Mediterranean Japan” to show the situation of the Two Sicilies on Mediterranean Scenario during Crimean Wars. Expression used by English

after the death of Ferdinand II, realized in may 1860 (in Marsala, Sicily), shown to the world as an action of freedom against the feudal oppression of Borbone family, thanks to a proficient anti-borbonic propaganda which prepared the public opinion to the fall of the Kingdom¹ (which came with the fall of Gaeta and Civitella del Tronto in 1861)². We can see how this operation happens nowadays: these ways are still used, with the necessary difference of instruments and technologies: slander of the governments, prejudice based propaganda about the superiority of anglo-saxon countries and following of «anglicized» allies, preparation of an internal de-stabilization. Don't come to mind countries such as Lybia, Syria and Afghanistan? The actors are the same: even though in the XIX Century Great Britain was the principal puppeteer, now they are USA with the UK as first ally. A pity for the peoples which suffered and suffer devastations for geostrategical reasons. Coming back to history: we were talking about two tendencies for the Italian scenario; one based on progressive losing of autonomy of Italy about stronger nations; the other based on strengthening of Mediterranean powers. The fall of the Two Sicilies meant this: with the annexion of the Kingdom of Two Sicilies to the Sardinia Kingdom (the following Kingdom of Italy)³, ended the last times of real Italian independence, despite the Italian unitary ideals of the XIX Century, willing to unite all the Italian peoples under one flag in order to gain independence from the foreigners. Indeed, the unitary Kingdom of

diplomats, to show the analogy between the Kingdom and the feudal Empire of Japan until the forced opening to western markets performed by the american admiral Perry (1855).

¹ Cfr. the important literature about anti-borbon propaganda in Great Britain in order to prepare the fall of the Realm: B. Zumbini, W.E. Gladstone in his relationships with Italy. Politics and culture of W.E Gladstone. The Italian question in British Parliament. Letters to Aberdeen's Count. Politician's speeches. Lord John and Lady Russel. Laterza, Bari, 1914; M.G. Gajo, Letters between Gladstone and Aberdeen, in <<Historical essay upon Italian Unification >>, 1973, pp. 31-47; G.B. Henderson, Lord Palmerston and the Secret Service Fund, in <<English Historical Review>>, 58, 1938, 211, pp. 485-487; Erminio Di Biase, England against the Two Sicilies. Live and let die. Controcorrente, Napoli 2002, pp. 55ss.

² Bruno Lima, 1860: The Invasion of Two Sicilies, Fede e Cultura, Verona 2008, pp. 54-55.

³ Bruno Lima, 1860: The Invasion of Two Sicilies, Fede e Cultura, Verona 2008, pp. 57ss.

Italy of Savoia family and the «liberal» governments was always serving England, at least until Fascist Era, in which there was a sovereignty nationalism which gave to Italy, for a short time, a little bit of autonomy in foreign policies. As history remembers, during the Twenty Years, despite the anti-bolshev official position of Mussolini's government, Italy was in friendly relationships with Stalin's Soviet Union, as shown by the Seaplane's fly of the Aviation Minister Italo Balbo to Ukraine in 1929¹, which were welcomed by the populace and by the Red Army in Odessa with official salutes and the fascist anthem «Giovinezza», right as it is done between friendly nations. This was maybe showing a revolutionary common knowlege and an ideologic and political «difference» with the western democracies, seen as rivals. The defeat in World War Two, unfortunately, was followed by the most wicked serfdom of our country to international and atlantic interests, process now greatedened by the fall of First Republic — the facts born by the collapse of historical parties CD (Christian Democracy) and CP (Communist Party) and the rising of american shaped populism — and the adoption of Euro as unic currency instead of Lire, losing even economical sovereignty.

During the bipolar era of Cold War between USA and USSR, we see how these tendencies reached their height. In a time of difficult autonomy, for a country such as Italy, defeated in the World War II, there were persons who understood the necessity of going on two fronts, and of understanding how the atlantic alliance was against the interests of the Country. Between them, we remember Enrico Mattei², president

¹ Air cruise of Eastern Mediterranean Sea in 1929, 2nd in the Mediterranean Sea, after the air cruise in Western Mediterranean Sea in 1928: Italo Balbo "from Rome to Odessa on the skies of Aegean and Black Seas: travel notes" Fratelli Treves, Rome 1929 and Aviation — Great Illustrated Encyclopedia, Geographic Institute De Agostini, 1983 — Vol. VII.

² Enrico Mattei (Acqualagna, 29 aprile 1906 — Bascapè, 27 ottobre 1962) was an italian businessman, politic and public functionary. After the World War II he was asked by the state to put an end on AGIP, created in 1926 by the fascist regime; but instead of following the directions of the Government, he re-organized the firma creating ENI, of which AGIP was the main structure. Mattei gave new pushing to the petrol cravings in the Po Valley, started the building of a pipelines for the exploiting of methane, and opened to nuclear energy (through SIMEA, in only four years was built the great electro-nuclear central in Latina; the first complete test of nuclear reaction happened the 27th

and founder of ENI (Ente Nazionale Idrocarburi — National Institution of Hydrocarbons) and beginner of the Italian nuclear program, which tried to realize energetic-petrol politics which were quasi-independent from the interests of atlantic alliance, sided with de-colonization, even economical, of rising countries and sustainer of a collaboration with Communist Russia (Italy was, with Japan and West Germany, one of the only countries which had markets with USSR, despite of the collectivism of Russia). Obviously such a «neo-atlantic» politics, meaning an Italy allied with the USA and member of NATO, but able to make its own geopolitics without suffering other's, did go over the, never explained, death of Enrico Mattei itself, with whom ended the era of strategic freedom for the foreign politics of Italian Republic. In the 90s, the rising of the unipolar egemony USA-NATO following the sudden fall of USSR, brought to a minor ability for Italy to be independent in the international scenario. Despite some narrow openings Eastwards to necessary eastern markets, and the search of energetic partnership in Russia, we have been forced to limite the action due to a lack of moving freedom. The great incompetence of our dominant democratic class in driving our country through the challenges of Third Millenium and the current geopolitical situation, and the always stronger subposition to foreign powers, make it hard to create a true authonomy for Italy in its «vital space» which would consist in the rising of a multipolar advanced scenario, in which we would have great chances of success. It is so true this situation of subposition of our nation, that, despite the International Friendship Treaty between Italy and Lybia with Qadafi's Jamahiriya (strategically and politically he was necessary for Italy as much as for Lybia and answered to clear chances for both countries), by partecipating to that unlegitimate war intervention in Lybia with giving air bases for raids on African land (which has not been

December 1962, two months after the death of Mattei). Under his management ENI started relevant treaties in the Middle East and an important treaty with the Soviet Union (through to the mediation of Luigi Longo, his friend during the Partisan War and later secretary of the Italian Communist Party); ideas which started to break the holigopoly of the "Seven sisters", which were dominating the world petrol industry. Mattei introduced the principle about which the Countries which posses the resources must take the 75% of profits coming by the exploitation of the resources. Giorgio Galli, *Enrico Mattei: petrol and Italian conspiracy*, Dalai Editore, Rome 2005; Nico Perrone, *Enrico Mattei, Il mulino*, Bologna 2000.

the first of a series of similar NATO interventions for «peace and human rights actions», such as the Beograd bombing of 1999) went against every economical or strategical interests, sending even the moral reliability of the country. In the East, actually, we will have new allies and new markets to explore. Strategically speaking, Italy would just take wealth from a close co-working with Russia on many levels. Nowadays, the two countries co-work on energy and private economy (small and middle enterprises, artisanship, cultural exchange), and some great projects which have to be done together — such the South Stream, the super-pipeline in the Black Sea which will connect Russia and the whole Mediterranean Europe towards Italy — take place stronger and stronger in the two countries, at levels which makes us strengthen this proficient relationship, given the circumstances and common interests. Russia needs technologies and special engineers; Italy needs hydrocarbons and raw materials, and even new markets, such the market of the Eurasian Union which is been realized by Vladimir Putin. Then the Mediterranean Sea itself, a too important sea for the resurrecting Russia as a world power (and for the new strategy of naval presence on oceans and seas, future instrument for multipolarism). Italy has some important coast sites which can be «hired» by Russian Federation's Fleet, more useful than Tartous port which, on one hand could re-balance the excessive presence of American military bases on the Italian soil (including Aviano Airport, where there are atomic bombardiers, and Vicenza, base hosting AFRICOM, a USA commando for military operations in Africa, except only Egypt), and on the other hand Russia would gather a logistic base which could complete its security strategy (necessary answer to the American missile shield in Europe faced towards Russia¹). In a world which goes anyway towards a multipolar scenario, where Asia starts to be the center of the future political decisions, and the Indian Ocean always more a theater for international questions (such as a «greater Mediterranean Sea») Italy, if well-led, could exploit important occasions, and a stronger co-working between the two nations is day by day more necessary, as much on the economic and cultural level, as on the strategic and geopolitical one, as shown by the natural tendencies of these two countries and made possible

¹ <<Russia opposes by the seas the American star wars>>, Eurasia, Mahdi Darius Nazemroaya, 9th November 2012.

by the current historical events. For what concerns Russia, of which the wise leading of President Vladimir Putin made right choosings in the right moments — such as the Eurasian Union and EFTA treaties¹ — could gather again a natural ally (such as the dead Kingdom of Neaples) in the center of the Mediterranean — which would strongly oppose the — worldwide fading — egemony of the anglo-saxon countries on Lands and Seas.

¹ About the Eurasian Union, see the convention “Eurasian Union in the multipolar world” of 24th October 2012, Rome, organized by the redaction of the geopolitical magazine Eurasia. The EFTA “European Free Trade Association”, is a free market organization between four European countris (Switzerland, Liechtenstein, Norway and Iceland) which operates along with the European Union, of which Russia is now a new partner thanks to its president, V. Putin.

Часть II

The Fourth Political Theory

(interview)

The Fourth Political Theory (interview)

1. How did you discover the Fourth Political Theory? And how would you evaluate its chances of becoming a major ideology of the 21st century?

2. Leo Strauss when commenting on the fundamental work of Carl Schmitt *The Concept of the Political* notes that despite all radical critique of liberalism incorporated in it Schmitt does not follow it through since his critique remains within the scope of liberalism». «His anti-Liberal tendencies, — claims Strauss, — remain constrained by «systematics of liberal thought» that has not been overcome so far, which — as Schmitt himself admits — «despite all failures cannot be substituted by any other system in today's Europe. What would you identify as a solution to the problem of overcoming the liberal discourse? Could you consider the Fourth Political Theory by Alexander Dugin to be such a solution? The theory that is beyond the three major ideologies of the 20th century — Liberalism, Communism and Fascism, and that is against the Liberal doctrine.

3. Do you agree that today there are «two Europes»: the one — the liberal one (incorporating the idea of «open society», human rights, registration of same-sex marriages, etc.) and the other Europe («a different Europe») — politically engaged, thinker, intellectual, spiritual, the one that considers the status quo and domination of liberal discourse as a real disaster and the betrayal of the European tradition. How would you evaluate chances of victory of a «different Europe» over the »first« one?

4. «There is nothing more tragic than a failure to understand the historical moment we are currently going through; — notes Alain de Benoist — this is the moment of postmodern globalization». The French philosopher emphasizes the significance of the issue of a new Nomos of the Earth or a way of establishing international relations. What do you think the fourth Nomos will be like? Would you agree that the new Nomos is going to be Eurasian and multipolar (transition from universum to pluriversum)?

5. Do you agree that the era of the white European human race has ended, and the future will be predetermined by Asian cultures and societies?

6. Do you consider Russia to be a part of Europe or do you accept the view that Russia and Europe represent two different civilizations?

7. Contemporary ideologies are based on the principle of secularity. Would you predict the return of religion, the return of sacrality? If so, in what form? Do you consider it to be Islam, Christianity, Paganism or any other forms of religion?

interviewed by Natella Speranskaya

An interview with Manuel Ochsenreiter

Editor-in-chief of «ZUERST!» magazine

1. Since a certain time I try to follow the developments in Russia, especially Prof. Alexandr Dugin. So it is not a coincidence to get in touch with the Fourth Political Theory. You are asking about the chances. Let me say it like this: The west is actually trapped in its own liberalism. It seems right now that there is no way out because the liberal mainstream political opinion doesn't accept any alternative ideas. It is like digesting yourself with the same acid over and over again. In my opinion, the Fourth Political Theory could be a medical cure for that sick intellectual situation. It can be a way out of the liberal hamster wheel. And more and more people are looking for such an exit.

2. First of all, the liberal doctrine is a totalitarian doctrine. Convinced liberals hate to hear that. They even would deny that it is a «doctrine». But the reality is: The world wide liberalism and the postmodernism of «values» seem to be more totalitarian than communism, fascism or any – isms before. Liberalism doesn't accept alternative ideas coexisting beside it. It shows its ugly totalitarian face every day all over the world and its sharpest sword is hypocrisy. The liberal «tolerance», one of the most mentioned and beloved liberal values just enjoy other liberals. There is no tolerance towards non-liberals. The west showed a couple of times in the past towards some countries who didn't adjust to this liberal world order, what that can mean at the end: If other societies, people, and countries are not convinced by NGOs, «civil society» and other forms of «western help», they will be convinced by drones and Cruise missiles. The liberal west tells the beloved stories about «human rights» violations to convince the western societies about the necessity of such military operations. Liberals liberate with money or bombs. The choice is upto the

«backwarded» aim. But at the end, everybody knows the «open society» (Karl Popper) means in reality «open market», «free speech» means «liberal speech» and «freedom of choice» means «McDonalds or Burger King». There is even a liberal «new speech» for these things: Military ground offensives are now «humanitarian zones», air raids are «installing a no-flight zone» and ugly primitive Russian girls urge the west to shout «Free Pussy riot!».

Every established intellectual, politician or media company moves inside this totalitarian liberal system. For example you will not find any established political party in the German parliament that doesn't claim to be «also liberal». Our universities «research» about «identities», «gender», and «culture» to change this or that. The new liberal types of human being don't have a heritage, homeland or cultural identity. Even the gender can be changed. We could consider that as a type of slapstick comedy if it wouldn't be so serious, because it means a type of destruction of basics and values, which might be hard to repair.

So Prof. Dugin's theory shows an emergency exit out of this totalitarian system. It is like opening a window to let some fresh air into the western paralyzed intellectual environment. But the liberalism is not a weak ideology which would wait for its defeat.

3. This reminds me to the «old Europe» and the «new Europe» Donald Rumsfeld was talking about in 2003. The «old Europe» was the one that refused to support the US in the Iraq war, especially Germany and France, and the «new Europe» joined the «coalition of the willing» But of course you mean something else with your question. There is certainly a «different Europe». We wouldn't be talking if it didn't exist. In all the European countries you see certain types of intellectual resistance against the liberal totalitarian system. I would even call this type of Europe the «real» one. Because the official «Europe» is just a weird construction that denies traditions and differences, everything what makes the rich nature of Europe and the Europeans.

The «real Europe» is everywhere, where intellectuals, journalists, and politicians turn their back to Brussels and the liberal system. You find it in a huge amount of magazines, newspapers, internet forums, and political organizations all over the continent. They do it without any powerful support from other countries, just with their idealism. There are no NGOs

or other institutions that fund that important work. But this shows exactly that type of these new political grassroots.

4. Western liberal propaganda always claims: «Even if we wanted, we couldn't do something else because it would result in violence and war!» They spread panic and fear among the people. You have to imagine, our German politicians tell us that even if we Europeans would abolish the Euro currency, we might end up in a war. The postmodern globalization is presented as the only single way for the future. I spoke about liberal hypocrisy before. The truth is that the way of globalization is a painful and bloody one as we can see in many countries with western «liberation» attempts. It is a hamster wheel of wars and more wars. The longer it goes the more blood is spilt. This logic is as simple as cruel.

Why is it like this? After the downfall of the Soviet Union and the communist eastern block, western political scientists (Charles Krauthammer, Francis Fukuyama and many others) welcomed more or less the «unipolar moment»; one world with one pole which was the west. This idea was like a western «idyll». With «Western democracy» and «western freedom» spreading all over the world also to the last little corner, mankind will face a long-term, a «final» period of peace and prosperity. Although we see every day in the news the evidence of failure of this ideology, the west still works on it. As I already said, since the end of the Cold war and the geopolitical attempts of the west to install this unipolar idea, we witness the chaotic and violent results of this sort of geopolitics.

A multipolar international order is not just the answer. It is a logical result. The question is how will this multipolar order be organized? A well-organized multipolar world would not just bring stability, but would also be a great intellectual chance of cultural exchange on a really high level. It recognizes the value of «difference» while the west today propagandizes worldwide equality and unity. The local and regional cultures would have the chance of free development, tradition, and cultural identity (both is denied by the western ideology) that could prosper. The actual western hegemony with the means of NGOs and media tries to push down these things, but not forever. And of course Eurasia will play an important role.

5. Today's Europe is losing its human substance. It shows once more that the liberal ideology is a suicidal idea. On the one hand it fights against families and promotes for example abortion; on the other hand it campaigns

extremely for mass immigration. The consequence is extinction of the Europeans. How long it takes is pure mathematics. How much the face of Europe already has changed you can witness in any European capital between Lisbon and Athens. We cannot say that the quality of the human resources really become better by immigration even if we would consider that as a neutral or even «positive» development as the liberals do. In contradiction, we face a lot of problems with immigrant communities. The liberal ideology refuses to see the reasons where they are: in ethnic backgrounds. They just speak about an alleged «discrimination» of the migrant communities and about the alleged social injustice the migrants are facing. Politics denying ethnic differences deny the reality.

Of course this development weakens Europe. We are busier more and more with «integration», what means with ourselves. You have really to be an anti-realist to see a benefit in that suicidal development. But this exactly is told by the liberal dogma. This means automatically that other entities and cultures who don't suffer under such development will have an advantage against a weak Europe.

6. I don't see a contradiction. I personally consider Russia as a European country, of course with diverse ethnic groups. And of course it has its own culture, traditions, and identity. But every European country has its own culture and traditions. The only difference is, we Europeans are told nonstop by the Brussels propaganda that we are all somehow «the same». The Russians have the benefit not being bombarded by that ridiculous nonsense. For me as a German, Russia should be our close friend and ally. We share a lot of interests, we share a common history of course with ups and downs — at least Moscow is closer to us than Washington. A close relationship to Russia would be in the national interest of Berlin and Moscow.

7. When people start worshipping their bank accounts, the horoscopes in the yellow press magazines or their luxury cars what does that tell us about the alleged absence of religion? When it is forbidden to deny liberalism as it used to be forbidden to deny the existence of god in the Middle Ages? The «secularity» in today's Europe just refers to the power of the organized religion, but obviously not to the needs of the people. When the religion disappears they find something else. In Berlin housewives are running into Buddhist temples because they adore the eternal smile of the Dalai Lama or the haircut of Richard Gere. Of course

they don't understand anything about the spirituality of Buddhism. Trendy Businessmen do some yoga exercises. Others start doing esoteric things. But this is also an element of liberalism: superficiality. While this is happening, the organized churches are more and more weakened themselves by the liberal virus. Sometimes it is really hard to see the difference between a protestant bishop and a liberal teacher. It is somehow ironic that God comes back to Europe in these days as a Muslim migrant. All of a sudden people go on the streets to protest against blasphemy. And this takes place at the same time when «Christian» clerics in Germany seriously support the blasphemy group «Pussy riot».

So we see on the one side the spiritual needs of the people, but on the other side also today's Christian churches' refusal to serve those needs. Of course there are also some exceptions. But the general situation especially in Germany and other central and western European countries is like that.

I personally don't believe that a new type of paganism might be a dominant religious power in Europe. Why? Because it would be a pure artificial concept for the people. The strength of the churches in the past was their ties to the traditional daily life of the people. Especially Catholicism perfected to adopt and integrate old pagan traditions in its system. If Europe recovers, I am sure that maybe a new type of European Christianity would also recover. It would be a logic thing. When liberalism starts to disappear, it's totalitarian system will also disappear. Even the Bishops of liberalism like George Soros would lose their power. But if Europe falls, the last of the «three Romes» will be Moscow — and the only resistance against the liberalist doctrine in Europe will be done by the Muslim communities while the organized Christians celebrate their own downfall.

An interview with Claudio Mutti

*Italian philosopher and essayist, editor of the Italian magazine
«Eurasia — Rivista di studi geopolitici»*

1. Having given a constant attention to the activity developed by Alexander Dugin in the last twenty years, I consider Dugin's attempt to elaborate a Fourth Political Theory as the natural goal of his thought. Concerning his chances of imposing it, I would remember Machiavelli's statement: «All the armed prophets won, the disarmed ones went to ruin» (The Prince, VI, 5).

2. Leo Strauss's critique shows that the conservative revolutionary thought, which reached the highest peaks also through Carl Schmitt, must be adjourned for the present historical circumstances. Therefore the Fourth Political Theory is a precious attempt to elaborate an antiliberal doctrine which, after the defeat of the «enemies of the open society» occurred in the XX century, can efficaciously oppose individualism, market cult, «human rights», unipolarism.

3. The struggle between the «two Europes» — I would say: between Europe and West — is a struggle for life or death, because the final instauration of liberal totalitarianism, with the monsters created by its atheistic anthropology, by its cult of profit, by its technological prometheism, would mean to sink to the bottom of a subhuman barbarity which never existed in the world history. I don't know if Europe will find in itself the necessary energies to invert the liberal trend, nor we can see the «help from East» hypothesized by René Guénon, so that I am tempted to repeat that «only a god can save us». In every case, «good Europeans» must do their duty and continue to struggle, never mind the chances of victory.

4. A new, multipolar Nomos der Erde liberating the world from the global prepotence of the US thalassocracy can be established only by a power or a front of powers possessing those requirements that have permitted the US to build their world hegemony: continental dimensions, demographic weight, atomic armament, technological development, cultural prestige, strong political system, will of power. In this case we

can foresee the birth of a pluriversum consisting of six or seven «great spaces»: China (and Japan), India, Iran, Russia, Europe, Latin-America and North America.

5. After World War II the concept of «white race» has been replaced by other categories, more anti-racist and politically correct: «the Free World», «the West». Now, since the West has hegemonized some peoples belonging to the yellow race and is trying to submit the Arab world, the idea of «the decline of the West» seems to be upset, so that somebody has been able to speak of «westernization of the world». Nevertheless, this perspective is hindered by the actual persistence of non-Western cultures, based on the values of authority, order, hierarchy and supremacy of community over individual. That is why the US theorist of the «clash of civilizations» has imagined a future «islamic-confucian axis» as the greatest obstacle to the final triumph of the western hegemony.

6. The above mentioned theorist of the «clash of civilizations» considers that Russia is a «torn country» since the times of Peter the Great, as among Russians some people think that their country is a part of Europe, while others think it is the fulcrum of a peculiar Eurasian civilization. Indeed, nobody can deny that, also after the end of the Tatarian domination, in Russia civil and military institutions held their Mongolian-Tatarian nature, so that we could consider Russian civilization as a synthesis of Slavic, Roman and Turkish-Mongolian elements.

7. Concerning the modern ideologies, you have to consider that sometimes their apparent secularity hides degenerated, deviated, counterfeited elements of religious origin, as it happens, for example, in the American case, where you could easily discover a secularized messianism founded on a presumed divine investiture. In the modern world the religions are exposed to an analogue danger of profanation, so that the «return of sacrality» can happen in spurious and parodistic forms: Zionism, American fundamentalism and Wahhabism-Salafism belong to the phenomenology of this kind of profanation.

An interview with Alexander Lloyd Curran

NEW RESISTANCE (The Popular Front for the Liberation of America), Global Revolutionary Alliance

1. I discovered the Fourth Political Theory through a dear companion of many years whom we have discussed philosophical and political matters. This person has remained with me for many years even through dark or desperate times.

Some books change our life: The fourth political theory is one such example.

In my humble opinion upon evaluation I already see this major ideology taking root and precedent in the hearts and minds of our spiritual warriors who are standing against oppression. We do not want to be slaves in western and eastern spheres from the negatively defined liberal hegemony stemming regarding such countries which support terrorism. This has been a problem for decades.

The current situation has been made clear by the fourth political theory and many of us are reaching out for the historic future in the spirit of Dugin and Eurasia.

2. Contradictions and extremes exist. In an Evolian manner one could say we need to grasp the essence of Neitsche or Mishima but also the rational, disciplined manner of Heidegger, Evola, Dugin, Alain De Benoist. Our people otherwise have the risk of digressing upon a path where we become totally psychopathic, nihilistic, liberally tainted or anarchistic. This is not our way. Our way has the common enemy of Liberal doctrine: So traditional spiritual warriors with imagination and a fighting spirit are the beginning towards the correct form towards the beings desire. We are people of the light and any such shadows are also created by us. They need to be watched and controlled in case they become dangerous. The enemy is one problem and this is another. When previous allies are

blinded by self glorification or radical selfish egotistical meandering they divert down a dark road.

3. I agree. I view this as... Unnatural. Artificial. Everything I'm against. Victory is assured because we few who know truth about traditions, culture, social justice have seen the decadent ways of the main populations. They can be summed up as destructive and part of the problem. They add fuel to the fire and decay. We will constantly oppose this evil. This bohemian undisciplined «way of life.» We do not want it and will always fight such evil.

4. I agree it is going to be Eurasian and multipolar. It will restore plus maintain the rightful and pure meaning regarding individualism. The total opposite of the materialistic, selfish, disconnected examples we see today from the main populace who care only about lining their own pockets.

They fail to realise we are part of something greater than ourselves.

5. This is a complex situation. When some think in terms of «races» or «peoples» certain spiritual warriors adapt to the situation to maintain our physical and metaphysical survival, in essence our legacy. The European and Asian cultures will survive and continue. Eurasia and her allies will see to that and constantly battle towards that.

6. Russia connects Asia and Europe. Russia represents a powerful potent power in the world. Many Countries underestimate her. Russia and Europe represent unique diverse civilisations when anyone takes the time to look deeper.

7. Religion is a spiritual defensive sword. All the Religions are necessary to maintain and sustain our countries. A few of us wish to see an Islamic Republic of Africa or an Islamic Republic of Pakistan for example which unites the country/countries instead of them remaining divided and seemingly lost. Islam when interpreted correctly shines for education, progress, agriculture, military, scientific advancement. When followed correctly in a disciplined pious manner.

The other forms of Religions are also the same. They are shining lights for our spiritual warriors where our higher task meets the earthly one.

I not only see a return but I foresee these being maintained forever. This is the historic future (spiritual defensive sword/the wheel/natural laws) that preserves our cultures, traditions and community. It is only natural. God willing.

An interview with Felix H. Widerstand

Spanish Anti-imperialist activist, AIP-Berlin

1. I discovered the Fourth Political Theory after making some research and looking for alternative political ways of organization. I understood that the concepts «left» and «right» are tricky and deceptive ways to mislead the people in order to divide them; and that there must be a real way to combat against globalism and resist the «new world order» that is being implemented by Zionist controlled West (USrael and it's colony «EU»).

So, I discovered Third-positionism, and became a supporter of national-revolutionary movements in a multipolar geopolitical order (In the Arab countries they have Baathism, Nasserism; in Latinamerica they have Peronism, Bolivarianism; and in our countries we have Eurasianism). This is also known as «international nationalism»; against chauvinism and racism but for the preservation of all identities and of all cultures. I see Eurasianism, or the Fourth Political Theory, as a contemporary way of resistance for those of us who live «from the Canary Islands to Vladivostok». For resistance against the plutocratic, materialistic, economicist sytem disguised as «democracy», and against american cultural imperialism.

The chances to become a major ideological force are now still low in my opinion (at least for westerners), because of the constant brainwashing that our society is exposed to. Consumerism, individualism, mammonism, and all kind of filth is being pumped in the brains of our people by the media on a daily basis. But the first step should be to spread the idea, to open the eyes of the people, letting them know that other ways of social organization are possible. Then, we need good leaders able to organize the people and who can stand strong and defiantly against the NWO, always defending national sovereignty, at all costs.

The best way of political organization is, in my opinion, a traditional one, where spiritual values are respected, where a collective pride is encouraged, and where social justice is implemented; against usury, exploitation and capitalism.

But these ideas are viewed as «extremist» «fascist» and «anti-democratic» by the politically correct left and by the politically correct right.

2. Indeed, the Liberal doctrine (plutocracy, usury and wild capitalism) is the parasitic economic system used by US-imperialists (Zionists, because Zionists are not only in «Israel», they are in Washington and New York as well) to control the world and destroy the economic and national sovereignty of all countries that still follow independent policies and don't bow to globalism. We have seen this very recently in Libya, we saw this in Iraq, in Yugoslavia, and are witnessing the same again with the events going on in Syria. What a coincidence that all countries that are being destroyed by the warmongers had an independent banking system and were not followers of the Liberal doctrine!!

Leo Strauss was the main perpetrator of the «neocon» ideology, he was a Zionist supremacist like all his powerful and now active followers (Elliott Abrams, Paul Wolfowitz, Charles Krauthammer, Richard Perle, Douglas Feith, and so on and so forth — all this filthy disgusting criminals have a very evil agenda)

The solution to liberalism would be to restore the national and economic sovereignty of all countries, in a geopolitically multipolar world. We must go out of the «European Union», go out of the World Bank, Greece (for instance) should stop paying interests to the bankers of Goldman Sachs; all countries wanting national sovereignty back should go out of all this international globalist organizations that, in an Orwellian way, are enslaving countries in the name of «freedom and democracy».

I see Prof. Dugin's organization and activism as a very good alternative to fight against this system.

3. Of course, there are these two Europes; the first one is being imposed upon us by the Masonic architects of the liberal agenda — see the «Kallergi plan» — particularly since the so-called «Frankfurt School» (Horkheimer, Adorno, Marcuse...) started to spread all kind of filth and poison to overthrow the traditional European values and society with their «cultural Marxism» and «political correctness»; they (by the way)

directly influenced the May '68 protests in France (a CIA operation, the first «colour revolution», long time before Ukraine's) with agitators like Cohn-Bendit, to overthrow President De Gaulle, who did not bow to NATO as requested.

This «liberal Europe», slowly suffocating us, is sadly the majoritary tendency; particularly in the West. The «other» Europe, the «different» one, is the one resisting to this psychological warfare and dominium strategy. We are the minority. But this spiritual, traditional Europe, proud and conscious of its roots and willing to preserve its sovereignty and its identity is geographically much better represented in the East: I see Russia as a big hope for all Europeans.

4. Yes, we must rediscover our past, to better understand our present, because only if we understand our present we will be able to construct our future. A Multipolar worldview, like the one proposed by the Eurasian movement, is the only alternative against the planetary hegemony on the «one-World» imperialists.

5. I would rather say that the white European human race has being forced to an end in Europe, due to bio-social engineering, and a very careful and well prepared long-term programm (remember the Kalergi-plan).

Indeed, the Asian (particularly the Chinese and Indian masses) outnumber the Europeans extremely, and the Africans as well... They are very numerous, while the whites are always becoming less and less.

In this context of the Asian cultures, it is sad to point out that the great Japanese nation, with a heroic history and tradition, has been americanized in the last decades becoming also a corrupted capitalistic-mercantilistic society, almost as bad as the modern western civilization.

6. I consider Russia a particular, an own civilization, but with European roots. Nowadays there is a very huge difference in the average mentality of the ordinary westerner and the Russians (and other Eastern Europeans); because Russians and Easterners are still not that corrupted by western poison, and they are still able to preserve their heritage and identity.

7. The contemporary ideologies that proliferate in the West after the French Revolution and were reaffirmed during the XX century by freudo-marxist currents are indeed propagating secularism and atheism. The Masonic-talmudic architects behind these modern ideologies know perfectly well that this is the best method to weaken a society: by spreading

individualism and condemning communitarism and spirituality: «Divide and conquer!»

Christianity has been infiltrated and destroyed from within in the western world, and almost all (organized churches) what remains is corrupt (the Vatican, the Protestant sects, etc). Only in the East, like in Russia, the Orthodox faith represents still a spiritual alternative. Islam, on the other side, has proved to be a good way of resistance for the Muslim countries. Particularly the Shia-current, practiced mostly in Iran, and that preserves also some ancient Persian Zoroastrian heritage. But also within Islam there is a tendency trying to destroy this religion from within, like a Trojan horse: It's Saudi wahhabism, the «Calvinist» kind of Islam. This wahhabi (or salafi) fanatics are being supported by the West, this is the main ideology behind «Al-Qaeda» and all this terrorist groups which took over Libya and are trying to destroy Syria. Also, this is the ideology of the Chechen terrorists, and of the Bosnian ones in the Yugoslavian wars of the '90. This demonic perversion, which has nothing to do with real Islam (like scholar Imran Hosein and many other real Muslims pointed out), is being used by the West as proxy, as mercenaries, as «useful idiots».

Zionist imperialism is trying to put Christianity and Islam against each other («Clash of civilizations»), to destroy both of them more easily. And the sad thing is that they are being succesfull! We must awake and realize who the real enemy is.

While I sympathize with ancient Paganism, I think that we have to be very careful with the modern «neo-pagan» tendencies that are being spread in the West since the «hippy» times; all this «New Age» fake spirituality is also a part of this plan to overthrow culture and society.

In my opinion, every nation, every culture, should be attached to its own spiritual tradition; be proud of it and stay strong. We see this with sovereign national leaders like President Chávez from Venezuela, who is a fervent Catholic; or with President Lukashenko from Belarus who is a devout Orthodox Christian. Also the martyr Gaddafi, was a strong believer in Islam (he encouraged Sufism and Islamic studies in Libya). He condemned the Wahhabi terrorism and rightly pointed out that this disgusting Saudi ideology is nothing more than an infiltration of the Zionist West in the Arab-Muslim world.

An interview with Christopher Hayes

*NEW RESISTANCE (The Popular Front for
the Liberation of America), Global Revolutionary Alliance*

1. I would have to say I rediscovered the Forth Political Theroy over the past few years with my return to Political Activism. For those who do not know me before the inception of New Resistance, in the 1990's I was a highly active member of the American Front. Our brand of Third Position was unlike any Third Position at the time or any currently being espoused today. We truly were looking for an alternative beyond facisim, communism, and liberalism. We had early influences from Christian Bouchet and Alexander Dugin so it was natural that we looked to Europe and Russia for inspiration. The promotion of such ideologies breaking away from reationary norms along with symbolism and tactics from the classical Left sped up the progress of us fighting a war on «two fronts» here at home, being called «commies» from the racial right and «nazi» from the liberalized left. So with that being said what I have seen happen since my departure in 2001 is beyond encouraging. What I have found in Professor Dugin's work on the Forth Political Theroy, being optimistic, can see it taking foothold as an ideology to be taken seriously. As far as the U.S. is concerned nothing short of complete disaster would shake the foundation of liberal democracy.

2. I definitely see Alexander Dugin's Forth Political Theroy being a solution. Where Schmitt might have fallen short sighted Dugin paints a bigger picture. The passing of time has been to our advantage when it comes to us being able to theorize and reflect on the passing of the 20th century, but as time goes on the struggle becomes more difficult. Just as we can find the faults with neo-con, liberal democracy so can its architects and keepers. As we can see with what has been happening globally it will

do whatever it feels to maintain its hold and further its agenda for a New World Order.

3. Without a doubt I would agree there are two Europes. I think Victory will only come at a high price. As people feel the stings of loss on their own and realize no material wealth, possession, or entertaining leisure will fill the gaps left behind from a loss of Cultural Identity, only then will people begin to realize the false promise of universal equality was just a way to get free people to voluntarily place themselves in the shackles of international slavery.

4. Its easy to see the stage is being set for a world war. Like it or not things have to get worse for any real change to take place. The creation of a Eurasian Union or a multipolar world with Eurasia countering Atlantia seems to be the natural course evolving before our eyes.

5. No. I don't feel the era of white European race is at an end as of yet. Although there might be forces at work to see that becomes a reality the positive effects we have had when it comes to the historical influences on the creation of civilization and the current influences with the modern and postmodern world we live in it will take more economics and war to do away with thousands of years of that influence. That influence goes back to the Era of Indo-European Culture that we all share, from the Indus Valley, to Greece and Rome, Germany, and the heart of Russia. That is commonality that binds us in our struggle today. As far as Asian cultures having more influence I that could be inevitable in the distant future but it doesn't mean the destruction of white Europe. If we move in a positive direction the two cultures could find ways of enriching each other without either having any true loss when it comes to cultural identity.

6. Although Russia might have geographic and racial ties to Europe it has historically shined as a separate entity. From the dark ages through the cold war it's done more to hold on to an identity that is solely Russian, where Europe and the US have created something with no substance only to enslave its people to blindly consume.

7. Without question I see a return to Religion and sacrality. I will happily say that has happened to me personally, I found Krishna Conciousness , the Vedas having their origins with Aryan beginnings, and I see it gaining momentum as more people have an understanding of Kali Yuga. Also I do see it happening with the major Religions, although what is considered Christianity in the States is a confusing mess, Orthodox Christianity has

deep roots and a real connection with the Spiritual so I see a real return there as well. As far as Islam is concerned its own internal war and the war being waged against it by collective Zionism is holding it back, but it will still remain strong and have more influence than a return to Paganism. The Religions that have withstood the onslaught of time and still have a strong influence on humanity today will continue to thrive. This isnt just a global struggle economically or geopolitically it is war of the Spirit, of values against a soulless Demoniatic, a collective social order against an ego-centric gluten. The true Revolution is part and parcel of that comonality, this is Kali Yuga after all and we will not be devoured.

Alexander Dugin on The Big Game — and its Greek and Cypriot «Chapter»

«Close» to Vladimir Putin, one of the top Russian geopoliticians, Alexandr Dugin speaks to the Greek magazine «Epikaira» on the international situation, and, especially, Greek and Cypriot crises.

Can Greece be supported by Russia, if it decides to overthrow the peculiar colonial yoke of «debtocracy», under which it has fallen? What is the geopolitical aim of the attack against Cyprus? Those were two of the questions we put to Alexandr Dugin, a person close to Vladimir Putin, at least, if we believe anglo-saxon press and, anyway, one of the most influential «geopoliticians» of modern Russia. His books, among them, «The Foundations of Geopolitics» (1997) are taught in Russian and Turkish military schools. With Mr. Dugin we discussed also, among other things, the situation in Eastern Mediterranean, the probability of a war against Iran and of the destruction of the European integration project.

One of the main «architects» of new Russian geopolitics and «Eurasianism», Dugin has contributed, in a rather important way, to the ideological orientation of Putin's Russia, but also to the practical exercise of its foreign policy. Some of the main ideas he formulated in the '90s, first of all the creation of a Eurasian Union, with Russia, Kazakhstan and Belarus as its nucleus, have become official Russian state policy, since that time.

A dissident under soviet regime, Dugin has participated to the nationalist opposition against Yeltsin, cooperating with different currents of the right and of the left, from the «national- bolshevik» Eduard Limonov to the communist Gennady Zyuganov. His ideological-political quest pushed him finally toward the elaboration of a «Fourth Political Theory», designed to overcome liberalism, communism and nationalism, the three big «schools» of modernism he considers obsolete. In the future we hope we will have an opportunity to refer in a more detailed way to the ideas of this current.

Such ideological fermentations and quests, as well as the whole political evolution of post-communist Russia, may seem quite strange to a Greek reader not accustomed with post-Soviet realities. Take for instance Vladimir Zhirinovsky, quite known to the Greek public for his extravagant, even clownish ways and who looked like a mad ultranationalist. In the atmosphere of real madness, which characterized the demise of the USSR and the transformation of «perestroika» into «katastroika», when the dominant market «logic» was used to justify a huge catastrophe, not only a geopolitical one, as later recognized Mr. Putin himself, but also a demographic, economic, social and cultural one, in such conditions Mr. Zhirinovsky's «madness» seemed rather logical!

It is impossible to apprehend correctly the dynamics of the different currents of ideas, if we just transpose and compare them with what they would mean in the context of European post-war political culture. We cannot judge the act or the belief of an Afghan, a Chinese, an African or Iranian, in exactly the same way we judge the act or the belief of a German or French. We cannot subtract the «meaning providing» context, that is the historical place and time. We cannot also subtract the pressure exercised by the armed United States of America and the economic and cultural «globalization» upon all states of the planet. If we proceed in such a way, we become ignorant.

Take for instance western press. It claims often that Putin's «regime» is authoritarian. It claims that journalists are assassinated in Russia. But this same press was not much interested when such assassinations were taking place under Yeltsin's «regime», because Yeltsin's regime was «their» regime. The West has even encouraged Yeltsin to dissolve by bombing (!!!) the Congress of People's Representatives, in 1993, probably the most democratically elected parliamentary body in the whole Russian history.

Take another example, the «humanitarian» action of the Council of Europe. It gave a ferocious struggle in order to forbid the death penalty for convicted criminals in Eastern Europe. But in the same time, it did not express any kind of interest to the fact that western economic receipts, exported massively to the ex-USSR after 1991, provoked the death of millions, including absolutely peaceful and honest retirees. It was completely oblivious to the whole drama of «ex-USSR in transition» — transition not towards «market and democracy», but from a Dictatorship supposedly «of the Proletariat», to a supposed «Democracy» of a

Mafiosi Oligarchy. We, Westerners, after supporting and encouraging the domination of Russia by Berezovskys and Khodorkovskys, now we complain because the reason for a kind of Putin has arisen!

But even if we accept some merit to the critique of the «undemocratic» character of the Russian regime, we should not forget another very critical aspect. The very existence of the USSR in the past, of Putin's Russia today is an extremely important factor of world democracy, counterbalancing in some measure the monopoly of the Empire. If you have any doubt, go and ask the inhabitants of ex-Yugoslavia. Not to speak even about the huge catastrophes and the immense human pain accumulated in the Middle East, as a result of the western campaigns «for Democracy».

Currents like the one represented by Dugin are hard to comprehend and seem contradictory in our context. In last analysis, they are not but the product of the agony of a society which witnessed Marxism transformed from a revolutionary philosophy into the repulsing ideology of an ossified bureaucracy. And after the fall of this regime, it has made the experience of a «liberal» ideology and of the slogan «Freedom and dollars», conducting it towards (and justifying in the same time) one of the biggest catastrophes in the history of industrial era.

Russians lived two collapses in a rather short period of time. First the collapse of the so-called «really (not) existing socialism» and of the official pseudomarxism that accompanied him, then of the (spurious, fake) liberalism that succeeded the previous system. This situation created an ideological void. It is this void that struggle to fill different currents, trying in different ways to oppose the decomposition of Russian society inside Russia, the emergence of a «totalitarian empire of globalization» outside in the world arena.

Dimitris Konstantakopoulos

Dimitris Konstantakopoulos is a Greek journalist and writer, specializing in international politics. He has studied Physics in the University of Athens and he has got a DEA on Information Process from the University of Rennes, in France. Among other posts, he served as a special advisor in the Office of Greek Prime Minister Andreas Papandreou, specializing in East-West relations and Arms Control. He was chief correspondent for Athens News Agency in Moscow (where he

represented also various other Greek and German media) from 1989 to 1999. He has traveled extensively covering crises in ex-USSR, Cyprus, Western Europe and the Middle East. He is the writer of one book on relations between Greek and Soviet Communist Parties and of two books on the Cyprus issue, the first focusing on the role of Cyprus in the US strategies towards Europe and the Middle East, the second on the relations between Nation and the Left. He is a member of the editorial committee of the international review «Utopie Critique» and of the scientific council of the French review «La Pansee Libre». He had various political activities, among them he was elected and served as the Secretary of the Movement of Independent Citizens «Spark» («Искра») created by resistant fighter and worldwide known music composer Mikis Theodorakis.

For centuries, Greeks and Russians looked to each other with great sympathy, feeling they shared something common and deep, in their respective destiny and historical perspective. But, at the same time, this «emotional» equation did not produce corresponding results. Why? What relationship can be built between Greece and your country now, in the given, rather dramatic conditions?

First of all we should remember the immense role of Greece in Russian identity. Greece has given us almost all — faith, alphabet (prepared for us by two Greek Saints — Saint Cyril and Saint Matthew), culture, cosmic vision, political concept of Orthodox Empire (the Byzantine as an example), social ideal (κοινωνία), philosophy, law... The same could be said about all Europeans, but our ties are deeper and more organic and direct. So we Russians are absolutely indebted to the Greeks.

But in the course of history Greeks and Russians have seen different dramatic turns. Sometimes we were together (in faith we were and are brothers), sometimes separately... It is difficult in the course of an interview to make the sufficient survey of all these turns — let's concentrate on the most important ones...

The world is changing around us, we are changing in accordance with it, but some things always remain the same. What are they? The deep and deeper identity. In the Greek vision of cosmos emphasis is put on the essence (ουσία), the eternal side of things. So let's proceed in this way, that is to consider in Russian-Greek relations the most essential points related to these deeper identities and let's try to construct the new era of our relations based on them.

So I think that we need to rediscover what Greece is as well as what Russia is. In the proper sense. Only then can we create the solid base for renewal of our real friendship. And I believe that the time has come to think in this direction and act accordingly.

Critical intellectuals and politicians in Greece believe that our country has been transformed, through the use of the «debt weapon» and via the agreements it has signed with EU, ECB and IMF into a kind of peculiar, original «debt colony» of the financial capital. The Greek state and people lost, indirectly, much of the sovereignty and independence they had had before 2010. If tomorrow, the Greek people and/or a Greek government decide to renounce this peculiar colonial regime and the agreements on which it is based, what is the support and the help they could expect from Russia?

In order to predict the probable strategy of modern Russia in such a case (that I find possible and realistic) we have to understand what the Russian attitude is to the present post-modern financially-centric World Order. There are different factors:

1) Putin is personally the opponent of unipolar globalization controlled by the higher echelon of the cosmopolitan financial elite, and he always tries to react against its attempts to undermine the national sovereignty — especially when we are dealing with friendly countries, but his options are limited by circumstances, and Putin being a realist never insists in the cases he is certain to lose.

2) The wealthy elite of Russia is partly integrated in the World Order and despite all of Putin's actions to stop the dependence mentioned, and his struggle against the oligarchs, it continues to follow orders from the Western centres. So this elite will apply pressure on Putin to stay away from Greece in critical circumstances, persuading him not to intervene.

3) The Russian people in general are becoming emotionally more and more anti-Western (in the sense of anti-cosmopolitan and anti-liberal values) and they would rather support Putin's eventual hard line in the case of Greece revolting against global world order and its financial strategists.

4) Finally much will depend on the precise timing of the eventual «Greek revolt» and the balance of power in the near regions (Turkey, Syria, Middle East, Southern and Eastern Europe).

What is your assessment of the current crisis of the European Union? What are your predictions concerning the future of this Union (and of Greece inside the Union)? What will be the possible geopolitical consequences of this crisis, especially in Eastern Mediterranean?

There are many aspects. First of all neither the USA nor the global financial oligarchy likes the stable, growing and independent continental Europe represented by the alliance of «French Gaullism» and «German industrialism». So it is clear that they use their instruments to undermine this Europe, to shake its unity and to bring damage to its economy. The Southern European countries, and Greece above all, present the favorable conditions for such a play. The complicated and sophisticated situation in the Greek economy fits ideally to this end. The crisis starting in Greece can easily come to Italy, Spain and Portugal that are in some way in a similar situation. The exit of Greece from the EU could eventually trigger the chain reaction and inflict a deadly blow on the Union.

Geopolitically it could be considered as the loss of European Land Power (European «Heartland» being France and Germany) and the victory of the Atlantistic pole (Sea Power represented by USA, Great Britain and global oligarchy).

This is the main geopolitical framework but the issue is obviously much more complex. First of all there is difference in the positions of the USA as a State and the globalist financial circles (embodied by the likes of George Soros or Rothschild's group). On the other hand Europe is not sufficiently conscious of its geopolitical identity and misunderstands the geopolitical value and significance of the Union interpreting it only in economic and liberal societal terms. Germany itself acts partly as European power defending Europe and the euro, but partly in its national «egoistic» interests. But nevertheless it remains the most continental player in these dramatic events.

If Russia wishes to be more active in the process it should act together with Germany and France in trying to save European unity as the necessary axis of a multipolar world — balancing the USA and overturning globalists dreams or (if you prefer) «conspiracies»...

How do you read «deep» Finance and US strategies concerning Europe?

I don't know the details and I presume that no one really does except for the small group of the «initiated». At the geopolitical level I have

already answered this question. Greece, as such, is of little importance for the USA or the global financial oligarchy. But Greece is the «solar plexus» or the «shatter-belt zone» (according to American geo-politician Collin Gray). So the minor Greek problem — on the world scale — could provoke major geopolitical consequences.

It remains to guess: whether in reality (not on the surface) the status quo is so dangerous for the World elite that it is ready to use emergency programs (as eventual dismembering of the EU and/or provocation of serious regional conflicts in the Mediterranean zone) or it is a positional war consisting in the augmenting tensions without really pulling threads apart... All that depends on many factors... Some of them are thoroughly hidden from us.

How do you assess the situation around Cyprus. For example, a geopolitical analysis I read recently claims that behind the Cypriot crisis there is a hidden geopolitical agenda: to «lock» Cyprus into an Israeli sphere of influence and to exclude Russia, as much as possible, from the Mediterranean. (interviewer's not note: the interview was given before the recent climax of tension around Cyprus financial problems)

There is some reality in what you are presuming in your question. Russia is considered by the USA (and atlanticism as a whole) as the opposing power in all «sensitive» regions. It is too big, too powerful and too independent (above all in Putin's time) to be controlled by Washington or Wall Street. So the Sea Power logically seeks to make Russians withdraw from all strategically important areas. Cyprus is precisely such a case.

There are some analysts who interpret the incident of the Turkish ship attacked by Israel (which resulted in killing a few people) as a pretext to make Greece and Cyprus closer to Israel (all opposing Turkey) in order to rearrange the balance of powers in the Mediterranean region and eventually diminish Russian influence there. It is quite possible, if we evaluate the real empiric consequences.

There have been quite a few conflicts between Ankara and Tel-Aviv in recent years. How deep is the rift between Turkey and Israel? What is your prediction of the future of Turkish-Israeli relations?

Israel and Turkey are both geopolitical focuses of sub-hegemony. They serve the strategic interests of the USA, as well as Saudi Arabia and Qatar do. The only situation when I would believe in the real freezing of

Turkish-Israeli relations would be the Eurasian (so anti-atlantist) «turn» of Ankara. It was quite possible some years ago but after «Ergenekon Case» and repressions by Erdogan against the Eurasian and nationalist chiefs of Turkish military forces it is out of the question. So it could not be serious — they serve the same master. The future of the relations between two countries is fully predefined by their attitude to the third power — the USA. They are simply not sovereign enough to act on their own. That's all.

We witness elements of a new «cold war» between the US and Russia, in the Middle East, but also of a new rapprochement in the region, or even a «new Yalta» according to some analysts. There is a rift over Syria and Iran, but at the same time Gazprom gets contracts in Israel and Iraqi Kurdistan. How are relations evolving between Russia and the USA, Russia and Israel in the Middle East?

The geopolitical strategy of modern Russia is highly ambivalent. On the one hand there is the will of Putin to create the multipolar World order. That explains Russian attitude to the Syrian case and all other steps directed against the American hegemony. On the other hand there is, as I have just explained, the constant influence of the global elite on the Russian economy that is in the hands of the liberals and westerners. The opportunistic reasons can neither be fully excluded. That is the reason why the relations between Russia, the US and Israel (as well as other bilateral or multilateral relations involving Moscow) can not be understood linearly. All factors work at the same time creating a kind of multilevel game with moving (situational) goal posts.

What is the probability of a war against Iran? What form such a conflict could take?

They say much about the possible war against Iran and it seems a highly probable issue. This threat works by itself — it helps to destabilize the political and economic situation in Iran, applying constant pressure. Insisting on the imminence of the war the West (US and Israel) facilitates the inner opposition to attack conservative Iranian circles (represented by Ahmadinejad) eventually corroborating the necessity of political reforms.

But I am not sure whether those who claim the war possible and probable really think so. Iran is not limited by its national borders — it is the core of the Shia world as a whole. Should Iran be attacked, the effects would be felt in Iraq, Lebanon, Syria, Afghanistan, Bahrain as well in Saudi

Arabia itself. It will also consolidate the Iranian society and force Russia and China to take the side of the victim of the intervention. In this case it wouldn't be as easy to handle as it was in the time of the second war in Iraq.

The reality of the war depends on the depth of the crisis, the actual extent of which is thoroughly held in secret. If the war starts it will signify that the present world order is disintegrating and will pass away soon.

It is too risky to start such an adventure if there are opportunities to conserve the «status quo» by less expensive means.

Are we living in the context of an «American Empire» or of a «Financial Empire»?

Good question... Both overlap partly. American unipolar hegemony (in the sense of the realist school in International Relations — IR) is on the one side, and global domination of the cosmopolitan financial elite (also called «hegemony», but in the Gramsci sense this time) on the other. There are realms where they act in perfect accord with each other. What is good for the USA is good for financial hegemony. It is not always so, but I am not inclined to overestimate their contradictions. It is a kind of conspiracy theory in the worse sense. There is in reality in the USA the group of decision makers that is guided by the national interest of their country — in the classical realist paradigm or in the neorealist way that doesn't matter much. There are also liberals and neoliberals (transnationalists /globalists) who promote their concept of world government. There are many mixed or hybrid versions as well. But they all express their visions quite openly and their debates form the content of the very academic discipline called IR. The conspiracy theorists are dealing with caricature and delirious versions of IR.

So we could rework your initial questions: where are we today in the eternal debates between the realists and liberals? The quarrel continues but there is some profound consensus as well: hot discussions of the methods shouldn't hide the unity of their goals and common values. These values are western, liberal, capitalist, universalist and racist in the broader sense (as English specialist in IR John Hobson has showed in his recent and brilliant analysis «The Eurocentric Conception of World Politics»).

How do you see Latin America after Chavez?

Hugo Chavez was a kind of symbol. He has completed his mission. And he did that well. I think the ideas of the self-centered and anti-US

trend will continue to develop in South America promoted by other leaders. Chavez was so important precisely because he represented on the high level what the absolute majority of Latin Americans think and so managed to immortalize himself. Great politician. He is going to survive his own death. I am sure.

What is your vision for Russia in the 21st Century?

Russia will become the Eurasian Union — the great space united around the Russian nucleus, the vast territories of post-soviet countries, and affirming itself as the powerful and independent pole in the context of the multipolar world. This pole will be an important point of attraction for different European as well as Asian countries. I hope Orthodox Greece as well as some societies of Eastern Europe will one day enter the zone of Eurasian co-prosperity.

The relations with Europe will be close and friendly if Europe is continental (European), or rather cold if it follows the US and the atlantist line. Maybe it will split up and some of its parts will fall under Eurasian control. Iran will be best ally in the South as well as India. China represents the pole by itself. If it directs its demographic mass to the South and respects Russia's Siberian weak point, it will become a reliable partner in multipolarity.

The Islamic world will probably be divided into the Saudi Wahhabi pro-USA part and the traditional Muslim societies. The first will be the opponent of Russia, the second — allies. North America will be the most important foe of Eurasia as classical geopolitics predicts. South America on the other hand is likely to become a close friend being inclined to the multipolarity.

The future is Eurasian and multipolar. The fact that Russians are Orthodox Christians gives their Greek brothers a good chance.

You seem skeptical about the very notion of Progress. If not progress, what meaning or ideology or belief could preserve humanity?

Progress is a false idea. It is based on the supposition that Being depends on Time. It cannot be proved. So it is a kind of irrational myth. The notion that the future is better than the past is immoral because it humiliates the past. More than that the concept of Progress being Western and European was used and continues to be used to affirm the supremacy of the developed Modern West over the underdeveloped (Premodern) East/Rest. This attitude is racist. I consider that the root

of all evils is precisely Modernist Eurocentric universalism. In terms of values it's manifested today in the ideology of human rights, liberalism, individualism, capitalism, etc. On the geopolitical level it is embodied in the global financial oligarchy and the USA unipolar imperial hegemony. They are auto-proclaimed to be «the core of the Progress». For me they are the bottom of the abyss.

My ideology is the Fourth Political Theory beyond classic political forms of Modernity (liberalism, communism and nationalism). My belief is in Christ and in Eternity, in his Coming and in his Suffering and in his Resurrection.

I believe also in the value of Sacred Empire and the symphony of the powers — Church and State.

I believe in man and his freedom and in his capacity to struggle up to the end against the Antichrist's world that is precisely the one we live in.

And I can confess that my Faith is one that I have received from the Greeks. From the great teachers that brought the Light of the Truth to my people 1000 years ago. And I am still very grateful to them.

All honest people in the world are Greeks. So if Jesus Christ has saved us once and for all, Plato has taught us to think correctly.

Germany Is Not A Sovereign State

An Interview with Manuel Ochsенreiter

Manuel, please, can you to characterize contemporary foreign policy of Germany, it's implications toward EU, changes during last years and possible perspectives?

The contemporary foreign policy of the Federal Republic of Germany (FRG) is not a foreign policy an independent and sovereign state would make. Berlin foreign politicians and so called «foreign policy experts» of the established parties in the Bundestag attach great importance to the fact that Germany is «embedded» in the foreign policy of the «transatlantic values» of the European Union or the NATO.

By the way, The fact that Germany is not a sovereign state is not a conspiracy theory. The German Minister of finance Dr. Wolfgang Schauble said during the European Banking Congress on November 18 2011: «But in Germany since May 8, 1945 [the unconditional surrender of the German Wehrmacht] at no time have we been fully sovereign».

When we analyze German foreign policy especially since the reunification in 1990 when the so called «post war era» ended officially, we can see clearly that from the German side there were no attempts to regain full sovereignty, although it might have been possible. Instead, Germany participated as a willing NATO-«partner» in conflicts (e.g. Somalia, Kosovo, Afghanistan, Syria, Mali). We don't witness any independent German foreign policy activities. Of course there are also some little exceptions.

Just one example of an exception: When in 2003 the discussion went on if Germany should participate in the military aggression against Iraq, the German Federal Chancellor Gerhard Schroder from the social democrats refused to be with the US. The opposition leader in that time, Angela Merkel from the Christian democratic union (the Federal Chancellor today!), attacked Schroder in a speech in the Bundestag with the following words: «We don't want a German Sonderweg [special path]!» She expressed clearly that in her opinion there is no other option than supporting the US in the aggression against Bagdad. But we shouldn't

forget in that context that Schroder's government already participated in the conflicts in Kosovo and Afghanistan. Schroder's coalition of social democrats and greens ordered the German air force to bombard the Serbian capital Belgrade. But when it came to the Iraq aggression, a huge German peace movement became very active with demonstrations in the German cities. So it was more or less about collecting their votes than a general change in German foreign policy.

Everything must be permitted or confirmed by the western «friends» or «partners». Germany even reforms its army, the Bundeswehr, in a way that it is not anymore a classical defense army but a global rapid deployment force. The Bundeswehr today is seen as an element of the western military forces but not as an independent German army.

There is one important point. The German foreign policy today is not «suffering» under western or EU pressure. All these things happen by the free will of the German politicians in Berlin. This is easy to explain. Especially US-dominated NGOs and foundations take care about the careers and education of German politicians since decades. When we look for example at the activities of the group «Atlantik-Brücke» («Atlantic bridge») which was founded in 1952 in Bonn (West-Germany), we have to see that almost all established political parties and media companies in Germany are influenced by that organization. More than 500 elites from the banking sector, economy, political parties, media, and science are organized in the «Atlantik-Brücke». You find there social democrats as well as liberals and conservative, even greens. With the so called «young leader» program they secure the supply of «new blood». In the official statement it sounds like this: «In 1973 the Young Leaders Program was added to Atlantik-Brücke's repertoire. With it the Atlantik-Brücke promotes interaction between rising young German and American professional leaders».

But the «Atlantik-Brücke» is just one of the many organizations that «shape» German foreign policy in a way that Berlin seems to be more or less a satellite of Washington. The western hegemony is fully developed in German policy. For the near future it doesn't seem that there might be any big change.

And just to mention in this context, the first NATO Secretary General, Lord Ismay, said in 1949 that the organization's goal was «to keep the Russians out, the Americans in, and the Germans down.» Although we

are talking since 1990 about the reforms and new aims of the NATO, we have to admit that nothing changed. Lord Ismay's statement is as actual as it was in 1949. And Germany right now doesn't have a problem to be «kept down».

Is there any attempts to opposite initiatives of U.S. for global dominance such as concept of Anchor States proposed by Federal Ministry for Economic Cooperation and Development?

Unfortunately, even the concept of the «Ankerstaaten» [Anchor States] doesn't really oppose the US global dominance. It simply recognizes the fact that other states develop to influential powers in their regions. But the original document of the Ministry from 2004 says clearly that those new powers, the Anchor States, might have a positive or negative influence on their specific region. And in the «Leitlinien» — the guidelines of the concept given by the Ministry for Economic Cooperation and Development we can read that Germany acts in «strategic alliances with the EU and other bi- and multinational donors», and that Germany wants to enforce the integration of the Anchor States into the «international community of shared values». So if we to analyze the Anchor State concept in a pessimistic way, we have to state that this concept is a pure western hegemony doctrine and not an idea to oppose US dominance.

How going actualization of this process of dialogue between countries of Asia, Africa and South America?

This dialogue fits perfectly to the western agenda. You will not find any «German attempts» here. For the Russian Federation and China the so called «human rights» questions are dominant. We witnessed the campaigns during the Pussy Riot scandal. Many German established politicians didn't hesitate to call Russia a type of dictatorship with President Vladimir Putin as an «almighty» leader. Sometimes the hostility towards Russia is conspicuous. The announcement that Putin would receive the official German Quadriga award in 2011 was widely condemned. As a result of protests by Quadriga board members and former recipients all the 2011 awards and ceremonies were cancelled. Same thing with China. Also here Germany acts as a political «housemaster» for liberal «western values». So dialogue is a strong word. What takes place in reality is schoolmastering.

And we can see the same things in the majority of «dialogues» Germany has with the so called Anchor States. The dialogue with Iran shows that

Berlin is one of the motors of the policy of sanctions against Teheran because of defending alleged Israeli and US interests instead German interests. The dialogue with Turkey doesn't deserve the term «dialogue». The large Turkish national minority in Germany is abused by the Ankara government of Prime Minister Recep Tayyip Erdogan as a «fifth column» for influencing German interior policy. Turkey, as a «NATO-partner», is under the direct protection of Washington.

These are just some examples of dialogue. The rule is: Berlin will not do anything that opposes the US-hegemony. Germany with those personal elite will not follow its national interest.

Representatives of German government some time ago told about necessity to back golden reserves to the country. Why it happens?

The real questions should be as follows: Why did it take so long until our politicians became active? More than two thirds of Germany's gold reserves valued at 137 billion euros or \$183 billion is abroad, stored in the vaults in New York, Paris, and London. The official reason: During the Cold War times the gold was transferred from Frankfurt to USA, UK, and France because it is more secure in case of a Soviet attack. Frankfurt was considered too «close to the iron curtain».

The Cold war ended 23 years ago. But some analysts say it might be for a certain reason that the German gold is in the vaults of the western allied powers of World War II.

Why is Germany only now interested to get the gold of the Bundesbank back? It might have to do with the crisis of the euro and with the European economic crisis in general. Some analysts like the UK based financial journalist Matthew Lynn speaks out very clearly: «German sentiment is hardening against the single currency with every month that passes. What is a whole vault full of gold in the basement of your central bank good for exactly after all? Starting a new currency of course.» So hopefully this might be the overture for the comeback of the Deutsche Mark. To be honest I doubt that our government thinks that way. But hope dies last.

Is any signals in military sector for re-nationalization (I mean decrease of NATO and US influence on German military planning, strategy and so on)?

No especially that the military sector becomes more and more fully integrated into the NATO-structures. Germany is «castrating» its own security forces. They are not fit anymore for homeland defense but

as an element for international operations. We practically abolished conscription in July 2011 which was a long term tradition of the German forces and a base for the national defense.

Germany never seemed so far away from a re-nationalization of its military defense as seen nowadays. Although during the Cold War times West German generals opposed the NATO-plan that Germany should become a nuclear battle field in case of a hot conflict with the Eastern block.

What is your opinion about idea of Multistakeholder-approach developed by German think-tank SWP?

Generally it would be crazy to deny the danger of cyber-attacks against infrastructure of a country. And it would be crazy as well to deny the necessity of international cooperation in this new battle field. We should be prepared and build up a well-organized defense structure.

But «Angst» (fear) alone is always a bad advisor for reacting in a clever way to such threats. So we should read the SWP-concept of the Multistakeholder approach very clearly before we celebrate a plan to protect our countries against cyber-attacks.

First of all we should take into account that the SWP is not an independent think-tank although it claims to be independent. The SWP is supported by several German and EU-governmental institutions as some German ministries and the European Commission. The author of the Multistakeholder-concept, Dr. Annegret Bendiek, is Deputy Head of Research Division «EU External Relations» of the SWP. So we can say that the SWP is more or less part of a multinational network.

And the Multistakeholder-concept should be read carefully, precisely, and accurately. It contains ideas of mixing up the cyber security tasks with the private sector and the so called «civil society», and that this cooperation should happen with «equal rights» of all participants. This means nothing else other than giving state functions to non-state institutions. At the same time it mentions the fields of inner and foreign politics «melting» with each other. And the concept is again a very US-related. It gives the impression that the threat generally comes from the «evil» east but never from the west!

So when we analyze the concept we see that it contains in many ways guidelines how to disintegrate more and more sovereign state tasks. The concept follows the postmodern trend determining that the state alone is

not able to take care of traditional state organized challenges. When it comes to security issues, maybe the most important national challenge for any state, we should be very careful. We should also be careful when such concepts tell us today where the future threats will come from exactly. We can interpret this in two ways. The author is able to read in the coffee cup and knows exactly what will happen in the future, or the author follows an explicit frontline given to him by the party ordering the research study.

What is role of Germany in Cyber-G5 (Deutschland, Frankreich, Großbritannien, Niederlande, Schweden) and how Bundestag reflects on cyberpolicy and cyberthreats in general? The results of summit in Dubai shows red line between Russia, China, India, Iran etc. and U.S. + E.U. on other side that mean possible confrontation in this specific domain in future.

The cyber policy is a political field which is underestimated by the majority of political analysts today. Let us talk frankly. Cyber policy is a part of the so called western concept of «world inner policy». It denies national sovereignty. The European concept is close to the US concept given by the former US head of state department Hillary Clinton. She declared the «freedom of the internet» a «fundamental principle» of the US foreign policy. By the way, this was the justification of supporting the Libyan Sunni extremist fighters during their war against the Gaddafi-regime in capturing big parts of the Libyan national mobile phone network. The «freedom of the internet» argument is used right now to support anti-state groups with communication material. State sovereignty, where information policy is also an important part of state security, is violated by those Washington activities nonstop.

In the so called «Cyber-G5» group, the German government supports exactly this understanding of the «freedom of the internet». Again German SWP-authors (Annegret Bendiek, Marcel Dickow and Jens Meyer) framed the concept in an article for «SWP-Aktuell»: The authors speak about an «emancipating and democratizing effect» of the internet and mention the so called «Arab Spring» as an evidence, although in the «Spring»-countries sunni islamist governments came to power who are not really well known for supporting «information freedom».

So we cannot ignore the fact that what is called today with a nice term «freedom of the internet» might be tomorrow already the justification for violating the sovereignty of those states that don't obey that idea.

This is also cynicism and hypocrisy. While talking about the «freedom of the internet» and «freedom of information» all over the world the EU-countries violate freedom of speech and press inside. So we can say that the «freedom of the internet» policy is nothing else other than an instrument to violate and destabilize other states in the future.

And of course there is a fat red line between the west and those states that have a strong sovereign agenda such as Russia, China, India or Iran.

And what you think about trade relations and it's link with politics and ideology? For example, last year presence of German companies in Russia become smaller than before.

I consider Germany and Russia as natural partners in business and trade. Unfortunately the political situation doesn't encourage good and prosperous business relations. Germany is Russia's second biggest trade partner after China. We import resources and export industrial goods and high technology. In a positive political atmosphere Germany and Russia could benefit much more by close relations, not just in the economic field. But as long as the guidelines for German foreign politics are written in Washington and Brussels I don't see big chances for a change.

But why not think ahead? There are plenty of fields for great future cooperation. Germany and Russia could build up Northern East Prussia in modern day Russian exclave «Oblast Kaliningrad» with a joint venture! Königsberg (Kaliningrad), the old Prussian town, could become again a capital of German-Russian free state outside the EU. Why shouldn't we combine our skills there on a historical soil. Königsberg used to be an important center for north eastern European trade.

Of course for many readers this might sound like fantasy and very unrealistic. But the people who talked in 1988 and even in summer 1989 about a German reunification were also considered as lunatics. So why not be little bit crazy and think about such great opportunities. Things might change, and sometimes very quickly.

Actually what is geopolitical thought of Germany now? It mostly unknown in Russia. After Haushoffers (father and son) and few names there is no information about it, expect discourse of some political scientists, but not geopoliticians.

Geopolitics is banned in Germany since 1945. It was considered especially by the US as one of the evil sources of «German aggression». So what does that mean today? The German authorities don't consider

Germany itself to be an independent global player anymore. Geopolitically Germany became a full part of the so called «western international community» although this is anti-historical. Germany used to be a central European state, a bridge between east and west. This thinking almost disappeared.

If I personally want to talk with someone about geopolitics and e.g. about Haushofer's ideas I have to find most probably a Russian or Middle Eastern conversation partner. Source.

Manuel Ochsenreiter interviewed by Leonid Savin

«We Live In The Era Of The End» An Interview with Dari Dougina

Open Revolt is very happy to present a conversation between the Eurasian Youth Union's Dari Dougina and our own James Porrazzo.

Dari you are a second generation Eurasianist, daughter of our most important thinker and leader Alexander Dugin. Do you care to share with us your thoughts on being a young militant this deep into the Kali Yuga?

We live in the era of the end — that's the end of culture, philosophy, politics, ideology. That's the time without real movement; the Fukuyama's gloomy prophecy of the »end of history« turns to be a kind of reality. That's the essence of Modernity, of Kali Yuga. We are living in the momentum of Finis Mundi. The arrival of Antichrist is in the agenda. This deep and exhausting night is the reign of quantity, masked by the tempting concepts such as Rhizome of Gilles Deleuze: the pieces of the modern Subject changes into the »chair-woman« from the »Tokyo Gore Police« (post-modern Japanese film) — the individual of the modern paradigm turns into the pieces of dividiuum. »God is dead« and his place is occupied by the fragments of individual. But if we make a political analysis we will find out that this new state of the world is the project of liberalism. The extravagant ideas of Foucault seemingly revolutionary in their pathos after more scruple analyze show their conformist and (secretly) liberal bottom, that goes against the traditional hierarchy of values, establishing pervert »new order« where the summit is occupied by the self-adoring individual, atomistic decay. That's hard to fight against the modernity, but sure — it's unbearable to live in it — to agree with this state of the things — where all the systems are changed and the traditional values became a parody — being purged and mocked in all spheres of controls of modern

paradigms. That's the reign of the cultural hegemony. And this state of the world bothers us. We fight against it — for the divine order — for the ideal hierarchy. The cast-system in modern world is completely forgotten and transformed into a parody. But it has a fundamental point. In Plato's republic — there is very interesting and important thought: casts and vertical hierarchy in politics are nothing but the reflection of the world of ideas and higher good. This model in politics manifests the basic metaphysical principles of the normal (spiritual) world. Destroying the primordial cast system in the society — we negate the dignity of the divine being and his Order. Resigning from the casts system and traditional order, brilliantly described by Dumézil, we damage the hierarchy of our soul. Our soul is nothing but the system of casts with a wide harmony of justice which unites 3 parts of the soul (the philosophical — the intellect, the guardian — the will, and the merchants — the lust). Fighting for the tradition we are fighting for our deep nature as the human creature. Man is not something granted — it's the aim. And we are fighting for the truth of human nature (to be human is to strive to the superhumanity). That can be called a holy war.

What does the Fourth Political Theory mean to you?

That's the light of the truth, of something rarely authentic in the post-modern times. That's the right accent on the degrees of existence — the natural chords of the world laws. That's something which grows up on the ruins of the human experience. There is no success without the first attempts — all of the past ideologies contained in them something what caused their failure.

The Fourth Political Theory — that's the project of the best sides of divine order that can be manifested in our world — from liberalism we take the idea of the democracy (but not in its modern meaning) and liberty in the Evolian sense; from communism we accept the idea of solidarity, anti-capitalism, anti-individualism and the idea of collectivism; from fascism we take the concept of vertical hierarchy and the will to power — the heroic codex of the Indo-European warrior.

All these past ideologies suffered from grave shortcomings — democracy with the addition of liberalism became tyranny (the worst state-regime by Plato), communism defended the technocentric world with no traditions and origins, fascism followed the wrong geopolitical orientation, its racism was Western, Modern, liberal and anti-traditional.

The Fourth Political Theory is the global transgression of this defects — the final design of the future (open) history. It's the only way to defend the truth.

For us — truth is the multipolar world, the blossoming variety of different cultures and traditions.

We are against racism, against the cultural and strategic racism of the USA's Western modern civilization, which is perfectly described by professor John M. Hobson in »The Europocentric conception of world politics«. The structural (open or subliminal) racism destroys charming complexity of the human societies — primitive or complex.

Do you find any special challenges as both a young woman and a activist in this age?

This spiritual war against (post)Modern world gives me the force to live.

I know, that I'm fighting against the hegemony of evil for the truth of the eternal Tradition. It is obscured now, not completely lost. Without it nothing could exist.

I think that any gender and age has its forms to access the Tradition and its ways to challenge Modernity.

My existential practice is to abdicate most values of the globalist youth. I think we need to be different from this thrash. I don't believe in anything modern. Modernity is always wrong.

I consider love to be a form of initiation and spiritual realization. And the family should be the union of spiritually similar persons.

Beyond your father, obviously, who else would you suggest young militants wishing to learn our ideas study?

I recommend to make acquaintance with the books of Rene Guenon, Julius Evola, Jean Parvulesco, Henri Corbin, Claudio Mutti, Sheikh Imran Nazar Hosein (traditionalism); Plato, Proclus, Schelling, Nietzsche, Martin Heidegger, E. Cioran (philosophy); Carl Schmitt, Alain de Benoist, Alain Soral (politics); John M. Hobson, Fabio Petito (IR); Gilbert Durand, G. Dumezil (sociology). The base kit of reading for our intellectual and political revolution.

You've now spent some time living in Western Europe. How would you compare the state of the West to the East, after first hand experience?

In fact, before my arrival to Europe I thought that this civilization is absolutely dead and no revolt could be possible there. I was comparing

the modern liberal Europe to bog, with no possibility to protest against the hegemony of liberalism.

Reading the foreign European press, seeing the articles with titles as »Putin — the satan of Russia» / » the luxury life of poor president Putin» / » pussy riot — the great martyrs of the rotten Russia» — this idea was almost confirmed. But after a while I've found some political anti-globalist groups and movements of France — like Egalite&Reconciliation, Engarda, Fils de France etc — and everything changed.

The swamps of Europe have transformed into something else — with the hidden possibility of revolt. I've found the »other Europe», the »alternative» hidden empire, the secret geopolitical pole.

The real secret Europe should be awakened to fight and destroy its liberal double.

Now I'm absolutely sure, that there are 2 Europes; absolutely different — liberal decadent Atlanticist Europe and alternative Europe (anti-globalist, anti-liberal, Eurasia-orientated).

Guenon wrote in the »Crisis of the modern world» that we must divide the state of being anti-modern and anti-Western. To be against the modernity — is to help Occident in its fight against Modernity, which is constructed on liberal codes. Europe has it's own fundamental culture (I recommend the book of Alain de Benoist — «The traditions of Europe»). So I found this alternative, secret, powerful, Traditionalist other Europe and I put my hopes on its secret guardians.

We've organized with Egalite&Reconciliation a conference in Bordeaux in October with Alexander Dugin and Christian Bouchet in a huge hall but there was no place for all the volunteers who wanted to see this conference.

It shows that something begins to move...

Concerning my views on Russia — I've remarked that the bigger part of European people don't trust the media information — and the interest to Russia grows up — it's seen in the mode of learning Russian, of watching soviet films and many European people understand that the media of Europe are totally influenced by the hegemonic Leviathan, liberal globalist machine of lies.

So the seeds of protest are in the soil, with time they'll grow up, destroying the »society of spectacle».

Your whole family is a great inspiration to us here at Open Revolt and New Resistance. Do you have a message for your friends and comrades in North America?

I really can't help admiring your intensive revolutionary work! The way you are working — in the media — is the way of killing the enemy »with it's own poison«, using the network warfare strategy. Evola spoke about that in his excellent book »Ride the tiger«.

Uomo differenziato is someone who stays in the center of modern civilization but don't accept it in his inner empire of his heroic soul. He can use the means and arms of modernity to cause a mortal wound to the reign of quantity and its golems.

I can understand that the situation in USA now is difficult to stand. It's the center of hell, but Holderlin wrote that the hero must throw himself into abyss, into the heart of the night and thus conquer the darkness.

Any closing thoughts you'd like to share?

Studying in the faculty of philosophy and working on Plato and neoplatonism, I can remark, that politics is nothing but the manifestation of the basic metaphysical principles which lays in the fundament of being.

Making political war for the Fourth Political Theory we are also establishing the metaphysical order — manifesting it in the material world.

Our struggle is not only for the ideal human state — it is also the holy war for reestablishing the right ontology.

Global Revolt

An Interview With:
Natella Speranskaja

Global Revolt!

An interview with Natella Speranskaya

The Global Revolutionary Alliance is a concept whose time has come and New Resistance and Open Revolt are a part of it! What better introduction to the GRA, beyond reading the GRA Manifesto, than to hear about it from Comrade Natella Speranskaja — a driving force on the Moscow end of the Alliance and co-host of GRAnews. Open Revolt is proud to present this interview between our own James P and Natella. As it's been translated from English to Russian back to English again, please be aware any errors are strictly ours.

Natella, it seems whenever we see a interesting or exciting project from Eastern Europe we see either your face in the photos or your name in the account of the event as one of the leaders of the initiative. Could you tell us about your past and what has led you to be such a strong activist?

For many years the source of my inspiration was a spectrum of rightist political ideologies, which I have reached thanks to such representatives of conservative-revolutionary thought, such as Ernst Junger, Arthur Moeller van den Bruck, Oswald Spengler and Carl Schmitt. This anti-liberal vector has remained unchanged during all stages of my life. But if in the very beginning I was a supporter of the strictly rightist conservative-revolutionary movement, then later, having critically revised such of its components as racism (especially its worst form — biological racism), indulgence in front of capitalism and strongly marked anti-communism, I opened for myself the positive aspects of leftist conservative-revolutionary movement — largely for its anti-capitalist and Eurasian orientation. Both rightists and leftists are declared «enemies of the open society» by Karl Popper; the metaphysical similarity of both these movements was manifested in the anti-liberal ideology of national-bolshevism, that is of the left-wing of Eurasianism. This ideology solved all contradictions for me. Alexander Dugin named national-bolshevism a «political science and philosophical phenomenon, in fact a special point on the map of political processes, where rightists and leftists merge with each other in the self-

sufficient and original synthesis of ideas». Without deviating from my positions, I've run a permanent war with our ideological opponents, never forgetting the words of van den Bruck: «Eternity is on the side of the conservative».

You've been a key contact for us here in both the Eurasian Movement and now the Global Revolutionary Alliance which we've been proud to join alongside you. Please give our newer readers a introduction to these two groups.

The International Eurasian Movement arose in, Moscow, Russia, at the end of the 80s. Its leader and founder was and still is philosopher Alexander Dugin. Our organization has a lot of branches throughout the world (in Russia alone there 36 regional representations). The ideology of neo-Eurasianism began to develop already in 1980s, and has gone through several stages: from a little closed circle of intellectuals to a group of theorists, from the opening of the New University to All-Russian movement, from the party «Eurasia» to the International Eurasian Movement, as a self-sufficient structure. In 2005 within the Eurasian Movement a political organization «Eurasian Union of Youth» was created, whose ideology is, of-course, neo-eurasian doctrine. Since may 2011 I am the head of Moscow Network Headquarters of the Eurasian Union of Youth. The Global Revolutionary Alliance and Eurasian Movement are united by uncompromising hatred toward the main enemy — the global liberal oligarchy and New World Order. At present we can observe how two political actors are in the battle for world domination: the partisans of the liberal atlanticist American Empire (and its project of globalization) and the Rest of the world, that fundamentally disagrees with this project. The West against the Rest. But the actual Post-Modern West has lost the best European values — the honor, the virility, the boldness, the spirituality that were the marks of the heroic age. So we are not against the West as such but against its parasitic simulacrum of it which is in the hand's of a illegitimate elite. Under these circumstances GRA rehabilitates the political (according to Carl Schmitt) dimension, that is almost overthrown by liberal-globalism, that tried to replace it with economy. On the threshold of the impending crisis we can talk of the total break of the economic system, that is, of collapse of the global project of our political opponents. Back in the beginning of deployment of Libyan scenario, the idea of immediate formation of Global Revolutionary

Alliance as a powerful network structure, that has its permanent centers around the world, acquired the status of a critical need. We are glad that you decided to join to us.

Many of us have been eagerly working our way through the Against Post-Modern World documents as best we can being mainly English speakers and readers. So many great minds in one place at one time! What were the highlights of this historic event for you Natella?

This is the first time a conference of such a high level took place in Russia. The event was attended by leading intellectuals of Russia, Belarus and Ukraine, traditionalists from Italy, France, America and other countries. We have united to challenge the Postmodern world. In the 20th century revolt against the modern world, proclaimed by great traditionalists Rene Guenon and Julius Evola, was a form of protest, rebellion against the reality, deprived of its sacro-centric dimension. Now, in the 21st century, we rebel against post-modern world, that has turned into a spiritless desert. And the goal of our International Conference was finding out, how do Tradition and traditionalism should we effectively treat the postmodern era. This issue was reviewed in the speeches of Claudio Mutti, Sheiks Pallavicini, Alexander Dugin, Christian Bouchet, Geidar Dzhemal, Laurent James, Valeriy Korovin, Israel Shamir and dozens of other participants. It became clear for everyone, that Russia becomes a bastion of traditionalism. Sheikh Pallavicini expressed his admiration of the unique school of traditionalism, created by the philosopher Alexander Dugin. I think, that the next conference, that will take place in 2012, will bring many more people, and, perhaps, will reveal to us new names.

To us (Open Revolt, Green Star and New Resistance) we don't hesitate to say we feel a deep kinship with our Eurasian comrades who have been nothing but loyal friends and supportive of our struggle. Can you give your thoughts on our work here in North America and perhaps any suggestions or criticisms?

We are pleased that in North America political organizations were created, that share our basic principles. By joining the Global Revolutionary Alliance, you have greatly increased the power of the counter-globalist movement, whose aim is the total destruction of liberal oligarchy. The most important for us is the circumstance, that all participants of this organization and work — Open Revolt, the Green Star, New Resistance — are Americans. This is the right indicator, that

eternity is on our side and that the enemy will be defeated. We think that the USA is occupied by a anti-American globalist elite, that uses American people for its own purposes. Our struggle is for social justice and opportunity to build own unique culture for all the peoples of the world — including, of course, Americans. Evola said, that the West was first to enter Kali-Yuga, and must be the first to get out of it. All this relates to USA. You have gone further than others on the way of hell, and you rise — as Dante wrote, from the other side of Lucifer. Thus your movement is very symbolic and valuable for us.

How it is to work so close with Alexander Dugin? He is, by far, our greatest living inspiration!

Rene Guenon is called the teacher, who pointed the way in Kali-Yuga. This is equally applicable to Alexander Dugin, who, in my opinion, is the hope not only for Russia, but for the whole world. All his activity bears the mark of divine mission.

Yes we couldn't agree more about Professor Dugin. Where do you see the Global Revolutionary Alliance heading both in the short term and in the years to come?

We can predict, that in a year the Global Revolutionary Alliance will include tens of thousands of the dissatisfied (our slogan is: «Dissatisfied throughout the world, unite!»), having turned into invincible, omnipresent and universally acting revolutionary movement. The final aim — destruction of the global oligarchy will be inevitably reached. Any scenario, ran by the liberals, will meet our immediate response — resistance of political soldiers, which is who we are. We developed a revolutionary strategy against the globalist project. Alexander Dugin said: «Against global liberal control what is needed is a global guerilla, just as global, as that, against what it is directed». However, one should begin with the sphere of political philosophy. Foucault said, that will to power is the same as will to knowledge. One, who controls cognitive space, controls geopolitical space too. We start with spirit and end with matter (not vice versa). Revolution starts in the soul, in mind, in correct analysis of the situation, in the moment of making existential decision. The rest — is technique. The main thing in GRA is not to argue on details of our worldviews, but to act — effectively, decisively, quickly. In the struggle we will obtain our certain subjectivity.

Anything else you'd like to share?

We are convinced of the need of an alternative project with a clear political theory, and more important, perfectly thought-out practice. Taking into account the collapse of the liberal economic system we can beforehand make a conclusion of the imminent demolition of liberal ideological discourse as such. In contemporary circumstances the world domination of anti-national globalist politics of USA itself is in question. We can no longer rely on the three political ideologies, that were actualized in the 20th century. In the 21st century they are completely outdated. Thus, we need another political theory. WE CALL IT «FOURTH POLITICAL THEORY» (the conception, created by Alexander Dugin, and in tune with such great thinkers and political actors as Alain de Benoist, Christian Bouchet, Alain Soral, Claudio Mutti, Dimitris Kitsikis), that stands outside of liberalism, communism and fascism. In order to formulate the definition of the Fourth Political Theory, we need to define, what does its political subject represent. But before it, we'll define, what he is definitely not. The subject of the fourth political theory can't be nor class (as in socialism), nor race or state (as in national-socialism and fascism), nor, especially, the individual, the subject of a hostile liberal system. Basing on the provision of the victory of liberalism, we will call the subject of the Fourth Political Theory that one, who is a radical opponent, uncompromising enemy and absolute antagonist of liberal individual. Who is it about? It is a question, that has no simple solution. We can stop on the community as on some «social body», that excludes the principle of individual as an aim and centre; on community, that doesn't accept individual identity, without which, as we know, liberalism is unthinkable. The 20th century was the century with ideologies, but nothing prevents us to pass after this stage to actions. To the mono-cephalic liberal society, to the atlantic project, to the global American empire we oppose polycephalic society and a multi-polar world. To the liberal (precisely to the neo-liberal) ideology we oppose the Fourth Political Theory, to the global oligarchy — the Global Revolutionary Alliance.

4ПТ: геометрия эсхатологической Революции

Интервью с Александром Дугиным

Как Вы открыли для себя Четвёртую Политическую Теорию? И как вы оцениваете её шансы на то, чтобы стать главной идеологией XXI века?

Четвертая Политическая Теория не должна мыслиться как 3+1, то есть три классические политические теории (идеологии) современности (либерализм, коммунизм, фашизм) и к ним нечто еще добавленное. 4ПТ представляет собой не дополнение, не прибавление, не комбинацию и не новое предложение вдобавок к существующим. Геометрия 4ПТ совершенно иная. 4ПТ строится, исходя из глубинной деконструкции философии политики Модерна. Она импловивна, она является изнутри сущности Политического, как выражение финального кризиса, коллапса, и одновременно как акт его преодоления. Это важно изначально иметь в виду.

Этапы открытия 4ПТ были следующие. Задумавшись о Политическом и его сущности в ранней юности, я обнаружил, что меня категорически не удовлетворяет вторая политическая теория (в зоне эксклюзивного влияния которой я пребывал в силу факта рождения в СССР). Познакомившись с либеральной альтернативой (первой политической теорией), я пришел в отвращение в еще большей степени. И тогда мое внимание привлекли традиционализм, Консервативная Революция, спектр политических теорий Третьего пути.

По мере наблюдения драматического противостояния первой и второй политических теорий в СССР и России, я пришел к выводу, что именно либерализм (первая политическая теория), победившая в 90-е годы XX века в России и глобально, является наиболее концентрированным выражением того, что я ненавижу: индивидуализма, материализма, прагматизма, финансизма, «маленького человека», эпикурейства/атолизма, эволюционизма, техноцентризма, воспеания «технического прогресса», историцизма, нивелирующего эгалитаризма, секуляризма, евроцентризма и т. д. И я понял, что именно то, что либерализм был наиболее чистой

и кристальной концентрацией зла, он и победил. Представители традиционализма (Р. Генон, Ю. Эвола и т. д.) так и считали, но им представлялось, что вторая политическая теория хуже первой, и поэтому предполагали именно ее планетарный триумф — в духе их эсхатологической трактовки современности. Но победила именно первая политическая теория, а не вторая. Это требовало осмысления. Выражением такой рефлексии стала коррекция традиционализма или, если угодно, «левый традиционализм», то есть предложение построить общий фронт для фронтальной борьбы с либерализмом: объединив антилиберализм слева (вторая политическая теория) с антилиберализмом справа (Третий путь). Но такое предложение предполагало качественную ревизию не только второй политической теории (это очевидно, и на подобный альянс могла пойти только часть левых — таких, например, как итальянский философ, марксист Констанцио Преве и т. д.), но и спектра идеологий Третьего пути.

Это можно считать первым шагом к 4ПТ, поскольку предлагаемый антилиберальный фронт предполагал качественный пересмотр второй и третьей политических теорий на основании радикального отвержения либерализма. При этом принималось во второй и третьей политических теориях только то, что так или иначе друг с другом сочеталось. А это значит, требовалось отказаться от базовой модели Маркса/Энгельса, отвергавшей в «Манифесте Коммунистической Партии» саму возможность сотрудничества коммунистов с некоммунистическими антикапиталистическими силами, и фундаментальную уверенность коммунистов в том, что социализм приходит обязательно после (и никак не вместо!) капитализма. От коммунизма, таким образом, оставалась только радикальная критика буржуазного строя (что, впрочем, не мало). Третий путь очищался при этом от антикоммунистических и антисоциалистических моментов идеологии, а также от любого намека на расизм, ксенофобию, супрематизм, колониализм и т. д. В результате мы также получали нечто особенное, чаще всего классических правых (особенно крайне правых) и консерваторов отталкивавшее.

Но это был важный и решительный шаг, позволивший подготовить теоретическую почву для 4ПТ, причем в конкретной среде радикальных перемен как в мировой политике («однополярный мо-

мент» и глобализация), так и в России. Это было не лабораторной работой, но разработкой политической теории в условиях действия.

Параллельно этому шло конструирование политической философии неоевразийства, так как именно евразийство в русской истории более всего соответствовало такому антизападному и антилиберальному подходу, развернутому на правом идейном фланге (консерватизм), но дружелюбно обращенного к левому флангу (национал-большевизм).

Последним этапом, на котором собственно и родилась 4ПТ, стало ясное понимание недостаточности одного только комбинаторного объединения элементов прежних антилиберальных политических теорий (второй и третьей). Все три политические теории были продуктом Модерна, а та, которая победила в ходе ожесточенной двухсотлетней (как минимум) планетарной борьбы, вполне могла претендовать (по праву) на то, что она воплощает в себе самый дух Модерна, является его ортодоксальным выражением. Такая рефлексия показывает, что бесполезно противопоставлять Модерну в чистом виде то, что, так же будучи продуктом Модерна, несло в себе и некоторые иные элементы, относящиеся к традиции (в третьей политической теории) или эсхатологии (во второй). Вместо того чтобы вести арьергардные бои, 4ПТ предлагает атаковать либерализм фронтально, как он есть, а вместе с ним поставить под вопрос существование Модерна. Хайдеггер называл нечто подобное «трудным знанием нигилизма» (*schwere Wissensfat des Nihilismus*).

Либерализм живет за счет своих альтернатив. Само существование нелиберального («тоталитарного») режима (будь-то в форме второй политической теории или третьей) дает либерализму («свободе от») конкретный аргумент: борись за свободу против не-свободы. Это действует. Поэтому суперпозиция двух политических теорий, исторически сопряженных с «тоталитаризмом», только усилит первую политическую теорию, снабдив ее новыми аргументами и столь важной для Политического фигурой «врага». Но оставшись один на один с самим собой, войдя в вещи и утратив серьезных идеологических противников, либерализм немедленно обнаружит свою нигилистическую сущность. Когда «свобода от» реализована (по контрасту с «тоталитарными» режимами), она начинает освобождаться от самой себя. Это имманентный коллапс либерализма. Он обречен

на имплозию. В этом сказывается сущностный нигилизм Модерна как онтологической (точнее антионтологической, мезонтологической, нигилистической) и гносеологической (гиперрациональность дробит разум вплоть до шизоморфизма — что мы видим в Постмодерне) парадигмы.

Поэтому 4ПТ преодолевает антилиберальный синтез на основе классических политических идеологий и предлагает сделать шаг вперед, а не шаг назад. Планетарному либерализму (гегемонии, евроцентризму) бросается вызов не от имени прошлого, но от имени настоящего. Это экзистенциальная атака. Сигнал к глобальной революции Дазайна. 4ПТ поэтому результат, с одной стороны, строго рационального, логического размышления, анализа, а с другой — вдохновенного экстатического энтузиазма, внезапно пробужденного воображения. Отсюда повышенный интерес к интеллектуальной мистике неоплатонизма, но одновременно и к экзистенциальной феноменологии Хайдеггера.

Лео Штраус, комментируя фундаментальный труд Карла Шмитта «Понятие политического», отмечает, что при всей содержащейся в нём радикальной критике либерализма, Шмитт не доводит её до конца, поскольку предпринятая им критика «разворачивается и остаётся в горизонте либерализма». «Его антилиберальная тенденция, — считает Штраус, — сдерживается до сих пор ещё не преодоленной «систематикой либерального мышления», которая, по признанию самого Шмитта, «несмотря на все неудачи, сегодня в Европе пока не заменена никакой другой системой». Что вы можете назвать ключом к проблеме преодоления либерального дискурса?

Карла Шмитта я ценю чрезвычайно высоко. Он, во-первых, безусловно, лучший современный теоретик в области философии политики. Это признают практически все — и те, кто принимают его идеи, и те, кто им оппонируют. Без Шмитта вообще невозможно говорить о политологии. Во-вторых, Шмитт был представителем Консервативной Революции, и соответственно, его идеи имели целый ряд пересечений с областью 4ПТ. Это важно, и наследие Шмитта интегрируется в 4ПТ. Я не могу согласиться со Штраусом, относительно «систематики либерального мышления»; напротив, концепция «прав народов», развиваемая Шмиттом, а также теория «поряд-

ка больших пространств» и Империи, являются радикальным шагом за пределы антропологического индивидуализма, лежащего в основе либеральной философии. Шмитт фундаментален. И преодолению либерального дискурса его труды и идеи премного способствуют. Это лучшее, что есть в этой области.

Согласны ли вы с тем, что сегодня существует «две Европы»: первая Европа — либеральная (с идеей «открытого общества», прав человека, регистрации гомосексуальных браков и так далее) и вторая Европа («другая Европа») — политически ангажированная, мыслящая, интеллектуальная, духовная, рассматривающая нынешний статус-кво и доминацию либерального дискурса как настоящую катастрофу и предательство европейской традиции? Как вы оцениваете шансы «другой Европы» на победу над «первой»?

Это интересный вопрос. Да, есть две Европы. Одна актуальная (это либеральная, атлантистская, проамериканская Европа, Европа гей-парадов и НАТО), другая — потенциальная (это Европа традиций, народов, культур, регионов, верований). Первая Европа сегодня доминирует и превалирует. Вторая почти отсутствует, существует виртуально, как призрак. Первая Европа есть Запад. Другая Европа есть собственно Европа.

Либеральный дискурс не совсем «предательство» Европы, это, скорее, гипертрофированное развитие ее «западной» составляющей. Европа может быть рассмотрена как Запад (=Модерн) + нечто еще. И Запад (=Модерн) и «нечто еще» относятся к Европе. Но сегодня Запад (=Модерн) практически вытеснил «нечто еще», сместил на периферии, подчас прямо поставил «вне закона». «Нечто еще» — это и есть Другая Европа, Европа, которой нет.

Теперь о шансах. Баланс сегодня таков: Запад сейчас выигрывает у Европы (= «нечто еще») 99% к 1%. Но это иллюзия. Плотин в своей философии говорит об «эйдолоне» и о «фантазме массы, тяжести». С его точки зрения, телесные предметы и мир, который простецы принимают за очевидность, есть грубейшая из иллюзий, подлый фокус, не имеющий ничего общего с настоящим бытием. Материальная телесная очевидность Европы как Запада есть такой «фантазм массы». Все видят только это, но на самом деле, это и есть призрак. А 1% Другой Европы, воплощенный в неконформистах,

интеллектуалах, революционерах (справа и слева), является, напротив, реальностью, уходящей корнями к подлинному бытию.

Надо лишь переключить режим. Это и есть «событие», *Er-eignis*. Сегодня призрак выдает себя за очевидность, а реальность идентифицирует как призрак. Так было и в последние годы СССР: режиму оставались считанные дни, а его носители вели себя так, как будто впереди вечность. У нынешней Европы в запасе осталось несколько мгновений. Ночь особенно черна накануне рассвета. Фантазмы массы рассеются в мгновение ока — были и нет. И тогда Другая Европа должна быть готова к действию. Большинство будет охвачено паникой, но революционное меньшинство должно быть пробуждено и готово к схватке. Революция неизбежна. На сей раз это будет наша Революция.

«Нет ничего более трагического, чем не знать того исторического момента, который мы переживаем в настоящее время. — Говорит Ален де Бенуа. — Это момент постмодернистской глобализации». Французский мыслитель подчеркивает актуальность вопроса о новом номосе Земли или способе установления международных отношений. Как вы полагаете, каким будет четвёртый номос? Можем ли вы согласиться с тем, что новый номос будет евразийским и многополярным (переход от универсума к плюриверсуму)?

Да, новый номос будет многополярным. Но «будет» означает не механическую предопределенность, но осознанную и пробужденную ангажированность в бытие, в экзистирование. Если человечество «будет», «хочет быть», «собирается быть», оно построит многополярный мир, в котором евразийская цивилизация станет одним из полюсов, центров силы, центров идеи. Но это не произойдет само собой. Судьба миропорядка всегда решается в войне. Чтобы многополярный мир состоялся, необходимо разрушить мир однополярный, преодолеть глобализацию и сломить парадигму либерального Постмодерна. Структура номоса зависит от исхода войны. Войны нас против них. Жан Парвулеско говорил о «силах бытия» и «силах небытия». Я имею в виду нечто подобное. Сегодня доминируют «силы небытия», но их время подходит к концу. Время вообще подходит к концу, оно чрезмерно разогналось (дромократия П. Вирильо). Это фатально. На горизонте встает онтология пространства. Как в финале «Парсифаля» Вагнера Гурнеманц провозглашает: «Здесь время

становится пространством». Это наша ария — ария четвертого номоса Земли.

Согласитесь ли Вы с тем, что эпоха белого европейского человечества завершена, и будущее будут предопределять культуры и общества Азии?

Белое человечество это смутный концепт. Есть индоевропейские народы, но их этнический состав сложен и многозначен. К «белым» следует отнести и Индию и Иран, великие цивилизации Азии, и Европу и Америку, низкие и дегенеративные образцы современности. Европа и США точно не будут предопределять будущее. Они сделали фатальный выбор и подлежат наказанию. Быть может из глубины этих низменных обществ возникнут новые силы, но они по определению будут солидарны с сакральными традициями неевропейских народов. Белые в Новое время принесли человечеству все самое отвратительное: секуляризм, материализм, атеизм, механицизм, профанизм, комфортизм, капитализм, общество потребления... Эта эпоха завершается. Но я не думаю, что иранская или индийская культура, а также «белые» славяне, греки или румыны, или латиноамериканцы, также понесут кару за преступления европейцев. Теоретик индо-европейской идеи, которого Вы упоминали, Ален де Бенуа, в свое время написал программную книгу: «Европа, Третий мир — одна и та же борьба». Проблема «белые против небелых» не имеет сегодня смысла. Если под «белыми» понимать европейскую цивилизацию Нового времени, то надо выбирать «небелых». Если же говорить о индо-европейской традиции (в том числе и о вершинах греческой философии — но это платонизм, а не атонизм и не Эпикур, и даже не Стоя), то она глубока и прекрасна, однако угрожают ей не «небелые», «безродные космополиты» глобального капитализма, цвет лица у них вполне «белый», равно как и фенотип.

В Азии и Третьем мире, впрочем, также хватает крайне неприятных течений. Например, исламский ваххабизм. Или микро-национализм. Но самое худшее: либерализм и модернизм, которые сегодня, увы, в незападных (небелых) обществах распространены в огромном масштабе. Глобальная Революция не пощадит сторонников капитализма любого цвета кожи. Линия фронта определяется сегодня, одним словом, совсем не по расовому признаку. Белый ты или небелый неважно: важно ты за статус-кво или против.

Считаете ли Вы Россию частью Европы или же разделяете мнение, согласно которому Россия и Европа представляют две разные цивилизации?

Европа и Россия две разные цивилизации. У России два источника: Византия и империя Чингисхана (Туран). Оба источника резко отличаются от матрицы современной европейской цивилизации, уходящей корнями в западную Римскую Империю и некогда являвшейся частью кочевых империй Евразии. Поэтому мы радикально различны, и у нас разные системы ценностей. Россия свои ценности Европе навязывать не спешит, так как сама еще не очень ясно определилась с их восстановлением и их формулировкой (на новом историческом этапе). Но современная Европа, как и всегда, чрезвычайно в этом вопросе агрессивна и претендует на универсализм своих ценностей (на сей раз, европейцы продвигают «права человека», «свободный рынок» и «глобализацию»). Именно перед лицом такой «ценностной агрессии», приправленной изрядной долей двойных стандартов, Россия должна особенно жестко отстаивать тезис о самобытности своей цивилизации и свою идентичность. Сегодня лучше сказать, что нам ничего европейского не подходит и что у нас «свой особый путь» (Sonderweg), чем перебирать детали.

Однако, справедливости ради, надо сказать, что нечто общее в корнях у России и Европы есть. Например, Освальд Шпенглер в посмертной (незаконченной) книге «Эпика Человека» говорит о Туране, как колыбели европейского культурного стиля и возводит воинскую этику кочевых евразийских индоевропейцев в образец Европы как явления. Шпенглер противопоставляет воинственный аристократический Туран «атлантистской» мистике Кельтиды и изнеженной циклопической цивилизации южного Куша. Эту же тему развивает современный итальянский историк Франко Кардини в своей работе «Истоки средневекового рыцарства»¹.

В отношении христианства также можно конкретно идентифицировать эпоху, когда Запад и Восток обладали единым историческим бытием — это был довольно длительный период от Рождества Христова до 800 года (до момента венчания Карла Великого и создания

¹ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1982.

франкской Империи). Это бытие было сопряжено с полем Римской Империи, остававшейся единой и религиозно и политически.

Поэтому общее в нашей культуре — туранский аристократизм и изначальное христианство в контексте единой Римской Империи. Если это взять за базу общих ценностей, то на сей раз с этим вполне можно согласиться. Но современная Европа не имеет к ним ни малейшего отношения. А для революционной европейской элиты, напротив, как евразийский так и римско-имперский (в том числе и христианско-имперский, византийский) элементы вполне могли бы стать путеводными нитями. Это, на самом деле, для нас общее наследие, уходящее корнями в индоевропейские (и не только) кочевые культуры Евразии, в греческую философию и римскую Империю. Героизм, платонизм и Царство — вот что объединяет русских и европейцев. Если мы согласны с этими ориентациями, то мы можем говорить и о единой европейско-евразийской цивилизации.

Современные идеологии построены на принципе секулярности. Прогнозируете ли Вы возврат религии, возвращение сакрального? Если да, то в какой форме? Будет ли это ислам, христианство, язычество или какая-то иная форма религии?

Я прогнозирую возвращение Божественного. Я сам православный христианин, поэтому интерпретирую историю в христианских терминах. Для меня возвращение сакрального есть Второе пришествие Господа нашего Иисуса Христа. Современная секулярность — это краткий период торжества апостасии в преддверии прихода антихриста. И это вызов всем верным. Это христианская интерпретация Модерна и Постмодерна. Но в других религиозных контекстах могут быть иные формы.

Однако, исламский мистик Ибн Араби говорит, что есть «Бог как он есть» и «Бог, живущий в вере». То есть религия как опыт, как экзистирование, как мистическое преображение, а есть отчужденная чисто социологическая калька такого опыта. Так вот, секуляризм стал закономерным следствием того, что «симулякры религии», Великий Инквизитор, «Бог, живущий в вере», вытеснили прямой опыт Бога, затмили Бога Живого. Жизнь была подменена абстракцией, фантомной болью закрытого недоступного опыта. В результате рано или поздно рухнула обветшавшая конструкция. Поэтому Поворот истории, глобальная революция против (пост)современного

мира не может быть простым возвратом к «Богу, живущему в вере», к социологическому симулякру. Возвращается Бог Живой, Сам. Не его тень и не группа узурпаторов, пытающихся в своих интересах использовать охлаждение живого религиозного чувства. Поэтому вполне уместно говорить о тотальном возвращении сакрального, о сакральной Революции.

Это касается как православного христианства, в лоне которого нахожусь лично я, так и иных религий, ведь каждая из них имеет аналогичные сюжеты: в конце времен откроется истина и воссияет по ту сторону ветхих и изношенных форм, превратившихся в свою противоположность. Поэтому нынешний эфемерный триумф зла, секулярности, богооставленности лишь прелюдия в парусии (явление) Последнего Бога.

Беседовала Натэлла Сперанская

Борис Над: нашим проектом политического будущего должна стать Эра Евразии

Как Вы открыли для себя Четвёртую Политическую Теорию? И как вы оцениваете её шансы на то, чтобы стать главной идеологией XXI века?

Либерализм, несомненно, является тоталитарной идеологией. Он стремится к глобальному господству, подъем либерализма ассоциируется с американской планетарной гегемонией. Либерализм, вопреки своему имени, не предполагает какого-либо «освобождения», но напротив, означает новое порабощение, закреп-

пощение человека, сводящего индивидуальность к беспочвенному, атомизированному индивиду, к потребляющему «экономическому животному». Это тоталитарная структура, общество планетарных кочевников, не имеющих идентичности — получившая наиболее полное воплощение в современных Соединенных Штатах или Евросоюзе, или в перспективе единого «мирового рынка». Это «Левиафан» Гоббса, где царит война всех против всех. Последствия триумфа либерализма просто катастрофические: уничтожение экологии Земли, неустойчивая экономика, истощение природных ресурсов, растущая нищета большей части человечества, жестокие войны по всему земному шару, новое рабство, неокOLONиализм, экономическое неравенство, которого еще не знала история.

Четвертая политическая теория — не чей-то личный, сугубо индивидуальный проект. Это целый спектр различных, иногда противоречивых, тенденций. В определенном смысле, в этом залог устойчивости 4ПТ, и здесь заложена ее подлинная сила. Схожие тенденции существовали и в Сербии; достаточно вспомнить работы Драгоша Калаича. Александр Дугин в своей книге «Четвертая Политическая теория» предлагает нам самые чистые, самые полные и наиболее точные формулировки 4ПТ. Это решающий шаг в формировании

теории, и, вероятно, книга Дугина станет программной книгой для нынешнего столетия. Четвертая политическая теория может стать глобальным вызовом атлантизму, и стать преобладающей в нашем веке, но это будет зависеть от того, объединит ли 4ПТ разнообразные движения по всему миру в общую оппозицию либерально-атлантистскому Левиафану, преодолев взаимную нетерпимость — и таким образом Четвертая политическая теория раскроет заложенный в ней потенциал.

Лео Штраус, комментируя фундаментальный труд Карла Шмитта «Понятие политического», отмечает, что при всей содержащейся в нём радикальной критике либерализма, Шмитт не доводит её до конца, поскольку предпринятая им критика «разворачивается и остаётся в горизонте либерализма». «Его антилиберальная тенденция, — считает Штраус, — сдерживается до сих пор ещё не преодоленной «систематикой либерального мышления», которая, по признанию самого Шмитта, «несмотря на все неудачи, сегодня в Европе пока не заменена никакой другой системой». Что вы можете назвать ключом к проблеме преодоления либерального дискурса? Можете ли вы назвать таким ключом Четвёртую политическую теорию Александра Дугина, теорию, которая находится за пределами трёх главных идеологий XX века — либерализма, коммунизма и фашизма, и направлена против либеральной доктрины?

Простая критика или отрицание никогда не дойдут до корня проблемы. Это в равной степени касается антилиберализма, антикоммунизма, и ныне очень популярного антифашизма. Напротив, мы нуждаемся в позитивных альтернативах. Исторически сложилось так, что любая критика либерализма, даже до французской революции, была оправдана, но это не смогло остановить триумфальное шествие революции, и тем более предотвратить катастрофу, которую революция вызвала во всем мире. Лео Штраус указывает на фундаментальную слабость критики либерализма Карлом Шмиттом. Оказалось, что очень важно выйти за рамки либерального дискурса, который сводит человеческие отношения исключительно к процессам производства и потребления, к простым рыночным отношениям — и не более того.

Либерализм открыто пропагандирует эгоизм и потребительство, с другой стороны, как ни парадоксально, он отрицает социальную

справедливость и солидарность. И, наконец, пожалуй, самое главное: духовное и религиозное измерение не входит в очень плотные и жесткие рамки либерального дискурса. Вот почему либеральные идеалы могут быть достигнуты только посредством насилия над человеческой природой. Александр Дугин справедливо отмечает, что все три нынешних политических теории имеют свои глубоко укоренившиеся недостатки. Другими словами, ни одной из этих теорий не удалось адекватно выразить истину человеческой природы. Тот, кто преуспее в этом, обретет политическое будущее в мире, который будет существенно отличаться от сегодняшнего мира. Четвертая теория не адресует себя только одной политической альтернативе, одной культуре, цивилизации, религии, одной национальности, классу или типу человека. Это, на наш взгляд, призыв ко всем, кто готов бороться за свою свободу.

Согласны ли вы с тем, что сегодня существует «две Европы»: первая Европа — либеральная (с идеей «открытого общества», прав человека, регистрации гомосексуальных браков и так далее) и вторая Европа («другая Европа») — политически ангажированная, мыслящая, интеллектуальная, духовная, рассматривающая нынешний статус-кво и доминанцию либерального дискурса как настоящую катастрофу и предательство европейской традиции? Как вы оцениваете шансы «другой Европы» на победу над «первой»?

Да, но «другая Европа» с нашей точки зрения является по-настоящему «первой» и подлинной Европой. А так называемая «первая Европа» как раз и является «другой» — либеральной, (пост) современной Европой, которую последовательно воплощает Евро-союз: Европой диктатуры «права человека», прикрывающейся фальшивой терпимостью к любым отличиям.

Это, как мы теперь видим, тоталитарная структура, основанная на подлинно тоталитарной идеологии, которая является продуктом позднего либерализма. Она не терпит разнообразия и ищет объединения и уравниловки. Ключевое слово в ее словаре: «контроль».

Сербский мыслитель Драгош Калаич в своем исследовании «Европейская идеология» показал, что так называемые «европейские ценности», о которых говорят комиссары Брюсселя, их представители и сторонники «евроатлантической ин-

теграции», на самом деле, просто отрицание или предательство подлинно европейской традиции. Мы могли бы сказать: это настоящая смерть Европы, которая начинается с эпохи Возрождения и западного Просвещения, и заканчивается в либеральной агонии. К сожалению, на Западе мы видим только отдельные усилия и ограниченное движение в противоположном направлении. Для того чтобы истинная Европа одолела либеральную Европу, нужно мобилизовать все оставшиеся силы, всю энергию европейского человека, но это на самом деле не предвидится. Эти силы, возможно, были исчерпаны, или, возможно, уснули под наркотическим действием иллюзорного материального благополучия. Должно быть, только катастрофа могла бы пробудить западных европейцев от этого наркоза.

«Нет ничего более трагического, чем не знать того исторического момента, который мы переживаем в настоящее время. — Говорит Ален де Бенуа. — Это момент постмодернистской глобализации». Французский мыслитель подчеркивает актуальность вопроса о новом номосе Земли или способе установления международных отношений. Как вы полагаете, каким будет четвёртый номос? Можем ли вы согласиться с тем, что новый номос будет евразийским и многополярным (переход от универсума к плюриверсуму)?

Номос — одно из основных понятий. Номос Земли — это ключ. Либерализм, уничтожив сложившееся в годы холодной войны разделение между Востоком и Западом (и, следовательно, разделение между Сушей и Морем в геополитическом смысле) отменил международное право и ввел в международные отношения право силы, право звериной стаи, во главе которой стоит «самая сильная собака на улице».

Четвертый Номос подразумевает конец планетарной доминации Соединенных Штатов Америки и снижение ее до статуса региональной державы, или, скорее всего нескольких региональных держав, возможно, объединенных в конфедерацию. Чтобы выжить, Америка должна переродиться.

Четвертый Номос призван быть евразийским. В отличие от «глобалистского Номоса», он должен уважать различия между человеческими существами, различия между этническими группами, культурами, цивилизациями и религиями. Это переход от универсума, американоцентризма (а не евроцентризма), к плюриверсуму, к

многополярности. Если эта волна глобализации не может быть остановлена, а мы считаем, что это так, мы должны обернуть ее в нашу пользу. Нашим ответом, нашим проектом политического будущего должна стать Эра Евразии.

Согласитесь ли Вы с тем, что эпоха белого европейского человечества завершена, и будущее будут предопределять культуры и общества Азии?

Эту перемену чувствовал Освальд Шпенглер в двадцатых годах прошлого века. Следует также вспомнить учение Арнольда Тойнби, полагавшего, что каждая культура, которая исчезла с лица земли, на самом деле покончила жизнь самоубийством. Эпоха европейской белой расы заканчивается потому, что европейцам не хватило ни смелости, ни страсти к участию в истории. Я коснулся данного вопроса в своей книге «Возвращение мифа» — это состояние я назвал «пост-историей» — конечно, не в том, смысле, какой в этот термин вкладывали Маркс или Фукуяма. «Пост-история» отличается от истории тем, что человек более не является сувереном или господином, он становится игрушкой в руках неведомых сил. В зрелый период человеческой истории человек правил сам по себе, история была следствием его действий, мыслей, страсти и воли. Теперь же на горизонте появляется что-то совсем другое, это технократическая утопия, тоталитаризм в своей законченной форме. Как это будет выглядеть, и как будет развиваться в будущем, можно представить, посмотрев на современные США или Европейский союз. Следует подчеркнуть, что ни США, ни Евросоюз не были созданы на основе идеи, но лишь как рынок; не из мужества и силы, но из эгоизма, трусости и слабости. Это, в конечном счете, только лишь результат внутренней капитуляции современного человека.

Все это предполагает глубинные изменения в искусстве и культуре в целом, которая постепенно превращается в «субкультуру» — в своего рода коммерческое предприятие или социальную инженерию. «Субкультура» оказывает анестезирующее воздействие на своих потребителей, или как наркотик, снимает тревогу масс, погружая их в утопические фантазии.

Сейчас, в конце этого цикла, мы видим новое пробуждение Азии, довольно сильно отличающейся от той Азии, которую мы знали в ко-

лониальные времена. Азиатские этносы демонстрируют удивительную жизнеспособность и Азия не остановится перед тем, чтобы доказать свою способность преподносить нам сюрпризы. В этом есть что-то глубоко таинственное, почти мистическое.

Считаете ли Вы Россию частью Европы или же разделяете мнение, согласно которому Россия и Европа представляют две разные цивилизации?

Россия — это не очередная (европейская) нация, государство, или национальная культура, со столь характерным для национальных культур «самолюбованием по поводу небольших различий». Нет, Россия — «континент в себе», отдельная цивилизация. Мы обязаны этим открытием ранним евразийцам, таким как Петр Савицкий и Николай Трубецкой. Освальд Шпенглер в своем поэтическом вдохновении предвидел историческую миссию Россию, но для русских в этом нет ничего нового, поскольку русские всегда жили с этим ощущением универсальной всечеловеческой миссии.

Согласно Трубецкому, определяющую роль в этом сыграл татарский период — так Русь стала уникальным союзом, синтезом влияний Европы и Азии. Я думаю, что этот союз имеет более глубокие корни, его следует искать в более ранней истории: в импульсе, который шел от скифов, сарматов или гуннов, или гораздо ранее, в праистории. Это, замечу, касается едва ли не всей Восточной Европы — особенно Балкан — которые безуспешно пытаются «интегрироваться» с Западом, или, точнее, раствориться в Западе. Следовательно, Восточной Европе необходимо взять за основу то, что она является особым, отдельным культурным и геополитическим пространством, со своим собственным наследием, уникальной культурой и особыми интересами, которые отличаются от интересов Запада.

Это особенно верно для православных народов, которые совместно наследуют Византии (а Византия, вне всякого сомнения, была евразийской сверхдержавой своего времени). Сербь очень долго прожили под османским владычеством, которое воплотило в себе азиатское влияние, но это влияние определенно имело место задолго до турецкого завоевания. Сербия — это тоже Евразия, «Восток для Запада, и Запад для Востока».

Пропась, которая отделяет Запад от России-Евразии, теперь стала непреодолимой. Это та пропась, которая отделяет жизнь от смерти, здоровье от болезни, мужество от трусости, силу от слабости. Вот почему взгляд последних европейцев сегодня устремлен на Россию.

Современные идеологии построены на принципе секулярности. Прогнозируете ли Вы возврат религии, возвращение сакрального? Если да, то в какой форме? Будет ли это ислам, христианство, язычество или какая-то иная форма религии?

Современные политические идеологии основываются на секуляризме, но их глубинный базис, безусловно, является религиозным — как это показал нам Мирча Элиаде. Это утверждение в равной степени относится к коммунизму, фашизму, и к либерализму, основой которого был протестантский фундаментализм. У каждой из идеологий есть свое эсхатологическое послание.

Я писал об этом в своем эссе «Возвращение мифа»: возвращение сакрального, возвращение мифа, глубоко спрятанного, подавленного и теперь искаженного религиозного импульса. Как выяснилось, ни одно человеческое сообщество и общество — и (пост)современный Запад является не исключением, — не может существовать без мифа, хотя сейчас это выливается преимущественно в девиантные формы. Эрнст Юнгер писал о силах, могуществах мифа, которые возвращаются в исторический мир — или вламываются в него. Юнгеровский Рабочий — в основе своей мифическая фигура, Титан новой эпохи; ему еще предстоит установить свою связь с сакральным.

Возвращение сакрума бесспорно, но мы не можем предугадать, в какой форме это произойдет. Будучи православными христианами, мы обязаны углублять и развивать наше собственное наследие, и это очень близко к древнеславянскому язычеству. В этом смысле, я был глубоко впечатлен работой Александра Дугина «Метафизика Благой Вести». Это очень глубокое проникновение в «тайну христианства». С нашей точки зрения, независимо от конкретной формы, ключ будет в дихотомии аполлонических и дионисийских, о чем говорил Ницше; в дихотомии светлого и темного Логоса, небесного и хтонического принципа.

Об авторе:

Борис Над, сербский писатель и публицист. Родился в 1966 году, в Винковцах (Славония). Учился в Загребе и Белграде, закончил Белградский университет. Начиная с 1994 г., Борис Над опубликовал множество статей и эссе в различных журналах и периодических изданиях.

Некоторые ключевые работы:

«Время империй» (Beograd, «Rivel Ko», 2002), геополитические очерки (с предисловием Драгоша Калаича);

«Пир победителя», (Beograd, «Žagor», 2005), научно-фантастический роман;

«Новая Итака», (Niš, «Unus mundus» — Niški kulturni centar, 2007), сборник эссе, стихотворений, повестей и рассказов;

«Немые боги», (Beograd, «Žagor», 2008.), рассказы;

«Возвращение мифа» («Идея Центра», «Новая Итака», «Аргонавты», «Символы Гипербореи»), (Niš, Niški kulturni centar, 2010), сборник эссе и (гео)политических статей, стихи, повести рассказы;

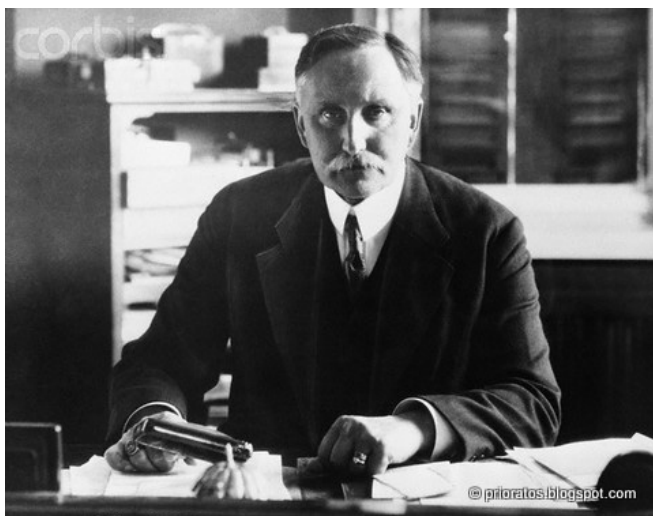
«Постапокалипсис», (Niš, «Unus mundus», br. 38, Niški kulturni centar, 2011), эссе;

Ultima Thule, (Niš, «Unus mundus», br. 40, Niški kulturni centar, 2011), рассказы.

*Беседовала Натэлла Сперанская
Перевод с английского Михаила Мошкина*

Часть III

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

Карл Хаусхофер

Геополитическая динамика меридианов и параллелей¹

Существует геополитический термин: Большие Пространства (Grossraum). Он возник еще в античном мире, предопределенный спецификой Средиземноморья, южных пустынь и горных хребтов. Термин как бы повторял тенденции развития, ориентированные на географические сектора, как вдоль параллелей, так и на ось Восток-Запад. Это касалось умеренных, тропических и субтропических поясов. Исключения составляли государства, расположенные вдоль русла больших рек, текущих по линии Север — Юг. Речные геополитические образования в силу особенного расположения своих жизненных артерий, испытывали на себе давление т.н. «вращательного момента», порождаемого экспансией вдоль параллелей. Это и составляло собственно геополитическую историю «речных государств», пока она не была окончательно подавлена динамикой широтной экспансии империй передней Азии и, восточнее, ахеменидским Ираном.

Начиная с некоторого момента истории, последовали сменяющие друг друга волны «широтной экспансии» — финикийцы, эллины, римляне, арабы, степные народы, франки, иберийцы и т. д. Это породило глобальную тенденцию геополитического развития, идущую от романского Средиземноморья до Средиземноморья карибского. Эта тенденция исчерпалась после достижения португальцами и испанцами границ первого Большого Пространства, стремившегося к меридианальному развитию. Этим пространством было Китайское Царство, часто менявшее свою внешнюю форму, но остававшееся при этом удивительно постоянным в культурно-расовом смысле.

Итак, восточноазиатскую — китайскую и японскую — геополитическую структуру, развивающуюся по линии

¹ «Элементы» №1, М., 2000

Север — Юг, прорезала испанская колониальная Империя, первое геополитическое «широтное Царство». Однако, испанцы сохраняли свою монополию недолго — около 70 лет. По их следам пошли конкуренты, унаследовавшие «широтную стратегию», стремившиеся ограбить своих предшественников и унаследовать их завоевания. Британцы были сильнейшими среди них. Им удалось построить свою Первую и Вторую империи, которые в целом следовали «широтной» ориентации. Англия была предопределена к этому и своим присутствием в Средиземноморье, и необходимостью охранять индийские владения.

На северной половине континента к Востоку постоянно расширялась Империя сначала белых, а потом красных царей. Между северной широтной Империей и югом лежали буферные зоны. И только в 40-х годах XX столетия два геополитических макрообразования, ориентированные по линии меридиана — восточноазиатский блок и панамериканский блок, — почти одновременно вторглись в геополитическое поле широтной динамики, образовав «рамку» вокруг традиционной раскладки планетарных сил.

Это последнее геополитическое событие обладает воистину гигантским значением, так как оно предопределяет полное изменение «силового поля» земной поверхности. Именно оно придает реальность Евро-Африканскому проекту, попыткам Советского Союза перейти от своей «широтной стратегии» к «стратегии теплых морей» и планам Индии по динамизации своей политики в отношении тихоокеанских островов. Заново образующееся геополитическое поле разительно отличается от картины, обрисованной в 1904 г. Хэлфордом Макиндером, который определил в качестве «географической оси истории» центр Старого Света, хотя в 1904 году концепции Макиндера были вполне адекватными реальному положению дел.

Следует уточнить, что Большое Пространство Восточной Азии тяготеет к самоограничению своими континентальными границами. Иначе обстоит дело с США, которые, завершив свои планы геополитического панамериканизма, считают свой контроль надо всем американским континентом лишь первым шагом к достижению мирового господства и уже активизируют усилия в тропической Африке, Иране, Индии и Австралии. США снова ориентируют свою геополитическую экспансию по линии Запад-Восток, стремясь сделать

«широтную динамику» основой своего грядущего мирового могущества. Это даст им возможность уже в ближайшем будущем угрожать своим потенциальным противникам возможностью Третьей мировой войны. Таким образом, именно геополитическая экспансия по меридиану, по своему завершению создает основу для самой серьезной угрозы для мира, так как она несет в себе возможность порабощения Соединенными Штатами всей планеты.

Для отстаивания своей геополитической независимости Восточная Азия уже сегодня вынуждена укреплять собственную культурную и политическую форму и создавать на периферии своего влияния буферные зоны безопасности. Через одно поколение и Европе потребуются такие же буферные зоны, подобно тем, что императоры Ито, Гото и др. стремились создать против экспансии русских царей. Особенно явно тенденции широтного и долготного развития в Африке проявляются в исламских геополитических образованиях и в процессе освобождения азиатских стран от английского владычества. Южная тенденция геополитической экспансии Восточной Азии по естественному пути морских и воздушных сообщений приходится как раз на ненаселенные районы Австралии, расположенные между двумя секторами сосредоточения англоязычного населения. В этом случае для колоний «внешнего полумесяца» Макиндера существует вполне реальная возможность «быть смытыми в море». Европа, таким образом, мгновенно теряет свою прочную связь с Африкой, и ключевой пункт потенциального противостояния «властителям широт» перемещается на юго-восток.

Советам, этой стране, которая всегда была «географической осью истории», и странам Оси, контролирующим «Внутренний Полумесяц», останется только наблюдать за происходящим на юго-востоке. Каким бы важным для культурного бытия Европы не было обильно смешанное с солдатской кровью военно-стратегическое пространство Черного и Каспийского морей, для будущего нового передела геополитического пространства оно будет второстепенным. Ибо начинается процесс создания новых «меридианальных» Больших Пространств, которые и приобретут решающее стратегическое значение.

Геополитическое будущее планеты зависит от того, сумеет ли англо-американская тенденция экспансии вдоль параллелей прорвать сопротивление восточноазиатской тенденции экспансии вдоль

меридианов. Чем бы это противостояние не закончилось, США считают, что в любом случае они будут надежно защищены остатками бывшей английской колониальной империи, даже если от нее останутся только тропические африканские колонии. И уж во всяком случае США могут рассчитывать на контролируемую ими тропическую Америку. Но посчитают ли они островную Индию, являющуюся третьей по запасам полезных ископаемых территорией, а также Иран и Индию, достойными того, чтобы проливать за них кровь и тратить деньги на военную экспедицию? Сочтут ли они необходимым тратить силы для того, чтобы оторвать от азиатского Большого Пространства этот кусок? В настоящий момент это самый важный и болезненный вопрос для расточителей денег и чужой крови: ведь дело идет об очень большой добыче.

Между Нанцинским и Чжунцинским Китаем сегодня, как и прежде, возможны самые невероятные, самые безумные компромиссы. Дальнейшее динамическое развитие вдоль меридиана Восточной Азии становится все более и более возможным, скрытые энергии зреют с каждым днем. Эти энергии пришли в действие и стали очевидными в правой части Восточной Азии — в Японии, и особенно, в Китае. В левой, западной части этого Большого Пространства они пока проявились недостаточно. Можно предположить в этом регионе новую войну длительностью от 10 до 50 лет. В Китае гражданская война идет уже 32 года. У Японии за плечами 12 лет сухопутных боев, и то, насколько воинственно она настроена по отношению к тихоокеанскому региону, Япония доказала в полной мере.

Противостояние геополитической экспансии по меридиану и экспансии по параллели требует от обеих сторон запастись терпением, так как эта проблема будет решаться в течение достаточно большого отрезка времени и на огромных территориях. Примером этому могут служить геополитические процессы, протекающие в последние десятилетия по обе стороны Тихого океана.

Карл Хаусхофер («Газета Геополитики», № 8, 1943, Германия)
Перевод с немецкого Александра Дугина

Послесловие

Данная работа знаменитого немецкого геополитика Карла Хаусхофера в нескольких скупых штрихах набрасывает контуры того геополитического закона, которому суждено было стать доминантой второй половины XX века, и важность которого возрастает сегодня с каждым днем. С пророческим предвидением Хаусхофер еще в 1943 году, — в эпоху полной неопределенности в отношении той геополитической картины мира, которая сложится в последующие годы, — показывал, что судьба послевоенного мира будет зависеть от противостояния азиатского Великого Пространства, тяготеющего к развитию по оси север-юг и пан-американского Великого Пространства, уже геополитически объединенного, вследствие применения доктрины Монро и теперь стремящегося колонизировать евразийский материк.

Судьба Японии после военного поражения не позволила этой стране составить конкуренцию США в Тихом и Индийском океанах, но, тем не менее, евразийское сопротивление американскому влиянию отнюдь не исчерпало себя, хотя и приобрело иные формы. Хаусхофер еще в самом разгаре Второй мировой войны уже указывал на то, что США будут грозить миру Третьей войной; это неизбежно вытекало из геополитической логики «динамики широт». И действительно, демарши США на Дальнем Востоке в Южном Вьетнаме, Южной Корее, на островах Тихого океана постоянно грозили мировым конфликтом. США любой ценой стремились прервать возможность осуществления азиатской версии доктрины Монро, то есть геополитической интеграции азиатских держав с их южными соседями. Внимательное прочтение этого текста объяснит нам войны в Индокитае, Афганистане, Индо-Пакистанский конфликт, проблему тамилы Шри Ланки, постоянные перевороты на Филиппинах, а также американскую выгоду от ирано-иракской войны. Любопытно отметить также, что геополитические азиатские антиамериканские проекты почти всегда носили характер «социалистический» или, по меньшей мере, в русле движения неприсоединившихся стран.

Все сказанное Хаусхофером о Японии, а он любил и хорошо знал эту страну, становится также весьма актуальным сегодня, так как Япония уже берет экономический реванш за военное поражение.

Джорж Фридманн, известный американский политолог, недавно опубликовал книгу «Грядущая война с Японией», в которой он объявил о полной противоположности экономических, геостратегических и геополитических интересов США и Японии, что, с его точки зрения, неизбежно приведет к конфликту. Итак, отчаянная борьба за Тихий океан, неминуемость которой ясно видел Хаусхофер, проявилась сегодня в довольно открытой форме, несмотря на то, что широкомасштабные боевые действия еще не начались.

Любопытно отметить и тот факт, что в 50-е годы русские военные стратеги — генерал Штеменко и адмирал Горшков — серьезно изучали необходимость реализации того, что Хаусхофер называл «динамическое развитие по оси Север-Юг в левой части азиатского Большого Пространства» или, иными словами, геополитическую интеграцию с южными регионами Евразии, дававшими Советскому Союзу выход к теплым морям. То, что эта тенденция не получила в свое время должного воплощения, никоим образом не снимает актуальности этой темы в рамках логики «динамики меридиана».

Надо отметить и еще одну особенность статьи Хаусхофера. В ней совершенно очевидно проявляется абсурдность обвинения автора в расизме. Читая этот короткий текст, невозможно не увидеть, что симпатии Хаусхофера целиком на стороне Восточной Азии, чье геополитическое развитие представляется ему естественным и органичным. В то же время он недвусмысленно осуждает американский империализм и открыто предупреждает об опасности глобализма. Он не делает также большой разницы между геополитикой «красных» и «белых» царей России, что является характерной чертой интеллектуальной традиции немецких консервативных революционеров, к которым Хаусхофер был довольно близок.

При самом разном отношении к трудам и личности великого немецкого геополитика, ни у кого из серьезных политологов, стратегов, дипломатов и идеологов давно уже не осталось никаких сомнений в одном: его труды необходимо внимательно, досконально, глубоко и последовательно изучать, а выводы каждая из заинтересованных сторон может сделать свои собственные — и американцы, и азиаты, и русские.

Юлиус Эвола

Пришествие «пятого сословия»¹

Одна из неоспоримых заслуг марксистской историографии состоит в попытке определить основное направление хода истории и точно выделить его фазы — выйдя за рамки рассмотрения отдельных событий, на которые иные историографии обращают обычно все свое внимание. Это войны, национальные потрясения, прочие события того или иного типа. Все эти случаи рассматриваются ею не как произвольные, но как вторичные и эпизодические проявления единого процесса глобального развития.

Практически ни одной попытки такого рода до сих пор еще не предпринималось противоположным лагерем, т. е. «правыми». В действительности же, марксистская интерпретация «смысла истории» (как экономически детерминированной последовательности, фатально приводящей к доминации рабочего класса) должна быть начисто отвергнута. Однако такое отвержение может произойти лишь при постановке проблемы на методологически адекватном уровне, где признается необходимость рассмотрения исторических событий в столь же широкой схеме, но — продиктованной совершенно иными, высшими критериями, в отличие от грубых и примитивных подходов исторического материализма.

Тем не менее, общая концепция, которая могла бы послужить основой антимарксистской историографии, уже существует. Эта концепция прослеживается в трудах некоторых традиционалистских авторов, в первую очередь, Рене Генона, а также В. Веццани и Г. Берля, частично — О. Шпенглера, и представляет собой рассмотрение особенностей циклического развития цивилизации. В данной статье нас

¹ «Элементы» №5, М., 2000.

особо интересует выделяемый в этих трудах феномен пришествия «Пятого сословия». Но прежде всего, для правильного понимания проблематики, здесь необходимо осветить стержневую традиционалистскую идею о регрессе, нисхождении доминирующих ценностей в некогда иерархическом, «нормальном» обществе. В процессе этого нисхождения тип цивилизации и политическую власть определяют последовательно четыре сословия: духовная и сакральная элита, военная аристократия, буржуазии, концентрирующая свои интересы исключительно на экономике (каста вайшья в индуизме), и, наконец, работники, «простой народ».

На примере известной нам истории мы можем утверждать, что традиционная иерархическая пирамида рухнула и нисхождение «прошло» через все эти четыре уровня. Цивилизации, где правящее сословие основывало свою власть па сакральном «богоданном праве», и общества, управляемые военной аристократией, составляли, в сущности, единую фазу, которая завершилась с уходом великих европейских династий. В эпоху Французской революции победу одержали принципы индустриализма и либерализма, к власти пришло буржуазное, плутократическое Третье сословие «королей» угля, стали, бензина и т. д. Социалистические и пролетарские движения, которые нашли свое логическое оформление в коммунизме и советизме, возвестили о приходе к власти последнего слоя этой иерархии — Четвертого сословия, и начале глобального противостояния стран, где оно победило, с теми странами, где все еще правит Третье сословие.

Если бы эта схема заканчивалась, таким образом, впору бы было говорить, не о «смысле истории», а про ее бессмысленность. Но прекращается ли процесс нисхождения на Четвертом сословии? В период между двумя Мировыми войнами в Карлсруэ вышла маленькая и весьма оригинальная книга, автор которой — Г. Берль — попытался ответить именно на этот вопрос. Эта книга так и называлась — «Пришествие Пятого сословия» («Die Heraufkunft des Funften Standes»). Помимо ее теоретического содержания и интерпретации истории как регресса, эта книга преисполнена эмоциями. Берль писал ее в туберкулезном санатории, полностью поглощенный изучаемой проблемой («от каждой страницы исходит жар», — сказал как-то сам автор). Освобожденные от некоторых чрезмерностей, умозаключе-

ния Берля могут быть довольно интересны для всех, кто хочет разобраться в определенных аспектах нашей эпохи.

По Берлю, историческая деградация отнюдь не завершается на Четвертом сословии, на мире коллективизма, марксизма и коммунизма, она продолжается с появлением Пятого сословия. Что оно собой представляет? Здесь надо остановиться на идее того, что любая организация рождается во взаимодействии двух элементарных принципов — сил порядка и сил хаоса. Первые либо пресекают вторые, либо сдерживают их в определенных рамках. В традиционных цивилизациях подчеловеческие, «демонические», как говорил Гете, силы хаоса были связаны, обузданы, подчинены высшему закону и авторитету естественного объединения духовных, героических и аристократических ценностей. Но когда цикл подходит к концу, представители этих ценностей утрачивают данную миссию и освобождают место для сил деструкции, которые, в конце концов, одерживают верх. Здесь и пролегает граница, которую можно назвать пришествием Пятого сословия.

В феномене «революции», как таковом, всегда происходит выход на поверхность некоего бесформенного субстрата, более или менее выявляющегося в позднейшем развитии, но в этой первой фазе проникнутого диким желанием разрушения и уничтожения, страстным порывом к растворению личности в коллективе и «коллективном демонизме». Страницы, написанные Жозефом де Мэстром о Французской революции, являются в этом отношении вневременным зеркалом. Кроме того, отсюда можно вывести понимание Четвертого сословия вообще как антисословия, поскольку любое подлинное сословие имеет традиционный смысл: воплощение в реальности высшей идеи. Исходя из этого видения, Берль считал характерным симптомом современности, например, организованную преступность, типичным образцом которой является, в частности, американский гангстеризм. Вообще, характеристика новых времен невозможна без явного фактора организации. Однако, парадоксальным образом, этот фактор означает «организованный хаос». Те же силы, которые скрываются внутри политических систем, порожденных Четвертым сословием, коммунизмом и марксизмом, не исчезают, но продолжают действовать на еще более низшем уровне.

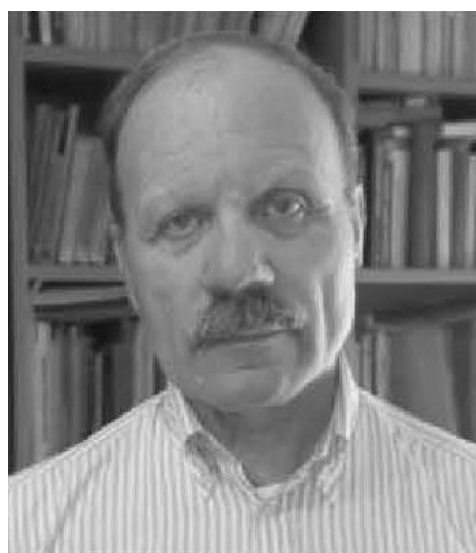
Поэтому пришествие Пятого сословия необходимо рассматривать не только в социальном или политическом контексте, но и на уровне личности, точнее — разрушения личности. История всегда зияла жестокости и зверские злодеяния, но для диагностики именно нашей эпохи типичным элементом выглядит мрачная методичность рационально продуманного вырождения, имеющая целью превратить людей в безвольных марионеток (некоторые ценные соображения по этому поводу, хотя и не лишённые односторонней тенденциозности, выдвигает католический экзистенциалист Габриэль Марсель) Этого достаточно для того, чтобы задуматься о закулисной стороне некоторых процессов, протекающих по ту сторону железного занавеса, в режимах концлагерей и «перевоспитания». Там уничтожается все то, что делает из человека полноценную личность. Такое уничтожение личности, конечно, разнится по форме с западным, но знаки определенной конвергенции между ними — очевидны.

Со времени, когда вышла книга Берли, и в иных сферах современного мира становятся все более явственными феномены «выхода на поверхность» того субстрата, о котором мы говорили выше. Здесь необходимо коснуться, например, некоторых аспектов того, что называется сегодня революционным «поколением». Революция может быть подлинно легитимной, если она направлена против той цивилизации, где все отныне лишено высшей оправданности, пусто и абсурдно, механизировано и стандартизировано, и которая неудержимо стремится к торжеству подчеловеческих реальностей в мире аморфного количества. Но когда речь идет о «бунтовщиках без знамени», когда революция является самоцелью, сопровождается разгулом страстей, примитивизмом, опорой на низшие инстинкты (секс, негритянский джаз, хмельной восторг, беспричинную и криминальную жестокость, потворство всему вульгарному и анархическому), необходимо обозначить прямую связь этих феноменов с действием сил хаоса, прорывающихся на земную поверхность и делающихся все более и более видимыми в нашем мире. Этими силами некоторые люди уже буквально одержимы.

Здесь можно также проследить эти феномены и в иных сферах, осуществляющих массированный натиск на личность. Что представляет собой, например, психоанализ, как не разрушение тех перегородок, доступ к которым был, возможно провиденциально, закрыт

ранее, в мире Традиции? Как не вскрытие в душе человека подчеловеческих недр, переворачивающих все ценности и выдающих еще этот переворот за благую попытку объяснить тайны человеческой психики? С помощью левой идеологии этот феномен распространяется и на социально-исторический план: такое замещение оправданных свыше политических структур догмой «прогресса» соответствует восстанию против того, что еще античная мысль называла термином «гегемоникон», «принцип вождя». Человек в этих условиях низводится на уровень простой социальной единицы.

Но основной интерес среди кратко изложенных здесь идей вызывает социальная и экзистенциальная проблема «смысла истории», которую теперь надо рассматривать в контексте знаменательных симптомов, выделенных в логике исследования. Однако надо избегать преувеличений и всех форм «апокалиптизма»; все же многие вещи среди представленных здесь должны лишь побудить к напряженному размышлению того, кто еще пребывает в наркотическом плену мифа о прогрессивной демократии и не способен постичь условия и причины такого течения событий. Четырехчастное нисхождение цивилизации и социальных организаций — это реальность; и после этого в наше бытие прорываются инфернальные силы, силы хаоса, которые уже не принадлежат собственно человеческому миру. И в этом процессе формула «пришествие Пятого сословия» служит прекрасным выражением сущности этого страшного и немыслимого ранее периода, характеризующего финальную стадию «темного века», Кали-юги.

Клаудио Мутти

Полярный Эльбрус¹

Страна Лестригонов

Перечитывая приключения Одиссея, я понял недавно, что тема Гипербореи в Греции не ограничивается краткими пассажами Пиндара, Эсхила, Геродота и Диодора Сицилийского, которые цитировались уже тысячи раз. У самого Гомера в рассказе о путешествиях Алкиона в страну Лестригонов мы сталкиваемся с ясными указаниями на северную полярную страну. «После шести дней плавания мы достигли на седьмой день далекой крепости Ламе, в городе Телепилос Лестригония. ... Там люди, которые спят мало, могут получать двойную плату за работу — ночью пася темных быков, а днем — белых овец, так как в этой стране пути Дня и Ночи близки».

Гомер, таким образом, утверждает, что в стране Лестригонов пастух, готовый ограничить время своего сна, может получать двойную плату, осуществляя двойную работу. Это означает, что световой день там длится двадцать четыре часа. Гомер еще раз уточняет это, говоря, что «пути Дня и Ночи близки» в этой стране. Такое положение дел встречается только на крайнем Севере земли, в регионе, который назывался греками «Гипербореей», т. е. «страной, лежащей по ту сторону Севера» или «северного ветра, боряя». Показательно, что название столицы страны Лестригонов «Телепилос» означает «дальние врата», а прилагательное «дальний», «tele» относится в сакральной географии в символическом смысле именно к Северу, к полярным областям. Отсюда устойчивое словосочетание «далекая Туле», встречающееся у Пиндара и Диодора Сицилийского.

¹ «Элементы» №6, М., 2000.

По ту сторону «семи миров»

Обратимся теперь к венгерскому фольклору, где мы снова сталкиваемся со следами древней протовенгенской, уральской, шаманской традиции в характерном зачатке многих сказок и преданий: «По ту сторону семи миров, по ту сторону Стеклойной Горы, по ту сторону Моря ...»

Эти «семь миров» («hetvilag») венгерского фольклора точно совпадают с более полными данными сакральной географии в индуистских Пуранах, где говорится о «семи двина», т. е. о «семи континентах», в которых пребывает человечество в различные циклы своей истории, в манваторах. Эти «семь миров» совпадают в свою очередь с «семью кешварами» (авестийское «karshvar») традиционной иранской географии. Бируни так определяет эти «семь миров» — 1) Индия, 2) Аравия и Абиссиния, 3) Сирия и Египет, 4) Иран, 5) Византия и славянский мир, 6) Туркестан, 7) Китай и Тибет. Эти земли или «миры» надо, естественно, понимать символически. В исламском эзотеризме эти же «семь земель» представляют собой семь основных уровней земного существования», каждый из уровней управляется своим собственным «Полюсом», «Кутбом», а все семь Полюсов подчиняются, в свою очередь, Высшему Плюсу (al-Qutb al-Ghawth).

Но что лежит по ту сторону этих семи миров, о которых говорят венгерские сказки?

Там живет Король и два его сына, один из которых, Янош, сталкивается с трудными испытаниями и успешно преодолевает их. В одной из сказок Янош подчиняет себе Медведя, с которым встречается в лесу, и об этом Медведе говорится, что он «подчинил себе стадо Кабанов». Однако надо напомнить, что, согласно индуистской традиции, древнейшим названием духовного центра Изначальной Традиции было именно «Варахи», т. е. «Земля Кабана». В позднейшие эпохи в результате «восстания Кшатриев» («воинов», второй традиционной касты, символизируемой Медведем) против «Брахманов» (чьим символом является Кабан) имя гиперборейского континента изменилось — из «земли Кабана» он превратился в «землю Медведя», т. е. дословно «Арктику» (сравни греческое «arctos», кельтское «arth», санскритское «arkshas» и т. д.).

Янош из венгерского фольклора, побеждающий Медведя, очень напоминает шестого аватара Вишну в индуистской традиции — Парашу-Раму, который положил конец «восстания Кшатриев». Парашу-Рама, в свою очередь, идентичен греческому Персею, а о том у Пиндара сказано, что «он посетил страну гипербореев и пировал в их жилище». Но Янош в этой сказке не только побеждает Медведя, ему удастся впоследствии объединить вокруг себя и Кабанов и Медведей, что символически указывает на древнейший период сакральной истории, когда между двумя высшими кастами существовало не противостояние, а гармония. Генон писал, что «символы Кабана и Медведя не всегда выступают как противоположности, в некоторых случаях они взаимодополняют друг друга как формы духовного могущества (Кабан), гармонично сочетающегося с временной властью (Медведь)».

Нордический пик в исламе

То, что за пределом «семи миров» существует земля, где сохраняются условия изначального райского существования, утверждают также многие авторитеты духовного ислама.

Абд-Эль-Карим Эль-Джили (1365 — 1403) писал, что за пределом семи климатических поясов существует «небесная земля, которая белее молока и слаще меда, где был создан Адам». Когда Адам покинул эту изначальную страну, — говорит Джили, — вся земля стала пепельного цвета, кроме областей далекого Севера, где до сих пор правит Хизр и живут «люди Невидимого» (риджал-альб-гайб). Эта страна «солнца полуночи», куда не доплывают рыбаки. Там также не надо исполнять вечерней молитвы, потому что восход предшествует там закату».

Интересно также заметить, что согласно географу Якуту, полярная гора Каф некогда называлась Альбора. Гора Альбора — это, как известно, высший пик Европы Эльбрус, достигающий высоты 5633 метра. Обычное явление в сакральной географии: изначальные гиперборейские имена переносятся на области, в которых селятся позже народы, помнящие о своем гиперборейском происхождении. И показательно, что в реальной географии Ирана гора Эльбрус

находится на крайнем Севере. Так сакральная география проецируется на обычную географию и ее исторические названия.

Итак, «восьмой климатический пояс», «световая земля» лежит на крайнем Севере. Космология Ибн-Сины говорит по этому поводу о существовании космического Востока и космического Запада. Но космический Восток как небесный полюс, центр Истока, следует искать в северном направлении вблизи световой земли.

Еще в прошлом веке выдающийся представитель шиитской мистической школы Ирана шейх Мухаммад Карим Хан Кермани пояснял, что духовный Восток-Исток (Orient) ориентирует и магнетически притягивает духовную историю человечества к реальности небесного полюса, Космического севера, алмазной скалы на вершине космической Горы Каф, где начинается инициатический мир страны Хуркаля. «Это не те области, которые располагаются на картах в регионах Востока. Древние карты помещали Восток вверх, на месте Севера. И именно это полярное измерение дает смысл человеку и его миру, именно эта нордическая гиперборейская вертикаль является смыслом истории, а не горизонтальный одномерный линейный вектор эволюции, который сегодня ошибочно принимается человечеством за содержание исторического процесса». (А. Корбен «Духовное тело и небесная земля»).

Клаудио Мутти

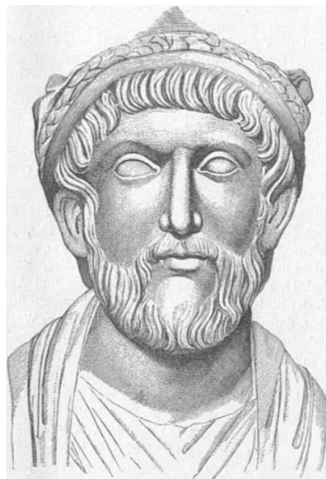
Император и теолог¹

Трудно сказать, до какой степени для него было естественным подниматься в божественные сферы и обитать там: не следует ли тебе отметить, Василий, с каким усилием он спускается оттуда, в то время как для обычных людей и даже для самых опытных философов усилий требует отрыв от низины, дабы иметь возможность возвыситься? Драгоценные чувства любви и дружбы, каковые нам ведомы в нём, несомненно, происходят от одного из восхождений его души; и их несли его колесница из одного из путешествий сквозь небесные сферы и высшие регионы. Если мысль когда-нибудь имела крылья, то, безусловно, это была его мысль.

Альфред де Виньи, Дафна.

Unus Deus, unus Julianus²

Теолог Серджио Куинцио, вынужденный набросать «портрет» императора Юлиана, прибегнул к беспрецедентной и провокационной аналогии: он сравнил «Отступника» с Иоанном Павлом II, распознав в деятельности обоих безнадёжную попытку сохранения в живых уже обречённой на увядание религии. «Если бы Юлиан спросил меня о возможности реорганизации языческой религии, — писал теолог, — я дал бы тот же отрицательный ответ, который я дал бы сегодня, задай мне Папа вопрос о возможности переустройства христианской цивилизации».³

¹ I глава книги IMPERIUM Клаудио Мутти.

² Один Бог, один Юлиан (лат.). — Прим. пер.

³ S. Quinzio, Come l'Apostata anche Wojtyla combatte contro il tempo in

Более того, «на самом деле попытка реставрации, совершённая юным императором лишь поспособствовала окончательному упадку язычества. И мне кажется, что такое будет пунктуально повторяться, поскольку в истории имеется предостаточно пунктуальных повторений».¹

Столь же оригинальная параллель изложена Жаком Фонтеном, преподавателем позднелатинского языка и литературы в Сорбонне, в беседе с журналистом, который предлагал ему сравнить Юлиана с другими действующими лицами истории «с довольно похожими проектами» (sic!), такими, как Гитлер и Сталин. «Я, — ответил Фонтен, — если вам угодно, лучше расположил бы рядом с ним Хомейни. Из-за фанатизма, из-за ощущения того, что он наделён божественной ролью, из-за того, что считается богом. И потом, из-за культуры. Из-за насилия, сектантства. Мы обладаем очень точными описаниями внешности Юлиана. Одно из них, принадлежащее Аммиану Антиохийскому (заострённая борода, магнетический взгляд, жреческая фигура), делает его действительно похожим, даже в телесных чертах, на иранского аятоллу».²

Таким образом, галерея исторических личностей, с которыми Юлиан сопоставлялся в прошлом, расширяется. Не знаем, что об этом подумал бы Сталин. Гитлер же, со своей стороны неоднократно демонстрировавший восхищение великим «Отступником»,³ вероятно, благосклонно воспринял бы такое сравнение.

Что касается Хомейни, оставляя в стороне избитые банальности о «фанатизме» и абсурдности «считаться богом»(!), дискурс несколько менее заурядный был бы способен рассмотреть общий теократический характер как проекта Августа, так и проекта Имама, поэтому отсылка к реставрационной деятельности исламского монотеизма смогла бы актуализировать, если в том была насущная необходимость, юлианову попытку учреждения того, что кое-кто назвал «го-

nome dell'antica religione, in *Il Manifesto*, 13 agosto 1992, p. 13.

¹ *Ibidem*.

² Imperatore e khomeinista, intervista con Jacques Fontaine di Sandro Ottolenghi, in *Panorama*, 7 giugno 1987, p. 143.

³ A. Hitler, *Idee sul destino del mondo*, Edizioni di Ar, Padova 1980, I, pp. 68, 78, 223.

сударственным монотеизмом».¹ Подобная операция не стала бы противозаконной в научном отношении, поскольку идеальное родство между античной солнечной теологией и исламом авторитетно доказано таким выдающимся учёным, как Франц Альтгейм, для которого «неоплатоники являлись предтечами Магомета и его страстной ненависти ко всем верованиям, приписывавшим Богу «сотоварища»»,² между тем как знаменитое исследование Анри Корбена о доктрине божественного единства (тавхид) в шиитском исламе начинается с обращения к литературе, расцветшей в двадцатые годы XX века вокруг «религиозной драмы императора Юлиана».³

И всё же именно Жак Фонтен выдвинул по отношению к религии, каковую Юлиан освятил как *pontifex maximus*,⁴ понятие «солярного монотеизма», к которому часто обращались все исследователи религиозных проявлений имперской эпохи. Согласно французскому учёному, в действительности форма, принятая греко-римской традицией в эпоху Юлиана, представляет собой «синтез всех религий и языческих теологий под знаком солярного монотеизма»;⁵ или, отдавая предпочтение употребляемому другими исследователями

¹ G. Ricciotti, *L'imperatore Giuliano l'Apostata*, Mondadori, Milano 1962, p. 275.

² F. Altheim, *Dall'antichità al Medioevo. Il volto della sera e del mattino*, Sansoni, Firenze 1961, pp. 14-15. Но прежде всего см. F. Altheim, *Il dio invitto. Cristianesimo e culti solari*, Feltrinelli, Milano 1960, где на основании последовательного утверждения солярного монотеизма в поздней античности установлена связь между солнечной теологией и исламом. «Недавно была отмечена близкая родственность монофизитства и ислама. Одним из отцов монофизитского учения был Евтихий, предвестник Магомета. Проповедь Магомета действительно вдохновлялась идеей единства, идеей того, что Бог не имел никакого «товарища», и поэтому размещалась в том же ряду предшественников, близких неоплатоников и монофизитов. Только религиозная страсть Пророка могла придать гораздо более важную значимость тому, что прежде него чувствовали и желали другие» (F. Altheim, *Il dio invitto*, cit., p. 121).

³ H. Corbin, *Il paradosso del monoteismo*, Marietti, Casale Monferrato 1986, p. 3.

⁴ [Великий понтифик, верховный жрец (лат.). — Прим. пер.] J. Fontaine, *Introduzione a: Giuliano Imperatore, Alla Madre degli dèi e altri discorsi*, Fondazione Lorenzo Valla, Mondadori, Milano 1990, p. Iv.

⁵ J. Fontaine, *ibidem*.

синониму, «солярного единобожия», определяемого в следующих терминах: «Юлиан желает всем продемонстрировать, что Бог Гелиос — единственный, истинный бог, и что многочисленные римские божества являются не чем иным, как ипостасями, или же частными аспектами, специфическими и узкими манифестациями единого, высшего солнечного божества».¹

Отстаиваемая Юлианом монотеистическая доктрина или учение о единобожии выражалась в различных эпиграфах тех времён, провозглашающих единственность Бога, а также единство и уникальность имперской власти;² эпиграфы, которые, по словам Шпенглера, могут быть переведены только так: «Есть лишь один Бог, и Юлиан — его пророк».³ Рекурсивность этой темы, «имеющей центральное значение в политической концепции Юлиана»,⁴ побудила Атанassiади-Фоуден говорить об «одержимости единством»⁵ и подчеркнуть тот факт, что «Юлиан даже не рассматривал возможность разделения власти с неким партнёром, но напротив, считал себя единственным наместником Бога на земле».⁶ Такая политическая концепция находит свою древнейшую формулировку у Гомера, который говорит устами Одиссея: «Нет в многовластии блага, да будет единый властитель».⁷ Сенека излагает тот же самый принцип для Римской империи, говоря, что «сама природа замыслила царя»;⁸ а Филон Александрийский добавляет вывод, утверждающий аналогию между политеизмом и демократией: «Бог один, и сие против-

¹ S. Arcella, *I Misteri del Sole. Il culto di Mitra nell'Italia antica*, Controcorrente, Napoli 2002, p. 183.

² «Один — Бог, один — базилевс Юлиан», «Один — Бог, один — Юлиан Август». См. E. Peterson, *HEIS THEOS. Epigraphische, formgeschichtliche und religionsgeschichtliche Untersuchungen*, Vandenhoeck und Ruprecht, Göttingen 1926, pp. 270-273.

³ Oswald Spengler, *Il tramonto dell'Occidente*, Longanesi, Milano 1957, p. 970.

⁴ Augusto Guida, *Un anonimo panegirico per l'Imperatore Giuliano*, Leo S. Olschki Editore, Firenze 1990, p. 127.

⁵ Polymnia Athanassiadi-Fowden, *L'Imperatore Giuliano*, Rizzoli, Milano 1984, p. 205.

⁶ P. Athanassiadi-Fowden, *op. cit.*, p. 206.

⁷ Гомер, «Илиада», II, 204.

⁸ Сенека, «О милосердии», 1, 19, 2.

но приверженцам политеистического учения, каковые не стыдятся переносить с земли на небо худшие из дурных установлений».¹

В том, что касается «солнечного монотеизма», Юлиан ничего не изобрёл, ограничившись совершенствованием теологической дефиниции, каковая на деле уже давно применялась и которую Франц Альтгейм резюмирует следующим образом: «История античного бога солнца, при рассмотрении в общих чертах, является историей последовательного рафинирования его культа. В одном из городов Сирии утверждается культ бедуинского происхождения. Из-за своей исключительности и абсолютности он будоражит западный мир, провоцируя страстное отвержение. Но его буквальное представление, неоплатоническая философия, и, не в последнюю очередь, ассимиляционная способность римской религии и римской концепции государства, совершают чудо: из божества Гелиогабала (218-222 гг. н.э.), культ какового был загрязнён оргиями и восточным суеверием, возникает самый чистый из богов, коему предназначено ещё раз унифицировать античную религиозность».² В 274 году н.э. при Аврелиане солнечный монотеизм стал официальной религией Римской империи, и Sol Invictus³ признали высшим божеством: в Риме вознёсся роскошный храм, посвящённый Солнцу, в честь которого учредили периодические празднества; кроме того, была создана коллегия жрецов бога Солнце и чеканились многочисленные монеты с солярными надписями и символами. Тем самым «"монотеизм", в который североанский синкретизм обратил римское язычество, нашёл в отстаиваемом Аврелианом солнечном культе своё самое решительное и убедительное утверждение»,⁴ и в стене христианской непримиримости появилось несколько трещин.⁵ В эпоху Константи-

¹ Филон, «Сотворение мира», 171 (Filone di Alessandria, *La creazione del mondo. Le allegorie delle leggi*, Rusconi, Milano 1978, p. 146).

² Franz Altheim, *Il dio invitto*, cit., pp. 11-12.

³ Непобедимое Солнце (лат.). — Прим. пер.

⁴ Marta Sordi, *Il cristianesimo e Roma*, Cappelli, Bologna 1965, p. 328.

⁵ В 307 году в Александрии один христианин предстал перед имперским чиновником и сказал, что отказывает приносить жертвы, поскольку согласно священному писанию тот, кто жертвует богам, а не Богу-Солнцу, будет истреблён. И представитель императора ответил ему: «Тогда приноси жертвы Богу-Солнцу» (Louis Homo, *Les empereurs romains et le christianisme*, Les Belles Lettres, Paris 1931, p. 112).

на большое значение приобрели «монотеизированные образы религии Гелиоса: солнечный Аполлон и Sol Invictus выделяются в барельефах триумфальной арки и на монетах того времени».¹ Между тем, как фигуры божеств постепенно исчезали с монет Константина, солнечный бог навязывался всё интенсивней: Sol Invictus [...] ещё больше укрепляет свои позиции на всей контролируемой Константином территории и во всех его монетных дворах [...] кажется, что сам император глубоко почитает бога Солнце».² Среди бюрократии и в армии солнечная религия получает своё максимальное распространение: «Sol Invictus и Victoria³ были *dei militares*⁴ армии Константина; кроме того, солнечное божество снискало расположение в легионах Лициния».⁵

Юлианова формулировка солярной теологии, рассматриваемая в исторических рамках, приходится на зрелую фазу неоплатонизма, в которой доктринальные основы сего духовного движения уже окончательно зафиксированы и упрочнены. Если основатель школы, Плотин (204-270 гг. н.э.), признал в Едином принцип бытия и центр универсальной возможности, то его преемник Порфирий Тирский (233-305 гг. н.э.) превратил неоплатонизм в своего рода «религию Книги»;⁶ автор сочинения «О солнце»,⁷ Порфирий посвятил солярной теологии трактат, значительные фрагменты коего наличествуют в «Сатурналиях» Макробия.⁸ «В своём изложении Порфирий только

¹ Lucio De Giovanni, *Costantino e il mondo pagano*, Associazione di Studi Tardoantichi, Napoli 1972, p. 19.

² Andreas Alföldi, *Costantino tra paganesimo e cristianesimo*, Laterza, Bari 1976, p. 49.

³ Виктория (лат.), богиня победы. — Прим. пер.

⁴ Солдатскими богами (лат.). — Прим. пер.

⁵ L. De Giovanni, *op. cit.*, p. 121.

⁶ Nuccio D'Anna, *Il neoplatonismo. Significato e dottrine di un movimento spirituale*, Il Cerchio, Rimini 1988, p. 22.

⁷ Это утраченное сочинение цитируется Сервием (Комментарий к «Эклогам», V, 66) и, вероятно, отождествляется с трактатом «О божественных именах»; или, быть может, оно входило в «Философию оракулов». См. G. Heuten, *Le «Soleil» de Porphyre*, в *Mélanges F. Cumont*, I, Bruxelles 1936, p. 253 ss.

⁸ Макробий, «Сатурналия», I, 17-23 (*I Saturnali*, a cura di Nino Marinane, UTET, Torino 1977, pp. 243-304).

и делает, что прикладывает платоновскую метафизику — вновь приводит к Единому все аспекты космоса — к важнейшим божествам классического пантеона, раскрывая, что они суть не что иное, как частные функции Единого, кое с теологической точки зрения следует определить подобным Солнцу, поскольку та духовная «сущность» на космическом плане «опирается» на дневное светило [...] так как Аполлон есть роскошь, здоровье и блеск [...] а Меркурий «наделяет речью» (Saturn., XVIII, 7), поэтому любая деятельность приводит к божественному — «солнечному» — присутствию.¹ Но тем, кто своим учением «обратил последнего языческого императора в трансцендентное солнцепоклонничество»,² был наследник Порфирия, «божественный Ямвлих» (250-330 гг. н.э.). После Юлиана «солярную» традицию можно проследить вплоть до Прокла (410-485 гг. н.э.), автора, в частности, «Гимна Гелиосу»,³ а также до его современника Марциана Капеллы, который гимном-молитвой Филологии к Солнцу (De nuptiis, II, 185-193) оставил нам «примечательный документ «солнечной теологии» позднего неоплатонизма»,⁴ а также «последнее свидетельство солнечного синкретизма на Западе»;⁵ действительно, к 531 году, с бегством в Персию схоларха Дамаския (470-544) и других неоплатоников, «солярная» традиция покинет христианский мир и продолжит своё существование в тех же местах, из каковых по всей Европе распространился культ Митры.

Sol Invictus

В одном из гимнов иранской традиции («Яшт», 10, 136) Митра появляется на запряжённой белыми лошадьми золотой повозке с единственным колесом;⁶ поэтому Страбон (XV, 3) может по праву

¹ N. D'Anna, *op. cit.*, pp. 49-50.

² Franz Cumont, *La Théologie solaire du paganisme romain*, in *Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, XII, 2, 1913, p. 477.

³ Proclo, *Inni*, a cura di Davide Giordano, Fussi-Sansoni, Firenze 1957, pp. 21-29.

⁴ *Martiani Capellae De nuptiis Philologiae et Mercurii liber secundus*, Introduzione, traduzione e commento di Luciano Lenaz, Liviana, Padova 1975, p. 46.

⁵ Robert Turcan, *Martianus Capella et Jamblique*, «Revue des Études Latines», 36, 1958, p. 249.

⁶ Trad. it. dell'*Inno a Mithra*: Italo Pizzi, *Lyra Zarathustrica*, versione

утверждать, что под именем Митры персы почитают Гелиоса. В Риме, где его отождествляли с Sol Invictus, последователи солнечного бога появились около 66 года до н.э.; к концу первого столетия н.э. его культ приобрёл уже столь большое значение, что распространился на всех территориях империи, от Анатолии до Британии. К завершению второго века среди посвящённых в мистерии Митры оказался даже император — Коммод; «спустя сто лет могущество Митры было таким, что, по-видимому, оно практически затмило его соперников на Востоке и Западе и доминировало над всем римским миром».¹ В 307 году Диоклетиан, Галерий и Лициний провозгласили Митру «защитником своей империи» (*fautor imperii sui*). Теперь митраизм стал восприниматься как «религия [...] почти«единобожная», то есть признающая многих божеств, но в то же время учившая, что они по сути являются только различными проявлениями одного и того же бога».² Что касается Юлиана, то «он понял, что митраизму, если тот желал стать универсальной религией, [...] следовало в большей степени раскрыть себя для философских интерпретаций. Именно поэтому гимн Солнцу, сочинённый самим императором, вдохновлён мистицизмом Ямвлиха; Митра отождествляется с Солнцем, Аполлоном, Фазтоном, Гиперионом и Прометеем. Другие божества суть не что иное, как эманации солнечного могущества. Юлиан уподобляется благому пастырю, коему вменялась в обязанность мораль Митры: «Доброта к людям, каковыми он призван править, преданность богам, самообладание»».³

Весьма вероятно, что Юлиан был посвящён в митраистские мистерии, когда в качестве цезаря командовал войсками Галлии между 355 и 361 гг.; «с 357-го в Риме встречается целый ряд митраистских надписей. Связь с восхождением Юлиана представляется очевидной».⁴ О своём посвящении он говорит нам сам в нескольких

metrica, in *Atti della R. Accademia delle Scienze di Torino*, XLIV (1909), pp. 805-828.

¹ F. Cumont, *Le religioni orientali nel paganesimo romano*, I libri del Graal, Roma 1990, p. 116.

² Reinhold Merkelbach, *Mitra*, ECIG, Genova 1988, p. 94.

³ Martin Vermaseren, *Mithra, ce dieu mystérieux*, Éditions Sequoia, Paris-Bruxelles 1960, p. 155.

⁴ R. Merkelbach, *op. cit.*, p. 291.

строках в конце произведения Кесари, каковые мы приводим ниже: «Тебе, — сказал Гермес, — я даю знание Отца Митры. Следуй его установлениям; так ты, доколе будешь жив, обретёшь крепкий швартов и надёжную гавань, а когда придёт время покинуть сей мир, найдёшь, возлагая надежды, проводника в лице благосклонного бога» (336C). Другие свидетельства обнаруживаются в молениях «царю Гелиосу» (130C) и «матери богов» (172D-173A).

Солнечный монотеизм, освящённый императором Юлианом, находит собственный доктринальный текст¹ в том «внушительном здании теологического синтеза в ключе единобожия»,² каковым является Гимн царю Гелиосу. Написанный в конце 362 года в Антиохии, у подножия горы Касии, «места отправления солнечного культа с очевидными свойствами»,³ на которую поднялся Юлиан, дабы предаться созерцанию восхода Солнца и принести жертву Юпитеру,⁴ Гимн царю Гелиосу представляет собой не просто жест приватного почитания, но «свидетельство причастности самодержца к публичному чествованию *Sol invictus*»;⁵ праздник солнечного рождества отмечался в день зимнего солнцестояния, 25 декабря. Как сочинение Кесари, написанное за несколько дней до того, так и Гимн царю Гелиосу посвящены другу Саллюстию, автору небольшого трактата *О богах и мире*.⁶

¹ «Молитвенник для языческой церкви», используя слова Риччиотти (Ricciotti, *op. cit.*, p. 275).

² Nello Gatta, *Giuliano Imperatore. Un asceta dell'idea di Stato*, Edizioni di Ar, Padova 1995, p. 52.

³ T. Agozzino, in: Ammiano Marcellino, *Giuliano e il paganesimo morente*, Paravia, Torino 1972, p. 116.

⁴ Аммиан Марцеллин, XXII, 14, 4.

⁵ Christian Lacombrade, in: *L'Empereur Julien, Oeuvres complètes, Les Belles Lettres*, Paris 1964, t. II, 2a parte, p. 95.

⁶ Sallustio, *Sugli dèi e il mondo*, a cura di Claudio Mutti, Edizioni di Ar, Padova 1978 (2° ed. 1993); F. Daverio, *Versione di «Sugli Dei e sul Cosmo» di Sallustio filosofo, «Conoscenza religiosa»*, 4, 1981, pp. 415-430; Salustio, *Degli Dei e del Cosmo*, in *Gli occhi dell'anima. Intreccio di scrittura fra Giuliano detto l'Apostata e Saturninio Secondo Salustio. Il Catechismo di Salustio*, a cura di Giuseppe Dagnino, ECIG, Genova 1996; Salustio, *Sugli dèi e il mondo*, a cura di Riccardo Di Giuseppe, Adelphi, Milano 2000.

Изложенное в Гимне учение основательно опирается на Платона. Юлиан цитирует отрывок из Республики (508B-C), из коего следует, что Солнце (Hélíos) в мире чувственном и зримом (aisthetòs, oratòs) есть то, что Высшее Благо, трансцендентный источник бытия, являет собой в мире интеллигибельном (poetòs); иными словами, дневное светило представляет собой не что иное, как отражение метафизического Солнца, освещающего и оплодотворяющего мир архетипических сущностей, платоновских «идей». Или, говоря словами Эволы, «Гелиос — это Солнце, но не как обожествлённое физическое светило, а как символ метафизического света и могущества в трансцендентном смысле».¹ Однако, между интеллигибельным миром чистого бытия и миром воспринимаемых физическим зрением и другими чувствами телесных форм располагается третий мир: мир, который называется «интеллектуальным» (poetòs), или же наделённым интеллектом.

В подтверждение того, что некоторые сопоставления были вовсе не редкостью, мы приводим отрывок из работы исламского теософа Махмуда Кутбиддина Ширази (1237-1311), который резюмирует доктрину трёх миров, утверждая, что Платон и прочие мудрецы древней Греции «исповедовали существование двойной вселенной: с одной стороны, области чистого сверхчувственного, охватывающей мир Божества и мир ангельских интеллектов; с другой — сферы материальных форм, иначе говоря, мира небесных сфер и стихий, а между первым и вторым мирами располагался мир автономных имажинальных форм».² Гелиос, ипостась высшего принципа («сын Единого») в центре этого срединного мира, выполняет посредническую, координирующую и объединительную функцию в отношении интеллектуальных и демиургических причин («божеств»), будучи причастным как единству трансцендентного принципа, так и случайной множественности феноменальной манифестации. Следовательно, он занимает ещё более главенствующее положение, нежели предполагалось и оправдывалось присвоенным ему титулом царя. Говоря

¹ Julius Evola, *Ricognizioni. Uomini e problemi*, Edizioni Mediterranee, Roma 1974, p. 162.

² H. Corbin, *Corpo spirituale e Terra celeste. Dall'Iran mazdeo all'Iran sciita*, Adelphi, Milano 1986, p. 140.

теологически, все боги зависят от света Гелиоса,¹ единственного и не подвластного непреодолимой необходимости (*anánke*) Зевса, с которым в действительности он и отождествляется.

Затем Юлиан переходит к обсуждению сил (*dynámeiai*) и энергий (*enérghēiai*) Гелиоса, то есть, соответственно, его возможностей и активности в трёх мирах. Наиболее значительный аспект этой части Гимна (143В-152А) состоит в попытке привести множество богов к принципиальному единству, представляемому именно Гелиосом, поэтому различные божественные фигуры предстают в качестве его аспектов или «имён», соответствующих его неисчислимым свойствам. Впрочем, аналогичное учение излагалось Диогеном Лаэртским, интерпретировавшим Зевса, Афину, Геру, Гефеста, Посейдона и Деметру как имена нарицательные, соответствующие «способам [проявления] могущества» единого Бога.²

В Гелиоса, таким образом, изливается демиургическая сила Зевса; с другой стороны, между ними не существует никакого реального отличия. Афина Проноя возникла в своей полноте из тотальности Гелиоса; она служит связующим звеном между ним и окружающими его богами. Афродита представляет собой слияние небесных богов, любовь и гармонию, характеризующие их сущностное единство. Но, прежде всего, заключая в себе принципы наиболее гармоничного интеллектуального синтеза, Гелиос отождествляется с Аполлоном, который, проявляя свои фундаментальные качества неизменности, совершенства, вечности и интеллектуального превосходства, является персонификацией божественного единства, выражающегося чистым и абсолютным интеллектом. «Иными словами, в глазах Юлиана Аполлон появляется как сугубо интеллектуальный аспект

¹ Вслед за Корбеном, который включает «так называемых поздних неоплатоников» (а значит и нашего Юлиана) в число коранических «людей Книги» (*Il paradosso del monoteismo*, cit., p. 70), было высказано предположение, что Гелиос «эквивалентен тому, что в исламе называется ан-нур мин 'амри-ллях, «свет, исходящий от божественного веления», поэтому он «есть не что иное, как «ниша светочей», из коего [...] черпается всякая мудрость»» (Roberto Billi, *L'Asino e il Leone. Metafisica e Politica nell'opera dell'Imperatore Giuliano*, tesi di laurea, Università di Parma, anno accademico 1989-1990, pp. 79-80).

² Диоген Лаэртский, VII, 147 (= *Stoicorum Veterum Fragmenta*, II, fr. 1021).

Гелиоса, божественная фигура, выражающая наиболее просто и прямо единство интеллектуального мира».¹

Уже Плутарх, в диалоге О знаке «Е» в Дельфах признал в Аполлоне божественную личность, непосредственно в которой проявляется первый принцип универсальной манифестации, и в самом имени бога, используя этимологический инструмент, раскрыл значение божественного единства и единичности.² И Порфирий в своей работе О философии оракулов³ упомянул аполлонов ответ, согласно коему есть один бог, Эон («Вечность»), в то время как другие боги суть лишь его ангелы; «обычно считалось, что языческие боги были эманациями качества высшего существа или, самое большее, его подчинёнными».⁴ С другой стороны, свидетельства учения о божественном единстве присутствуют — до и после Плутарха — во всём периоде греческой традиции, от Гомера⁵ до самого посвятившего Гимн царю Гелиосу,⁶ в демонстрации положения, согласно которому «вопреки распространённому мнению, нигде и никогда не существовало никакой подлинно«политеистической» доктрины или же

¹ R. Billi, *op. cit.*, p. 85.

² Plutarco di Cheronea, Sulla E di Delfi, a cura di C. Mutti, Edizioni all'insegna del Veltro, Parma 1981. Автор «Гимна царю Гелиосу» следует за Плутархом и, в конечном счёте, Платоном, поэтому и для него этимология — «это, главным образом, «вспомогательная наука» размышления о мифе, поскольку божественные имена сохраняют с определённой точностью мысли древних о метафизических реальностях» (R. Billi, «Antichi» e «moderni» nel pensiero dell'imperatore Giuliano, in *Philologica*, II, 2-3, gennaio 1993, p. 118).

³ G. Wolff (a cura di), *Porphyrii de philosophia ex oraculis haurienda librorum reliquiae*, Springer, Berlin 1866.

⁴ A. D. Nock, *La conversione. Società e religione nel mondo antico*, Laterza, Bari 1974, p. 182.

⁵ См., например, отрывок о «золотой цепи» (Илиада, VIII, 18-27), где «подавляющее превосходство Зевса над людьми, а также над богами» (M. S. Mirto, *Commento a: Omero, Iliade*, Einaudi-Gallimard, Torino 1997, p. 1010) символизирует ничтожность множества перед принципиальным единством.

⁶ Саллюстий действительно пишет так: «Первопричина допускает, что она одна, ибо единство предшествует всякому множеству» (*Sugli dèi e il mondo*, a cura di C. Mutti, Edizioni di Ar, Padova 1993, 2a ed., pp. 27-28).

учения, допускающего абсолютную и непоколебимую множественность принципов».¹

Последняя часть Гимна содержит обозрение даров и благ, коими Гелиос наделил человеческий род, происходящий от него и от него же получающий пропитание. Отец Диониса и повелитель муз, Гелиос дарует людям всякую мудрость; вдохновитель Аполлона, Асклепия, Афродиты и Афины, он — законодатель общества; наконец, Гелиос — истинный основатель и защитник Рима. И посему к этому богу, творцу своей бессмертной души, Юлиан обращает просьбу также даровать Городу и бессмертное существование, отождествляя «свою личную миссию на земле и своё духовное спасение с процветанием империи».²

В Гимне снова отдаётся долг Ямвлиху (250-330), для Юлиана он всегда «божественный Ямвлих», «возлюбленный богов», «знаменитый иерофант», «вдохновлённый»; с другой стороны, как было справедливо сказано, «учение Ямвлиха объясняет устремления Юлиана и облагораживает их значение».³

Речь завершается последней молитвой к Гелиосу, третьей в Гимне: чтобы царь вселенной дал своему преданному священнику добродетельную жизнь и самое совершенное знание, а в смертный час восхитил его ввысь, к Себе.⁴

¹ R. Guénon, *Aperçus sur l'ésotérisme islamique et le taoïsme*, Gallimard, Paris 1973, p. 38. «Учение о Единстве, то есть утверждение, согласно которому принцип всякого существования по сути един, является фундаментальным пунктом, общим для всех ортодоксальных традиций, и мы можем также сказать, что идентичность их основания выявляется самым очевидным образом именно в этом пункте, вплоть до его конкретного воплощения» (*Ibidem*, p. 37).

² Mario Mazza, *Filosofia religiosa ed "Imperium" in Giuliano*, in: AA. VV., *Giuliano Imperatore*, Atti del Convegno della S.I.S.A.C. (Messina, 3 aprile 1984), a cura di Bruno Gentili, QuattroVenti, Urbino 1986, p. 90.

³ Nuccio D'Anna, *Il neoplatonismo*, Il Cerchio, Rimini 1988, p. 62.

⁴ Воистину, нужно иметь безудержную и извращённую фантазию, чтобы уловить в этой заключительной молитве иронию Вольтера поздней античности, которая скрыла бы за лицемерным писанием свой радикальный атеизм. Можно быть даже крупным знатоком Гегеля и совершенно ничего не смыслить в Юлиане, если с максимальной серьёзностью умудряться утверждать, что Гимн царю Гелиосу «является преднамеренной пародией на сочинения Ямвлиха», в которой автор издевается над богом и

Magna Mater Deorum

То, что солнечная религия имела тесную связь с мифом о Кибеле и Аттисе, подтверждает факт существования алтарей, посвященных Матери богов, у жрецов Гелиоса¹. Эта связь становится очевидной в труде Юлиана: множество общих элементов обнаруживается в Гимне царю Гелиосу и Гимне Матери богов², который Август написал за одну ночь в период весеннего равноденствия где-то между 22 и 25 марта 362 года, когда на ежегодном праздновании вспоминали миф. По-разному описываемые Геродотом, Павсанием и Лучано³, существуют две версии этого мифа, которые мы можем назвать лидийской и фригийской, согласно месту действия событий⁴, разворачивающихся в самом мифе; но будет уместно обобщить его словами Саллюстия: «Рассказывают, что Мать богов, увидев спящего на берегу реки Галлы Аттиса, влюбилась в него и положила на его голову свою украшенную звездами шляпку; но тот, воспылав страстью к нимфе, сошел с ума и отсек себе гениталии, оставив их ей, после чего вернулся к ней»⁵.

Праздник Великой Матери начинался в мартовские иды с процессии каннофоров, вносивших в храм Кибелы камыш с берегов реки Галлы. Затем следовало очищение, представлявшее собой несколько дней воздержания от хлеба, свинины, рыбы и вина. 22 марта братство дендрофоров отправлялось в лес Кибелы, чтобы срубить сосну в честь Аттиса; ствол почти полностью очищался от ветвей,

«откровенно насмехается над теологией вообще (как языческой, так и христианской) и так называемой неоплатонической «мистикой» в частности» (Alexandre Kojève, *L'Imperatore Giuliano e l'arte della scrittura*, Donzelli, Roma 1998, p. 30).

¹ К примеру *Corpus Inscriptionum Latinarum*, Berlin 1863 sgg, VI, 501; *Inscriptiones Graecae*, Berlin 1890 sgg, XIV, 1020.

² Существование гимна Гомера «К матери богов и людей», одноименное с гимном Юлиана, свидетельствует о древности культа *Magna Mater*. Из коротких отрывков этого гимна, дошедших до наших дней, мы узнаем, что богине «угодны были звуки кимвалов и барабанов, а также гул флейт, рев волков и рыжих львов, звуки гор и лесов» (vv. 3-5).

³ Геродот, I, 34-45; 4, 76. Pausania, 7, 17, 9-12. Лучано, *Sulla dea sira*, 15.

⁴ Nicola Turchi, *Le religioni misteriosofiche del mondo antico*, I Dioscuri, Genova 1987, стр. 132.

⁵ Саллюстий, цитируемое произведение, стр. 25.

оборачивался шерстью и украшался священными символами Аттиса (веточкой ивы, сиренью, барабаном) и фиалками, выросшими из его крови; затем ствол перемещали в святилище, где ему воздавали почести, подобно мертвецу перед захоронением. Народный траур с плачем и биением в грудь приходился на 24 марта (день крови). Внутри священных стен бушевала неистовая музыка, бурные пляски перетекали в самобичевание, затем, уже в состоянии экстаза жрецы культа оскотпляли себя и петухов (в греко-романском мире оскотпление петухов было заменено кастрацией быков и баранов). Затем следовало погребение сосны, которая оставалась в подвалах храма в течение одного года до тех пор, пока не срубалась новая.

С наступлением темноты начинали воздавать ночные молитвы. В определенный момент жрец зажигал свет в святилище, смазывал горла скорбящих и произносил такие слова: «Доверьтесь или посвятитесь: бог спасен, и да будем спасены и мы от кары»¹. 25 марта, в день, который совпадал с днем весеннего равноденствия, отмечали день Солнца и начало годового цикла; в этот день произошло воскресение Аттиса, которое ознаменовало освобождение души от цикла поколений. Торжественная процессия представляла иерогамию Кибелы и Аттиса: под звуки флейты, барабанов и бубнов выезжала вперед Великая Мать на квадриге обок с Аттисом. После выходного дня наступала церемония очищения, и 27 марта празднование подходило к концу: с песнями и плясками богиня возвращалась в свое святилище.

Гимн Матери богов с самого начала провозглашает свой примордиальный характер, что отличает этот культ, изначально практиковавшийся в древнейшей Фригии, а затем перенятый греками. По-видимому, богине по имени Кубаба (это имя в греческом языке соответствует *Kybébe* или *Kybéle*) поклонялись уже в бронзовом веке в Угарите; также ее почитали хетты; она появляется у поздних хеттов в Киликии и в городе Сарды времен царя Креза, где ее имя, написанное по-лидийски, *Kuvav*; *Kybébe* же — это ионическое написание². В любом случае, «решающее влияние богини на греков было оказано не лидийцами, а фригийцами, которые доминировали

¹ Firmico Materno, *L'erreur des religions païennes*, перевод и комментарии Robert Turcan, Les Belles Lettres, Paris 1982, стр. 129.

² Walter Burkert, *Mito e rituale in Grecia*, Laterza, Bari 1987, стр. 162-163.

в западной Малой Азии до киммерийцев и до расцвета Лидийского царства»¹. Между VIII и VII веками в Трое греки приняли культ Богини-матери, которую они продолжали называть «Фригийской богиней», идентифицируя ее с фигурой Матери богов (*māter theia*), появившейся в конце микенского периода.

Култ достиг Рима к 204 году, в тяжелый период пунических войн. Именно в таких обстоятельствах имели место события вокруг девы Клавдии, «о которых Юлиан нам рассказывает с гениальной простотой истинного поэта»², и мы можем добавить, по-настоящему религиозного человека. На самом деле он упрекает своих оппонентов «за их чрезмерное педантство, которое лишило их способности видеть»³ и признает подлинность чуда, потому что осознает превосходство божественной силы и потому что необходимо принимать на веру традиции города.

Публичные церемонии, посвященные Матери богов, нашли отражение в поэзии Лукреция⁴ и Катулла⁵ из-за своей драматичности, чуть позже — в поэзии Порфирия⁶. Что касается Юлиана, то для него возраст и распространение культа стали достаточной причиной для выбора такой темы труда, призванного возродить античную традицию. В самом деле, «в перспективе религиозного объединения Империи, этот культ представлялся как религия азиатская, но общая для более отдаленного Востока, для более древней афинской традиции, римской религии времен второй пунической войны»⁷.

Из юлианского толкования мифа такие имена как Кибела, Рея, Деметра, Део и такие эпитеты, как *Magna Mater deum Idea* означают причастия, которые одновременно означают и происхождение «богов-интеллектуалов» и Провидение, которое подчиняет все живые

¹ Walter Burkert, цитируемое произведение, стр. 163.

² Gaetano Negri, *L'imperatore Giuliano, l'Apostata*, Fratelli Melita, La Spezia 1990, стр. 201.

³ Vittorio Fazzo, *La giustificazione delle immagini religiose. La tarda antichità*, Edizioni Scientifiche Italiane, Napoli 1977, стр. 285.

⁴ Лукреций, II, 581-660.

⁵ Катулл, LXIII.

⁶ Порфирий из Тира составил утерянный впоследствии труд *Sulle allegorie teologiche dei Greci e degli Egiziani*, который Юлиан никогда не читал.

⁷ J. Fontaine, цитируемое произведение, стр. XLVI.

существа рождению и смерти. Что касается Аттиса, то речь идет о демиургической причине всех существ, поэтому главный маскулинный герой мифа, в конечном счете, знаменует собой не что иное как Логос; и как таковой, Аттис отождествляется с Солнцем.¹ В третьем персонаже, в нимфе, мы видим олицетворение темной, обманчивой стороны Матери, поскольку она привлекает Аттиса. Река Галла, которая отделяет мир Матери от мира нимфы, означает границу, делящую, как Млечный Путь, Вселенский разум и Anima mutevole. В мифе мы находим символизацию процесса, при котором Логос, спустившись в материю, возвращается затем к своей первоначальной сути.

В последней части молитвы мы можем увидеть практические последствия, вытекающие из концепции, изложенной в мифе. В дополнение к катарсическим ритуалам Юлиан акцентирует внимание на воздержании от пищи, повторяя тем самым темы Плутарха, Порфирия и Ямвлиха, к которым он вернется в «Беседах о галилеянах», обвиняя христиан в поедании скверны, включая «фекальное» свиное мясо.

Гимн Матери богов завершается пылкой молитвой, в которой помимо мольбы о знании божественных вещей, о теургическом и нравственном совершенстве, о славной смерти, Юлиан констатирует просьбу об Империи, надежду на то, что Мать богов принесет политические и военные успехи и освобождение от чумы богохульства.

Contra Galilaeos

В письменных трудах Юлиана отражение богохульства (atheòtes) христиан зафиксировано в первую очередь в «Против галилеян», в тексте «могут быть расположены рядом с трудом ad Hel.(ium) Reg.(em), ad deor.(um) Matr.(em)», который можно рассматривать как итог его философско-теологической концепции². «Против галилеян» — полемический труд, написанный в Антиохии между последними месяцами 362 и первыми 363 года: «галилеяне» —

¹ «Когда мы произносим имя Аттиса, мы произносим Солнце» (Арнобий, *Contro le nazioni*, V, 42). «Солнце под именем Аттиса» (Макробий, *Saturnali*, I, 21, 9).

² Emanuela Masaracchia, предисловие к Giuliano Imperatore, *Contra Galilaeos*, Edizioni dell'Ateneo, Roma 1990, стр. 9.

название, использовавшееся стоиком Эпиктетом, которым Юлиан обозначал христиан¹ и с помощью которого хотел подчеркнуть узкое распространение и периферичность христианской религии; также он отметил², что согласно Евангелию, «из Галилеи не приходит пророк»³.

Основной тезис труда, который следует за антихристианской полемикой, к которой можно отнести «Правдивое слово» Цельса⁴ и «Против христиан» Порфирия⁵, состоит в том, что христианская религия была создана еврейским меньшинством, отделившимся от еврейской ортодоксии.

Что касается иудаизма, то позиция Юлиана изложена сжато. Конечно, он не может не отвергнуть решительно и с негодованием племенной и исключительный характер этой религии, но, тем не менее, признает легитимность традиции Авраама, Исаака и Якова, которые к тому же были не евреями, а халдеями: «Будучи халдеями, живя среди египтян в качестве иностранцев, обучились обрезанию и пришли поклониться Богу, который всегда был милостив ко мне и к тем, кто поклоняется ему, подобно Аврааму — воистину могущественный Бог». Авраам совершал частые жертвоприношения; знал астрологию, умел предсказывать будущее по падающим звездам и по полету птиц, как и Юлиан, который предсказал свое назначение на императорский трон, используя тот же метод гадания. По отношению к еврейской ветви потомков Авраама Юлиан придерживается в целом доброжелательного отношения, поскольку, отвергая партикуляризм, признает их легитимность. Он считает, что в религии Моисея заключается ценное учение, имеющее много общих элементов

¹ Gregorio Nazionzeno, *Orazione IV*, 76.

² W.C. Wright, вступление к *Against the Galilaeans*, в *The Works of the Emperor Julian*, London-Cambridge, Mass. 1961, том III, стр. 313.

³ Giovanni, 7, 52.

⁴ Авторство «Правдивого слова» точно не установлено; предполагается, что оно написано Цельсом между 178 и 180 годами. На итальянском языке: Celso, *Discorso di verità* в редакции Giorgio Freda, Edizioni di Ar, Padova 1977.

⁵ Порфирий из Тира (232-301), ученик Плотина, написал свой полемический антихристианский труд около 270 года. На итальянском языке: Porfirio, *Discorsi contro i cristiani*, в редакции C. Mutti, Edizioni di Ar, Padova 1977.

с язычеством: «Храмы, святилища, алтари, очищение и некоторые заповеди, которые или не отличаются друг от друга абсолютно, или разнятся незначительно».

Восхищение Авраамом, положительные оценки Моисея, уважение к монотеизму, что характеризует еврейскую традицию, в тексте «Против галилеян» будет сопровождаться радикальным отказом от христианства. Юлиан обвиняет галилеян в том, что они изменили законам Моисея, подменили монотеистическую концепцию иудаизма понятием божественной троицы, приписали Иисусу качества Бога и Спасителя. Христианское толкование божественности Христа решительно отвергается Юлианом, который помимо того отметил, читая тексты галилеян, что «ни Павел, ни Лука, ни Матвей, ни Марк не осмелились назвать Иисуса Богом». Но Иоанн «имел наглость сказать это первым». В отличие от Порфирия, который, не принимая идеи воплощения, признавал в Иисусе человека благочестивого и предназначенного для вечного блаженства,¹ Юлиан не видел в Иисусе ни святого, ни пророка.

И чтобы опровергнуть Иисуса, который предсказал, что от Иерусалимского храма не останется камня на камне, Юлиан приказал восстановить святилище. Так, по крайней мере по мнению историков Церкви, в соответствии с которыми проект был сведен на нет по воле провидения из-за землетрясения. «Воссоздам со всем усердием моим храм во имя Бога Всевышнего», гласит цитата (сохранившаяся в труде Иоанна Лида «О месяцах») параллельно заключению в рескрипте «К иудейскому сообществу» между 362 и 363 годами. Рескрипт, который совпадает с положениями, высказанными по отношению к евреям в «Против галилеян», но отвергнутый как недостоверный некоторыми учеными (Климеком, Шварцем, Геффкеном, Бидецем и Кюмоном), заканчивается такими словами: «Вы должны сделать так, чтобы по завершении войны с персами я мог всеми своими усилиями восстановить священный город Иерусалим, который вы на протяжении долгих лет желаете видеть населенным, и мог

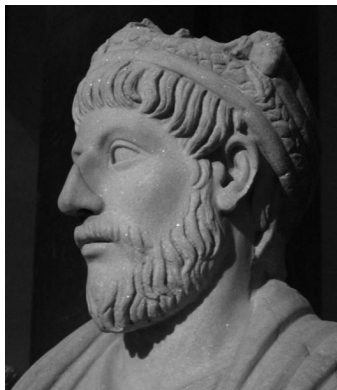
¹ «Боги сделали Христа благочестивейшим и бессмертным; они упоминают о нем доброжелательными словами, в то же время говорят, что христиане покрыты пятнами позора и вовлечены в заблуждение, что оборачивается против них многочисленными несчастьями». (Porfirio, *Discorsi contro i cristiani*, стр. 129).

вместе с вами этим прославить Всевышнего». Аммиан говорит, что работа по реконструкции была поручена Алипию, бывшему губернатору Британии, но была заброшена из-за таинственных «огненных шаров», которые поджигали рабочих.

Кроме того, «неоплатонические основы юлианского эллинизма влекут за собой ненависть к христианству, к его претензии на уникальность, так как многие считают эту религию одной из ступеней возвращения к Единому в требовании равнозначности религий»¹. Христианскую исключительность, по сути, Юлиан противопоставляет легитимности множества традиционных форм, каждая из которых соответствует определенному обществу, объясняет идентичность и особенности в общем давлении человеческого рода по отношению к божественному.

Paideia

«Идеалом Юлиана является совершенное знание — эпистема. Она самым тесным образом связана с греко-римской культурой [...], которая, в свою очередь, берет начало от Гелиоса: был Аполлон (Гелиос), чтобы научить людей «философии»»². Поэтому, когда Юлиан «вернулся к эллинизму» в своей тотальной форме, а греческая пайдейя стала религией и частью веры»³, 17 июня 362 года август издал конституцию *Magistros studiorum*; эта мера поставила галилейских учителей перед выбором: или прекратить учить древним авторам, религиозные представления которых они презирали, или продолжать преподавать труды этих авторов, демонстрируя на практическом примере приобщения к своей религии. Кто верит в одно, а

¹ Antonio Baldini, *Ricerche sulla Storia di Eunapio di Sardi. Problemi di storiografia tardopagana*, CLUEB, Bologna 1984, стр. 193-194.

² Ignazio Tantillo, *L'Imperatore Giuliano*, Laterza, Bari 2001, стр. 81.

³ Werner Jaeger, *Cristianesimo primitivo e Paideia greca*, La Nuova Italia, Firenze 1966, стр. 95.

учит другому, говорит Юлиан обращаясь к профессорам, поступает несправедливо и нечестно, и особенно это касается тех, кто учит молодежь грамоте. Риторы, грамматики, софисты, которые преподают произведения Гомера, Гесиода, Геродота, Фукидида, Исократы, Лисия, не считая их священными, как Гермеса или Музу, подобны владельцам торговых лавок, продающим испорченный товар. Пусть ступают в галилейские церкви комментировать Матфея и Луку....

Было высказано предположение, что «только поначалу схоластическое преследование христиан трактовалось более чем серьезное; конечно, культуркампф имел бы для них больше негативных последствий, если бы Юлиан мог продолжать его после похода против персов против персов, в котором он потерял жизнь»¹. Дело в том, что изгнание галилеян из учителей литературы не было собственно преследованием, как настаивает на этом христианская литература²; это был, скорее, полемический и вызывающий акт, а также способ предотвратить развитие ценного риторического аппарата для новой веры, что позволило бы ей получить преимущество над традиционными религиями³. В любом случае, подобной мерой император демонстрировал разделение мотива, по которому в христианских кругах часто полагают, что традиционная пайдейя была несовместима с новой религией. Тертуллиан, например, объявил незаконным христианское преподавание литературы, так как эта профессия была связана с идолопоклонством⁴, и заявил, что «у нас не будет иных учителей, кроме Господа»⁵. В третьем веке «Наставление апостольское» призывало не прикасаться к книгам язычников и урегулировать библейские тексты, изучать историю по царским книгам, софистику и поэзию учить у пророков, лирику в псалмах, космогонию в Книге Бытия. Правда, что некоторые личности, такие как Иероним или Августин, стремились «доказать себе и другим, что классиче-

¹ Luigi Gallinari, *Giuliano l'Apostata e l'educazione*, Settimo Sigillo, Roma 1992, стр. 13.

² См. Socrate, III, 16; Sozomeno, V, 18; Zonata, XIII, 12; Teodoreto, III, 8; Agostino, *De civitate Dei* XVIII, 52 ecc.

³ В своей «Истории церкви» Сократ приводит следующие слова Юлиана:

⁴ Тертуллий, *De idolatria*, 10.

⁵ Тертуллий, *Ad Scapulam*, 5,4.

ское образование может гармонизировать с христианской верой», хотя «чувствовали в определенные моменты контраст, сомнения, а иногда мучения из-за его греческой или римской сущности»¹. Верно, что Григорий Богослов, современник Юлиана, отстаивал идеалы христианской культуры, которые не отвергали полностью греческое наследие²; верно, что существование таких христиан, как армянского ритор Prohaeresius, которого Юлиан сравнивал с Периклом из-за его красноречия, «противоречило его принципу бесспорно и ставило под угрозу его твердые убеждения о несовместимости пайдейи и христианского учения»³. Но все это не могло удовлетворить требования галилейской программы, которая включала в себя полное восстановление, возвращение «к культурному и политическому классицизму, который включал в себя древние религии и поклонение языческим богам». Иными словами, греческая пайдейя превратилась в религию и часть веры. Церковь могла быть ей только ненавистна⁴.

На самом деле, труды греческих авторов не были просто «литературой», идеологически нейтральной и предназначенной для простого удовольствия. В этом христианские пуристы, считавшие дьявольским враньем и выдумкой поэзию, были согласны с учителем Юлиана Либанием, который был убежден, что греческая литература и религия — сестры⁵; одобвивший меры, примененные к профессорам, он приветствовал в Антиохии августа такими словами: «О император, вместе с поклонением культу священному вернется уважение к риторике, не только потому, что это часть не ничтожного этого, но и потому что ты был приведен к почитанию богов той же риторикой. И было, как я верю, необходимым, что причина нынешнего благополучия, должна находиться на вершине власти»⁶. В 358 году ритор имел возможность напомнить кесарю, что задача правительства заключается в обеспечении счастья полисов, которое может наступить при господстве логоса, в противном случае не будет никакой

1

2

3 I. Tantillo, цитируемое произведение, стр. 41.

4 W. Jaeger, цитируемое произведение, там же.

5 Либаний, *Orazione LXII*, 8 (B O. Seeck, *Die Briefe des Libanius zeitlich geordnet*, Teubner, Leipzig 1906 (реставр. 1966)).6 Либаний, *Orazione, XIII*, 1.

разницы между эйкуменой и варварами. И Либаний видел Юлиана первым императором после темного периода, который определил политику и культуру и который в настоящее время на практике показывает республику, в которой истинная пайдейя преобладает над опытом, над техне управления войной и миром!¹

К той же концепции подводит и трактат Саллюстия «О богах и мире», где поэты, удостоившиеся божественного вдохновения (Орфей, Гомер, Гесиод), сравниваются с лучшими учителями философии (Эмпедокл, Гераклит, Парменид, Платон), с теми, кто установил инициатические обряды (Орфей, Мелампий, Триптолем) и с самими богами: все они выражаются через миф². Реставратор эллинизма не мог допустить, чтобы галилеяне продолжали обучать текстам греческой мудрости: ни Илиаде, ни Одиссее, в которых круги неоплатонической мудрости ясно выражены, на буквальном уровне, наличествуют скрытые значения (*hupôpoiai*) и инициатические темы; ни трудам Гесиода, который инспирировался сакральными центрами Дельфы и Додона; ни истории Геродота, которая составлена на основе дельфийского преподавания и сумме знаний из священнических кругов, и представляет человеческую жизнь как продукт божественного правосудия.

Но даже Фикидид, Исократ и Лисий, говорит август, должны быть оставлены галилеянами, потому что творения этих авторов вытекают из божественного вдохновения. Конечно, многие будут в состоянии распознать элементы божественного знания в истории Фукидида, оторванной от тех метафизических ориентиров, которые освещали историографию Геродота. Нелегко будет уловить подлинное духовное значение в логографии наследников софистской культуры, таких как Исократ и Лисий, хотя о первом говорить может быть чуть более сложно, учитывая, что его труд, по-видимому, сохранил память о своего рода «науке букв алфавита», в сравнении с применением учения об идее риторики. Но для Юлиана, очевидно, формальное посвящение Гермесу красноречия (и, следовательно, историографии, *opus maxime oratorium*) — достаточный мотив, чтобы отдать эллинизму монополию на этих авторов.

¹ Ugo Crisuolo, *Libanio e Giuliano*, в Vichiana, а. XI, fascioli I-II-III, 1982, стр. 76.

² Саллюстий, цитируемое произведение, стр. 24.

Imitatio heroum

Санскритское слово *avatâra*, которое отражает понятие божественного явления в человеческом облике, согласно грамматике Панини означает буквально «снисхождение» с небес на землю; точный смысл арабского слова *tanzîl*, которое исламская терминология использует для обозначения «снисхождения» божественного слова в виде Священного Писания. Юлиан, со своей стороны, принимает термин, уже использованный Плотинем и Ямвлихом, *prôodos*, чтобы обозначить «шествие» с неба на землю, совершенного Асклепием, которого породил Зевс, и который выделяется среди людей своей целительной силой Гелиоса («Против галилеян»). Рожденный от бога и смертного существа (нимфы), Асклепий принадлежит к ряду тех существ, которые можно по аналогии определить как *avatâra* греческой традиции; речь идет о промежуточных существах между олимпийскими богами и смертными, которых обычно называют богами (*theòi*), иногда героями (*héroes*) или полубогами (*hemitheoi*).

Среди них доминировали на духовном поприще поздней античности и были парадигматическим воплощением мудрости и королевского достоинства в основном Дионис и Геракл, а также Ахилл и Александр Македонский: все эти фигуры, которые оказали на Юлиана, «человека безусловно достойного того, чтобы быть причисленным к роду героев»¹, влияние глубокое и решающее. С Дионисом и Гераклом Юлиан сравнивался Фемистием из Константинополя, комментатором Аристотеля: «человек серьезный и искренне добродетельный, что вместе с умом из самых сложных философских проблем извлекал пользу, чтобы заниматься с особой тщательностью всеми делами, относящимися к гражданской жизни»². Прочтем в послании Юлиана Фемистию: «Но теперь ты твоим последним письмом сильно напугал меня и показал мне, что дело становится все более трудным, говоря, что божественным промыслом я был назначен

¹ *Vir profecto heroicis connumerandus ingeniis*, Ammiano Marcellino, XXV, 4, 1 (*Le Storie*, перевод Antonio Selem, UTET, Torino 1973, второе издание, стр. 711).

² Augusto Rostagno, *Appendice II*, в Giuliano l'Apostata, *La restaurazione del paganesimo*, Fratelli Melita Editori, La Spezia 1988, стр. 29-30).

на этот пост, на котором прежде находились Геракл и Дионис, и которые были философами и в то же время правили над всеми землями и очищали их моря зла, преследующего их». Как Фемистий, так и Либаний сравнили Юлиана с Гераклом¹, так что не будет неуместным предположить, вместе с Ростаньи, что «приравнение Юлиана к Дионису и Гераклу было не случайно, не из целей риторических, а имело мифическое содержание и исходило непосредственно от знаний посвященных. С этим именем, и в таком виде они узрели кесаря, вошедшего в политическую жизнь и оставившего Галлию товарищам по вере и инициации, которую он обрел на Востоке»².

Но тот же Юлиан, который в речи против киника Ираклия интерпретирует мифы, касающиеся подвигов Геракла и рождения Диониса. Просматривая его толкование Геракла как спасителя мира благодаря постоянной заботе Афины Пронойи, Юлиан стремится к созданию двойной связи: в его роли посредника и спасителя Геракл ассоциируется с Митрой, но и одновременно с самим Юлианом, который, как второй Геракл-Митра, предназначен богами навести религиозный и политический порядок в римском мире³. Также Юлиану приписывается сотерическое качество Геракла: например, анонимный панегирик, составленный в его честь⁴, вновь предлагает мотив императора «спасителя всего мира» (*sotèr tes oikoiménēs*), который уже зафиксирован в связи с основателем империи, Юлием Цезарем. В этой перспективе военный поход против персов «не был простым карательным походом, который должен был обеспечить определенное количество лет мирной торговли⁵, но являлся настоящим актом ритуала, поскольку «казался приравненным через фигуру самого Юлиана к миссии очищения всей земли и моря, что Бог доверил Гераклу и Дионису»⁶. Таким образом, запланированное завоевание Персии было актом выполнения божественной воли, которая значится уже, например, в «Энеиде»: экспансионизм Рима, переосмыс-

¹ *Orazione XII*, 27, 44; XIII, 27, 48; XVIII, 32, 39.

² A. Rostagni, цитируемое произведение, стр. 384.

³ A. Guida, цитируемое произведение, стр. 132.

⁴ Arnaldo Marcone, *Commento*, в Giuliano Imperatore, *Alla Madre degli dèi e altri discorsi*, стр. 257.

⁵ N. Gatta, цитируемое произведение, стр. 171.

⁶ N. Gatta, цитируемое произведение, стр. 172.

ленный в сотериологическом ключе восходит к 4 веку, представляет собой важный аспект новизны в мысли Юлиана, но в целом продолжает политическую, культурную, военную и религиозную политику Империи¹. Та же самая экзегеза, выполненная Юлианом, делает очевидным в символизме Геракла то имперское значение, которое фигура Альсида будет продолжать отражать и в Средние века.² В частности, Юлиан предполагает определенную аналогию между Гераклом и Аттисом, так как оба имеют полубожественный статус, оба пришли к совершенному союзу с божественным: как только Геракл освобождается от телесной оболочки, душа его возвращается в тотальность Отца (Гимн Матери богов).

Что касается Ахилла, то уже мать Юлиана Василина увидела пророческий сон, в котором узнала, что ее сын будет новым Ахиллом, и также Гимерий и Либаний, в свою очередь, настаивали на связи героя Гомера с Юлианом. В глазах последнего Пелид представляет собой парадигму для подражания, это подтверждают слова из письма к Орибасию, которые провозглашают жизненный идеал, основанный на жизни главного героя Илиады: «Лучше действовать правильно в течение короткого времени, чем неправильно в течение долгого». Но приверженность Юлиана Ахиллу продемонстрировал также визит к святым местам Трои, который благочестивый август осуществил под предводительством местного епископа, того самого Пегаса, о

¹ N. Gatta, там же.

² В связи с этим упомянем о двух пунктах. Первый относится к Фридриху I Швабскому, который в суровой обвинительной речи в адрес мятежных коммун, произнесенной перед римским Сенатом упомянул о палице Геракла. В глазах того, кто для Данте был «добрым Барбароссой», злоупотребление властью ломбардским городом составляло факт, аналогичный нападению на Олимп со стороны теллурических сил, когда Геракл, союзник небес, с палицей в руках сражался с гигантами и титанами. Второй касается присутствия фигуры Геракла на священных зданиях мастеров из Комо — на Баптистерии в Парме и Кафедральном соборе в Фиденце. Мотив Немейского льва, поверженного Гераклом, который встречается на обоих зданиях, вероятно имеет связь с ритуалами королевской инвеституры, поскольку в дрение времена в Греции и Малой Азии коронации правителя предшествовал его ритуальный бой с людьми, переодетыми в диких зверей. (Подробнее о фигуре Геракла см. в *Simbolismo e arte sacra*, Parma 1978 и *l'Antelami e il mito dell'Impero*, Parma 1986).

которым говорили, что «молился Гелиосу тайно и его превозносил». Пегас сопровождал Юлиана по святилищу Гектора, где были видны следы недавних жертв; по святилищу Афины Илии, которое было в целости и сохранности; и наконец по Ахиллеону, который также был обнаружен в идеальном состоянии. На могиле Ахилла молился Юлий Цезарь, и до него Александр Македонский (род которого восходил к Ахиллу по материнской линии и к Гераклу по отцовской). Можно даже задаться вопросом, не обладают ли эти места особой аурой, которая сделала их центром паломничества для имперостроителей, ведь 1100 лет спустя его посетит Мехмед Второй¹, османский султан.

Это было одно из обстоятельств, в которых Юлиан вновь сопоставлялся с Александром, который, как отметил Джованни Бокаччо, которому и фортуны, и нрава было не занимать.² Говорилось, что Юлиан начал подражать Александру сознательно, рассматривая его «как пример героя, что уже делал его дядя Константин»³, в такой же манере Македонский провозгласил себя сыном Амона.

Рассмотрим в связи с этим послание императора александрийцам: в этом воззвании неоднократно упоминается в качестве образцового представителя эллинистической традиции и противопоставляется галилейской ереси, «человек, преданный богам», который покорил Египет и основал самый большой из прославленных город из всех, которому даровал свое имя. Александр Великий оживает в лице Юлиана: матери последнего было предсказано, что родится новый Александр, который завершит кампанию по объединению в одну империю Востока и Запада. Поэтому Юлиан, по словам Максима Эфесского, поверил, когда ему сказали, что для него уготована судьба продолжателя дела Македонского. С другой стороны, не являлась ему во снах душа Александра, указывая путь и исчезая?

После смерти августа, гласит легенда, присутствующие увидели, что тело покидают две души: сперва Юлиана, затем Александра. Похожие на два факела, они превратились в огненные шары, затем

¹ Подробнее о визите Завоевателя Константинополя на гору Ахилла и могилу Аякса см. Franz Babinger, *Maometto il Conquistatore e il suo tempo*, Einaudi, Torino, стр. 224.

² Giovanni Boccaccio, *De casibus virorum illustrium*, VIII, 2.

³ P. Athanassidi-Fowden, цитируемое произведение, стр. 208.

две падающие звезды смешались с бесчисленными звездами на небосводе...

Каким было сообщение, скрытое в подобной легенде? Были ли они представителями последней фазы греческой традиции, действовала ли в Александре и Юлиане одна и та же сила, было ли их существование «параллельной жизнью» в которой выразился единый принцип? Если вы хотите попытаться дать ответ на этот вопрос, необходимо оторваться от поверхности «научного» исторического исследования и обратиться к иероистории. И тогда стоит обдумать смысл эпитета, приписанного Александру — Двурогий, который можно интерпретировать как «два века», «два времени», «два цикла». Согласно некоторым данным, Александр жил два столетия. Но каким было его второе столетие? Совпало ли оно с Юлианом?

Поиск Источника Жизни, безуспешно предпринятый Александром в Земли Сумрака под руководством Хидра¹, продолжается во втором цикле Юлианом, посвященным в солнечные тайны Митры и проповедующим культ Гелиоса. Проводник всегда один и тот же, поскольку речь идет о внутреннем учителе, составляющим все единое с самим собой; кроме того Хидр, проявление высочайшей духовной силы, отождествляется с Илией, который из-за своего солнечного характера и фонетического сходства непосредственно возвращает нас к Гелиосу. Царство Хидра на крайнем севере «известно также под именем Ю, оно же Солнце»².

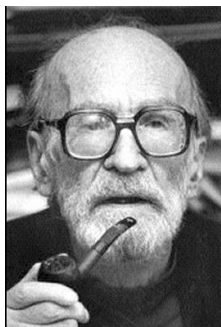
Но Гелиос оставил Юлиана в месте слияния двух рек, Тигра и Гинда, как и Хидр покинул Александра на месте слияния двух путей. Империя продолжала ждать своего реставратора.

Перевод с итальянского Вероники Канищевой

¹ История о поисках источника жизни рассказана Фирдуси в Shâhnâmeh (Firdusi, Il libro dei Re, итал. перевод Italo Pizzi, 8 voll., Unione Tipografica Editrice, Torino, 1886-1889, vol. 5, стр. 589) и затем Низами в первой части Eskandarnâmeh (Nizami, Sharafâmeh, в редакции H. Pizhman Bakhtiyari, Tehran, 1345 H). Легенда, родившаяся в Александрии, вскоре разнеслась по всему мусульманскому миру от Марокко до Малайзии.

² Ananda K. Coomaraswamy, Kwâjâ Khadir e la fontana della vita, в Rivista di Studi Tradizionali, n. 20-21, июль-декабрь 1966, стр. 140. О стране ангела Ю, которой правит Аль-Хидр, см. стр. 28-36.

Renovatio seculi¹

Эсхатологическая мифология Средневековья. В эпоху Средневековья мы видим всплеск мифологической мысли. Все классы общества обращаются к особым традициям своего мифологического происхождения. Рыцарство, цеха, клир, крестьянство — все обладают собственным «мифом истока», объясняющим их происхождение и регламентирующим их типологическое поведение в соответствии с мифологическим образцом. Истоки этих мифологий различны. Легенды о короле

Артуре и Святом Граале описывают картины отношений с потусторонним миром в терминах кельтской традиции, внешне христианизированной. Реальные рыцари при этом постоянно сравнивают себя с Ланселотом или Парсифалем. Труверы разрабатывают целую мифологию Женщины и Любви также с заимствованием христианских элементов, которые, однако, часто отклоняются от учения Церкви или даже прямо противостоят ему.

Некоторые исторические движения Средневековья особенно ярко иллюстрируют самые типичные проявления мифологической мысли. Мы имеем в виду «милленаристские» мотивы и эсхатологические мифы, проявившиеся в Крестовых походах, в движениях Танхельма и Евдеса де л'Этуаль, в возведении Фридриха II в ранг мессии, в некоторых других коллективных утопических предреволюционных движениях, блестяще разобранных Норманом Коном в его книге «The Pursuit of the Millenium». Остановимся только на мифологическом измерении Фридриха II. Имперский канцлер Пьетро делла Винья представлял своего господина космическим Спасителем: «Весь Мир ожидал такого космократора, и сейчас пламя зла затухло, мечи перекованы на орала, мир,

¹ Элементы, №8, М., 2000.

справедливость и безопасность утвердились повсюду». Более того, Фридрих обладает несравненным даром связывать между собой различные стихии вселенной; примирять теплое и холодное, твердое и жидкое, все противоположности. Он — космический мессия, которого превозносят земля, море и воздух. Его приход — дело божественного провидения. Так как мир грозит исчезнуть, последний суд приблизился, Бог в своей великой милости дал нам передышку и послал этого чистого властителя, чтобы восстановить век мира, порядка и гармонии перед наступлением Последних Дней. Эти идеи точно соответствуют мыслям самого Фридриха, что видно из его письма, адресованного в его родное поместье Йези, недалеко от Анконы. В нем он ясно дает понять, что рассматривает свое рождение как нечто, имеющее для человечества почти такое же значение, как рождение Христа, а Йези он приравнивает к новому Вифлеему. Фридрих, безусловно, является единственным монархом Средневековья, который всерьез считал себя божественным (причем не только в силу императорской функции, но и по самой своей природе) — ни больше, ни меньше, как воплощенным Богом».¹

Миф о Фридрихе II — это лишь один пример, иллюстрирующий весьма распространенный и устойчивый феномен. Религиозным престижем и эсхатологической функцией королевская власть наделялась в Европе вплоть до XVII века. Секуляризация концепции эсхатологического короля, концепции, глубоко укорененной в коллективной душе, не смогла до конца уничтожить надежду на вселенское обновление, осуществляемое Героем. Но отныне миф приобрел но-

¹ Norman Cohn, "The Pursuit of the Millenium". О мессианских претензиях Фридриха II см. также Kantorowitz «Frederick the Second, 1194 — 1250». Прим. автора. Мифология Фридриха II надолго пережила его самого уже по той причине, что в его смерть не поверили. Считалось, что Император удалился в какую-то далекую страну или что он, согласно народной легенде, спит в жерле горы Этны. Но однажды он проснется и придет, чтобы вернуть себе свой трон. И не случайно тридцать четыре года спустя один мошенник в городе Нойссе с успехом выдал себя за вернувшегося Фридриха II, *redivivus*. Даже после того, как его казнили в Ветцларе, миф не утратил своей жизненной силы. Даже в XV веке еще верили, что Фридрих жив и что он будет жить вплоть до конца времен, так как, по сути, только он является единственным легитимным Императором.

вые формы: Реформатор, Революционер, Мученик (во имя свободы народов), Вождь партии. Роль и миссия основателей и вождей некоторых современных тоталитарных движений явно содержат в себе значительное количество эсхатологических и сотериологических элементов. Мифическое сознание преодолевает и отбрасывает свои исторические выражения, утратившие адекватность, адаптируется к новым социальным условиям и новым культурным учениям. Но оно никуда не исчезает.

Что же касается Крестовых походов, то Альфонс Дюпрон убедительно вскрыл мифические структуры и их эсхатологическую ориентацию. «В центре мысли крестоносцев — как у клириков, так и у светской публики — лежала идея долга освобождения Иерусалима (...). В Крестовых походах со всей мощью воплотился мотив доведения до совершенства человеческого времени и человеческого пространства. Этим осуществлением должно было стать объединение всех народов земли вокруг священного Грааля, города-матери, центра мира, Иерусалима.¹» То, что речь шла о духовном коллективном феномене, об иррациональном взрыве ясно следует, помимо всего прочего, из Крестового похода детей², который начался совершенно внезапно в 1212 году на севере Франции и в Германии. Спонтанность этих движений не подлежит сомнению. «Никто не побуждал их к этому ни извне, ни в самой стране», — утверждает современник. Дети, «отмеченные — в этом состоит нечто сверхъестественное — своим малым возрастом и бедностью, часто маленькие пастушата», двинулись шествием, принимая в свои ряды нищих и бедняков. Около тридцати тысяч детей шли единой процессией с песнями. Когда их спрашивали, куда они идут, они отвечали: «К Богу!» Один хронист замечал: «Они хотели пересечь море и осуществить то, что не удалось сделать князьям и царям — освободить Гроб Господень». Клир воспротивился этому детскому подъему. Юные крестоносцы из Франции кончили катастрофой. Прибыв в Марсель, они зашли на борт семи больших кораблей, но два

¹ Alphonse Dupront, "Croisade et eschatologie".

² Образ ребенка (младенца) тесно связан со всей эсхатологической проблематикой. Это — символ нового мира, который начнется после конца мира старого. Важную роль фигура ребенка играет в герметической традиции — алхимии и магии. Прим. перев.

из них потерпели крушение в результате бури у берегов Сардинии, и все утонули. Остальные пять кораблей благодаря уловке двух предателей-наемников прибыли в Александрию, где детей продали вождям сарацинов и работоторговцам.

Немецкий Крестовый поход развивался по схожей логике. Хронист свидетельствует: «В 1212 году появился мальчик по имени Николас, который собрал вокруг себя множество детей и женщин. Он утверждал, что по приказу ангела ему надлежит вместе со всеми прибыть в Иерусалим, чтобы освободить Крест Господень, и что при этом море, как когда-то перед народом Израиля, даст им пройти по дну, не замочив ног». Оружия у них не было. Тронувшись из Кельна, они спустились по течению Рейна, пересекли Альпы и достигли Северной Италии. Некоторые добрались до Генуи и Пизы, но оттуда их прогнали. Те же, кто добрались до Рима, были вынуждены признать, что у них нет поддержки никакого авторитета. Папа не одобрил их намерения, и юные крестonosцы вынуждены были тронуться в обратный путь. Как отмечает хронист: «Они вернулись, изголодавшиеся и босые, один за другим, в молчании». Им никто не помогал. Другой свидетель пишет: «Многие из них умирали от голода, и трупы их валялись в деревнях, на площадях без погребения».

А. Дюпрон совершенно справедливо распознал в этих движениях центральный мотив детства в простонародном благочестии. Это, одновременно, и миф о Невинных Младенцах, и прославление детей Иисусом, и народная реакция на Крестовый поход баронов. Та же реакция, которая воплотилась в легендах о «тафюрах» первых Крестовых походов. «Отвоевывание Святых мест» отныне могло произойти только благодаря чуду, а чуда можно было ожидать лишь от наиболее чистых — от детей и бедняков».

Продолжение эсхатологического мифа

Провал Крестовых походов не положил конца эсхатологическим чаяниям. В своей книге «De Monarchia Hispanica» (1600) Томмазо Кампанелла умолял испанского короля профинансировать новый Крестовый поход против турецкой Империи, чтобы после победы установить Вселенскую Монархию. Тридцать восемь лет спустя в своей «Ecloga», предпосланной Людовику XIII и Анне Австрийской

с поздравлением с рождением будущего Людовика XIV, Кампанелла предрекает «отвоевывание Святой Земли» (*recuperatio Terrae Sanctae*) и «обновление века» (*renovatio seculi*). Он говорит, что юный король за тысячу дней покорит всю землю и уничтожит чудовищ, т. е. завоеует земли неверных и освободит Грецию. Магомет будет отброшен из Европы; Египет и Эфиопия станут христианскими; татары, персы, китайцы и весь Восток примут крещение. Все народы образуют единую христианскую нацию, и вся Вселенная будет иметь только один центр — Иерусалим. «Церковь, — пишет Кампанелла, — началась в Иерусалиме и к Иерусалиму вернется, обойдя прежде весь мир». В трактате «*La prima e la seconda resurrezione*» Томмазо Кампанелла, в отличие от святого Бернарда, рассматривает отвоевывание земного Иерусалима не как этап на пути к Иерусалиму Небесному, но как начало мессианского царства.

Можно продолжать приводить примеры до бесконечности. Нам важно особо подчеркнуть неразрывную связь между эсхатологическими концепциями Средневековья и различными типами «философии Истории», которые развились в эпоху Просвещения и позже в XIX веке. В последние десятилетия стало привычным указывать на исключительную роль «пророчеств» Иоахима де Флора в вопросе структуры всех мессианских движений, как в XIII веке, так и вплоть до их секуляризованных разновидностей XIX века. Центральная идея Иоахима де Флора — близкое наступление особой исторической эпохи, которая будет эпохой свободы, так как она настанет под знаком Святого Духа. Эта идея получила колоссальный резонанс. Она противоречила теологии Истории, принятой католической Церковью после Августина. Согласно учению Церкви, поскольку совершенство уже достигнуто на земле в лоне Церкви, никакого места для «обновления» (*renovatio*) в будущем не остается. Единственным важным событием будет отныне лишь Второе Пришествие Христа и Страшный Суд. Иоахим де Флора ввел в христианство архаический миф о вселенской регенерации. Конечно, речь в данном случае не шла о периодической и постоянно повторяющейся регенерации. Но вместе с тем, третья эпоха понималась Иоахимом де Флора как царство Свободы под руководством Святого Духа, что предполагало преодоление исторического христианства и как последнее следствие — отмену существующих правил и институтов.

Здесь нет возможности упомянуть все эсхатологические движения, вдохновленные Иоахимом. Но следует указать на некоторые неожиданные параллели с идеями калабрийского пророка. Так Лессинг в своей книге «Обучение человеческой расы» развивает тезис о постоянной и прогрессирующей структуре откровения, заканчивающегося в третью эпоху. Лессинг, правда, понимал «третий век» как триумф рассудка через всеобщее образование. Но вместе с тем, это для него самого совпадало с полным совершенством христианского откровения. Он с симпатией и восхищением говорит о «некоторых энтузиастах XIII— XIV веков», единственной ошибкой которых было слишком поспешное провозглашение «нового вечного евангелия». Резонанс идей Лессинга был огромен, и через сэн-симонистов они, видимо, повлияли и на Огюста Конта и его доктрину трех состояний истории. Кроме того мифом Иоахима о «третьей эпохе», которая должна обновить и завершить Историю, были, в разных аспектах своей философии, затронуты Фихте, Гегель и Шеллинг. Через них¹ этот эсхатологический миф повлиял и на некоторых русских писателей — в частности, на Красинского («Третье Царство Духа») и Мережковского, автора книги «Христианство третьего Завета»². Конечно, здесь мы имеем

¹ Элиаде, как и большинство западных традиционалистов, был знаком с русской традицией весьма поверхностно. Отсюда постоянное стремление соотнести темы русской философии с западными образцами. На самом деле, эсхатологическая тематика свойственна вообще Русскому Православию. Идея «третьего царства» явно сопряжена с базовой для русского православного мировоззрения концепцией «Москва — Третий Рим». Здесь следует говорить о единстве эсхатологического сценария, но при этом русский подход к данной теме вбирает и синтезирует в себе и христианское мировоззрение, и имперский мотив, и данные сакральной географии. Данная тема была центральной для русского раскола, сыгравшего такую важную роль в нашей национальной истории. Подробнее см. А. Дугин «Метафизика Благой Вести», Москва, 1996. Прим. перев.

² A. Muller van den Bruck “Das Dritte Reich”. На Мюллера ван ден Брука сильное влияние оказали Федор Достоевский, которого он перевел на немецкий язык, и Дмитрий Мережковский, с которым он был лично знаком. Таким образом, знаменитая концепция «Третьего Райха» восходит не только к монтанитам и Иоахиму де Флоре, но и к православному учению о «Москве — Третьем Риме»,

дело с полуфилософскими идеологиями и фантазиями, а не с прямым эсхатологическим ожиданием царства Святого Духа. Но миф о вселенском обновлении, долженствующем наступить в самом скором времени, здесь явно различим.

«Мифы современного мира»

Некоторые «мифологические модели поведения» сохранились и в нашу эпоху. Речь идет не только о «пережитках» архаической ментальности. Определенные аспекты и функции мифической мысли неотделимы от структуры человеческого существа как такового.

Известно, какую важную роль играет в архаических обществах идея «возврата к истокам». Этот мифологический престиж «истака» не полностью утрачен и в современных европейских обществах. Большинство нововведений исторически представлялись именно как возврат к истокам. Реформация провозгласила возврат к Библии и ставила своей целью возродить опыт изначальной Церкви, раннехристианских общин. Французская революция вдохновлялась примером римлян и спартанцев. Вдохновители и вожди первой европейской радикальной и удавшейся революции, означавшей нечто намного большее, чем конец одного режима, — а именно, конец целого исторического цикла, — считали самих себя восстановителями древних добродетелей, воспетых Титом Ливием и Плутархом.

На заре современной эпохи идея «истоков» обладала почти магическим престижем. Иметь достоверный и древний «исток» означало то же самое, что быть «благородным». «Мы ведем свою родословную от Рима!» — повторяли с гордостью румынские интеллектуалы XVIII и XIX веков. Сознание латинского происхождения сопровождалось у них своего рода мистическим соучастием в величии Рима. Венгерская интеллигенция находила свое оправдание в древнем мифе о Хуноре и Магоре, а также в героической саге об Арпаде. В начале XIX века миф о «благородном происхождении» вдохновлял во всей южной и юго-восточной Европе настоящую страсть к национальной истории и особенно к наиболее далеким от нас фазам этой истории. «Народ без истории (читайте: без «исторических докумен-

к чему часто обращался Достоевский в своих дневниках, в основном сформировавших мировоззрение Мюллера ван ден Брука. Прим. перев.

тов» или историографии!) как бы не существует!» Стремление к такому прошлому легко заметить в национальной историографии всех восточно-европейских народов, и очень быстро этот мотив стал ведущим в национальной пропаганде и политической борьбе.

Страстью к «благородному происхождению» объясняется и расистский миф об «арийстве», периодически возрождавшийся на Западе и особенно в Германии. Социально-политический контекст этого мифа слишком хорошо известен, чтобы на нем настаивать. Для нас важно, что сам термин «арий» сочетает в себе смысл «изначального» предка и «благородного героя». Этот идеал постоянно преследовал тех, кто не смогли удовлетвориться социальными мифами, родившимися в двух европейских революциях — 1789 и 1848 годов. Быть «арийцем» означало восстановить расовую «чистоту», физическую силу, героическую мораль, свойственную изначальной славной и творческой эпохе.

Что касается марксистского коммунизма, то и здесь совершенно очевидны эсхатологические милленаристские мотивы. Мы уже говорили в другом месте, что Маркс заимствовал великие эсхатологические мифы азийско-средиземноморского мира: спасительную роль Праведника (в наши дни таким является пролетариат), чьи страдания призваны изменить онтологический статус реальности. На самом деле, бесклассовое общество Маркса и последующее исчезновение исторических напряжений имеют точный аналог в мифе о Золотом Веке, который в различных традициях характеризует начало и конец Истории. Маркс обогатил этот древнейший миф иудео-христианской мессианской идеологией: с одной стороны, профетическая роль и сотериологическая функция пролетариата; с другой — финальная битва между Добром и Злом, которую можно легко соотнести с апокалиптическим сражением Христа с Антихристом, оканчивающимся победой Христа. Показательно, что Маркс полностью заимствовал теорию абсолютного Конца Истории. В этом он резко отличался от других историцистских философов (к примеру, Кроче и Ортега-и-Гассета), для которых исторические напряжения неотторжимы от самого человеческого статуса как такового и поэтому никогда не могут исчезнуть окончательно.

Перевод Александра Дугина

Наталия Мелентьева

Социалисты филадельфийского обряда¹

Множество вселенных Огюста Бланки

Огюст Бланки, тридцать четыре года проведенный в заключении за революционную деятельность... Он вдохновлял и поднимал множество восстаний и мятежей... Он дал метафизике Революции кристально ясное обоснование...

Открываем его книгу «Вечность через звезды» и читаем главное.

«Если бы в основании Вселенной было бесконечное количество элементов, она была бы единственной. Но так как спектральный анализ современной физики доказывает, что количество таких элементов строго ограничено, вселенных существует неопределенное множество. Все они параллельны друг другу, сосуществуют и могут накладываться друг на друга».

К этой же теории все ближе подходит и современная квантовая физика, хотя Бланки написал свой труд в 1867 году.

Напомним, Бланки был не просто социальным борцом и теоретиком «революционного заговора» (он считал, что революции делаются меньшинством, своего рода орденом, и лишь потом в них включаются массы — того же мнения придерживался и Ленин в «Апрельских тезисах»), но и членом особого оккультного ордена «Филадельфов». Его посвятили в эту странную организацию в Лондоне. «Филадельфы» впервые появились в XIV веке во Франции, когда некий Гийяр де Крессонессар объявил себя «ангелом Филадельфийской церкви», 6-ой азийской Церкви, о которой шла речь в Апокалипсисе, и которая считалась наиболее

¹ «Элементы» №7, М., 2000.

подлинной и полноценной перед лицом откровенно негативной и задетой влиянием апостасии 7-ой последней Церкви, Лаодикийской. Гийяра де Крессонессара объявили еретиком и заточили в темницу, причем в 1310 году сделал это все тот же Гильом Ногаре — главное действующее лицо в разгроме тамплиеров. Через несколько веков (в XVII веке) оккультное движение «Филадельфов» появляется в Англии, а через столетие — во Франции, где это название присваивает оккультистская масонская ложа «примитивного ритуала Нарбонны» с явным розенкрейцеровским уклоном. Обе эти организации находились в контакте, а английская ветвь сильно повлияла на баварских «Иллюминатов». Не исключено, что отчасти свои идеи Бланки заимствовал из этих источников.

Как соотносится оккультная теория множественности миров с Революцией?

Связь прямая. Если Вселенная единственна, то ее строй является оптимальным. Причем эта оптимальность может быть понята и в религиозных, и в атеистических терминах. У деистов: Бог творит мир наилучшим (и единственным) образом. У атеистов: эволюция следует единственно возможным путем. Безграничность составляющих элементов и единственность Вселенной, из этой безграничности вытекающая, делают имманентные законы мира этическим благом, а существующий порядок вещей аксиологически оправдывается уже тем фактом, что он есть то, что он есть. В таких условиях человеческая воля заключается в пределы частного улучшения существующего при общем согласии с реальностью. Консерватизм (пассивность созидательной воли) и эволюционизм (активность созидательной воли) оказываются единственными возможностями экзистенциального выбора. Революция отрицается в ее метафизических предпосылках. Можно только «ускорить» естественный ход вещей или подправить ветшающий порядок.

Но Бланки (и все революционеры и мистики) думают иначе. Ограниченность конструктивных элементов космоса ясно говорит о том, что наша Вселенная неабсолютна и не исчерпывает всех онтологических возможностей. Но полнота не может не существовать, а значит, есть целый спектр миров, который могли бы выступать как альтернатива нашему. Вот метафизический и физический базис Революции. — Подозрение о том, что в нашем мире не все обстоит

благополучно, получает глубинную опору в идее возможной альтернативности миров. Если «мир насилия» не устраивает, можно обратиться к иному, «новому» миру, создать («вызвать») нечто совершенно иное, причем сами негативные условия существования, теряя свою концептуальную опору в виде идеи «единственности творения», ничем более не оправдываются. Коль скоро наш мир в целом не часть единственно возможного порядка, но лишь одна из граней возможного, то простор для Революции открыт. Эзотерический орден или революционная партия должны лишь освоить параллельную реальность и привнести ее зерна в реальность нашу. Главное — открыть свободный путь потустороннему, поднять восстание и захватить власть. Через магическую воронку революционной элиты, «новых людей», тайные энергии параллельного мира потоком хлынут к нам и преобразят жизнь.

Социализм и алхимия

Революционные социалисты вдохновлялись герметическими воззрениями, основанными, в той или иной степени, на идее «трансмутации» реальности. А эта идея, в свою очередь, связана с теорией «множественности миров». Алхимия учит, что все вещи являются продуктами «ложной кристаллизации», что они несовершенны в своем естественном состоянии и подлежат оккультной переплавке. Если бы Вселенная была единственной, то речь не могла бы идти о таком радикальном преобразовании, так как всякое явление было бы по-своему совершенно и подлежало бы лишь развитию и улучшению, но отнюдь не радикальной переделке. Алхимия же считает обычное земное существо не совершенством, но результатом катастрофы, символически называемой «преждевременным вырыванием металла из жилы до его окончательного аноблирования», т. е. превращения в драгоценность. Вещи, люди, общества и культуры, по тайному мнению герметиков, суть пародии на то, чем они могли бы (и должны были бы) быть. Поэтому все надо вернуть к первоматерии, к состоянию хаоса и магически воссоздать заново. Без этого реальность не стоит ничего. Это идея «палингенеза», «множественного рождения».

У эзотериков — «палингенез», у политических активистов — социальная революция. Причем неважно, используется ли богословский язык, или все теории формулируются в атеистической терминологии. Сен-Симон, крупнейший социалист-утопист, был христианским мистиком, тогда как Маркс или Бакунин настаивали на наукообразном атеизме. Мистический смысл социальной революции один и тот же.

Питьевое золото

Предтеча социалистов Томмазо Кампанелла разработал теорию «города солнца». В ней объединяются темы социального восстания и алхимической трансмутации. Но был еще один интересный и всеми забытый автор, который довел алхимическую солнечную линию до своего предела. Это ученик рационалиста Гассенди, французский философ и медик Ж.Б.де Сэн Ромен.

Владимир Карпец

Социал-монархизм

На протяжении последних двух веков в России не на жизнь, а на смерть, боролись между собой две политические идеологии — монархическая и социалистическая. Их считали непримиримыми и взаимоисключающими. Сегодня повержены обе. И вместе с ними, по сути, повержены Россия, русская история и русская цивилизация. Продолжение следования по формально начатому в 1991 году буржуазно-демократическому «тренду», заимствованному, или, как говорят в правовой науке, «реципированному» у иной, еврооатлантической цивилизации, чревато уже распадом самой российской земли, о чем сегодня говорится открыто.

Само это противостояние, однако, с самого начала содержало и до сих пор содержит, если так можно выразиться, «системную ошибку»: монархия — это тип государства и, соответственно, всё, что с ней связано, относится к области политического, а социализм — категория, прежде всего, социально-экономическая, причем экономическая по преимуществу. Строго говоря, это вещи, расположенные в разных плоскостях, и они не могут меж собой ни жестко соотноситься, ни быть жестко друг другу противопоставлены. Тем не менее, в истории России они противостояли, и это противостояние привело к катастрофическим последствиям. Почему?

Социализм XIX века провозглашал политико-историческое преемство с так называемым «Просвещением» и порожденными им антитрадиционными, антимонархическими и антицерковными революциями, прежде всего французской и американской XVIII века. Отвергая господство частной собственности, зафиксированное этими революциями, но при этом, выступая за разрушение всех традиционных институтов — от религии до семьи (об этом прямо говорилось в основных программных документах социализма, в том числе в Коммунистическом манифесте К. Маркса и Ф. Энгельса), социализм XIX века выступал как внешнее средство осуществления гностиче-

ских доктрин «рассотворения» мира, само «сотворение» которого рассматривалось молодым Марксом как начало «отчуждения» (отрицать важную содержательную сторону этих доктрин невозможно). Такой социализм — до сих пор для многих его исследователей, в том числе выдающегося русского математика и историка И.Р. Шафаревича, абсолютно тождествен социализму как таковому — действительно был враждебен имперской, монархической и православной России не только на политическом уровне, но тотально и глубинно. «Ни одна революция в Европе и во всем мире не может победить до тех пор, пока существует нынешнее Русское государство», — писал Ф. Энгельс. Этот тезис был зеркально отражен политически абсолютно противоположной, но структурно тождественной позицией, высказанной в 1849 году Ф.И. Тютчевым в его статье «Россия и революция»: «Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия, — писал русский дипломат и поэт. — Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества».

Тем не менее, противостояние «России и революции», монархии и социализма в XIX — начале XX вв. происходило на фоне общего разрушения традиционного общества и религиозного отступления (апостасии). Установление буржуазных, частнособственнических отношений, ведущих к росту индивидуализма — и, соответственно, демократии, к упадку целостности религиозного мировоззрения. В Европе эти процессы шли со времен Реформации, в России — с эпохи церковного раскола середины XVII века (более ранних тенденций мы не касаемся — это завело бы нас слишком далеко). В результате к XIX веку сложился совершенно новый тип человека — буржуа (этому историческому и социальному типу посвящена одноименная книга В. Зомбарта), «средний европеец как орудие всемирного разрушения» (К.Н. Леонтьев). Парадокс заключался в том, что оценки этого исторического типа представителями консервативной, прежде всего монархической мысли (Жозеф де Местр, Доносо Кортес, Константин Леонтьев) и мысли революционной, социалистической

(А.И. Герцен, М.А. Бакунин и даже К. Маркс) в значительной степени совпадали. В частности, в «Коммунистическом манифесте» Маркс писал: «Буржуазия повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения, безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывающие человека к его «естественным повелителям» и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и приобретенных свобод одну бесспорную свободу торговли». Парадокс, но «буржуа», «средний европеец» и, соответственно, его идеология — демократический либерализм — стали для монархии и социализма «общим врагом». Тот же Маркс, правда, зло и беспощадно критикуя любой «непролетарский социализм», признает, например, существование социализма французских «легитимистов». Характерно и такое его признание: «Нет ничего легче, как придать христианскому аскетизму социалистический оттенок. Разве христианство не ратовало тоже против частной собственности, против брака, против государства? Разве оно не проповедовало вместо этого благотворительность и нищенство, безбрачие и умерщвление плоти, монастырскую жизнь и церковь? Христианская жизнь — это лишь святая вода, которой поп кропит озлобление аристократа». Маркс сознательно мешает здесь исторические эпохи, «демократическое» раннее христианство, и «аристократическое» средневековое, крайний «монтанистский» аскетизм и аскетизм инок, уходящего в пустыню «не из ненависти к миру». Но пафос понятен. Злобно? Да, конечно. Но, «отбросив эмоции», легко видеть: буржуа, буржуазность не приемлемы ни «слева», ни «справа». Причем под буржуа следует здесь иметь в виду не столько частного собственника или производителя в классово-социальном смысле (на чем настаивал марксизм), сколько именно культурно-исторический тип. Тогда всё становится на свои места.

У монархии и социализма — двух исторических противников — изначально был третий, общий исторический противник. Сегодня он

торжествует победу. Но одновременно привёл мир к кризису, поставил его на грань уничтожения. В этом случае...

Попытаемся разобраться подробнее.

Монархическое государство не связано механически с какой-то конкретной формой политического и, тем более, экономического устройства. Монархия — как, впрочем, и республика — не форма правления (вопреки утверждениям современной теории государства и права), а тип государства. Основных государственных типов, по Аристотелю, всего три: монархия, аристократия и полития (демократия); их «обратных», извращённых типов тоже три: тирания, олигархия и охлократия (власть толпы). Эти типы и «антитипы» никак не связаны с течением времени, среди них нет «прогрессивных» или «реакционных», они вечны и существуют в своих проявлениях на протяжении всей истории человечества. Подавляющее большинство государств современного мира относятся к трем «извращённым» типам, причем в основном это олигархии или плутократии. Монархический тип государства — единственный, в котором проявляет себя категория не времени, а вечности, зона или «движущаяся вечности» (определение Вл. Лосского). На языке Православия это выглядит так: «Бог, по образу Своего небесного единоначалия, устроил на земле царя; по образу Своего вседержительства — царя самодержавного; по образу Своего царства непреходящего, продолжающегося от века и до века, — царя наследственного» (святитель Филарет Московский). Через династическое преемство народ выступает в истории как триединство ушедших в вечность, живущих на земле и еще не пришедших на неё людей. Династия — это один и тот же монарх, меняющий имена и облики только потому, что человек на земле смертен.

В своём фундаментальном труде «Монархическая государственность» Лев Тихомиров, опираясь на типологию Аристотеля (осмысленную через призму Православия), показывает принципиальную совместимость монархического типа власти с любыми формами управления (от диктатуры до прямой демократии на местах и даже анархии), равно как и с любыми формами хозяйства и собственности. При этом не может быть и речи о «священной» природе какой-либо формы собственности (как, например, частной у протестан-

тов), или, наоборот, о её заведомом полагании чем-то негативным (что является своего рода манихейством).

В отношении частной собственности существуют лишь два принципиальных запрета. Связанный с самой догматикой Православия — первый. И если не впрямую с догматикой, то с самим её внутренним смыслом — в особенности, русского Православия — второй. Во-первых, из «благословенных» форм собственности и хозяйственной деятельности изъято всё, что связано с банковским процентом как творением богатства «из ничего», *ex nihilo*. Церковный канон полагает за это отлучение от Церкви. Даже если мы сегодня вынужденно имеем дело с банками и процентом, мы должны чётко осознавать, что это прямой грех со всеми вытекающими отсюда последствиями как для банкиров, так и для клиентов. И, во-вторых, столь же неблагословенной формой собственности является частная собственность на землю, что есть прямое нарушение сказанного в Псалтыре: «Господня земля и исполнение ея вселенная, и вси живущии на ней». «Земля — Божья и государева, а так ничья», — испокон веков говорили в русском народе. Земля в русском народном сознании — образ Богородицы (о Которой говорится в каноне: «Земле благая, благословенная Богоневесто, клас прозябшая неораный»), и даже Духа Святаго («в Духов день Земля — именинница»). Земля может быть дана лишь во владение, во временное пользование, ради ея возделывания, но не в собственность с правом продажи, хотя всё, что на юридическом языке называется «плоды, продукция и доходы», может находиться как в коллективной, так и в частной собственности крестьян (христиан). Земля может переходить и по наследству — но без права её продажи (точно так же переходит по наследству, но не может быть проданной и царская власть; в этом смысле Царь — такой же «крестьянин»). Что же касается банковской деятельности и банковского капитала, то в принципе это та ситуация, где православное учение в точности совпадает с исламским. Поэтому изучение опыта исламских стран — особенно таких находящихся на очевидном экономическом и индустриальном подъёме, как современный Иран — в этом вопросе совершенно необходимо. Это то, что реально соединяет, а не разъединяет Русский мир с исламским, и это важнейший цивилизационный фактор. Мы также должны помнить,

что по такому же — безпроцентному — принципу до Второй мировой войны, а в значительной степени и после неё, при Пие XII, работали и банки Ватикана (на самом деле, деятельность таких католических организаций, как *Opus Dei*, признающих «священную» природу частной собственности, есть недопустимое мировоззренческое нарушение даже в рамках самого католицизма). «Делание денег из денег», то есть «творение» виртуального богатства из ничто — а вовсе не само наличие института частной собственности, самого по себе нейтрального, — это и есть капитализм в точном и прямом смысле данного слова. С православной точки зрения он и является грехом. Всё остальное в экономике (кроме, конечно, наркоторговли, «продажи органов», индустрии абортот и т. д. в этом роде) — строго говоря, не грех. При этом сам тип экономики должен быть таким, какой соответствует истории страны, её культуре и «месторазвитию» (выражение, которое использовали евразийцы). А экономическое устройство государства, в котором нет капитализма, но существует частная собственность (как это есть в исламских странах), надо называть как-то иначе.

Вопрос о социализме и капитализме, всегда возникающий в этой связи, должен быть поставлен не как формационный, а как цивилизационный. То есть не в том смысле, что капитализм сменяет феодализм, а социализм идёт на смену капитализму. Не по Марксу. Тем более, что и сам Маркс прямо указывал, что его схема «работает» только для Европы и США, и потому ввёл термин «азиатский способ производства», который вменял также и России. Можно говорить о принципиальном, по Карлу Шмитту, различии экономических укладов Суши и Моря, при этом помня что «принцип Суши» строго соответствует Православию, большинству направлений в исламе, буддизму и т. н. «язычеству» (деградировавшим формам древнего ведизма), а «принцип Моря» — иудаизму и западному христианству (причем Римо-католицизм в этом делении оказывается где-то «посередине»). В теории государства и права это соответствует цивилизационному делению на «восточный» путь государствообразования (власть первична, собственность вторична и, соответственно, государство первично по отношению к праву) и «западный путь» (собственность и, соответственно, право первичны, власть и, соответственно, государство — вторичны). В этом смысле

насилованный слом «тысячелетней русской парадигмы» произошёл не в 1917-м году, а в 1991-м, хотя февраль 1917-го был, конечно, прологом. Можно даже сказать, что всё происходило не сразу: в середине XVII века рухнуло целостное Русское Православие, в феврале 1917-го — Самодержавие, в августе 1991-го — русское пространство, крушение которого сегодняшние «национал-демократы» и т. н. «регионалисты» хотят довести до конца и до предела; восстановление всего возможно лишь как восстановление всего вместе и как историческое чудо, как Русский *Er-eignis* («Событие»), если пользоваться терминологией Мартина Хайдеггера. Но если всё же применять дихотомию «социализм/капитализм» (хотя применять её вовсе не обязательно), то Русская цивилизация — это, безусловно, социализм, причем вовсе не только советский: социалистические черты (прежде всего, конечно, община) были, безусловно, присущи и Российской империи, и, тем более, Московскому царству.

Московское царство было т. н. «тягловым государством» (по выражению В.О. Ключевского), или «государством-крепостью», причем словом «крепость» обозначалась прежде всего общенародная круговая порука — точно такая же, какая была внутри крестьянской общины. Удельные князья, бояре, а затем дворяне служили Государю, проливали свою кровь, и на этих условиях крестьяне постепенно прикреплялись к земле, кормили и вооружали тех, кто и самих крестьян оборонял на войне. Все московские люди были «государевыми людьми», между ними не было личной зависимости, как не было и «крещеной собственности», которая появилась только после Указа 1762 года о «дворянской вольности», мгновенно превратившего «крепость» в «крепостничество» (это уродливое подражание европейскому феодализму привело к столь же уродливому «российскому капитализму» конца XIX — начала XX веков). Строго говоря, Россия не знала ни феодализма с его принципом сюзеренитета-вассалитета, ни закономерно наследующего ему капитализма. Русское хозяйство всегда было цивилизационно иным. Кому хочется называть это социализмом, может спокойно это делать. Однако в марксистском, «формационном» смысле это, конечно, никакой не социализм, как не был «формационным социализмом» и социализм советский.

Московское государство как государство «тягловое» в той же степени было и государством сословно-представительным: Земские со-

боры как совещательные при Верховной власти органы, созываемые по сословно-земельному (сегодня мы бы сказали «социально-территориальному») признаку, были формой живой и органической связи власти с «землей», которая, без сомнения, развилась бы в политическую форму, полноценно альтернативную западному парламентаризму с его принципами формального большинства и диктатуры партий, если бы её развитие не было прервано церковным расколом XVII века (после которого и сами Соборы перестали созываться), а затем — Указом о дворянской вольности 1762 года и вообще формированием привилегированных сословий («Жалованные грамоты» Екатерины II). Собственно, от сакральных институтов Московской Руси на протяжении XVIII — XIX веков сохранялась только сама Царская власть, не могшая уже не остаться в одиночестве, а затем и быть свергнутой в феврале 1917 года. Живая и плодотворная идея социальной монархии (с широким земским самоуправлением), к которой Россия пришла при Иоаннах, не смогла удержаться, прежде всего, в силу своей военно-технической незащищенности, а потому осталась в истории не столько как данность, сколько как заданность. Лозунг «Царь и Советы», выдвинутый в 30-е годы «младороссами», абсолютно последователен и органичен.

По мере отступления самой Российской монархии от её изначально общенародной, надклассовой и надсословной природы, мировой финансовый капитал, единство которого окончательно складывается уже к первой половине XIX века вместе с формированием общемировой банковской системы, с одной стороны, стремится подчинить себе династию Романовых через систему «равнородных браков» (а на самом деле — через брачные связи Российских Императоров с подчиненным клану Ротшильдов Гессенским Домом; альтернативное нашему осмысление поставленной проблемы см. в статье С.В. Фомина «Деньги и власть», www.nashaepoha.ru/?page=obj91570&lang=1&id=1065), а с другой — формирует действующий доньше «Лондонский центр» революционных движений, финансируемый из тех же источников, идеологическим оружием которого становится революционный социализм: сначала народнического, а затем марксистского толка, — ситуация, «разрешившаяся», если так можно выразиться, только мученической искупительной смертью Царской Семьи Императора Николая II в Ипатьевском подвале в 1918 году.

Однако сам социализм как таковой оказался оружием обоюдоострым, что ранее других осознал великий мыслитель и политический прозорливец Константин Николаевич Леонтьев. «Если социализм — не как нигилистический бунт и бред всеотрицания, а как законная организация труда и капитала, как новое корпоративное принудительное закрепощение человеческих обществ, имеет будущее, то в России создать и этот новый порядок, не вредящий ни Церкви, ни высшей цивилизации, не может никто, кроме Монархического правительства», — предсказывал он еще в 80-е годы XIX века, стремясь привлечь Л.А. Тихомирова к созданию своего рода тайного монархо-социалистического ордена «по масонскому образцу», но с противоположным духовным и идеологическим знаком, который, как он надеялся, окажется способным «развернуть» складывавшуюся необратимую ситуацию.

К.Н. Леонтьев видел судьбу социализма в России совершенно не так, как Энгельс (и — с обратным знаком — Тютчев). «Коммунизм, — писал он, — в своих буйных устремлениях к идеалу неподвижного равенства должен... привести постепенно, с одной стороны, к меньшей подвижности капитала и собственности (назовём это прямо, по К. Шмитту, «принципом Суши». — В.К.), с другой — к новому юридическому неравенству, к новым привилегиям, к стеснениям личной свободы, законам, резко очерченным». И далее: «Можно себе сказать вообще, что социализм, понятый, как следует, есть не что иное, как новый феодализм уже вовсе недалекого будущего». В конечном счёте, именно Леонтьев оказался прав, хотя тоже только отчасти.

Интересно, что К.Н. Леонтьев видел судьбу социализма такой же, как судьбу христианства: в деятельности св. Константина он видел «укоренение» христианства и его превращение в собственно зрелую «ортодоксию», Православие, далеко не во всём совпадающее с первоначальным христианством. Маркс в приведенной выше цитате и ссылаясь на «ратование против государства и семьи», говорит именно о раннем христианстве, в то время как зрелое Православие благословляет и то, и другое (хотя и подчиняет, с одной стороны, плоть, с другой — «материальную силу» власти более высоким порядкам), и пути такого благословления, уже по Леонтьеву, далеко не завершены. «Чувство моё пророчит мне, что славянский право-

славный царь, — писал он, — возьмёт когда-нибудь в руки социалистическое движение (так, Константин Византийский взял в руки движение религиозное), и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной. И будет этот социализм новым и суровым трояким рабством: общинам, Церкви и Царю». Вопрос у Леонтьева предельно заострён: рабство он противопоставляет прежде всего «подвижности», «новому кочевничеству» капитализма.

Константин Леонтьев оказался прозорлив и еще в одном: он опасался, очень того не желая, что это произойдёт уже не при Романовых, которых он считал слишком добрыми для столь радикального политико-исторического действия. При этом мы понимаем: монархическая клятва 1613 года, исторически связанная с Романовыми, не может быть отменена. Хотя нам представляется следующее: исполнение клятвы 1613 года после всего пережитого не может не быть связано с её восполнением, и будущий Государь должен быть не только Романовым, но и Рюриковичем. Более того, прежде всего Рюриковичем. Как бы ни относиться к прозрениям «позднего Леонтьева», совершенно очевидно одно: Россия есть совершенно иная цивилизация, нежели та, к которой подходит дихотомически-формационное противопоставление капитализма и социализма, каковые суть столь же дуальные признаки, но другой цивилизации. Совершенно очевидно, что под принудительным закрепощением он имеет в виду не введение личной зависимости, а, по сути, восстановление государственной закрепощенности всех — начиная с самого Царя, который ни в коем случае не является «тираном» в аристотелевском смысле, но первым крепостным общей крепости.

В известном смысле можно сказать, что именно Константином Леонтьевым была предсказана сталинская эпоха. Идея строительства социализма в одной, отдельно взятой стране, в условиях капиталистического окружения, противопоставленная идее мировой пролетарской революции Маркса, Ленина и Троцкого, неожиданно оказалась всплыванием древних русских государственных архетипов — града ограждения и государства-крепости, причем строго идеологически окрашенных, как у священноинока Филофея, хотя исторически и иной идеологией. Эта иная идеология стала меняться уже в конце 30-х, когда на XVIII партсъезде была, по сути, отвергнута

ленинская идея «отмирания государства», а затем — сугубо — после 1943 года, когда в стране стали восстанавливаться позиции Русской Православной Церкви. Сразу же после войны начался национально ориентированный поворот в культуре. Однако Сталин не решился довести этот процесс до конца (или не был уверен в успехе), и после его смерти трансформация Советской власти в традиционную была остановлена, а XX съезд КПСС, по сути, вернул всё к обречённой модели Маркса и Ленина.

Ряд современных исследователей (О. Стрижак, А. Мартиросян и др.) установили, что экономическая система сталинского периода с 30-х годов и вплоть до начала 50-х на глубинном уровне была основана не на идеях Маркса, а на концепциях, разработанных специалистами Императорского Генштаба. Речь идёт, прежде всего, о генерале А.Д. Нечволодове (1864 — 1938), более или менее известном лишь по знаменитому, написанному по личному указанию Императора Николая II «Сказанию о Русской земле», однако занимавшегося по преимуществу экономическими вопросами и в первые два десятилетия прошлого века выпустившего два фундаментальных на эту тему труда: «От разорения к достатку» и «Русские деньги».

Нечволодов предлагал развёрнутую программу некапиталистического развития России, подвергая при этом крайне жёсткой критике Маркса и марксистов. По его словам, «вожди социализма, призывая пролетариев всех стран к борьбе с существующим порядком и капиталистами, под последними понимают только землевладельцев и фабрикантов (каковые, по сути, капиталистами не являются. — В.К.), но ни слова не говорят ни о банкирах, ни о биржах».

Нечволодов считал, что экономическое благосостояние страны должно быть основано не на «конвертируемости» денег, а на их обеспечении всеми природными богатствами и ресурсами государства. Именно это и было сделано Сталиным после Великой Отечественной войны (позже по тому же пути пошёл во Франции генерал де Голль, но был «удален» от власти).

В принципе, оптимальной хозяйственной структурой будущей монархии, если она будет восстановлена, можно считать такую: земля, её недра, леса, водные ресурсы, а также континентальный шельф находятся в исключительном владении государства («Земля — Божия и государева»), но могут предоставляться во владение и пользо-

вание подданным Империи и их корпоративным ассоциациям. Вся тяжёлая, стратегическая, оборонная, авиационная, атомная, космическая промышленность и высокие технологии (включая нанотехнологии) также принадлежат исключительно государству. Гражданский морской, гражданский воздушный флот и железнодорожный транспорт могут работать на смешанной государственно-частной основе, как и сегодня — по типу, например, РЖД. Образование — государственное, но с учётом местных культурно-религиозных и этнических особенностей (на добровольной основе). Примерно то же самое должно касаться и медицины, с высокими заработками работников, но частные клиники, видимо, могут существовать. В сельском хозяйстве, рыболовстве, промыслах и т. д. могут существовать все формы владения и производства: от государственных до фермерских. Сфера легкой и пищевой промышленности, различные виды услуг — лучше всего, если будут частными.

Вся финансовая деятельность (в идеале и в конечном счёте — возможно, не сразу — безпроцентная, как в исламских странах), безусловно, должна находиться в руках государства и осуществляться от имени Государя — по принципу «динария кесаря». Промышленный, Крестьянский, Кооперативный, Земельный, Горный, Лесной, Строительный, Банк молодой семьи и другие банки должны быть филиалами Государственного банка, хотя и располагать большей степенью свободы. Частная же финансовая деятельность и, тем более, безконтрольный допуск деятельности иностранных и международных финансовых структур допущены быть не могут.

В государственном секторе, безусловно, придётся вспомнить о советском организационно-техническом опыте — разумеется, за вычетом бюрократически-мелочной регламентации и «партийного контроля».

Видимо, к жизни должен будет вернуться такой исконно русский вид предпринимательства и труда, как артель (в том числе в форме полного и ограниченного товарищества). Артели (кооперативы) появились в России еще в царствование Николая II, и их возрождение в первые два года «перестройки» казалось очень хорошим признаком. То, что за этим скрывалось государственное предательство, стало ясно только после того, как была отменена монополия внешней торговли, и кооперативы стали превращать в «совместные предприя-

тия», через которые началось разграбление национальных богатств. Следует понять: то, что так произошло, не должно означать негативной оценки самого типа хозяйствования.

Государство однозначно должно будет взять под прямую опеку фундаментальную, в том числе теоретическую, науку как основу для любого промышленно-технологического развития. Отсутствие быстрого «коммерческого выхода» здесь не должно быть препятствием. В идеале наука находится под личной опекой Государя, а культура — Государыни. Сегодня об этом можно говорить только «в желательном падеже». Монархическое государство есть государство социального сотрудничества. В руководящих хозяйственных органах государственных предприятий должны быть на равных представлены представители администрации и трудящихся, в смешанных и частных — предпринимателей и трудящихся. То же самое касается отраслевых профсоюзов (синдикатов), имеющих своё представительство в общегосударственных законосовещательных органах (по типу Земских соборов). Очень интересным в этой связи представляется опыт Испании 40-х — 50-х годов прошлого века с её «Хартией труда», а также Португалии и проч. Вообще, опыт синдикализма (без анархизма) может быть очень полезен. Всё это, разумеется, лишь самый общий очерк, совершенно без деталей, о которых в данный момент говорить просто невозможно. Вполне возможно, что стремление внешних врагов предотвратить неминуемое всплытие Руси новой, но по старому образцу (прав. Иоанн Кронштадтский) поставит на повестку дня исключительно мобилизационные аспекты экономики и политики. Однако даже и это не снимет, в конечном счёте, с повестки дня аспектов созидательных.

Будущая русская монархия, если она будет восстановлена, не будет механически воспроизводить ни московскую, ни петербургскую, ни «сталинскую» модель. Она будет духовно (в смысле верности Православию и модели государственно-церковных отношений), а также в плане социального представительства наследовать Московской Руси; юридически (клятва 1613 года, законодательство Императора Павла 1796 года о престолонаследии и Императорской фамилии) преемствовать Российской Империи; в вопросах социального, промышленного, военного строительства использовать (как с технической точки зрения наиболее успешный) советский

опыт. При этом его использование будет очищено от «родимых пятен марксизма» и вообще идеологической тоталитарности, от чрезмерного давления на социальные слои, культуру и частную жизнь человека, бывших, к сожалению, неотъемлемыми чертами «советского социализма», при всех его достижениях, и даже, скорее всего, эти достижения в то время (именно в то) и обеспечивших. Всё это надо не воспроизводить в будущем, а, прежде всего, понимать. Историческую форму монархии в России можно в известном смысле считать тезисом, историческую советскую форму социализма — антитезисом. Речь идёт — не может не идти — о синтезе. Этот синтез вызывается к жизни всплытием глубинных оснований русской истории. В каком-то смысле это наш Град Китеж.

Сегодняшний спектр политических идеологий в России — спектр мнимостей и миражей. Коммунизм, что бы ни говорили его сторонники, мёртв. Либерализм с самого начала показал свою непригодность и неприглядность, а сегодня является средством ускорения распада страны, её включения в евроатлантическую систему в качестве наиболее слабого и подчинённого звена. К сожалению, «русский национализм» в его нынешнем виде, ориентированный на «белую Европу» (которой уже давно руководят далеко не «белые»), всё более смыкается с либерализмом. Социал-демократия как сочетание «мягкого социализма» (тоже европейского типа) с «либеральными ценностями» в российском контексте мертворожденна. «Консерватизм» «единороссов» не пригоден просто потому, что в сегодняшней РФ «консервировать» нечего — разве что те же «либеральные ценности» и «завоевания 90-х». В этих условиях социал-монархизм является не только жизнеспособной идеологией, но цивилизационным проектом, органически вытекающим из всей русской истории всех её эпох. Это закономерный и исторически востребованный путь новой России.

Роберт Стойкерс

Атлантида, Куш и Туран: доисторические матрицы древних цивилизаций в посмертном труде Шпенглера¹

Морфология культур и цивилизаций Освальда Шпенглера в его наиболее известной работе «Закат Европы» хорошо всем знакома. Однако позиции Шпенглера изменились после выхода этой книги. Так утверждает итальянский германист Доменико Конте в своей последней работе о Шпенглере, «Catene di civiltà: Studi su

Spengler (Napoli: Ed. Scientifiche Italiane, 1994)», которая представляет собой тщательное исследование посмертных текстов философа, изданных Антоном Мирко Коктанеком, особенно таких как «Frühzeit der Weltgeschichte» («Ранний период всемирной истории»), в которой собраны фрагменты задуманной, но оставшейся неоконченной работы «Эпос о человеке».

В своих размышлениях, последовавших сразу вслед за изданием «Заката Европы», Шпенглер выделял четыре стадии человеческой истории, которые он обозначал просто А, В, С и D. Этап «А» продолжался сто тысяч лет, от первых шагов появления человека до верхнего палеолита. В течение этого периода рука стала значимой для человека. По Шпенглеру, это век гранита.

Этап «В» длился десять тысяч лет и охватывает нижний палеолит и мезолит, от 20 тысяч до 7 — 6 тысяч лет до н.э. В течение этого периода родилось представление о внутренней жизни: «Тогда появляется подлинная душа, столь же неизвестная человеку эпохи «А», сколь новорождённому ребёнку». В данную эпоху человек впервые

¹ Опубликовано в: *Nouvelles de Synergies européennes*, no. 21, 1996.

«смог оставить следы, памятные знаки» и понимать феномен смерти. По Шпенглеру, это век кристалла. Стадии «А» и «В» являлись неорганическими.

Этап «С» продолжался 3500 лет и совпадает с эрой неолита: от шестого тысячелетия до н.э. до третьего. В эту эпоху мысль выражалась в языке, сделав возможными наиболее сложные технические достижения. На данном этапе зародились «культуры» с «амёбной» структурой.

Этап «D» — это то, что называют «всемирной историей» в обычном смысле слова. Это эпоха «великих цивилизаций», каждая из которых существует примерно 1000 лет. Структура этих цивилизаций «растительная». Стадии «С» и «D» были органическими.

Шпенглер предпочитал эту психолого-морфологическую классификацию тем, которые навязывают директора музеев, подразделяющие доисторическую и историческую эры в соответствии с материалами, использовавшимися для изготовления орудий (камень, бронза, железо). В согласии со своей психолого-морфологической классификацией Шпенглер отказался от идеи «медленного, флегматического изменения» или постепенного развития, укоренённой в прогрессистских идеях XVIII века.

Эволюция, по Шпенглеру, происходит в форме катастрофических ударов, внезапных вторжений, неожиданных перемен. «Всемирная история протекает от катастрофы к катастрофе, не заботясь о том, способны ли мы их понять. Сегодня, вслед за Г. де Фризом, мы называем их «мутациями». Это внутренние трансформации, которые влияют без предупреждения на всех членов вида, без «причины», естественно, как и всё в жизни. Таков мистический ритм мира» («Человек и техника»). Поэтому не существует медленной эволюции, а только внезапные «эпохальные» изменения, разрывы. *Natura facit saltus* [Природа делает прыжки (лат.)].

Три культуры-амёбы

В эпоху «С», когда действительно возникают матрицы человеческой цивилизации, Шпенглер выделяет три «культуры-амёбы»: Атлантиду, Куш и Туран. Эти термины появляются только в посмертных сочинениях и письмах Шпенглера. Эти цивилизационные матрицы

суть «амёбы», а не «растения», потому что амёбы — подвижные, не прикрепленные к определённому месторазвитию существа. Амёба — организм, который постоянно пульсирует вдоль вечно движущейся периферии. Поэтому амёба делится, порождая новых индивидов, удаляющихся от амёбы-матери. Это аналогия подразумевает, что нельзя с точностью определить территорию цивилизации этапа «С», потому что её амёбные проявления могут быть широко рассеяны в пространстве, даже очень далеко от амёбы-матери.

«Атлантида» — это «Запад», простирающийся от Ирландии до Египта. «Куш» — это «Юго-Восток», район между Индией и Красным морем. «Туран» — это «Север», раскинувшийся от Центральной Европы до Китая. Шпенглер, как пишет Конте, выбрал эти термины — «древние мифологические названия» — чтобы не смешивать их с позднейшими историческими регионами «растительного» типа, которые географически укоренены и ограничены, тогда как первые рассеяны и точно не локализуемы.

Шпенглер не верил в миф Платона об Атлантиде как затонувшем континенте, но отмечал целый комплекс остатков цивилизации, локализуемой на Западе, от Ирландии до Египта. «Куш» — название, в Ветхом Завете обозначающее территорию древней Нубии, район, населённый кушитами. Но Шпенглер помещает культуру-амёбу «Куш» намного восточнее, в район между Туркестаном, Персией и Индией, на что его, без сомнения, вдохновил антрополог Фробениус. «Туран» же — это «Север», Туранская возвышенность, которую Шпенглер считал колыбелью индоевропейских и урало-алтайских языков. Именно отсюда исходили миграции «нордических» племён (у Шпенглера — без расовых коннотаций), обрушивавшиеся на Европу, Индию и Китай.

*Атлантида: жаркая и подвижная;
Куш: тропический и довольный*

Атлантида, Куш и Туран — культуры, морфологические принципы которых проявились главным образом в сферах религии и искусства. Религиозность Атлантиды была «жаркой и подвижной», сосредоточенной на поклонении умершим и превосходстве загробной жизни. Формы её погребений, отмечает Конте, свидетельствуют об

интенсивном общении с миром мёртвых: гробницы всегда имеют высокие очертания, монументальны; покойников бальзамируют и мумифицируют; им оставляют или приносят пищу. Эта одержимость общением с длинной чередой предков позволила Шпенглеру теоретически вывести «генеалогический принцип». Искусство Атлантиды, добавляет Конте, выражалось по преимуществу в каменных конструкциях, стремилось к максимально возможному гигантизму; эти сооружения были построены для вечности и отражали мироощущение, направленное не на героическое преодоление пределов, а на «вялое благодушие и самодовольство».

В Куше развилась «тропическая и довольная собой» религия. О загробной жизни здесь беспокоились куда меньше, чем в Атлантиде, потому что в культуре-амёбе Куша господствовала математика космоса (наиболее внушительным наследником которой стал Вавилон), в которой вещи «жёстко предопределены заранее». Жизнь после смерти безразлична. Если Атлантида — «культура гробниц», то в Куше гробницы не играют никакой роли. Человек живёт и порождает потомство, но забывает мёртвых. Центральный символ Куша — храм, в котором жрецы тщательно изучают небесную математику. Если в Атлантиде господствует генеалогический принцип, если боги и богини Атлантиды приходятся друг другу родителями и детьми, то в Куше божества суть звёзды, преобладает космологический принцип.

Туран: цивилизация героев

Туран — цивилизация героев, вдохновляемых «холодной» религиозностью, сосредоточенной на мистическом смысле существования. Природа полна безличных сил. Для культуры-амёбы Турана жизнь — это поле битвы. «Ибо для человека Севера (Ахилла, Зигфрида), — пишет Шпенглер, — имеет значение только жизнь до смерти, битва против судьбы». Отношения богов и людей — не отношения зависимости одних от других: «падение ниц прекращается, голова остаётся гордо поднятой: есть только Я (человек) и вы (боги)».

Дети хранят память об отцах, но не приносят пищу для их тел. Тела не бальзамируют и не мумифицируют, а кремируют. Тело ис-

чезает, прах хоронят в земле без памятников или развеивают по ветру. Всё, что остаётся от мёртвых — это их кровь в жилах потомков. Поэтому Туран — культура без архитектуры, в ней не играют роли храмы и гробницы, а значение имеет только земной смысл жизни. Человек живёт один, в конфликте сам с собой, в деревянном доме или шатре кочевника.

Боевые колесницы

Симпатии Шпенглера были отданы культуре-амёбе Турана, чьим носителям была свойственна любовь к приключениям, неумолимая жажда власти, вкус к насилию и свобода от напрасной сентиментальности. Это «люди фактов». Различные народы Турана не связаны узами крови или общим языком. Шпенглер не использовал археологические и лингвистические исследования, помогающие найти исконную прародину индоевропейцев или воссоздать праязык всех современных индоевропейских наречий: связь народов Турана чисто техническая — это использование боевой колесницы.

В лекции, прочитанной в Мюнхене 6 февраля 1934 года («Der Streitwagen und seine Bedeutung für den Gang der Weltgeschichte» — «Боевая колесница и её значение для хода всемирной истории»), Шпенглер объясняет, почему это оружие является ключом к пониманию истории второго тысячелетия до н.э. Он говорит, что это было первое комплексное оружие. В боевой колеснице (двухколёсной, а не менее мобильной четырёхколёсной повозке), в одомашненных и запряжённых животных, в дотошно снаряжённом воине нуждается тот, кто отныне сражается с врагами сверху. Вместе с боевой колесницей рождается тип нового человека. Колесница — революционное изобретение в военном плане, но также и формообразующий принцип нового человечества. Воины становятся профессиональными, потому что техника, с которой они должны иметь дело, теперь сложная; и они объединяются в касту тех, кто любит риск и приключения; они сделали войну смыслом своей жизни.

Вторжение этих каст «колесничих» опрокинуло очень древние государства: ахейцы вторглись в Грецию и заселили Микены, гиксосы взорвали Египет. Восточнее касситы обрушились на Вавилон. В Индии арии проникли вглубь субконтинента, «разрушили города» и

поселились на развалинах цивилизации Мохенджо-Даро и Хараппы. В Китае племена Чжоу пришли с севера верхом на колесницах, подобно гиксосам и их греческим двойникам.

Начиная с 1200 г. до н.э. воинственные вожди правили в Китае, Индии и древнем Средиземноморье. Гиксосы и касситы завоевали две древнейшие цивилизации Юга. Так появились три новые цивилизации, созданные «господствовавшими колесничими»: греко-римская, индоарийская и китайская цивилизация, происходящая от Чжоу. Эти новые цивилизации, чьи правители пришли с севера, из Турана, были «более мужественными и энергичными, чем родившиеся на берегах Нила и Евфрата». Однако, по Шпенглеру, эти воинственные колесничие, к сожалению, были побеждены соблазнами размягчающего Юга.

Общий героический субстрат

Теорию приблизительной одновременности вторжений в Грецию, Египет, Индию и Китай разделяли Шпенглер и синолог Густав Халун. Оба утверждали, что у средиземноморской, индийской и китайской цивилизаций был общий субстрат, восходящим к воинственным колесничим. Это была «героическая» цивилизация, как показывает вооружение Турана. Оно отличалось от атлантического. Кроме колесницы, оно включало меч и топор, что предполагало единоборства между противниками, в то время как в Атлантиде оружием были лук и стрелы, что Шпенглер называет «подлым», ибо они дают возможность избегать прямого физического столкновения с соперником, не «смотреть ему прямо в глаза».

В греческой мифологии, по мнению Шпенглера, лук и стрелы являлись остатками более ранних, догреческих влияний: лучник Аполлон происходит из Малой Азии, Артемида и Геракл — из Ливии. Метательное копье также атлантическое, в то время как копье для турнира «туранское». Для понимания тех отдалённых времён изучение оружия более поучительно, чем кухонной утвари или драгоценностей, заключает Шпенглер.

Туранская душа также происходит от определённого климата и враждебного ландшафта. Человек здесь должен непрестанно сражаться со стихиями, а потому становиться более жёстким, более

холодным, более зимним. Человек — продукт не только «генеалогической цепи», но равным образом и «ландшафта». Суровость климата приводит к развитию «нравственной силы». Тропики смягчают характер, делая нас ближе к ощущаемой матриархально природе, утверждая женские ценности.

Поздние работы и переписка Шпенглера показывают, что его взгляды изменились после публикации «Заката Европы», где он высоко оценивал фаустовскую цивилизацию в ущерб древней цивилизации. Его акцент на «колесницах» привнёс новое измерение в его видение истории: греки, римляне, индоарии и китайцы снискали благосклонность в его глазах.

В «Закате Европы» мумификация фараонов рассматривается как египетское выражение воли к длительности, которую он противопоставлял забвению, подразумеваемому в индийской кремации. Позже он стал презирать «атлантическую» мумификацию как одержимость ушедшим, указывающую на неспособность смело встретить земную жизнь. С другой стороны, «туранская» кремация указывает на волю к своей власти в реальной жизни.

Изменение подхода, продиктованное обстоятельствами?

Полицентрическая, релятивистская, не европоцентристская, неэволюционистская концепция истории Шпенглера в «Закате Европы» увлекла многих исследователей не из среды немецких правых, особенно Альфреда Крёбера и Рут Бенедикт. Акцент Шпенглера на большой исторической роли каст колесничих придаёт его поздним работам более воинственное, насильственное, мобильное измерение, чем в «Закате Европы».

Можно ли отнести это изменение подхода на счёт ситуации с побеждённой Германией, которая искала союза с молодым СССР (в евразийско-туранской перспективе?), с Индией в восстании против Великобритании (которую Шпенглер ранее включал в «фаустовскую цивилизацию», а ныне придавал ей намного меньше значения), с Китаем «великих воителей», которых иногда вооружали и помогали немецкие офицеры?

Стремился ли Шпенглер, судя по его лекции о колесничих, дать общую мифологию немецким, русским, китайским, монгольским и

индийским офицерам или революционерам, чтобы выковать грядущее братство по оружию — в точности так же, как русские евразийцы пытались дать новорождённой Советской России сходную мифологию, подразумевающую примирение тюрко-туранцев и славян? Была ли коренная переоценка «туранской» колесницы эхом преклонения перед «штурмом» в «солдатском национализме», особенно у братьев Юнгеров и Шаувекера?

Наконец, почему Шпенглер ничего не написал о скифах, народе неустрасливых воинов, мастеров коневодства, которые очаровывали русских и, несомненно, в их числе идеологов евразийства? Наконец, были ли причиной умаления расового фактора у позднего Шпенглера его озлобленные чувства к английским кузенам, предавшим германскую солидарность? Хотел ли он представить новую мифологию, в которой всадники континента, включавшие все этнические группы (монголы, тюрко-туранцы, наследники скифов, казаки и германские уланы) должны были объединить свои силы против разложившихся цивилизаций Запада и Юга и против англосаксонских талассократий?

Разве не очевидны параллели между акцентом на боевых колесницах и некоторыми положениями в «Человеке и технике», равносильными уступке господствовавшей футуристической идеологии в той мере, в какой Шпенглер даёт скорее техническое, чем религиозное объяснение туранской культуре-амёбе? Эти темы история идей должна будет глубоко исследовать и прояснить.

Перевод с английского Максима Медоварова

Максим Медоваров

Загадки Шпенглера

29 мая 1880 г., в Бланкенбурге родился один из самых загадочных мыслителей XX века Освальд Арнольд Готфрид Шпенглер. О нём написано достаточно много — и всё же слишком мало. Мало потому, что Шпенглер противоречив и многолик, а исследователи, как правило, склонны видеть только какую-нибудь одну его сторону.

О Шпенглере как мыслителе высказывались прямо противоположные суждения, и все — не без оснований. Его обычно причисляют к плеяде «консервативных революционеров» 20-х годов — но Стефан Бройер парадоксально заявляет, что Шпенглер лишь вдохновил Мёллера ван ден Брука, Юнгера, Шмитта и других, а сам отошёл в сторону. (Именно в первом томе «Заката Европы», написанном в 1917 году, впервые употреблено выражение «Третий рейх», а вовсе не у Мёллера, как обычно думают.) Общеизвестно, что всемирную историю Шпенглер описывал как совокупность девяти самостоятельных культур (влияющих друг на друга лишь внешне) и множества «неисторических народов». Но при этом часто забывают, что мыслитель предлагал и иные ракурсы, с которых можно взглянуть на исторический процесс. Общим местом стали рассуждения о том, что Шпенглер проповедовал «прусский социализм», и понимают это то ли как осуществление пророчеств Константина Леонтьева, то ли как смычку с национал-большевизмом Никиша. На самом же деле в «Пруссачестве и социализме», не говоря уже о «Годах решения», Шпенглер высказывает ряд экономических идей, которые иначе как социал-дарвинистскими или праволиберальными не назовёшь. Конечно, речь не об англосаксонском либерализме, который мыслитель считал губительным для континентальной Европы, но всё-таки принцип частной собственности (в рамках

орденских общин) нищий философ Шпенглер отстаивал прямо-таки с аристократическим фанатизмом.

Нам не хотелось бы говорить здесь подробно об историософии «Заката Европы». О ней написано достаточно. Интересующихся можно отослать к статьям С.С. Аверинцева, П.П. Гайденко, М.А. Емельянова-Лукьянчикова, И.И. Маханькова, А.И. Патрушева, А.Г. Румянцева, Т.Г. Румянцевой, А.М. Руткевича, К.А. Свасьяна, В.А. Сендерова, Г.И. Тавризяна, В.Л. Цымбурского. Укажем лишь на то, что мы считаем главным в его наследии. И это — не тексты сочинений, а сама его жизнь. Жизнь человека, который предпочитал жизнь любой отвлечённой системе, имел страсть продумывать всё до конца и не боялся самых крайних выводов. Нашего Константина Леонтьева называют «учителем смелости». В равной мере так можно сказать и об Освальде Шпенглере.

Шпенглер родился в католической Южной Германии — там же, где и подавляющее большинство великих немцев. Юность он провёл в основном в Западной Германии с её мощными университетскими центрами, а после 30 лет перебрался опять на юг, в Мюнхен. При всём этом был поклонником и певцом прусского духа, духа рыцарских орденов. Очередной парадокс — но парадоксальным в Шпенглере было всё. Глубоко чтивший христианские традиции и не веривший в Бога нигилист. Убеждённый милитарист, никогда не служивший в армии. Человек, никогда не занимавший официально поста и в то же время считавший государство и политику единственно достойными сферами жизни.

Корни этих противоречий уходят в детство. Мальчиком Шпенглер любил представлять, как он делит мир между государствами, перекраивает карту. Сёстры были в восторге от его рассказов. Кто знает, было ли то наследством аристократической матери, которое победило мещанское начало отца? Так или иначе, но уже в молодые годы проявилась необыкновенная чувствительность Шпенглера к эстетике: он мог разрыдаться при виде некрасивого здания. Заметим, что для очень и очень многих консерваторов было характерно развитое эстетическое чувство, пусть и не всегда в таких крайних формах. Шпенглер часто терял сознание от головных болей и забывал собственный адрес. С каждым годом он всё больше разрывался на две части. В нём жили и боролись два начала, две стороны лич-

ности. Один Шпенглер всегда хотел любить людей, иметь семью и друзей, ходить в церковь и мирно философствовать; другой презирал людей вплоть до отвращения к ним, не хотел ни с кем разговаривать, выражал аристократическое, воинское презрение к религии и философии. Своими учителями он признавал только Гёте и Ницше, всегда возил их книги с собой — но в то же время втайне сравнивал себя с Платоном, чьи попытки создать идеальное государство провалились. Высмеивая философов за оторванность от полнокровной жизни и утопичность, Шпенглер сам был одним из них и прекрасно это понимал.

Когда после диссертации о Гераклите и ряда никому не известных работ наступил период шестилетнего затворничества (1911 — 1917), закончившийся оглушительным успехом первого тома «Заката Европы», Шпенглер вновь был разочарован. Его имя стало известно всему миру, его носили на руках. Но, во-первых, он знал, что первый том — лишь прелюдия к другим его работам. А во-вторых, все обратили внимание на ошеломляющие таблицы сравнительного развития культур и на пророчество о неизбежном угасании Запада, о закате богов как неумолимом законе энтропии. Но суть первого тома заключалась не в этом. Эта книга была в первую очередь посвящена математике, физике и эстетике (и разве что молодой А.Ф. Лосев по достоинству оценил эти её стороны). В центре первого тома «Заката Европы» находится не историософская, а естественнонаучная картина мира.

Краеугольным камнем в фундаменте философии Шпенглера является противопоставление двух рядов явлений. Первый ряд включает в себя становление, переживание, душу. Сюда относятся судьба, факт, единичное событие, история, жизнь, направление, инстинкт (физиономический такт), бытие, жизненный опыт, направленность в будущее, политика. Второй ряд включает в себя всё ставшее, протяженное, застывшее, мир. Это сфера господства казуальных принципов, рассудка, бодрствования, научной картины мира, научных методов, религии и естествознания как систем, мифа, догмы, гипотезы, техники. Противоположность этих двух рядов понятий сводится Шпенглером к противоположности праслов «пространство» и «время».

Пространство — это ставшее, это мёртвая, косная материя. Страх перед пространством — это страх смерти. Их размышлений о смерти рождается любая религия, любое естествознание, любая философия. Человеку, в отличие от животного, известно прошлое и будущее, поэтому ему глубоко ненавистно пространство. Шпенглер отвергает идею трех измерений: если длина и ширина — это просто чувственные впечатления, то глубина — это ощущение природы. Растение различает лишь «верх» и «низ», животное — «право» и «лево», «перёд» и «зад». Тем самым человеческое мышление создаёт понятие о трех измерениях под углом 90° друг к другу, хотя чисто математически можно было бы взять за основу, например, 60° , и мы получили бы иное число измерений. Для реального человека измерения x , y , z отнюдь не взаимозаменяемы. Люди отличаются тем, как они воспринимают глубину, z .

Время — это не понятие. Это внутреннее переживание судьбы. Настоящее время, историческое и хронологическое, противоположно пространству и не имеет ничего общего с физическими моделями времени t как равноправного измерения наряду с x , y , z . Вейерштрасс доказал, что существуют недифференцируемые функции. Время как раз таково. И если теория относительности как рабочая гипотеза допускает такие выражения, как $\sqrt{t}$, t^2 , — t , даже мнимые единицы времени, то они никак не связаны с настоящим временем. Пусть время — обратимая величина в теории относительности — в жизни не так. Более того: вся физика оперирует с принципом каузальности (причинно-следственным принципом), то есть все физические законы таковы, что должны всегда и везде одинаково проявляться. Но на самом деле это не так. Старость — не следствие юности, цветок — не причина плода. Шпенглер отрицает принцип равномерности времени. Следовательно, нет и не может быть «физики вообще». Бывает лишь египетская, арабская, античная, западная физика. Причем даже физика XVII и XIX веков сильно различается. В конечном счете, человек сам является временем и судьбой.

Мир объективно существует, но человек его воспринимает, лишь преломляя его через некую исторически заданную картину мира. У детей и первобытных народов такая картина ещё не сформировалась. У высших культур, каковых насчитывается 8–9, есть соответствующие картины мира. Действительность — это проекция

мира на душу человека, направленного на протяжённое. Макрокосм — совокупность всех символов по отношению к одной душе. А символом является всё что угодно. Тем самым два человека, смотря на один и тот же объективный мир, видят его по-разному. Что уж говорить о людях разных культур с разными прасимволами, архетипами, лежащими в их основе.

Отсюда и разный язык математики: ведь числа нужны для того, чтобы измерять застывшую природу. Числа — символы преходящего. По Шпенглеру, нет чисел вообще: есть индийские, античные, арабские, западные числа. Античному человеку было свойственно точечное переживание времени и телесное ощущение пространства. Иррациональные «числа» греки не считали числами. Они не знали понятия бесконечности, а в греческом и латинском языках нет даже слова «пространство» (Карл Шмитт также отмечал несопоставимость лат. *spatium*, итал. *spazio*, франц. *espace*, англ. *space* с немецким *Raum*). Единственно возможной в античности была геометрия Эвклида и астрономия Птолемея. Западная математика — полная противоположность античной. «Фаустовское» ощущение бесконечного пространства породило дифференциальное и интегральное счисление, понятие пределов как динамических процессов («х стремится к бесконечности»), понятие о многомерных «пространствах» и представление о трех неевклидовых геометриях, которые все одновременно верны. Индийская математика имела дело с совершенно недоступным нам понятием об абсолютном нуле как нирване, а вместо чисел оперировала какими-то тригонометрическими потенциями, которым при определенных условиях могли превращаться и в $+3$, и в -3 , и в $1/3$, и в $\sqrt{3}$. Арабо-сирийская «магическая» культура рассматривала мир как ограниченную «пещеру» и изобрела алгебру с её немыслимыми для античности превращениями чисел.

Шпенглер утверждает, что невозможно вообще ставить вопрос о том, каков мир на самом деле. На практике мы имеем следующее: наше зрение ограничено световым горизонтом, и даже в самые мощные телескопы мы видим звёзды лишь как точки и плоскости. Поэтому мы не можем сказать, везде ли одинаковы физические законы, не изменяется ли скорость света в разных местах Вселенной. Мы знаем, что 35 миллионов солнечных систем образуют замкнутую сферу — Метагалактику — радиусом 470 млн. а. е. Что

за её пределами — мы не знаем, и тут начинается чистое умозрение. (Версии на эту тему в эпоху Шпенглера были высказаны в книгах П. А. Флоренского «Мнимости в геометрии» и Ф. Шмидта «Это не звёзды».) Древний грек ужаснулся бы этой картине мира, европеец же жаждет преодолеть и эти гигантские пределы, хочет видеть безграничное и бесконечное пространство. И пусть даже некий предмет имеет длину 1 м — древний грек воспримет эту длину как телесную меру, араб — как свойство магической сущности данного предмета, европеец — как протяженность в пространстве. А теория относительности и вовсе утверждает, что даже длина предмета разная в различных системах координат.

Шпенглер раскрывает причины того, что единственно верной физики не может быть. Дело в том, что в процессе изучения и измерения природы (ставшего, пространства) приходится иметь дело со временем (становящимся, жизнью, судьбой). Время вписывают в формулы буквой t , но это не меняет главного: пока проводится эксперимент, уже прошло некоторое время. А это означает, что изменились не только условия проведения эксперимента, но и сам мир; на некоторую величину постарел и сам физик. Таким образом, никакая система (наука) не может решить проблему времени, движения, не может избавиться от страха смерти. Лишь внутреннее душевное переживание, физиогномика позволяет напрямую вчувствоваться в мир и решить проблему движения. В противном случае получается так, что древние греки понимали движение как перемещение тел в пустоте, а немцы видят движение как интегральный процесс.

Поэтому та или иная картина мира — не опыт, но умозрение. Ведь физика — это не просто набор чисел, но всегда некая теория. А ни одна теория не может быть верна или не верна, потому что она существует лишь в рамках истории человечества. Сама физика как наука существует лишь в течение крайне малых отрезков времени — два-три века — на закате всех 8 великих культур (в античности в III — I вв. до н.э., в Европе в XVII — XIX вв.). Но это разные физики, они ставят перед собой разные цели: античная статика желает созерцать телесность вещей, оперирует понятиями материи и формы; еврейско-арабская алхимия желает получить магическое знание, использует понятия субстанции и свойства; западная динамика привыкла к понятиям силы, массы, ёмкости, напряженности,

потенциала. Все эти слова тесно связаны друг с другом и выводятся их германской, «фаустовской» воли к власти. Западная физика и химия как её часть — это голый анализ.

Греческие атомы вели себя как тела, и не просто как тела, а как греки в полисе. Свет в античности представляли в виде телесных образов, перемещающихся от источника света к глазу. В сирийском христианстве считалось, что цвета и формы вещи магическим образом подводятся к силе зрения в глазных яблоках. В средневековой Европе свет определили как силу, а атомы стали представлять не как статичные тела, а как центры напряжения, властного потенциала. Поэтому такие термины современной физики, как «атом», «работа», «квант действия», «энтропия», «количество теплоты» — это не реальности, полученные опытным путем, а мифы. Это *numina*, магические имена, которые ещё первобытные люди давали непонятым вещам, чтобы заклясть их. Когда человек впервые сказал «время», он избавил себя от страха смерти иллюзией своей власти над временем. Но это никак не относится к реальности. Атом Демокрита и сложнейшие модели атома Бора и Резерфорда — лишь символы реальности, подобные надписи на электрическом щитке, а не наглядные образы. (Здесь Шпенглер полностью солидарен с о. Павлом Флоренским.) Второй закон термодинамики — фаустовский миф чистой воды. Если физик свято верит в нерушимость понятий «сила» и «энергия», то он недалеко ушел от фетишизма неандертальца.

Тем самым становится понятным, что в каждой культуре естествознание — это лишь поздний, городской этап развития предшествовавшей ему религии. Западная физика и астрономия — это всецело католическая, готическая система мышления. Научные теории и гипотезы суть те же мифы и догмы. Они не вечны. Просто в Европе XVII века католические догмы были преобразованы в физические законы. В основе религии Фомы Аквинского и Лютера, Кальвина и Лойолы, поэзии Данте и Гёте и физике Лейбница и Ньютона, Герца и Фарадея лежит одно и то же мироощущение, совершенно не свойственное Аристотелю. Да и античный атеизм ближе к греческой религии, чем к европейскому атеизму. Одни и те же понятия выражались сначала в образах богов, а затем — в научных терминах. В XVII веке Бога называли принципом инерции, свободу — принципом наименьшего действия, бессмертие —

законом сохранения энергии. Вся западная физика — это один сплошной католический догмат о силе.

В XX веке, предсказывает Шпенглер, рационалистическая вера в науку исчезнет и сменится «второй религиозностью». От первобытной эклектики различных верований через строгую и ясную мифологию раннего времени культуры (архаика в Греции, готика в Европе) к науке позднего времени (классика в Греции, Новое время в Европе) и новой религиозности периода разложения и окостенения цивилизации — вот путь каждой культуры. К началу XX века западная физика достигла предела своих возможностей, залатала одни бреши и оказалась бессильной перед другими. Новых прорывов не будет, потому что не будет людей, способных на это. Механическая цивилизация не оставляет места гению. Через два-три века, говорит Шпенглер, не будет не только немцев, англичан, французов в привычном смысле этого слова. Более того: никто не сможет понять смысла, который западные ученые некогда вкладывали в свои теории, как никто не оценит по достоинству полотна Рембрандта и музыку Моцарта, потому что западная цивилизация умрёт в лучах восхода новой русской культуры со своей физикой и математикой. Останутся люди, но их уши не смогут воспринять музыку XVIII — XIX вв. (Сравним с тем, что писали о физике и математике в эти же годы П.А. Флоренский и А.Ф. Лосев.)

Принцип энтропии, сформулированный в 1850 г., означал введение в науку понятия необратимого времени и предвещал гибель западной науки — точно так же, как в XIX веке стремительно вырождалось и окостеневало западное искусство и политика. В теории относительности и квантовой теории Шпенглер видит циничные рабочие гипотезы, которые не могут сами по себе быть верными или неверными, но которые разрушают всё стройное здание ньютоновской механики. Отныне нет понятий постоянной массы, абсолютного времени, твердого тела, абсолютной меры длины. Теория радиоактивности ввела понятия времени и смерти и в химию. XVIII — XIX века были временем великого стиля представления, стройных теорий. XX век станет веком утонченного ремесла диковинных физических гипотез, постоянно сменяющих одна другую. Упадок символики скроется за высочайшим техническим экспериментальным мастерством XX — XXI веков. Будут великие изобре-

тения, но они не будут восприниматься людьми как символы эпохи с глубокими смыслами. (Впрочем, после 1970-х годов в физике не стало и великих открытий.) Двадцатый век станет веком задушевности: наука опробовала в XVIII в. свои средства, в XIX в. свою мощь, а теперь она уничтожает саму себя. Рассудок европейца истощён едким скепсисом и поворачивается ко «второй религиозности». Он устал анализировать, он хочет верить. Наступает пора теоретического осмысления физики, химии, математики как совокупности символов, что и попытался сделать Шпенглер.

проницательность Шпенглера позволила ему предсказать многое из того, что произойдет в течение XX — XXI вв. в мировой науке, технике, политике, искусстве. Эпоха рассудочных теорий действительно сменилась временем конструирования прикладных рабочих гипотез. «Фаустовская» культура, выродившись в американскую цивилизацию, действительно породила небоскрёбы, мобильные телефоны и кредитные карточки — и это предсказал Шпенглер. Точно так же он предвидел то, что в эпоху научно-технической революции победителем в схватке капиталиста и рабочего выйдет инженер и менеджер и что будущее принадлежит мировой олигархии и информационному обществу. Предсказал Шпенглер и появление таких фигур, как Билл Гейтс — новый Сесил Родс. И даже если немецкий философ преувеличивал степень культурного релятивизма, отрицая возможность понимания картин мира чужой цивилизации, то многие его конкретные наработки в этой сфере получили безусловное признание. По крайней мере, сейчас уже никто не спорит, что люди разных стран и эпох описывают законы природы в разном виде и что сами физики — всего лишь люди, живущие не в абсолютном пространстве и времени, а в конкретно-исторических условиях своего места и времени и мыслящие в рамках своей культурной традиции. Поэтому даже высшая математика может быть понятна всем при условии её пристального изучения, в то время как смысл истории постигается лишь вчувствованием, вживанием в её ткань, в её миф. И уже потому рассуждать об истории способны лишь единицы. А значит, нет ничего более нелепого, чем брать таблицы Шпенглера и механически применять их ко всем странам и народам. Нужно чувствовать пульс жизни, её стиль и породу, как говорил мыслитель.

В отличие от первого тома, именно во втором томе «Заката Европы» (1922) содержатся основные историософские идеи Шпенглера. Здесь же поставлены вопросы и о языке, и о значении религии, и — впервые столь последовательно — проведена критика либеральной демократии и предсказан переход к цезаризму. Во втором томе наиболее подробно говорится и о христианстве вообще, и о России, о предчувствии грядущей русской культуры. Современные исследователи справедливо указывают на недостаточное знание Шпенглером России (он значительно «омолододил» её), но в то же время нельзя не признать, что мыслитель (переосмысливая и радикализуя Достоевского) указал на ключевые особенности нашей культуры: любовь к большим равнинным пространствам вместо фаустовского стремления ввысь, «иоанновские» чаяния о всеобщем братстве и нутряную ненависть к чужеродной культуре. Шпенглер пророчил, что русские проснутся и — просто, наивно, без ненависти — взмахнут топором, разрушив всё западное, что наносилось на евразийские просторы веками... И это при всём том, что в последующие годы Шпенглер со страхом характеризовал СССР как наследника империи Чингисхана, ставя его в один ряд с пробуждающимися колониальными народами Азии и Африки.

После второго тома «Заката Европы», казалось бы, политические и социальные мотивы в сочинениях Шпенглера должны были преобладать. И действительно, статья «Пессимизм ли?» (1920), брошюра «Восстановление немецкого рейха» (1924), книги «Человек и техника» (1931) и «Годы решения» (1933) посвящены, прежде всего, проблемам вымирания европейского населения и грядущего соединения революции «четвёртого сословия» и восстания «цветных народов». Эти работы Шпенглера пронизаны духом кшатрийского аристократизма и глубочайшего презрения ко всем, кроме военной знати старой закалки и новых «цезарей», возвышающихся над бесформенными толпами. В отличие от «Заката Европы», он теперь открыто проповедовал избранность немногих и мизантропию. Но не внешнюю, социально-политическую сторону своих писаний Шпенглер считал важнейшей. В 20-е годы он готовил наброски к сугубо философскому сочинению «Первовопросы» (изданы в 1965 году; на русский язык они не переведены, равно как и половина всех работ Шпенглера). В 30-е всё чаще в черновых материалах, в набросках по

древнейшей истории и письмах мыслителя сквозят мысли о смысле человеческого существования.

Шпенглер, которого невозможно отнести к экзистенциалистам, в конечном счёте, в решении вопроса о смысле жизни оказывался поразительно близок другому «консервативному революционеру» — Мартину Хайдеггеру: «Время удержать нельзя; нет никакого мудрого поворота, никакого умного отказа. Лишь мечтатели верят в выход. Оптимизм — это малодушие. Долгом стало терпеливое ожидание на утраченных позициях, без надежды, без спасения. Ожидание, как у того римского солдата, чьи кости нашли перед воротами Помпеи и который погиб, потому что при извержении Везувия его забыли отозвать. Такой честный конец — единственное, чего нельзя отнять у человека». Возможно, на кого-то рассуждения Шпенглера навеют беспросветный мрак и тоску. Им не мешало бы напомнить, что такое восточное православное мировоззрение.

Дело в том, что Шпенглер и Хайдеггер действительно были «пораженцами гуманизма» (Т. Манн) — они утратили рационалистическую веру в прогресс, не могли принять ценностей заметно деградировавшей и обмирщённой католической Церкви (Шпенглер писал, что апостолы не признали бы в современном западном христианстве своего учения). Оставался героический пессимизм, или «северное мужество» — стояние в истине, сражение с чудовищами ради мрачного сознания своей правоты без надежды на победу. И надо признать, что с православной точки зрения такое мироотношение является одним из наивысших. Православие лишь добавляет, что после разрушения мира начнётся новый эон, и все несбывшиеся надежды получают новую жизнь. В остальном же Шпенглер безусловно прав — остановить всеобщее отступление, мировую энтропию, апостасию, никому не под силам. И лишь в точке Полночи, чернее чёрной черни — возможно ослепительное возрождение, Великая Реставрация.

Но об этом Шпенглер не писал, хотя хотел. Хотел, когда втайне сочинял стихотворение о невозможности довериться другому человеку (найденное в архиве и переведённое К.А. Свасьяном). Хотел, когда писал пьесу об Иисусе с мусульманским подтекстом (не раз Шпенглер высказывал симпатии исламу, как, впрочем, и православию). Хотел, когда в «Закате Европы» страстно доказывал превосходство грубой политики, «мира фактов», над религией и

философией, «миром истин», а на самом деле думал по-другому. И когда Шпенглер по-кантиански объявил, что между двумя мирами нет ничего общего, когда встречу Иисуса и Пилата он описал как столкновение этих двух мировоззрений, кшатрийского и брахманского — он разрывался напополам между этими двумя мирами. Отсюда и непреходящее значение наследия Шпенглера как для людей мысли, так и для людей действия.

Если говорить о философии истории Шпенглера, то самым важным явилось то, что он вернул в неё понятие судьбы, неотвратимого рока, которому человек, народ или государство противостоять не в силах: *ducunt fata volentem, nolentem trahunt*. Он был одним из немногих, кто ощущал неумолимую поступь судьбы и в своей собственной жизни; он пошёл ещё дальше и отождествил свою личную судьбу с мировой историей. На переломе между двумя мировыми войнами он не устал повторять, что крушение мира предрешено, и вопрос лишь в том, кто возьмёт на себя смелость выступить орудием Провидения — Провидения, которое в произведениях Шпенглера оборачивается то кошмарным ликом Рока, то освежающим ветром Милости. Казалось бы, чего проще — не строить никаких иллюзий и просто мужественно встать навстречу Истории и стоять на своём месте даже до смерти. Однако поступили и до сих пор поступают так немногие — те, которым уже нечего терять в этой жизни, потому что они узрели иное, высшее Благо. И среди них — тот, кто неизменно воспевал долг, волю к повиновению и героической смерти, тот, кто завершил последнее из опубликованных при жизни сочинений безжалостной констатацией: «Чей меч одержит теперь победу, тот и будет господином мира. Перед нами лежат кости для чудовищной игры. Кто же осмелится бросить их?».

Максим Медоваров

Юстус Мёзер — предтеча консервативной социологии

10 декабря 2010 года исполнилось 290 лет со дня рождения Юстуса Мёзера (1720 — 1794) — человека, которые едва ли не первым в Европе XVIII века бросил вызов Просвещению, сделав это задолго до французской революции 1789 года. Кто же он, этот юрист и историк средневековья, чьи труды в исторической науке стали классическими, чьи взгляды сам Маркс с ненавистью называл «идиотскими», в то время как Ленин видел в них и много полезного?

Мёзер родился и почти всю жизнь прожил в княжестве Оснабрюк в Западной Германии. Как известно, вплоть до наполеоновского завоевания в маленьких немецких государствах сохранялся крайне архаичный уклад жизни. В XVIII веке Оснабрюк и окрестные деревни жили всё ещё в позднем средневековье. Система управления была весьма запутанной и патриархальной. Половину шеститысячного населения города составляли католики, половину — лютеране. Те и другие принадлежали либо к рыцарям, либо к бюргерам. Поэтому в Оснабрюке существовали и рыцарская палата, и городской совет. Однако главу княжества избирали не они, а капитул из 125 католических и лютеранских каноников. Каждый член капитула должен был подтвердить, что его предки в течение восемнадцати поколений (т. е. как минимум с XI — XII веков) заседали в этом органе. Капитул избирал на пост главы Оснабрюка попеременно католического и лютеранского епископов из одного и того же рода, подчас это были ещё дети. В соседних поселениях существовали свои ремесленные советы, в сёлах жили крестьяне различных категорий: свободные, полусвободные, крепостные... Подлинная «цветущая сложность». В каждой деревне были свои повинности и свои обычаи землепользования. В конце концов, борьба католиков с лютеранами, духовенства с рыцарями, их обоих — с бюргерами, а также отношения рыцарей и городских властей с крестьянами стали настолько запутанными,

что даже тридцать три оснабрюкских адвоката не могли во всём этом разобраться. Оснабрюку требовался гений, который смог бы изучить эту органическую жизнь.

Таким гением и стал Юстус Мёзер. На протяжении десятков лет разбирая запутанные случаи, он прославился как замечательный юрист, который действовал всегда строго объективно и старался не уделять преимущества ни рыцарям, ни крестьянам. Постепенно Мёзер острее своих соотечественников почувствовал опасность, нависшую над родным городом. Изредка из развращённого Парижа в Оснабрюк проникали подозрительные идейки французских просветителей. Порою стали заговаривать об унификации законодательства немецких княжеств. Некоторые оснабрюкцы стали одеваться по французской моде и даже пить кофе. Это насторожило Мёзера, который больше всего на свете мечтал, чтобы его родной город жил как при дедах и прадедах и чтобы в эту глушь никто не совал свой нос. Но судьба распорядилась иначе.

На трон Оснабрюка претендовал сын британского короля Георга III Ганноверского, и чтобы урегулировать этот вопрос, отцы-правители города послали в Лондон Мёзера, управленческие таланты которого уже проявились в годы Семилетней войны. Знакомство с английским олигархическим капитализмом повергло оснабрюкского юриста в ужас. Беседы с шотландским философом Юмом, крупнейшим представителем либерально-буржуазного субъективного идеализма, навели Мёзера на мысль, что идеологии Просвещения с её культом «универсального разума» нужно противопоставить апологию старого порядка. Они хотят подравнять всех под одну гребёнку — что ж, нам есть чем ответить — таков был ход мысли Мёзера. Вернувшись на родину и получив должность верховного уголовного судьи, он пишет «Историю Оснабрюка» (1768). После выхода этой книги он становится тайным советником юстиции, то есть фактически — главой государства при малолетнем князе-епископе. В течение двадцати лет Мёзер, по сути, правил Оснабрюком.

Здесь необходимо сделать некоторое отступление. Идеи глухой оппозиции к Просвещению, вообще говоря, встречались в середине XVIII века как в «передовых» странах Европы, так и в её глухих закоулках. Но это была чаще всего неотрефлексированная защита традиций, обычаев, религии, монархии, то есть простое охранни-

тельство. Эффективно противостоять просветительскому яду могла только строго продуманная традиционалистская концепция — концепция, в пользу которой можно было бы сделать сознательный выбор. Одна из таких концепций вызрела у Иоганна Гердера. Этот немецкий философ в 1764 году побывал на латышском празднике середины лета (русский Иван Купала). В Прибалтике — согласно Освальду Шпенглеру, евразийской территории, колонизированной европейцами, — сохранялись многие древние традиции. И вот, стоя летней ночью у купальского костра, Гердер был осенён мыслью о несводимости истории отдельных народов к единому шаблону, о том, что каждый народ в соответствии со своим духом должен прожить неповторимый цикл своей собственной истории. Но Гердер изложит эти идеи несколько позже, да и мы сейчас не можем входить в детальное рассмотрение его концепции. Иное дело — Мёзер. Уже в «Истории Оснабрюка» он выступил как идеолог анти-Просвещения, как прадедушка современного традиционализма, а в «Патриотических фантазиях» (1774 — 1778) его концепция получила завершённое оформление. В чём же её сущность?

Мёзер стал первым, кто заявил, что никакого «общечеловека», как и «универсального разума» просветителей, не существует. Есть только люди конкретной национальности, государства, вероисповедания, живущие в конкретный исторический период. Нет общей цели, к которой должны стремиться все общества: каждое из них имеет свой «локальный разум», то есть традиции и обычаи, уходящие корнями в седую древность и часто уже непонятные современникам. Вот их-то и надо придерживаться и всячески охранять. Применительно к Оснабрюку второй половины XVIII века это означало: сохранять словесную структуру общества и громоздкую организацию управления; сохранять патриархальную семью и церковный запрет на разводы; наконец, сохранять крепостное право. Это не значит, что Мёзер был просто охранителем и не желал никаких изменений в обществе. Вовсе нет! Изменения были и будут, полагал он, но они должны быть органичными и происходить сами собой, как растёт трава. Человек, по Мёзеру, не может постичь общий смысл исторического процесса, направляемого Провидением. Поэтому прислушиваться к оракулам и гаданиям полезнее, чем к советам новомодных философов. Это не значит, что люди не должны пользоваться разумом — конечно,

должны, но этот «локальный разум» должен быть верным слугой, орудием местных традиций. Только такой разум будет добрым советчиком.

Исходя из этого, Мёзер предлагал оснабрюкцам несколько облегчить крепостное право, удалив из него черты капиталистической эксплуатации и сделав его более патриархальным. Он понял очень важную вещь: если рыцари защищают крестьян и дают им землю, крестьяне кормят рыцарей, а при этом те и другие жёстко прикреплены к земле, то невозможен никакой капитализм, никакое движение капиталов по учению ненавистного Адама Смита. Поэтому Мёзер предлагал прикрепить к земле и рыцарей, и бюргеров-ремесленников, и крестьян, а также ввести протекционистские меры для защиты местного ремесла и укрепить цехи. Эти реформы сделали бы позднефеодальный строй Оснабрюка схожим с русским «тягловым государством» — конечно, с поправкой на размер территории и на местные условия. При этом Мёзер выступал против детальной законодательной регламентации жизни общества. Он впервые сформулировал то, что в полной мере станет ясным только консерваторам XIX и особенно XX веков: буржуазно-капиталистический строй есть деспотизм над живой жизнью и её порабощение.

Судите сами, разъяснял Мёзер: в обществе, «освободившемся» от традиций, атомизированные индивиды похожи друг на друга, их неповторимый облик нивелируется, подгоняется под убогую схему «общечеловека». Средневековые сословно-корпоративные вольности (*libertas*) заменяются кощунственными «правами человека и гражданина». Вместо обычного права (крестьянских судов, церковных трибуналов с «Божьим судом», дворянских дуэлей и кулачных боёв) учреждаются безликие формальные суды с унифицированным законодательством. В таких судах, конечно, уже невозможны личные, человеческие взаимоотношения сторон, как становятся они невозможными и в капиталистической экономике: раскрепощение крестьян оставит их без земли и заботы хозяев, дворяне лишатся рабочих рук, а упразднение цехов приведёт к разорению ремесленников. Выгоду получит только подвижный, космополитический капитал. И этот новый строй назовут «свободным», в то время как на самом деле он представляет собой настоящее насилие над органической жизнью и подлинное рабство. И напротив, феодально-со-

словный строй с патриархальными формами прикрепления к земле является истинно свободным строем.

Могут сказать, что Мёзер идеализировал и абсолютизировал лишь отдельные моменты в истории общества. Это не так: он подходил к делу исторически. Просветители XVIII века вообще очень плохо знали историю средних веков, да и то по сочинениям историков предшествовавших поколений, а к первоисточникам почти никогда не обращались. На их фоне Мёзер выглядел историком из будущего. Опираясь только на первоисточники, на средневековые хроники и акты, он не только изложил историю Оснабрюка с древнейших времён до конца XII века, но и вышел на проблематику общегерманской истории. Мёзер отнюдь не считал феодальный строй изначальным. По его мнению, долгие века саксы — северо-восточные германцы — жили как свободные племена. Каждая семья имела собственный дом и пашню, прочие же угодья находились в совместном пользовании. Отцы семейств (Heggen) образовывали военный союз — Mannia, отсюда и произошло название Germania. Постепенно у саксов выделялась дружинная знать, некоторые прежде свободные крестьяне стали попадать к ней в зависимость. Но лишь каролингское завоевание IX века уничтожило исконный свободный строй саксов и ввело феодально-государственные порядки. И как бы ни оплакивал Мёзер древнесаксонские времена, он понимал: отныне Оснабрюк обречён на то, чтобы развиваться в рамках сословно-корпоративного строя. Этот строй и надо защищать от просветительской унификации.

Заметим: данный вывод Мёзер сделал за 30 — 40 лет до насаждения по всей Европе буржуазного «Кодекса Наполеона». Великий мыслитель не дожил до этих времён унижения Германии. Но он ещё увидел французскую революцию 1789 года и успел в противовес её идеям сформулировать своё политическое учение.

Мёзер понимал государство (а речь у него всегда идёт о небольших патриархальных княжествах) как союз землевладельцев. Каждый, внесший свой «земельный вклад» при основании государства, может им управлять. В качестве исключения к управлению приходится допускать и некоторых из тех, кто внёс «денежный вклад». Но в любом случае, считал Мёзер, никаких политических прав в таком государстве не могут иметь переселенцы из других земель, арендаторы, наёмные работники и прочие. Они могут лишь регулировать

жизнь своих корпораций. Демократический принцип «один человек — один голос» Мёзер считал абсурдным.

Юстус Мёзер умер в 1794 году, когда революционная Франция уже начала вторжение на германские земли, а по всей Европе зазвучали голоса нового — великого! — поколения консерваторов и реакционеров, борцов с Революцией и Просвещением. Поколения, приход которого был подготовлен им, Мёзером.

Конечно, не всё во взглядах оснабрюкского юриста и политика мы можем сегодня принять. Некоторые его исторические теории (например, о характере общины у древних германцев) по прошествии двух с половиной веков не выдержали проверку временем. Кое-что в его политической концепции органически подходит лишь для малых европейских государств и неприменимо, например, к России. Кое-что — к примеру, тезис о взаимозависимости политической, экономической и эстетической сферы жизни общества в каждую эпоху — можно назвать прозрениями, предвосхитившими культурологов и социологов XX века, особенно Шпенглера и Сорокина. Но важны не отдельные достоинства и недостатки сочинений Мёзера, а совсем другое. Именно в лице Мёзера начался переход от нерелективного сопротивления традиционного общества чудовищному катку Модерна (такое бессознательное сопротивление распространено в России до сих пор) к осознанию различий двух парадигм, к беспощадному продумыванию программы Модерна до последних её выводов и к сознательному выбору в пользу Традиции. В этом смысле Мёзер, конечно, должен быть заново открыт и прочитан. Его полное собрание сочинений было издано в Германии в 1842 году, на русском же языке его работы вовсе никогда не издавались. Почему бы сейчас не перевести хотя бы «Патриотические фантазии»? Ведь именно в современной России решается судьба тех идеалов, за которые сражались консерваторы разных стран и эпох, вечных и непреходящих идеалов, за которые сражался и Юстус Мёзер.

Антон Вradий

«Третий путь» Ирана

Исламская Революция — итог вестернизации страны и путь к суверенитету. Не приходится сомневаться в том, что самоидентификация государства представляет собой едва ли не решающий фактор, определяющий его деятельность в сфере проводимой им внешней политики. Естественно также и то, что самоидентифика-

ция того или иного субъекта международных отношений вытекает из условий его генезиса, дальнейшей эволюции и, наконец, содержания развивающихся в пределах его территории внутренних процессов.

Обращение к вопросу об иранской идентичности продиктовано необходимостью выявления тех компонентов, которые влияют на формирование иранского представления о роли государства на Ближнем и Среднем Востоке, и своих позиций в системе внутриисламских связей, исходящих из универсальности шиитской революционной идеологии.

Необходимо помнить, что персидский этнос в значительной степени локализован в естественных географических рамках Ирана и прилегающих территориях. У Ирана нет, и не может быть обширной этнической общности, как у арабов или же тюрков, к которой они могли бы апеллировать, призывая к объединению на основе этнической, культурной и потом уже религиозной близости. Исторически сложилось так, что Иран издревле был и остается полиэтничной страной.

В этой связи, использование общеисламских ценностей, не в меньшей степени, чем в Саудовской Аравии, как инструмента внешней политики и объединение всех мусульман на их основе —

единственная возможность для потенциально мощного Ирана воплотить в жизнь свои амбиции как возможного регионального или мирового центра силы в международных отношениях.

Между тем, не до конца ясен вопрос о роли и влиянии иранской идентичности на формирование внешней политики Ирана, поскольку очевидно, что особенности исторического, культурного и религиозного развития общества не могут не учитываться при определении как внутренней, так и внешней политики.

Формирование и «использование» иранской идентичности осуществлялось всегда и находилось в прямой зависимости от системы, формы и характера правления в Иране. Это, впрочем, не означает, что иранская нация существовала в современном понимании этого слова. Продолжительный период времени название «иранцы» имело различный смысл в различных исторических контекстах. Ахемениды рассматривали себя как иранцев, поскольку иранцы означали группу разных этносов, объединённых одним языком, религиозными и культурными обрядами. Сасаниды придали определению «иранец» еще и политическое и географическое значение. В исламский период, во время арабского завоевания, это определение утратило свой политический и религиозный смысл и стало носить лишь культурное и географическое содержание. В дальнейшем, в каждый период истории Ирана и вплоть до наших дней, политическая и культурная элита умело использовала эту общую историю (пусть даже выборочно) для того, чтобы вновь подкрепить чувство коллективной идентификации народа.

Персидский язык и культура также часто превозносились и использовались в качестве общей доминанты иранского наследия, по крайней мере, до современной эпохи, правда, в настоящее время уже в меньшей степени. Однако стоит отметить, что в прошлом персидский язык, составляя значительный элемент культуры, был не только языком персов, но был языком общения для всей иранской географической территории и далеко за ее пределами. Это свидетельствовало о широком распространении иранизма, который оставался живым, несмотря на столетия политического забвения персов как правителей своей страны.

Шахская династия Пехлеви предпринимала попытки «возрождения» иранской национальной гордости, апеллирующей к «золотому

веку» доисламской, персидской цивилизации, включающей персидский язык, культуру, искусство, народное творчество и многие другие компоненты. Примечательно, что роль ислама, при сохранении его формальной роли в Иране, постепенно и целенаправленно отводилась на «второй план», сознательно игнорировалась правящей династией. Но этот эксперимент по возрождению исключительно национального уровня идентификации иранцев, как основообразующей нации государства, явился лишь следующим этапом естественного развития иранского общества, который выявил «новый» уровень самоопределения народа в рамках ислама.

Особенностью иранского общества середины XX века (и вообще характерной чертой восточных мусульманских стран) явилось то, что условиях тоталитарного правления и диктатуры народ искал спасение не в националистических идеях давно забытого прошлого, а в религии, и тем более в шиитском направлении ислама, в традициях которого присутствуют идеи мученичества и страдания. Именно благодаря исламу и его шиитскому течению кардинально изменились подходы к определению иранской идентичности и соответственно самоидентификации, а национализм, в особенности после исламской революции, так и не принял ту форму, которая, возможно, была бы сравнима с националистическим мировоззрением ряда европейских стран.

Имам Хомейни полагал, что иранцы-шииты прошли долгий путь своего исторического развития и являются создателями исламской культуры Ирана. Он выражал убеждение, что истинные духовные ценности культуры страны были созданы в то время, когда Иран оформился, прежде всего, как страна шиизма, оказавшего глубокое воздействие на все стороны ее жизни, включая культуру, политику и идеологию. В этой связи многочисленные этнические и религиозные меньшинства в стране связывают свою судьбу с историей Ирана, потому что их этническая история протекала в рамках иранской культуры, сохраняющей национальный характер, как в целом, так и в частностях. И эти этносы в значительной степени интегрированы в иранскую социокультурную систему.

Более того, согласно общей доктрине исламского единства, построенной на прямых Коранических ссылок аятов, в исламе не существует иного вида идентификации, кроме как мусульманин,

однако признается культурное и этническое многообразие, но не как повод для разделения по национальному признаку, а как основа для взаимного обогащения и взаимообмена опытом в рамках ислама.

В этой связи иранское руководство трудно обвинить в невыполнении этого основополагающего принципа, поскольку согласно ему, все мусульмане Ирана являются иранцами независимо от национальности или принадлежности к тому или иному традиционному течению в исламе. Разделение в обществе идет по принципу «мы и другие» (представители нации ислама и немусульмане) т. е., к примеру, небольшое количество зороастрийцев — приверженцев доисламских верований, несмотря на то, что они являются персами по происхождению, относятся не к религиозному меньшинству, а к национальному, но по религиозным причинам. Руководство Ирана воплотило в жизнь концепцию исламского единства внутри иранского общества, что, безусловно, не исключает возможность развития национальных культур внутри общества. Исламский уровень идентификации — определяет их принадлежность к большой общине всех мусульман, в которой иранская часть занимает определенное место наряду с другими мусульманами.

Выступления Хомейни, а также риторика многих других иранских лидеров больше панисламистская, чем националистическая. Отстаивание собственного, иранского пути развития не противоречит концепции исламского единства и лишь указывает на то, что в многообразном мусульманском мире Иран, как государство и иранский народ (народ нации ислама), имеют право на реализацию своих прав, который также может служить примером для остальных мусульман. Таким образом, концепт иранской идентичности представляется в виде сообщества наций, проживающих на одной территории и объединенных едиными (общими) религиозными ценностями ислама, но при главенствующей роли шиитского правящего духовенства.

Сконструированная Хомейни модель иранского общества изначально не имела только сугубо иранского предназначения, она в не меньшей степени носила общеисламский характер — принцип построения единого государства всех мусульман мира. С этих позиций Иран можно рассматривать как большой «демонстрационный проект» не только для мусульман, но и для остального мирового со-

общества в целом. Шиитское духовенство с самого начала представляло ИРИ «образцом для других наций», особенно в революционно-исламском плане, поскольку уже в начале 80-х гг. Хомейни назвал ИРИ «государством Великого Аллаха».

Другой, не менее важной особенностью формируемой иранской идентичности как части одной большой мусульманской общности народов, стало то, что в свете заявлений Хомейни о ненужности и упразднении границ между исламскими странами Иран вообще отрицал понятие «нация» и «народ» в исламских странах. Все они, в том числе и мусульмане Ирана, принадлежали к общине ислама. Это открывало для ИРИ неограниченные возможности для вмешательства во внутренние дела любого мусульманского государства. А само вмешательство, исходя из исламской концепции отношений между странами, превращалось во вполне законное, с исламской точки зрения, деяние, которое могут отвергать только «империалисты и неокolonизаторы».

Государственное устройство, форма власти, общественная организация и мусульманская самоидентификация населения представляется в Иране в неразрывной связи с остальным мусульманским миром, как его неотъемлемой части, неизбежно связывая собственные инициативы во внешней политике исключительно с интересами всех народов ислама.

В идеале, создание любого исламского государства изначально предполагает ряд важных религиозно-политических, военных и иных обязательств, основанных на фундаментальных положениях ислама, невыполнение которых может однозначно поставить под сомнение истинность исламского правления в стране, выбравшей этот путь. Образование Исламской Республики Иран и последовательное воплощение исламской доктрины как во внутренней, так и во внешней политике под руководством имама Хомейни естественным образом предопределило дальнейшее развитие государства в русле исламского пути со всеми вытекающими из этого обязательствами, в числе которых наиболее важным является распространение и защита исламских ценностей, а также обеспечение интересов всех мусульман, где бы они не находились.

Итак, Иран, времён династии шахов Пехлеви, представлял собой типичный полуколониальный сырьевой придаток Запада.

Мохаммад Реза Пехлеви, последний шахиншах Ирана, правил страной с 1941-го по 1979-й годы. Реза Пехлеви пригласил в страну множество американских гражданских и военных специалистов, закупал в США новейшее вооружение и получал очень щедрую финансовую и техническую помощь для осуществления своей амбициозной программы модернизации страны. Особенно близкие отношения между Америкой и шахом сложились в начале шестидесятых годов, при президенте Кеннеди. Именно тогда Реза Пехлеви начал реализацию своей программы прозападных реформ, которая получила название «белой революции» и окончилась крахом и настоящей революцией — исламской. Первым шагом реформ стало наступление на крупных землевладельцев — самую влиятельную в политическом отношении социальную группу в стране. Фактическая власть принадлежала именно помещикам, а крестьяне, составлявшие огромное большинство населения, были абсолютно бесправны. Новое законодательство, которое Реза Пехлеви провёл в обход парламента, получив одобрение на всенародном референдуме, обязывало помещиков продать часть своей земли. К началу семидесятых годов более полутора миллионов мелких крестьян и арендаторов получили свои собственные наделы. Американские кредиты и резкий рост цен на нефть (к 1974 году цены на неё выросли вчетверо по сравнению с 1971 годом вследствие арабо-израильского конфликта) позволили шаху финансировать строительство суперсовременных металлургических и машиностроительных предприятий, железных дорог, судостроительных комплексов, нефтехимических терминалов, автосборочных заводов... Мир заговорил об иранском экономическом чуде. Однако у этого «большого скачка» были и свои издержки. Сотни тысяч вчерашних крестьян, приехавших в большие города — Тегеран, Тебриз, Исфахан — для работы на новых предприятиях, жили в ужасающих условиях. Вместе с фермерами и мелкими предпринимателями, чья продукция не могла конкурировать с дешёвым импортом, «люмпены» трущоб составили в 78–79 годах основную массу последователей Рухоллы Мусави Хомейни.

Разрыв между бедными и богатыми в Иране был ужасающим. Семья шаха и его приближённые жили в невероятной роскоши на сыпавшиеся с неба нефтедоллары (с 63-го по 76-ой годы прибыль от проданной Ираном нефти выросла с 500 миллионов до 38 мил-

лиардов долларов). Коррупция государственного аппарата достигла невероятных масштабов. 60 тысяч американских советников давали пищу для разговоров о распродаже страны.

При всем притом, что шах поддерживал введение в стране многих европейских порядков и обычаев, шахский режим не был «демократией» в европейском понимании этого слова, сильно отличаясь от монархий Западной Европы. Попытки шаха насадить европейские ценности, поддерживались значительной частью представителей иранской интеллигенции и людей бизнеса, однако встречали непонимание и отторжение ортодоксально настроенного иранского духовенства и большей части простых граждан. Разрыв между проевропейски настроенной, богатеющей, спешившей пользоваться всеми благами западной цивилизации верхушкой иранского общества и подавляющим большинством остальных граждан нарастал. Навязывание шахом европейского образа жизни воспринималось ими, как посягательство на ислам.

Шаг за шагом шах терял свою опору. Шахская тайная полиция САВАК, созданная с помощью американских и израильских специалистов, имела широкую сеть информаторов и иногда действовала весьма жестко. Эмигранты-монархисты утверждали впоследствии, что в период с 1950 по 1979 год САВАК уничтожила 3700 человек, а противники шаха настаивали, что за это время шахская охранка уничтожила около 200 тысяч человек.

Искрой Революции оказалась опубликованная в январе 1978 года в двух тегеранских газетах статья, в которой аятолла Хомейни поносился как предатель родины. Статья вызвала взрыв возмущения среди верующих. Демонстрация протеста в Куме была расстреляна шахской полицией, но беспорядки перекинулись на другие города страны. События развивались с головокружительной быстротой. В сентябре уже по всему Ирану проходили многотысячные манифестации под лозунгами «Хомейни или смерть!» и «Свобода и шариат!» После жестокого подавления антишахской манифестации в Тегеране, когда от пуль гвардейцев и в возникшей давке погибли сотни человек, в столице и других крупных городах страны было введено военное положение. Однако, несмотря на это, демонстрации продолжались. Религиозные лозунги нашли живой отклик в людях, вырванных из патриархальной среды и попавших в стремительный

круговорот вестернизации. Впрочем, не только они, но вообще значительная часть иранского общества была недовольна ломкой привычных традиций, влиянием массовой культуры, пришедшей с Запада, засильем импортных товаров, всевластием шаха и его семьи.

Шах пытается договориться с представителями либеральной — не исламской — оппозиции. В начале января известный политик Бахтияр, пользующийся большим авторитетом, как в самом Иране, так и за рубежом, и всегда бывший непримиримым противником династии Пехлеви, принимает предложение шаха сформировать новое правительство. Бахтияр, наделённый широкими полномочиями, объявляет, что намерен распустить тайную полицию, провести широкие демократические реформы, покончить с коррупцией и взяточничеством.

Однако это была уже агония режима. Видя нерешительность шаха, и чиновничий аппарат, и полиция, и армия с каждым днем проявляли все меньше решительности в наведении порядка. Власть неуклонно перетекала в руки исламской оппозиции.

16 января 1979 года шах Ирана покинул страну, отправившись на лечение за границу.

1 февраля 1979 года аятолла Хомейни с триумфом возвратился из Парижа в Тегеран, встреченный на аэродроме толпами восторженных поклонников. А еще через десять дней, утром 11 февраля, в Тегеране вспыхнуло народное восстание. Хомафары (персонал иранских ВВС) стали главной ударной силой вооружённого восстания в Тегеране — как стали ею в октябре семнадцатого года во время большевистского восстания в Петрограде не желавшие отправляться на фронт солдаты Петроградского гарнизона и кронштадтские матросы. Хомафары прямо на улицах сколачивали из тегеранских студентов, фанатичных последователей ислама, боевые отряды, которые патрулировали улицы столицы. Уже тогда их стали называть «стражами исламской революции».

К концу дня сторонники шаха вынуждены были сложить оружие, прекратив сопротивление, 11-го февраля были подавлены последние очаги сопротивления шахских гвардейцев. Захвачены здания меджлиса (парламента), телевидения и радио, казармы и тюрьмы, разгромлена штаб-квартира секретной службы САВАК, а 1 уже апреля 1979 года в Иране был проведен национальный референдум, на ко-

тором 98,2% граждан проголосовали за учреждение в Иране исламской республики.

Согласно конституции право избирать исполнительную власть в Иране стало принадлежать народу. Но высшая власть в Иране оказалась прерогативой духовенства и пожизненно избираемого духовенством духовного вождя. При этом духовный вождь мог отменить любое решение светских властей.

Антишахская революция 1979 года выявила феномен «исламского возрождения», превратившая Иран из аморфной полукolonии Запада, которой он был более 100 лет, в уникальный центр идейного притяжения и политической активности, которым он стал сейчас. Однако провозглашенная в результате революции исламская идеология существенно отличается от трактовок ислама, принятых в других странах, прежде всего своим наступательным, непримиримым духом. Эта идеология также никак не может быть сведена ни к одной из распространившихся в 19-20 веках революционных доктрин социалистического толка.

Особенностью революции было, то, что она не была совершена какой-либо единой организацией, созданной до ее начала. Наоборот, наиболее мощные исламские организации (исламская республиканская партия, Корпус стражей исламской революции и др.) формировались и ширились в ходе самой революции, исходя из принципа «свой-чужой».

В канун Революции в Иране существовало три идеологических лагеря:

«Левые»:

- Народная партия Ирана «Туде» (НПИ) марксистско-ленинской идеологии — преемница Иранской коммунистической партии (ИКП)
- Иранские народные партизаны-фиданины, организация фединов иранского народа (ОФИН), «Федаян-е хальк» (ИНПФ) Ашрафа Дехгани, Хассана Зарифса — леворадикалы
- Организация моджахеddeинов иранского народа «Моджахеддин-е хальк» (ОМИН) Масуда Раджави и народные моджахеды Ирана (НМИ) — леворадикалы
- «Пейкар» ещё более радикальные (отколовшиеся от ОМИН)

И более мелкие партии и движения, частью исчезнувшие с политического поля, в ходе идеологической борьбы, частью примкнувшие к «Туде».

Либерально-демократические:

Известной коалицией партий либеральной и мелкой буржуазии является Национальный фронт Ирана (НФИ), созданный под руководством Мохаммеда Мосаддыка еще в 1949 г. и объединивший вначале 20 человек — представителей различных партий и организаций. В коалицию входили партии: «Паниранист», «Михан», «Иран» и некоторые левацкие, националистические и даже религиозные группировки. Это был первый Национальный фронт Ирана.

В январе 1963 г. состоялся II съезд НФИ. День съезда стал днем образования второго НФИ. В 1965 г. были опубликованы Программа и устав третьего НФИ, предусматривавшие восстановление личных и общественных свобод в соответствии с конституцией, создание национального правительства путем всеобщих и свободных выборов.

В 1963 г. из Фронта вышло «Движение за свободу Ирана» (ДСИ) Мехди Базаргана, уделявшего большее внимание исламским аспектам борьбы с режимом.

Все это время Фронт действовал в подполье и практически не имел никакого влияния на события в Иране. Фронт был возрожден в ноябре 1977 г. Его составными частями стали партия Иран, Партия иранской нации и Общество иранских социалистов.

Но Фронт к этому времени не имел массовой базы в стране, у него отсутствовала партийная структура. Накануне революции он, по существу, оказался в хвосте событий, занимая соглашательскую позицию по отношению к режиму. Он выступал не за революцию, а за эволюцию.

Только к концу 1978 г., опасаясь остаться в стороне от революционного движения, Фронт занял антишахские позиции, полностью равняясь на мусульманское духовенство. Руководство НФ рассчитывало, что духовенство, не обладающее государственным опытом, должно поделиться властью с буржуазией. Вначале так и произошло. Но это длилось недолго.

НФ обладает небольшим количеством сторонников. В апреле 1979 г. на своих митингах НФ собирал до 3 тыс. человек. Возглавляет Национальный Фронт — Карим Санджаби. Центральный орган

Фронта газета «Пайаме джабхейе меллийе Иран» («Воззвание Национального фронта Ирана»).

Сразу после избрания Хаменеи президентом в Иране начались репрессии против контрреволюционных сил, ставшие ответом на партизанскую и террористическую деятельность, особенно активную в западных провинциях. Хаменеи призвал устранить «отклонения от курса, либерализм и про-американизм». Тысячи членов анти-исламской оппозиции были казнены революционными судами. Государственный террор продолжался до 1982 года, когда правительство наконец упразднило революционные суды.

После падения монархического абсолютизма власть переходит в руки Временного революционного совета, созданного (или, точнее говоря, назначенного) аятоллой Хомейни. Уже в конце 1979 года клерикалы начали дистанцироваться от попутчиков, беря всю полноту власти в свои руки. Премьер-министр Шапур Бахтияр в прощальном интервью с горечью говорит о том, что Иран погружается во тьму и что победа исламской революции — это победа неграмотных, ослеплённых людей, которые вместо школы ходили в мечеть.

Левые, в частности Организация моджахеддинов иранского народа (ОМИН), борясь с новой властью, сделали фатальную ошибку: открыто выступили против исламского режима, подняв восстание в июне 1981, когда Иран вел тяжелую войну с Ираком. Восстание было подавлено, а лидеры организации, включая Масуда Раджави, бежали в Ирак, где выступили в поддержку его агрессии против Ирана. Совместно с иракцами стали проводить операции против армии Республики. То есть повторили ошибку французских роялистов (кстати, как и прошахских роялистов в 1980-х годах), пошедших на сотрудничество с врагом Франции — Англией, так и наших белогвардейцев (сотрудничающих с Антантой, а позже с Гитлером), готовых на сотрудничество с врагами Родины, ради своих догм. Закономерный итог моджахеддинов — их разгром в ходе контрнаступления Ирана — операции «Мерсад» 26 июля 1988 года, и последующих репрессий над моджахедами.

Как мы видим, обстановка Ирана 1970-х, Российской Империи 1917 и Российской Федерации наших дней весьма схожа — это и стремительная вестернизация, ломка традиционной общности, колоссальное социальное расслоение, коррумпированность правящего

режима и ужасающая бедность подавляющей массы населения, превращение страны в сырьевой придаток Запада. Однако есть и отличия, предопределившие ход Революции в Иране и приход к власти клерикалов.

В Иране практически отсутствовала послереволюционная гражданская война, беспорядки происходили всего лишь несколько месяцев, ни левая, ни либеральная оппозиции не могли и мечтать на равных тягаться с властью аятолл. «Священная оборона» (дефа-йе могаддас) — отражение агрессии войск Саддама Хусейна, сплотившая народы Ирана, произошла довольно скоро после исламской Революции.

Этнический состав Ирана и России схож по соотношению государствообразующего народа и нацменьшинств:

- Иран:
- Персы — 61%
- Азербайджанцы — 22,5%
- Курды — 7,5%
- Талыши, гилянцы, мазендеранцы 7%
- Луры, белуджи, арабы, туркмены, армяне 2%
- Россия:
- Восточно-славянские народы 82,5%
- (из них русские 77,7%)
- Тюрки 8,1%
- Финно-угорские народы 1,8%

Государствообразующая нация — это персы, составляющие абсолютное большинство. Они, кстати, этим не кичатся и показательно не называют себя «титульной нацией». Межнациональные вопросы решаются в Иране сбалансировано. Ряд ключевых фигур в иранском правительстве являются азербайджанцами.

В то время как религиозный состав весьма отличен. В Иране подавляющее большинство, 98%, составляют мусульмане (89% шиитов, 9% суннитов) и 2% христиане, зороастрийцы, иудеи и бахаи. То есть ислам в Иранской Республике всеобъемлющ, тотален.

В Российской Федерации же религиозный состав: православные 70%, мусульмане 20%, атеисты около 10%, католики, протестанты и иудеи около 1%

Именно поэтому в Иране ислам оказался объединяющей силой, для рождённой в пламени Революции Республики, именно поэтому была быстро ликвидирована как либеральная, так и коммунистическая оппозиция (ибо исламу, ненавистны оба материалистических проявления запада и либерал-демократия, и марксизм («Исламское движение, которое началось под сенью победы исламской революции в трудных условиях того времени, несмотря на многочисленные заговоры, с каждым днем становилось все сильнее, благодаря стойкости народа и божьей помощи. Сегодня не осталось даже и следа марксизма, а либеральная демократия со всей своей политической, экономической и военной мощью поставлена на колени многочисленными кризисами» аятолла Хомейни)). Националисты закономерно не могли прийти к власти, т.к. ислам был более всеобъемлющ, являясь наднациональной религией, объединяющий все народы Иранского нагорья. Приход к власти националистов-персов привел бы к напряжённости в отношениях с нацменьшинствами, ответному всплеску националистов в азербайджанской и курдской областях Ирана, и как следствие, к сепаратизму. Ситуация, при данном развитии событий (подъём националистических настроений и сепаратизм), усугубилась бы наличием у нацменьшинств территориальной базы (Азербайджан, Иракский Курдистан), облегчающий центробежные движения.

Ситуация так же отлична тем, что народы Ирана до недавнего времени испытывал рост пассионариев, бурля, как котёл, в то время как основная масса народов РФ испытывает с середины 60-х годов депрессию пассионарности.

Итак, Иранская исламская Революция пошла по «третьему пути», уничтожив и либеральную и левую оппозиции во время анти-термидора 1982 года, отстояв, таким образом, завоевания Революции. Либерализация экономики и социальной сферы, проводимая в годы президентства Али Акбара Хашеми Рафсанджани и Мохаммада Хатами в 1989-1997-2005 гг. («иранский НЭП»), приведшая к инфляции иранской экономики (около 50%), уступила место усилению эскалации с Западом и консерватизму Махмуда Ахмадинежада.

Ислам оказался для Ирана той скрепой, объединившей народы страны, предотвратившей центробежные силы и открыв головокружительные горизонты для молодой Республики. Выстояв в затяжной

кровавой войне с технически более оснащённым Ираком, попутно разбив левых коллаборационистов, подобно осаждённой крепости, исламская Республика гордым независимым островом находится среди опустошённых вассалов Запада, куя ядерный щит своего суверенитета.

С момента Революции численность населения ИРИ увеличилась более чем в два раза: 33,01 млн. в 1970 и 78,86 млн. в 2012. Рождаемость составляет 17,8 человек на 1000 населения, а смертность — 5,8 человек на 1000 населения. Средний возраст жителя Ирана равен 70,95 годам.

В городах проживают 67,4 % населения, сельское население — 32,6 %. В ходе продолжающейся урбанизации отмечается сокращение как оседлого, так кочевого населения в сельской местности. В стране очень высок удельный вес смешанных браков.

Возрастные пропорции населения следующие:

до 14 лет — 44%

15-64 лет -52%

старше 65 лет — 4%

Численность активного населения составляет 22,3 млн человек. Уровень безработицы — 12,1 %.

Доля населения трудового возраста составляет 68,1% (для Ирана — это группа лиц в возрасте от 11 до 64 лет). В то же время 27,5 % населения младше 10 лет, а 32,5 % в возрасте от 11 до 24 лет. Приведенные данные свидетельствует о том, что Иран может быть отнесен к числу стран, где доминирует молодое население. Здесь достаточно обратить внимание на то, что в последние десятилетия доля лиц в возрасте от 0 до 14 лет превышала 40%, доля лиц в возрасте 50 — 69 лет была близка к 10%, а доля лиц в возрасте 70 и более лет была, по существу, мизерной.

В общественном производстве занято 10-12 млн мужчин, на военной службе — 1 млн 100 тысяч человек, дополнительно могут быть привлечены для пополнения вооруженных сил, отраслей экономики и формирований гражданской обороны до 10-11 млн человек.

Программные документы Ирана предусматривают формирование двадцатимиллионной армии для защиты страны, что с учетом возрастного состава, а также дополнительного привлечения на во-

енную службу части женского населения представляется реальным. Только лишь подготовленный резерв Сил сопротивления «Басидж» составляет до 10-12 млн человек.

Примечательная картина вырисовывается при выявлении изменений в доле самодеятельного и несамодеятельного населения в возрастной группе от 10 лет и выше за пятилетие. Произошло отчетливо проявляющееся снижение доли самодеятельного населения (за исключением доли женщин — которая как таковая невелика — в стране в целом и в деревне) и увеличение доли несамодеятельного населения (за таким же исключением, только в сторону уменьшения) как по стране в целом, так и в городе и деревне.

За этим стоит рост доли учащихся, т. е. той части населения, из которой готовятся кадры для всех сфер экономики и общества в целом. То есть, налицо предпосылка роста потенциала не только экономики, но и общества в целом. В целом по стране число учащихся выросло на 33,1%, в то время как число занятых увеличилось на 11,3%. При этом рост учащихся виден прежде всего у женщин (без учета учащихся в возрасте до 9 лет включительно, а таковых немало: дети в возрасте от 5 до 9 лет включительно составляют 14,1% от всего населения).

Уровень охвата учебой лиц в возрасте от 6 до 24 лет вполне может быть признан высоким. При этом доля обучающихся снижается по мере роста возрастной категории. Это свидетельствует о том, что значительная часть обучающихся после всего лишь 4-5 лет обучения вынуждена работать, перейдя таким образом в разряд самодеятельного населения.

Уровень грамотности населения старше 6 лет — 86,5%, при этом в возрастной группе от 6 до 29 лет грамотными являются — 96,5 %.

Вот вам и завоевания исламской Революции при отсутствии прав человека, гражданского общества и демократии!

Однако есть и облака на иранском революционном горизонте. Социальное расслоение, хоть и значительно уменьшившись, до сих пор имеет место быть, в городах осталось значительное количество безработных люмпенов, подверженных антиисламской, контрреволюционной пропаганде. По статистическим данным, подавляющая часть населения страны — верующие люди, реальное же положение несколько отличается от декларируемого. Все больше и больше

молодых людей, особенно из числа городского населения, отходят от радикального исполнения религиозных обрядов, зачастую лишь внешне причисляя себя к верующим, в жизни ведут себя иным, далеким от исламских законов, образом. Омоложение населения Ирана усугубило социальные аспекты роста населения как такового, в первую очередь, обостряя задачу создания новых рабочих мест и сокращения безработицы.

Республика нуждается в проведении социальных реформ, для усиления сочувствия народных масс режиму.

Думается, что клир, руководящий страной, отлично это осознаёт, однако постоянная угроза вторжения Запада и ракетного удара Израиля, санкции и попытки взрастить внутреннюю прозападную оппозицию, постоянно повышают градус радикализма в Республике, откладывая мирную «эволюцию Революции» и её укрепление на неопределённый срок, что чревато для Ирана внутренней нестабильностью.

Хотя исламская идеология и наднациональная, но как русская культура и русский язык составляли базис наднациональной советской идеологии, так и базис исламской идеологии в Иране является сугубо персидским. И потому со временем этой идеологии все труднее предотвращать как усиление в персидском обществе давно бытующих шовинистических настроений, так и появление естественной ответной реакции со стороны азербайджанцев, продолжающих закрепляться во властной и экономической элитах страны. Примечательно, что все нынешние волнения происходят преимущественно в тех регионах, где жизненный уровень выше среднего, — это говорит о том, что социальной основы для протестных акций у азербайджанцев нет. Поэтому у нынешних азербайджанских волнений нет логического объяснения, если не учитывать роль внешнего фактора, дающего очень серьезную подпитку — и финансовую, и организационную — у Запада. Еще в прошлом году Госдеп США получил от Конгресса согласие на выделение \$ 75 млн. на «поддержку иранской внешней и внутренней оппозиции».

Периодические протестные выступления, подобные азербайджанским, были и у курдов, и у белуджи, и у арабских граждан Ирана. Кроме того, принципиальная разница состоит еще и в том, что

претензии азербайджанцев не сводятся просто к тому, чтобы за ними признали права этнического меньшинства. Азербайджанцы требуют, чтобы их признали государствообразующей нацией. Как на это отреагируют в будущем (обязаны отреагировать, если хотят сохранить завоевания Революции!) аятоллы? Предоставят культурную автономию, «закрутят гайки», или же сделают дуалистическую федеративную империю по подобию Австро-Венгрии?

Вместе с тем, влияние религии в жизни иранского общества очень велико, особенно в сельских районах, население которых более твердо в своей вере и готово бороться за существующий уклад жизни. Именно из таких людей клерикальное руководство черпает кадры для формирования религиозно-фанатичных подразделений и частей вооруженных сил.

Любопытно посмотреть на тенденции в политической власти ИРИ.

Элиту шиитского духовенства составляют аятоллы, обладающие непререкаемым авторитетом в вероучительных вопросах. Сам термин «аятолла» происходит от арабского «аяту ль'Ллах» («знак Бога»).

Аятоллой становится ученый, занимающийся вопросами мусульманского права и религиозной философии, около которого группируется кружок учеников. Обычно аятолла окормляет значительную общину верующих, собирающихся на пятничные проповеди в его мечеть. Когда духовное наставничество аятоллы распространяется на целый регион Ирана или на всю страну, он получает статус великого аятоллы.

В настоящее время в Иране насчитывается 85 аятолл и 40 великих аятолл. Как правило, великие аятоллы — почтенные старцы. Их средний возраст — 75–80 лет. Например, одному из наиболее авторитетных аятолл — Насеру Мокарем Ширази — недавно исполнилось 87 лет. Многие из высших иранских духовных лиц участвовали не только в исламской революции 1979 года, но и в антишахской оппозиционной борьбе, неоднократно арестовывались и провели немало времени в застенках.

В соответствии с идеями имама Хомейни в Иране в 80-е годы прошлого века была установлена система, сочетающая светские и религиозные органы правления страной. Наряду с демократически избираемым парламентом и институтом президентства в Исламской

Республике Иран функционируют органы власти, составленные на коллегиальной основе из представителей духовенства: Совет стражей Конституции, Совет экспертов, Совет по высшей целесообразности, а главой государства является верховный лидер, рахбар. Несмотря на это, не все представители духовенства активно участвуют в политической деятельности. Многие из них занимаются исключительно религиозно-правовыми, морально-этическими и богословскими вопросами.

Высшей ступенькой в шиитской духовной иерархии считается статус марджа-э-таклид («образца для подражания»). Марджа уполномочен выносить фетвы (обязательные для исполнения установления) по различным вопросам духовно-нравственной, общественной и политической жизни. Разные иранские источники указывают на разное количество марджа, тем не менее, большинство называют наиболее авторитетными духовными лидерами великих аятолл Мокарема Ширази, Юсефа Санеи, Али Мохаммада Дастгейба Ширази, Мухаммеда Таги Месбаха Йазди, Хоссейна Нури-Хамадани, Казим-Хоссейна Хаери, проживающего в Ираке Али аль-Систани и нынешнего духовного лидера Ирана Али Хаменеи.

Характерной особенностью партийной системы ИРИ является отсутствие в ней партий западного образца — с конкретными программами и позициями. Абсолютное большинство организаций, называемых в Иране политическими партиями, представляют собой, по сути, аморфные политические движения, не имеющие четкой организации, постоянных партийных структур и института партийного членства.

Все политические партии и движения Ирана в соответствии с раскладом внутривнутриполитических сил в стране принадлежат к двум основным лагерям высшего клерикального духовенства, между которыми происходит принципиальная межфракционная борьба, — консерваторам и реформаторам. Эти группы не являются однородными и консолидированными, в каждой из них наблюдается жесткое внутривнутрифракционное противостояние, имеются принципиальные идеологические разногласия. Условно выделяется еще и третья группа — центристов, которая, разделяя отдельные идеологические установки того или иного лагеря, готова примкнуть к каждому из них в зависимости от складывающейся конъюнктуры.

Консервативное крыло иранского духовенства представлено двумя фронтами: умеренных и радикальных консерваторов. Умеренно-консервативное движение стремится к проведению широких экономических реформ, которые по темпам опережали бы социальные реформы и были бы способны продемонстрировать альтернативу либеральным идеям реформаторского лагеря. Представители этого движения демонстрируют национальный патриотизм, оказывают щедрую благотворительную помощь студентам, инвалидам войны, СМИ. Движение располагает широким спектром высокопрофессиональных, подготовленных кадров и специалистов. Главной его опорой являются крупные и влиятельные финансово-промышленные группы, которые контролируют многие СМИ, политические партии и общественные организации. За ним стоят армейские круги и влиятельные офицеры Корпуса стражей исламской революции (КСИР), региональные власти, авторитетные представители умеренного духовенства, землевладельцы и предприниматели.

К лидерам умеренно-консервативного крыла следует отнести председателя Совета по определению целесообразности принимаемых решений (СОЦПР) Али Акбара Хашеми-Рафсанджани, секретаря Высшего совета национальной безопасности (ВСНБ) Хасана Роухани, советника Верховного лидера ИРИ по внешнеполитическим вопросам Али Акбара Велаяти. В число крупнейших партий умеренно-консервативной идеологии входят Исламское общество инженеров («Джамэ-йе эслами-йе мохандесин»), Свободная коалиция молодежи Ирана («Этелаф-е азад-е джаванан-е Иран»), Общество последователей линии имама и рахбара («Джамиат-е пейрован-е эмам ва рахбар»).

Основные программные установки умеренных консерваторов в вопросах внутренней и внешней политики включают фактическое установление в Иране власти крупной национальной буржуазии, элитарной интеллигенции и технократов; обеспечение независимого и прагматического внешнеполитического курса; недопущение подчинения Ирана внешним силам, прежде всего США; окончательный отказ от идеи «экспорта исламской революции»; недопущение развития в Иране либеральных идей и систем ценностей. При этом идеология умеренных консерваторов связана

с идеями иранского государственного национализма, что служит барьером для интеграции Ирана с Западом.

Реализация этой программы не предполагает вытеснения с политической арены религиозно-консервативных сил. Она предусматривает возможность постепенного снижения роли государственно-ислама, но при сохранении основ установившегося после 1979 г. исламского строя и высокой роли в государственной политике исламских принципов, этики и морали. Конечная цель программы — превращение Ирана в региональную державу со средним уровнем жизни населения, модернизированную страну с современной промышленностью.

Радикально-консервативное движение выступает за ужесточение традиционных консервативных установок, установившихся после исламской революции, к главным из которых можно отнести незыблемость исламских ценностей, доминанту шиитского духовенства в управлении страной, решительное неприятие проникновения в иранскую жизнь западной культуры и идеологии, государственное управление экономикой и недопущение ее либерализации, сохранение закрытости Ирана для мирового сообщества при приоритетности развития отношений с исламскими государствами.

К числу крупнейших партий этого направления следует отнести Партию служителей исламской революции («Хезб-е каргозаран-е энгеляб-е эслами»), Движение сподвижников партии Аллаха («Ансар-е Хизбалла»), Партию Исламская родина («Хизб-е михан-е эслами»), Женское общество «Зейнаб» («Джаме-е Зейнаб»), движение «Благополучие» («Рефах»), Движение борцов за правое дело («Исаргяран»), а также с некоторой долей условности — Общество исламской коалиции («Джамийат-е моаталляфе-йе эслами»), которое в последнее время все больше тяготеет к умеренным силам.

Организационной и идейной платформой консервативного течения является религиозно-политическая группировка Общество борющегося духовенства («Джамэ-йе роуханийат-е мобарез»), которая формально ушла с политической арены в 1997 г., но и сейчас объединяет наиболее видных представителей клерикальной элиты (генеральный секретарь — аятолла Мохаммад-Реза Махадави Кани). Другим важным координирующим центром правого консервативного лагеря является Коалиция сил исламской революции («Шоура-е

хамаханги-е нируха-е энгеляб»), председатель Координационного совета которой — бывший спикер парламента Али Акбар Натег-Нури. В числе лидеров движения также секретарь Наблюдательного совета аятолла Ахмад Джанати и председатель Собрания экспертов аятолла Али Акбар Фейз (Мешкини).

Основу этого крыла консервативного духовенства составляют главным образом представители кумского духовенства (теологическая школа города Кум — мозговой центр шиизма), судебной власти, большинство членов Наблюдательного совета и Собрания экспертов, руководство КСИР. Своих сторонников они набирают среди слушателей медресе, фанатичной молодежи из провинций, представителей народного ополчения «Басидж».

В состав радикально-консервативного течения входят так называемые неоконсерваторы. Это молодое поколение иранских политиков консервативной направленности, которое представлено в парламенте коалицией «Созидатели» («Абадгяран»), победившей на выборах в меджлис 7-го созыва в марте 2004 г. К лидерам данного течения следует отнести спикера парламента Гуламали Хаддада-Аделя, экс-мэра Тегерана, нынешнего президента ИРИ Махмуда Ахмадинежада, вице-спикера парламента Моххамада Джавада Бахонара, экс-руководителя Организации радио и телевидения ИРИ Али Ардашира Лариджани. Экономический базис идеологии этой партии основан на принципах совмещения некоего прагматизма в экономике (доступ к современным технологиям и их внедрение в национальную промышленность, первоочередное привлечение в экономику внутренних инвестиций, частичная приватизация) с преобладающими радикально-консервативными элементами (государственная экономика, национализация многих ее областей; дискриминационные меры против иностранных инвесторов). В политике эта идеология носит более радикальный характер: неоконсерваторы после избрания в парламент приступили к ужесточению внутренних правил, норм поведения и образа жизни в стране (более строгим стало ношение исламской одежды, подверглись арестам журналисты и редакторы либеральных СМИ, усилилась цензура). Во внешней политике позиция неоконсерваторов мало чем отличается от идеологических установок других сил, входящих в радикально-консервативный лагерь.

Реформаторское крыло иранского духовенства представлено двумя крупнейшими политическими течениями: умеренных и радикальных реформаторов.

Умеренно-реформаторское движение выгодно отличается на фоне радикального в плане кадрового ресурса, поскольку имеет много подготовленных специалистов в сфере экономики, управления, науки и технологии. Партии умеренно-реформаторского толка, во многом близкие к центристам, способны разрабатывать серьезные экономические и политические предложения для среднесрочного и долгосрочного развития страны, сочетающие в себе либеральные идеи и прагматические элементы.

Лидеры умеренных реформаторов — президент ИРИ Сейед Мохаммад Хатами, бывший спикер парламента Мехди Кяруubi, ключевые члены нынешнего состава кабинета министров (главы МИД, МВД, минобороны, министерства информации (спецслужбы), министерства экономики и финансов).

К числу основных политических партий и движений умеренно-реформаторской направленности относятся Ассоциация борющихся мулл («Маджма-э роуханийун-е мобарез»), партия «Дом рабочего» («Хане-йе каргяр»), Исламская партия труда, Фронт реформ («Джабхе-йе эслахат»).

Умеренно-реформаторское движение по своим идеологическим взглядам выступает в пользу усиления роли технократов, управленцев и экспертов в государственном аппарате, повышения его эффективности, высказывается за модернизацию бюрократической системы страны, реформирование судебной системы.

Во многом позиции умеренных реформаторов совпадают со взглядами умеренных консерваторов: они также ратуют за незыблемость исламских ценностей, допуская при этом более динамичную либерализацию экономической жизни страны (умеренные консерваторы — за эволюционный путь). Представители этого течения являются последовательными сторонниками проведения реформ в социальной сфере, обеспечения свободы слова и СМИ, соблюдения гражданских прав, в том числе прав женщин.

Во внешней политике умеренные реформаторы пропагандируют выдвинутую Хатами концепцию диалога между цивилизациями, высказываются за осторожное, постепенное налаживание отношений с

США и Европой, заявляют о необходимости постоянного конструктивного диалога с Западом. Их задача — максимально быстро интегрировать Иран в мировое сообщество, в международные финансово-экономические структуры.

Радикально-реформаторское движение в подавляющем большинстве представлено не профессионалами, а малоопытными функционерами, политиками популистского толка. Проблема радикальных реформаторов заключается в отсутствии консолидации, а также четкой и ясной программы, с помощью которой они хотят добиться своих целей. Выдвигаемые ими лозунги (демократизация и свобода, либерализация политики и экономики, стремление к западным стандартам) в значительной мере лишены патриотизма и принципиальности, по своей сути непонятны основной массе избирателей и, соответственно, вызывают у многих сомнение и недоверие. Опорой этого политического движения являются молодежь, студенчество, женщины и интеллигенция.

Среди лидеров радикальных реформаторов следует отметить брата президента Хатами, бывшего председателя комиссии меджлиса (парламента) по внешней политике и национальной безопасности Мохсена Мирдамади, бывших депутатов парламента Армина и Кулаи, экс-министра науки и образования ИРИ Мостафы Моина.

К числу крупнейших партий радикально-реформаторской направленности относятся Партия партнерства исламского Ирана («Хизб-е мошарекят-е Иран-е эслами»), Организация моджахедов исламской революции («Сазман-е моджахедин-е энгеляб-е эслами»), Партия солидарности исламского Ирана («Хизб-е хамбастеги-е Иран-е эслами»), Бюро укрепления единства («Дафтар-е тахким-е вахдат»).

Радикальные реформаторы ставят во главу угла такие цели, как ускорение процессов урегулирования отношений с США и Западом в целом, осуществление широкой либерализации существующего государственного строя, создание широкого общественного фронта сопротивления религиозно-консервативным силам, вытеснение духовенства из системы государственного управления, превращение Ирана в открытую страну с рыночной экономикой.

В отличие от умеренных реформаторов, делающих ставку на экономическую либерализацию, приоритетом радикально-реформаторских сил является общественная либерализация, включающая

как политическую составляющую (свобода слова и СМИ, свобода деятельности политических партий, гласность), так и общественную (свобода передвижения по всему миру, возможность получения образования за рубежом, свободный доступ к информационным сетям). При этом в программу левореформаторских сил заложены принципы обеспечения социальной справедливости, социальных гарантий общества, ликвидации безработицы.

Центристское движение пытается проводить компромиссную политику и лавирует между различными политическими течениями, преследуя цель добиться участия в деятельности исполнительной власти страны. Не имея собственных ярких лидеров, по своим политическим взглядам оно, с одной стороны, близко к умеренным консерваторам, а с другой стороны — к умеренным реформаторам. Это движение выступает за осуществление последовательных, эволюционных реформ, но в то же время против ущемления демократических прав и свобод, закрытия политических партий и либеральных СМИ, преследований журналистов.

В числе крупнейших политических партий центристов следует выделить две — Партию умеренности и развития («Хизб-е эстедаль ва тоусеэ») и Партию служителей созидания Ирана («Хизб-е каргозаран-е сазандеги-йе Иран»). Первая из них более консервативная, она является «детисем» Али Акбара Хашеми-Рафсанджани, а вторая примыкает к реформаторам-технократам.

Опорой центристов служат в основном представители городской интеллигенции (преимущественно Тегерана), мелкой и средней буржуазии, ремесленников. Партии центристского толка не являются массовыми по своему характеру, хотя потенциально могли бы сыграть важную стабилизирующую роль в установлении баланса между двумя противоборствующими лагерями и способствовать достижению общенационального консенсуса.

Несмотря на наличие в ИРИ широкого спектра политических партий, движений и организаций различной идеологической окраски, системообразующим элементом партийного строительства в Республике является их сосредоточение в рамках общей исламской идеологии при сохранении режима, установившегося в ИРИ после 1979 г. Бразды правления прочно удерживаются в руках клерикальной шиитской верхушки, которая контролирует важнейшие зако-

нодательные и судебные институты власти, военные структуры и, соответственно, курирует деятельность практически всех политических партий и движений. Все те партии, которые выступают за изменение коренных основ исламского строя, автоматически выбывают из общественно-политической системы и становятся вне закона. В их числе — буржуазно-националистическое «Движение за свободу Ирана» (ДСИ) (лидер до 2011 года Ибрахим Язди), а также базирующиеся за пределами страны нелегальные организации типа Организации моджахедов иранского народа (ОМИН), народной партии «Туде», Организации федаинов иранского народа (ОФИН), Демократической партии иранского народа (ДПИИ), Национального фронта и маргинальных монархических группировок.

В то же время религиозно-политическая элита ИРИ стремится обеспечить широкое партийное представительство на политической арене страны (в 2001 г. в Иране действовало 130 партий и движений, в 2005 г. — 200) и тем самым укрепить в глазах международного сообщества легитимность установившегося в Иране после 1979 г. исламского правления, пропагандировать идею развития в ИРИ государственной системы «исламской демократии», сочетающей традиционные и модернистские элементы политической культуры.

Последние политические события в Исламской Республике, связанные с внутриэлитной политической борьбой, внесли раскол и в ряды высшего духовенства. Подоплекой политической турбулентности в Иране во многом является приход на политическую авансцену второго поколения исламских революционеров — технократов и силовиков, связанных с нынешним президентом Ирана Махмудом Ахмадинежадом постепенно оттесняющих факихов от рычагов власти. Президентские выборы 2009 года и последующие события показали существующий в среде аятолл водораздел. Так, великие аятоллы Юсеф Санеи, Дастгейб Ширази и умерший в 2010 году в 90-летнем возрасте Сафи Гольпайегани поддерживали оппозиционное зеленое движение. Мокарем Ширази и Казим-Хоссейн Хаери призывали враждующие стороны к примирению и признанию результатов выборов, а Нури-Хамадани и Месбах Йазди решительно встали на сторону Махмуда Ахмадинежада.

Фигура великого аятоллы Месбаха Йазди представляет особый интерес. Этот пламенный проповедник и решительный сторонник

идеалов исламской революции является духовным наставником Ахмадинежада. Он возглавляет религиозное течение Ходжатий-е, в наибольшей степени проникнутое мистицизмом и ожиданием прихода скрытого Имама Махди. Месбах Йазди считает корнем всех бед современного мира ростовщический финансовый капитал и обличает в проповедях «безбожное проклятие доллара и евро». В 1997–2005 годах он последовательно выступал против реформаторского курса тогдашнего президента Мохаммеда Хатами.

В связи с этим представляют определенный интерес политические шаги нынешнего иранского президента, которые можно истолковать, как попытку избавиться от опеки духовенства, и, сохранив исламские принципы государственности и шариатское законодательство, сменить правящую элиту Исламской Республики.

Во-первых, это назначение четырех спецпосланников президента по вопросам внешней политики (регионы Азии, Ближнего Востока, Афганистана, вопросы Каспия), что было истолковано некоторыми наблюдателями как попытка президента самостоятельно решать внешнеполитические вопросы в обход духовных лидеров, контролирующего Министерство иностранных дел. В декабре 2010 года Ахмадинежаду удалось отправить в отставку бывшего министра иностранных дел Манучехра Моттаки, считавшегося человеком духовенства, заменив его своим протеже. Во-вторых, участвовавшие кадровые назначения на важные посты светских лиц, не связанных с духовенством. В-третьих, публичные моления президента в мечети Джамкаран в городе Кум. Согласно шиитским религиозным представлениям, молитвы, совершаемые в этой мечети, непосредственно доходят до Махди. Тем самым иранский президент как бы подчеркивает, что не нуждается в посредниках для обращения к скрытому имаму.

В случае если Махмуду Ахмадинежаду удастся расширить свои полномочия, он может привлечь к основным рычагам управления страной силовиков, связанных с Корпусом стражей исламской революции (КСИР), и технократов (менеджеров предприятий и промышленных компаний, руководящих высокотехнологичными отраслями производства и военно-промышленным комплексом). В этом смысле Ахмадинежад является как раз не ретроградом, а представителем нового поколения иранской политической элиты, борющегося за

власть и влияние с «отцами революции». Такой вот лидер, «технократ-консерватор».

Отдельно хочется сказать об особом военно-религиозном ордене Ирана — Корпусе стражи исламской Революции.

Корпус стражей исламской революции «Сепак-э пасдаран-э энкелаб-э золами» был создан 5 мая 1979 года. Основной целью стражей революции на первоначальном этапе стала «зачистка» армии от военных, симпатизирующих прежнему шахскому режиму, подавление инакомыслящих и национальных выступлений.

Цели и задачи корпуса были определены в конституции ИРИ, которая была принята в ноябре 1979 года. Целый раздел в Основном законе страны так и называется: «Армия Ислама». Командующий пасдаран назначается президентом ИРИ лично.

В первое время КСИР насчитывал около 30 тыс. человек, из которых 4 тыс. работали в центральном аппарате в столице, 20 тыс. состояло в провинциальных подразделениях, 3 тыс. охраняли пограничные переходы и 3 тыс. составлял штат тренировочного центра в Алибаде. Первый боевой опыт КСИР получил в сентябре 1980 года при ведении боев в Иранском Курдистане.

Первым командующим корпуса был бывший учитель Аббас Замани. Он же являлся отцом-основателем ливанской группировки «Хезболла», имел активные контакты с Организацией освобождения Палестины, которая на первых порах деятельности КСИР представляла своих инструкторов.

С 1980 года резервом пасдаран стали «Басидж» — полувоенная организация, привлекающая в себя мальчиков старше 13 лет и резервистов Корпуса и армейских частей. Некоторые эксперты оценивают численность «Басидж» в 11 миллионов человек. Другие оценивают мобилизационные ресурсы этой организации в один миллион бойцов. В случае оккупации страны, при разгроме регулярной армии, именно из них будут формироваться партизанские отряды, в том числе и подразделения смертников.

Некоторые иранские публицисты называют КСИР «кровью революции». Безграничная преданность его членов была продемонстрирована во всех конфликтах, в которых участвовал Иран. С каждой новой жертвой Корпус становился опытнее. Любая значимая новация в военной области берется ими на вооружение.

Наверное, ближайшим аналогом КСИР в ближайшей исторической перспективе были СС, на своей заре тоже начинавшие с роли охранников, но к концу второй мировой ставшие государством в государстве с развитой экономикой, разведкой и контрразведкой, и войсками, до зубов вооруженными и опытными бойцами, воевавшими под командованием грамотных и рассудительных офицеров.

Впервые с внешним врагом пасагран столкнулся в 1980 году, когда границы Ирана были атакованы иракскими войсками. Духовные лидеры тысячами бросали на смерть бойцов КСИР и народное ополчение — басиджей. Тактика «людских волн», продемонстрированная басиджами в боях под Басрой, наверное, является самым свежим применением таких методов в новейшей мировой истории. После ликвидации внешней опасности заслуги КСИР позволили им занять прочное место в структуре власти Ирана. После успехов на поле сражения с Ираком в функции пасадаран было добавлено обеспечение внутренней безопасности страны, в том числе контроль за армией и подавление внутренних врагов.

Второй, послевоенный этап существования КСИР привел к тому, что Корпус стал полноценным военно-экономическим формированием. Помимо пехотных подразделений в пасагран появились военно-воздушные подразделения, военно-морские сиры, ракетное вооружение, в том числе большой дальности и даже собственный военно-промышленный комплекс. Собственное военное производство позволило Корпусу начать ядерные исследования в военных целях и достичь существенных успехов в разработке ракетной техники. При содействии Китая, России, Северной Кореи, инженеры, работающие в КСИР, создали ракеты, способные запускать спутники в космос.

Организационно пасадаран разделен на 11 округов, в каждом из которых имеется собственный штаб.

Также в составе КСИР имеются специальные войска, нацеленные на противодействие американской армии, как в зоне Персидского залива, так и во всем мире. Авангардом мирового джихада, подразделением, предназначенным для ведения боевых действий за пределами страны, является подразделение КСИР «Иерусалим». Его численность составляет до 12 тыс. бойцов, знающих арабский язык и происходящих из ливанских шиитов, афганцев и иранцев.

«Винтовка дает власть». Сейчас на вершине власти в Иране находится президент Ахмадинежад — бывший ранее членом пасдаран. Многие члены корпуса вошли во власть в качестве министров или руководителей различных ведомств, 70 офицеров КСИР являются членами парламента страны. Специалисты отмечают резкое усиление политического влияния КСИР. Станет ли Иран государством исламской технократической военной теократии, чем-то похожим на сталинскую империю? Поменяется ли государственное управление «опека законоведа» (Велаят-е Факих) на «опеку война» (Велаят-е Сепях)?

Какой же «третий путь» для нас, для России? Естественно, это не либерализм и не марксизм. Клерикализм же для нас не станет той скрепой, каковой он стал для ИРИ, ибо религия не столь радикальна и всеобъемлюща, как шиизм в Иране. Надежды на спасение через воцервление нашей страны наивны и, к объединению народа, увы, не приведут. Свой «третий путь» нам ещё предстоит найти, вначале укрепив нравственность, в нашей, катящейся в пропасть, стране.

Автор не призывает к экстремизму и свержению нынешней власти, полагая, что крах политического вырождающегося режима в стране произойдёт без силового воздействия на него.

Использованная литература

1. «Возрождение Ирана в свете теории этногенеза» Владимир Мичурин. Наш Современник, № 8, 1992, с. 124-128
2. «Иран 1978–1979. Украденная революция» Робин Клэпп
3. «В Иране революции не будет!» Раджаб Сафаров. МОФ «Идеология», 2006.
4. «Отцы и дети исламской революции. Правящее духовенство Ирана столкнулось с новыми вызовами» РНИОО Общественный институт политических и социальных исследований Черноморско-каспийского региона. 2012
5. «КСИР — охранники, ставшие государством» Вениамин Сергеев, 2012
6. «Система современных политических партий Ирана и их идеологические программы» А.М. Вартанян, 2005
7. ««Иранская идентичность» как фактор внешней политики» к.п.н. Салиев А.Л., 2007

Alain de Benoist

Nationalism: Phenomenology & Critique

There are probably as many theories of nationalism as there are nationalist theories. It is obviously impossible to give an account of them here. We will not take part in the false quarrel over whether nationalism is a pathological exacerbation of patriotism, or if it represents, on the contrary, its conscious and rigorous doctrinal elaboration. Let us note only that, beyond the often extremely complex typologies suggested today¹, nationalism can be defined in two basic ways.

First, nationalism is the more or less voluntary aspiration, founded on objective facts or not, of a people to be constituted (or restored) as a nation, generally in a context perceived as hostile to its collective identity. Thus it presents itself as a movement of historical construction. In the second definition, nationalism is the political doctrine that affirms that a government must be concerned above all with the national interest, even based upon it exclusively.

These two definitions show from the start the ambivalence of nationalism, an ambivalence directly related to its eminently reactive character. Nationalism generally appears in circumstances that are “exceptional,” in Carl Schmitt’s sense of the term. Nationalism aims at reacting against a threat, real or supposed, that would weigh upon the collective identity and prevent it from founding itself as or persisting as a nation. Nationalism, for example, appears just as much in reaction to a foreign occupation as in a situation of colonization, in the framework of an exacerbated regionalism, etc. Its essence, therefore, is related to conflict. It needs an enemy. But this enemy can take the most diverse forms. Hence the plasticity of nationalism which, in history, can just as well be modern or antimodern, intellectual or popular, of the Right or Left. (During the whole nineteenth century, let us recall, nationalism was primarily liberal and republican.)

¹ Cf. in particular Gil Delannoi et Pierre-André Taguieff, eds., *Théories du nationalisme. Nation, nationalité, ethnicité* (Paris: Kimé, 1991).

The definition of nationalism as a political doctrine raises other problems. Once an identity is recovered or the nation emerges, what in nationalism can truly be used as a principle of government? The concept of “national interest” is fuzzy. Maurras writes that a nationalist “subordinates his feelings, his interests, and his systems to the good of the fatherland.” But what faction would not lay claim to this expression? The “good of the fatherland” is a concept for which almost anything can be claimed, the more so as one can have extremely different ideas about it. Given that conflict is of the essence of nationalism, the risk is then great that a nationalist government can exist only while engaging in new arenas of conflict. Any foreigner, for example, will be potentially seen as an enemy. As for the concept of an “inner enemy,” it will lead to civil war, which nationalism seems to prohibit on principle.

The contents of nationalism thus remain rather obscure. One sees nationalist movements appearing in the world, but in general they have few things in common. They are opposed to one another. They claim contradictory values. It all seems as if nationalism were more a form than a substance, a container than a content.

One can understand it better, however, if one relates it to the idea of the nation, from which it cannot be dissociated. Indeed, nationalism initially represents a political instrumentality of the collective identity that gives rise to the nation. However, the nation is only one form of polity among others. And it is a specifically modern form.

Neither the Gallic resistance against Caesar nor that of Arminius against the legions of Varus is relevant to our sense of “nationalism.” The application of the word “nation” to Antiquity or the Old Regime is for the most part an anachronism. In the Middle Ages, the “nation” (from *natio*, “birth”) had a cultural or ethnic sense, but by no means a political one. At the time of the Hundred Years War, patriotism refers to the “country” (*pays*), i.e., to both a familiar region and an ensemble of intermediate bodies concretely defining a shared identity. In the political sense, the nation appears only in the eighteenth century, and it is defined in opposition to the king. The “patriots” then were those who thought the nation, not the king, incarnates the unity of the country, i.e., the nation exists independently of the kingdom. The nation joins together those who share the same political and philosophical ideas. It is in this sense that

Barrère¹ was able to say to the Convention that “the aristocrats have no fatherland.” The nation is thus initially perceived as the sovereign people, then as the population of a given territory recognizing the authority of the same state and themselves as members of the same political unity, and finally as this political unity itself. One reads, in Article 3 of the Declaration of the Rights of Man: “The principle of any sovereignty lies primarily in the nation.”

The Old Regime in France had already largely started the process of centralization. The Revolution continued this process in a new form. It aimed at “producing the nation,” creating a new social bond, generating social behaviors giving rise to the nation as a body politic formed of equal individuals. The state, consequently, became the producer of the social. And this production was built on the ruins of the intermediate bodies. Beginning with the Revolution, the nation became for any individual an immediate presence. It is a collective abstraction to which one belongs directly, without the mediation of intermediate bodies or the state. There is thus, paradoxically, an individualistic root of the nation and nationalism. Louis Dumont has written on this subject:

Historically, the nation in the precise, modern sense of the term, and nationalism—distinguished from simple patriotism—have depended upon individualism as a value. The nation is precisely the type of overall society corresponding to the reign of individualism as a value. Not only does the nation accompany individualism historically, but the interdependence of the two is essential, so that one can say that the nation is a society composed of people who regard themselves as individuals².

The “modernity” of the nation and nationalism remained unseen for a long time, initially because nationalism was at times also a reaction (or an answer) to the social and political dysfunctions born of modernity, then, starting in the late nineteenth century, because the political Right took up the national idea in opposition to the “internationalist” socialist movements.

This individualistic and modern sense of the national idea allows us to understand how nationalism falls within the horizon of the metaphysics

¹ Bertrand Barrère de Vieuxac (1755–1841)—TOQ.

² Louis Dumont, *Essais sur l'individualisme* (Paris: Seuil, 1983), 20–21. English translation: *Essays on Individualism: Modern Ideology in Anthropological Perspective* (Chicago: University of Chicago Press, 1986).

of subjectivity. Heidegger, who sees subjectivity as the modern form (Gestalt) of being oneself (Selbstsein), writes in this connection:

Any nationalism is, on the metaphysical plane, an anthropologism and as such a subjectivism. Nationalism is not overcome by pure internationalism, but only enlarged and established as a system. Nationalism is as little brought and raised to humanitas by internationalism as individualism is by ahistorical collectivism. Collectivism is the subjectivity of man on the plane of totality¹.

At the same time this also clarifies the relationship between nationalism and liberal individualism: the “we” that forms the base of the former is only an enlargement of the “I” characteristic of the latter. In liberalism, it is legitimate for the individual always to seek his own best interest; in nationalism, the national interest precedes all. In both cases, justice and truth merge with what is good for me or for us. In both cases, the ultimate decision lies in subjective interest, that is, in utility.

In the quotation above, Heidegger shows just as well that political universalism (“pure internationalism”) does not fundamentally contradict nationalism. Exacerbated ethnocentrism, moreover, is defined quite classically as the private individual enlarged to universal dimensions, and universalism, conversely, as a masked ethnocentrism. The private individual attests only to his truth, but he tends to present it as the truth in itself. Such is the base of the pretense of certain peoples or certain nations to be regarded as “chosen,” i.e., called to fulfill a “universal mission.” France has not escaped this temptation, and even succumbed more often than others. Guizot declared: “France is the heart of civilization.” Lavissee added: “Our fatherland is most human of the fatherlands,” thus giving to understand that there exist degrees of “humanity.” In fact, it is often said that French nationalism cannot be fundamentally intolerant because in France the idea of the nation goes along with that of humanity. But this assertion makes one wonder. Indeed, if the idea of the nation goes with that of humanity, then the idea of humanity also goes with that of the

¹ Martin Heidegger, *Über den Humanismus* (Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1946), 107. English translation by Frank A. Capuzzi, with J. Glenn Gray and David Farrell Krell: “Letter on Humanism,” in Martin Heidegger, *Basic Writings*, ed. David Farrell Krell, revised and expanded edition (New York: HarperCollins, 1993), 244.

nation. Whoever does not belong to the nation consequently finds himself excluded from humanity.

Any claim of collective identity need not necessarily be formulated in terms of the ideology of nationalism. Such a confusion, given the historical excesses of nationalism, could only call into question the value of the very concept of collective identity. Yet such a concept, regardless of methods and foundations, is essential to any true sociality. In communist societies, it is what made it possible for the people to survive by opposing their own identity to the one the regime tried to impose upon them. In Western society, it is what continues to nourish the symbolic imagination and give meaning to the desire to live together. Nationalism, in what is most tumultuous and questionable in it, is no more the inevitable consequence of the assertion of collective identities than is the nation the only way of politically organizing the citizenry. Indeed, it is the negation of collective identities, such as we encounter throughout the twentieth century in liberalism as well as in Communism, that causes these identities to assume irredentist, convulsive, and destructive forms.

To be more precise, let us say that there are two different ways to pose the affirmation of a collective identity. The first, which could be that of nationalism, restricts the individual to defending his people, while the second, concerned above all with diversity, sees the necessity of defending all peoples against the ideologies that threaten to eradicate them.

Consider the English saying "My country, right or wrong." This saying is generally misunderstood. It does not state that membership is a mere fact from which one cannot draw an abstraction. It also says that my country can be right or wrong—and not that it is always right.

Yet, in all rigor, a nationalist could not recognize his country is wrong, simply because to judge it wrong, he must have a criterion of justice that goes beyond mere belonging, i.e., ultimately, a clear awareness of the objective truth. A nationalist is spontaneously carried from thinking his country is never wrong to thinking that it is always right. From such a point of view, in the event of conflict, only force can decide. Force then becomes the supreme value. It is identified with truth, which means that history is basically right: the winners are always right, for the sole reason that they won. One paradoxically lapses into social Darwinism, which is only another form of the ideology of progress.

If, on the contrary, I can judge my country wrong, without forgetting it is mine, that is because I know that my membership is not a criterion of objective truth. Then I leave behind the metaphysics of subjectivity, the point where nationalism and liberal individualism converge. The identity of others is no longer in principle a threat to mine. I am ready to defend my identity because this defense is a general principle, whose legitimacy I also recognize for others. In other words, if I defend my “tribe,” it is also because I am ready to defend those of others.

Translated by Greg Johnson

Notes

Alain de Benoist, “Nationalisme : phénoménologie et critique,” in his *Critiques—Théoriques* (Lausanne, Switzerland: L’Age d’Homme, 2002), 85–88. The translator wishes to thank Alain de Benoist for his permission to translate and publish this essay, Michael O’Meara for checking the translation, and Arjuna for his help with French idioms.

Thorsten Botz-Bornstein

**Russia, Japan, China,
and the Resistance to Modernity:
Eurasianism and Pan-Asianism Revisited**

Abstract:

In the 1920s, Russian Eurasianists as well as some Japanese philosophers try to organize a cultural stronghold able to serve as an orientation mark to “second rate” nations. The result is an autonomous intellectual tradition that leaves behind the dichotomy of particularism and universalism. Also in China, the interest in Asian cultural geography led Chinese intellectuals to an awareness of global space that they had to put in relation with the historical space of China. However, criticism of modernization in Japan and Russia, instead of questioning the idea of modernization as such, tends to deal with the quality of modernization.

The article examines the consequences that these movements might have for the contemporary situation.

Resistance- and Slave-Nations

In the 1920s, both Japan and Russia find themselves in a paradoxical situation: Both countries are simultaneously colonizers and quasi colonized. Being aware of the worldwide rise of colonial peoples and the possible decline of imperialism, Russian Eurasianists as well as the Japanese philosophers NISHIDA Kitarō, WATSUJI Tetsurō, and others, try to organize a cultural stronghold able to serve as an orientation mark to “second rate” nations that would otherwise be lost in a sea of individual civilizations and fall victim to European imperialism. What Harry Harootunian and NAJITA Tetsuo call an “anti-imperialist imperialism,”

dependent on the curious geopolitical position of Japan¹, is formulated in philosophical terms in the Japanese culturalism (bunkashugi)² of the 1920s as well as in Russian Eurasianist writings of the same period. The result is an autonomous intellectual tradition that leaves behind the dichotomy of particularism and universalism as well as antagonizing schemes that insist on a confrontation of “East” and “West,” and finds philosophical means to define its own culture.

The Japanese cultural critic and sinologist TAKEUCHI Yoshimi, on the other hand, held that the two countries that have made the greatest efforts to resist modernity are China and India³. Even into the 1970s, Takeuchi saw Chinese mass protest against foreign domination as a desirable model for Japanese society⁴.

Contrary to Japan (which Takeuchi preferred to compare with Turkey), Takeuchi found that in China modernization adopted from the beginning a more “internally generated” character, producing, for example, a socially concerned literature that stays close to daily life. The reason, as Takeuchi sees it, is that in China modernization emerged from the country’s own demands. True, Japan, as she so quickly managed to eliminate feudalism and create a modern nation state, has been more flexible and particularly able to adapt to modern requirements; from a Japanese point of view, China must therefore look backward. However, the surplus that Chinese modernization offers in Takeuchi’s view is that here modernization was

¹ Harry Harootunian and NAJITA Tetsuo: “Japanese Revolt Against the West: Political and Cultural Criticism in the Twentieth Century” in Peter Duus (ed.) *The Cambridge History of Japan* (New York & Cambridge: Cambridge University Press, 1988), 711-774, cf p. 734.

² Thinkers in the 1920s-30s expressed themselves in a complex manner through the movement of culturalism (bunkashugi also called kyōyō-shugi 教養主義). Philosophers and writers like NISHIDA Kitarō, WATSUJI

Tetsurō, KUKI Shūzō, TANIZAKI Jun’ichirō, YANAGITA Kunio, and YOKOMITSU Riichi are representatives of culturalism. They were not linked by a programme but by a search for spiritual values and critique of (Western) culture. On bunkashugi see Tessa Morris-Suzuki: “The Invention and Reinvention of Japanese Culture” in *The Journal of Asian Studies* 54: 3, 1995.

³ TAKEUCHI, Yoshimi: *What is Modernity? Writings of Takeuchi Yoshimi* (trans. by Richard Calichman), (Columbia University Press, 2005), p. 156ff.

⁴ Lawrence Olson: “Takeuchi Yukichi and the Vision of a Protest Society in Japan” in *Journal of Japanese Studies* 7:2, 1981, p. 320.

“received on an ethnic-national basis and transformed into a subjective force.¹” Furthermore, Takeuchi points out that nations like Japan and Turkey are “slave nations,” a concept that he borrows from the Chinese writer LU Xun. Slave nations imitate their masters very successfully without noticing that their success — since it is based only on imitation — is in reality a failure. It is true that also in China intellectuals attempted to reform the country: in the 1890s, KANG Youwei recommended that “the Emperor forcefully tell the whole country, as had been done by Peter the Great and in the Meiji Restoration, that reform was necessary.”² It is also true that in China intellectuals formulated a cultural critique partly guided by PanAsian considerations. Even leading Qing dynasty officials developed tong-zhong (same kind/same race) ideologies and called for a Japanese Chinese alliance against Russian expansionism in order to revive Asia (yazhou).³

At the turn of the century, the late Qing scholar LIANG Qichao (1873-1929) (who around 1903 briefly cooperated with Sun Yatsen’s revolutionary movement) emerged as an original reformer and historical thinker and called for a merging of cultural systems and a modern synthesis of Buddhism and science⁴.

Like in Japan and in Russia, the interest in Asian cultural geography led Chinese intellectuals to an awareness of global space that they had to put in relation with the historical space of China.

¹ Takeuchi, p. 99.

² WONG Young-tsu: “Revisionism Reconsidered: Kang Yuwei and the Reform Movement of 1890” in *Journal of Asian Studies* 51: 3, 1992. This led to the so-called Hundred Days’ Reform which was annulled by Empress Cixi

³ Cf. Rebecca E. Karl: “Creating Asia: China in the World at the Beginning of the Twentieth Century” in *American Historical Review* 103: 4, 1998, p. 1104.

⁴ Liang formulated theories about a multi-ethnic (guojiazhuyi) state and insisted on the negative implications of the model of a Han Chinese state (minzhuzhuyi). See Hao CHANG: *Liang Ch’i-ch’ao and Intellectual Transition in China 1890-1907* (Cambridge MA: Harvard UP, 1971), p. 261. Liang also developed the idea of a “broad nationalism (da minzhu

zhuyi) as a kind of corporate national identity as opposed to an ethnic “narrow nationalism (xiao minzu zhuyi). Cf. John Fitzgerald: “The Nationless State: The Search for a Nation in Modern Chinese Nationalism” in *Australian Journal of Chinese Affairs* 33, 1995, p. 87ff.

However, neither Liang nor other thinkers of his kind moulded these ideas in a sophisticated philosophy in the way Nishida or Watsuji would do only two decades later¹.

The Chinese did not produce something that could be compared to the attempt of “recenter[ing] the ontological ground of reality away from bureaucratic hierarchies toward a spiritual largely individual world of consciousness and activity,” as has said Victor Koschmann about Nishida Kitarō². In China, the intellectual debate remained rather limited to political theory, and reappeared as such in the 1930s in the form of a confrontation of Eastern spirituality and

Western materialism that remains very reminiscent of Japanese Meiji thinkers like FUKUZAWA Yukichi (1835-1901) or Westernizers like TOKUTOMI Sohō (1863-1957)³. The striving for an integration of the problem of the “absolute” in thoughts about history or culture which is so present in Japanese philosophers like Nishida, Tanabe, and Miki, is absent. It appears rather that in the 1910s and 1920s, the world of Chinese reformers was still, as Peter Harris has said, an “uneasy mixture

¹ Liang did not espouse the religious Confucian ideas of his teacher KANG Youwei Cf. Hiroko Willock: “Japanese Modernization and the Emergence of New Fiction in Early Twentieth Century China: A Study of Liang Qichao” in *Modern Asian Studies* 29: 4, 1995, p. 819. The modernizer Kang Youwei (1858-1927) tried to make of Confucianism the national religion, to which Liang was opposed.

² Victor Koschmann: “The Debate on Subjectivity in Postwar Japan: Foundations of Modernism as a Political Critique” in *Pacific Affairs* 54: 4, 1982-83, p. 614. It is true that many Chinese thinkers (including KANG Youwei and LIANG Qichao) went beyond the rationalism of Confucianism and dealt also with Buddhism, for example YEN Fu. Cf. Benjamin Schwartz: *In Search of Wealth and Power: Yen Fu and the West* (Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1964). However, Marriane Bastid has asked: “Even if by their traditional training most scholars and officials of the time could grasp Kang Youwei’s or Zhang Binglin’s moral-spiritual concerns and did share a universalistic outlook, was it not primarily the political pronouncements of these thinkers that attracted the literate audience?” Review of Hao CHANG’s *Chinese Intellectuals in Crisis: Search for Order and Meaning* in *Pacific Affairs* 62: 1, 1989, p. 99.

³ Liang was particularly influenced by Fukuzawa’s jitsugaku (shixue, practical learning) thought. Cf. Willock.

of the Chinese and the Western, [of] particularism and universalism.¹” In principle, Takeuchi, when criticizing Japan, repeats what FUKUZAWA had said seventy years earlier about Japan when declaring, “even if they did imitate the West, [what Japanese modernization achieved] could not be called civilization” since “the mere existence of ‘Western styles’ is no proof of civilization.”² However, Takeuchi seems to overlook the writers, ethnologists and philosophers of early Shōwa and late Taishō culturalism who moved away from Meiji ideals of civilization and enlightenment (bunmei kaika). He refuses to acknowledge TANIZAKI Jun’ichirō’s writings of the early 1930s, which demonstrate a clear resistance towards modernization and announce a “return to Japan” (though without being sufficiently committed to expressions of “protest” that Takeuchi favored). Tanizaki developed an ironical method of “celebrating” the ideals of Japanese aesthetics by resisting not only Westernization but also Japanese essentialism or a purely nativist vision of Japanese culture³.

Modernizers, Traditionalists, Imitators

All this gives us reason to say that Japanese “culturalism” should be compared with some exponents of Russian philosophy rather than with authors of other “non-western” countries. What the works of these Japanese intellectuals in the 1920s-30s and those of Russian thinkers linked to Eurasianism have in common is that they transcend the most basic ideas of both modernism and of national salvation. Eurasianism emerged in 1921 and was based on the observations of a “dying West” and a “rising East.” Its representatives are the linguist Nicolas S.

Trubetzkoy, the geographer Petr Nikolaevitch Savitzky, the theologian Georgy V. Florovsky, the musicologist Pëtr P. Suvchinsky, and — most often forgotten — the legal scholar Nicolai N. Alekseev. Savitzky used the word azijskij (“asisch” in German) in order to form the word “evrazijskij” (Eurasian). Eurasianism impresses through its intellectual variety. A creation of émigré intellectuals, Eurasianists interpret the Revolution of

¹ Peter Harris: “Chinese Nationalism: The State of the Nation” in the *China Journal* 38, 1997, p. 129.

² FUKUZAWA Yukichi: *An Outline of a Theory of Civilization* (trans. by D. Dilworth and G. C. Hurst), (Tokyo, Sophia University 1973), p. 16.

³ Cf. Gregory L. Galley: “The Art of Subversion and the Subversion of Art” in *Journal of Japanese Studies* 21: 2, 1995, p. 367 and 391.

1917 as the point where Russia left the European world. Being critical of Marx's reduction of history to class struggle, they focus on questions concerning society or the formation of the state.

Japan and Russia emerge as two similar countries in which modernization has been carried out quickly and efficiently. In both countries "resistance" was stifled to some extent but it did exist. In Russia criticism towards Western civilization never appeared together with simply anti-modern attitudes since here a single thinker can hardly be accredited with an unmitigated "pro-Eastern" or "anti-Western" attitude.

Straightforward attitudes might have existed on the side of governments, but as soon as ideologies became more sophisticated, positions tended to be ambiguous. In Russia, most "Modernizers" were also Russian patriots in the largest sense: "Westernization" rarely ever meant to simply replace Russian culture by Western culture, which led Dostoevsky to his famous claim that "Slavophilism and Westernizers is a great (...) misunderstanding¹. Of course, there are themes that are typically "Westernizing" like the 1860s political radicalism, post-Hegelian materialism, French enlightenment, or science worship. Still, most of the so-called "Westernizers" (like Herzen's, Chernishevsky, Pisarev, Bakunin) were also sensitive to a particularly "Russian" approach towards civilization, modernization, and socialism².

¹ Dostoevsky: "Pushkin," *Diary of a writer* 2nd Vol., 979-980.

² Some of these Modernizers even passed their ideas to the Slavophile (especially the radical social thinker Vissarion Belinsky (1811-1848) who identified the cleavage between the Westernized Russian society and nonWesternized folk at a very early stage. Or they were openly sympathetic towards Pan-Slavism (Bakunin). For Belinsky, "the distinction between ^{narod} (people) and natsiye (nation), narod'nost and national'nost became the cornerstones of his interpretation of Russian history." (Andrei Walicki: *The Slavophil Controversy: History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought*. Oxford: Clarendon Press, 1975, p. 399) For Herzen, "the Westernizers were increasingly aware of the need to master the themes and issues put into circulation by the Slavophiles" (Walicki: 394). Herzen took a veritable "anti-European turn" when interpreting Danilevsky and establishing Constantinople as the capital of the Russian empire. See Alexander von Schelting: *Russland und Europa im russischen Geschichtsdenken* (Bern: Francke 1948), p. 238-40. In

addition, the pro-Slav philosophers (and even the conservative Slavophiles) were not simply anti-modern, but sought to lead Russia into modernization.

Therefore, criticism of modernization in Japan and Russia, instead of questioning the idea of modernization as such, tends to deal with the quality of modernization. Surprisingly, Takeuchi schedules Russia as a resistance nation (he seems to think only of Dostoevsky). Still, his own observations are very much in keeping with those of some Russian cultural critics. Takeuchi's criticism of Japan is directed to the same cultural situation that has been characteristic in Russia where people "did not learn about 'high' culture of the West European artistic and scientific elites, but [...] absorbed the applied technology of the 'consumeroriented' popular culture" (Mark Raeff)¹.

The Contemporary Situation

Now, Japan and Russia attract a lot of attention because, as has said Gilbert Rozman, both are "great powers with an unbalanced standing in the world order."² Apart from that, an entirely new factor has added supplementary complications to the picture as the present rise of China forces us to reconsider the position of Asia within the world order. Many signs indicate that a new self-consciousness of the Asian continent will be closely linked to the formation of a new regionalism, a regionalism that will most probably be interpreted as a post-Cold War compromise between nationalism and globalism³.

Will this regionalism make use of Pan-Asian conceptions? And will some of the truly Pan-Asian intellectual heritage be recuperated? The political scientist Wang Hui has recently affirmed that "Asia" represents an idea of civilization that can be contrasted to that of Europe⁴. The problem is that, at least on some levels, in China and Korea, "PanAsianism" is seen as an unworthy alternative because here Japan "is preparing to establish

¹ Marc Raeff: *Political Ideas and Institutions in Imperial Russia* (Boulder: Westview Press, 1994), p. 292.

² Gilbert Rozman: "Japan and Russia: Great Power Ambitions and Domestic Capacities" in G. Rozman (ed.): *Japan and Russia: The Tortuous Path to Normalization, 1949–1999* (New York: St. Martin's Press, 2000), 357.

³ AHN Byung-joon: "Regionalism in the Asia-Pacific: Asian or Pacific Community?" in *Korea Focus* 4:4, 1996, 5.

⁴ WANG Hui: "Les Asiatiques réinventent l'Asie" in *Le Monde diplomatique* Février 2005.

the capability to project power in Asia.¹” Though in both China and Korea, East-Asian discourse had once awakened intellectuals from “an exile from the traditions of East Asia caused by a blind admiration of the West (HAN Kee-hyung),²” today one associates Japanese Pan-Asianism in these countries exclusively with an “expansionist strategy.” Ironically, one of the hindrances to a faster development of “regionalism” in China is that here larger visions are expressed in terms of “greater China.”

Peter Duus’ observation that “the idea [of Pan-Asia] lies beneath the surface of popular consciousness like unexploded bombs”³ illustrates that ideas of “regionalism” or Pan-Asianism have not developed beyond the stage in which nationalists have left them in the 1920s. First, Duus’ choice of metaphor indicates that he is afraid that the Pan-Asianism will be more militarist than spiritual. More detailed observations however, show that the new Pan-Asianism will be neither militarist nor spiritual but simply economic. Fu-ko Liu and Philippe Régnier have aptly noted that, though there are dramatic moves in Asia towards regional integration, these efforts, prophesized since the 1980, have “more to do with economic aspiration than with political calculation.”⁴ When reading academic articles on Asian Regionalism, one has the impression that references to Tagore, the Pan-Asian tradition — often including Nishida in an ambiguous way —, and Asian cultural identity are somehow grafted on the top of the article merely as a matter of decoration. The essential part of the story of Asian regionalism has shifted to economic cooperation and it is difficult to confirm that encouragements like those of KOO Jong-suh, that “the Pan-

¹ RHEE Sang-woo: “Japan’s Role in New Asian Order” in *Korea Focus* 4:3, 1996, 27

² Cf. HAN Kee-hyung, “Sin Chae-ho and Nationalist Discourses in East Asia” in *Sungkyun Journal of East Asian Studies* 2: 2, 2006 (no page numbers).

³ Peter Duus: “Remembering the Empire: Postwar Interpretations of the Greater East Asia Co-Prosperity Sphere,” Occasional Paper Nr. 54, The Woodrow Wilson Center, Asia program, 18 March 1993. Quoted from Baogang He.

⁴ LIN Fu-Kuo: “The Renewal of Regionalism and an East Asian New Order” in Fu-Kuo LIN & Philippe Régnier (eds), *Regionalism in East Asia. Paradigm Shifting?* (New York: Routledge, 2003), 221. “There are inter-governmental forums like the ASEAN free trade area or the ASEAN Regional Forum (ARF), as well as non-governmental organizations who promote political, economic, and cultural cooperation.”

Asian movement should take a fresh approach¹” are heartfelt. While some intellectuals might still defend ISHIWARA Kanji’s “beautiful dream” of Asian unity, combining history, religion and science Peattie² (1975: 362) the more generally accepted formula is “open regionalism against Pan-Asianism.” In any case, it seems that cooperation is founded on merely abstract principles that do not emphasize the dialectical components of a typically Pan-Asian system within which identity comes about through interaction. Instead of being on a spatialized realization of cultures, the focus is again on 18th century liberalist notions like equality and liberty. Eurasianism, on the other hand, continues to fascinate theorists.

The reason might be that “Eurasia” represents an interesting object for various kinds of people. The American policy-maker Brzezinski claims that even today “Eurasia is . . . the chessboard on which the struggle for global primacy continues to be played.”³ When looking at “Eurasia” from a geopolitical point of view, totalitarian schedules might come to mind very quickly (Brzezinski reminds us that Stalin and Hitler saw Eurasia as the center of the world, Brzezinski, xiv). Therefore, critics like Mikhail Epstein or Anssi Kullberg see only the neo-imperialist component in the most recent developments of Russian NeoEurasianism⁴.

It comes as a rather poor coincidence that Eurasianism has recently been revalued by the nationalist geopolitician Alexandr Dugin who refounded the Eurasian Movement in 2000⁵. Dugin’s journal *Elementy*

¹ KOO Jong-suh: “Pan-Asianism: For Primacy of East Asia” in *Korea Focus* 3:2, 1995, 38.

² Mark Peattie: *Ishiwara Kanji and the Japanese Confrontation with the West*. Princeton: Princeton University Press. 1975, 362.

³ Zbigniew Brzezinsky. *The Grand Chessboard — American Primacy and its Geostrategic Imperatives*. (New York: Basic Books, 1997), 31.

⁴ Anssi Kullberg, May 2001 “From Neo-Eurasianism to National Paranoia: Renaissance of Geopolitics in Russia” in *The Eurasian Politician* 4, August 2001. Mikhail Epstein: “Response: ‘Post-’ and Beyond” in *Slavic and East European Journal* 39:3, 1995. See especially Epstein 2006, which offers one of the best English summary of the Dugin’s and Gumilev’s thoughts currently available in English.

⁵ Dugin calls his movement also “radical traditionalism.” Some of Dugin’s most important texts as well as the programme of the neoEurasian Movement is contained in the journals and magazines *Milyi Angel*, *Elementy* and the newspaper, *Den’* (since 1993 *Zavtra*). Dugin’s main books are: *Mysteries of Eurasia* (1991), *Hyperborean Theory*

agitates against globalization, the Islamic threat, and democracy (because here the people does not govern) and praises nationalbolshevism. The journal's tendency is highly anti-enlightenment, spartanic, pessimistic, and populist¹.

We are reminded that in Soviet times, Eurasianism was especially popular among the KGB, the Red Army, and Alpha troops (Kullberg 2001: 4) who defined Eurasianism as purely imperialist and expansionist (Dugin himself is the son of a KGB officer)². Dugin uses climatic-geographical components like the synthesis of the Forest and the Steppe in order to pin down the cultural narrowness of the Western civilization (the Forest) and its inability to understand the Eastern Steppe culture. The recurrence to "sacred sciences" like alchemy, astrology, and sacred geography does not make his arguments more convincing. Ironically, these far-right ideologies sharply collide with that of the Eastern European New Right, which continues to praise "the notion that the end of Soviet rule is to be seen as the process of reattachment to Europe after years of being 'almost swallowed by Eurasia.'³" More sophisticated is Lev Gumilev's (1912-1990) Neo-Eurasianism. In extensive historical investigations, Gumilev establishes Slavic and Turkish elements as the foundations of Eurasian identity, making of Russia a synthetic civilization⁴. Kullberg points to the fact that Gumilev supported during the Cold War Greater Russian

(1992). Conspirology (1992).

¹ Leonid Luks: "Der 'dritte Weg' der 'Neo-Eurasischen' Zeitschrift 'Elementy' — zurück ins Dritte Reich?" in *Studies in East European Thought* 52: 1-2, 2000, 49-71.

² The conclusions to be drawn from the theory of passionarity are according to Dugin that Russians are a fresh and young ethnos, which has the potential to consolidate the super-ethnos of Russia-Eurasia. Galya Andreyeva Krasteva: "The Criticism towards the West and the Future of Russia-Eurasia" in *The Eurasian Politician*, July 2003, 4

³ Roger Griffin: "Europe for the Europeans: Fascist Myths of the New World Order" 1922-1992 on www.alphalink.com.au.

⁴ Gumilev's books are: *Drevniaia Rus' i Velikaia Step'* [Old Russia and the Vast Steppe] (Moscow: Mysl' 1989); *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Biosphere of the Earth] (Leningrad: Gidrometeoizdat. 1990); "Gumanitarnye i estestvennonauchnye aspekty istoricheskoi geografii" [Humanistic and Scientific Aspects of Historical Geography] in *Noosfera i khudozhestvennoe tvorchestvo* (Moscow: Nauka, 1991). See here again Epstein 2006.

imperialism and integrates influences from fascism (Kullberg, 3). Still Gumilev recognizes himself as a follower of the Eurasians Trubetzkoy and Savitzky.

In conclusion, one can say that Pan-Asianism and Eurasianism are no longer strongholds of “second rate nations” as it had been at least partly in the 1920s. The movements are today very far removed from ontological researches for an Asian cultural reality that propelled the studies of these early Japanese and Russian philosophers. Resistance to or critical reworkings of modernity are either absent or formulated in an extremist and non-intellectual fashion.

Научное издание

Четвертая Политическая Теория

Выпуск 5

Материалы семинаров, конференций и интервью
по политологии и политике в современном мире

Центр консервативных исследований

119992, Россия, Москва, ГСП-2, Ленинские горы, МГУ им. М. В. Ломоносова,

3-й учебный корпус, социологический факультет

Тел./факс: (495) 939 03 73

E-mail: seminar@socio.msu.ru

www.konservatizm.org

Руководитель Центра - профессор Александр Гельевич Дугин

Редактор-составитель

Н. В. С п е р а н с к а я

Верстка

В. В. А л т у х о в

Корректор

З. А. П о л о с у х и н а

Художественное оформление

Н. В. С п е р а н с к а я

Подписано в печать 30.04.2013. Формат 60х84/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Таймс.

Усл п. л. 20,2 Тираж 550 экз.

Евразийское Движение

1171056 Россия, Москва, Варшавское ш. 1, стр. 1

бизнес-центр W-Plaza, офис A308

телефон +7(495) 514-65-16